

Сборник
Великие святые: Матрона Московская,
Ксения Петербургская, Серафим
Саровский, Сергей Радонежский

Текст предоставлен издательством <http://www.litres.ru>
Великие святые: Матрона Московская, Ксения Петербургская, Серафим Саровский, Сергей
Радонежский: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-43775-7

Аннотация

В этой книге собраны классические жизнеописания высокочтимых православных святых, принадлежащие перу великих русских писателей: В. Ключевского, Е. Поселянина, иеромонаха Никона (Рождественского), священника Димитрия Булгаковского. В оформлении книги использованы иконы из частных коллекций, недоступные широкой публике, а также произведения современных авторов.

Содержание

От автора-составителя	4
Сергий Радонежский	5
Предисловие	6
Глава I	12
Глава II	21
Глава III	31
Глава IV	39
Глава V	46
Глава VI	52
Глава VII	59
Глава VIII	65
Глава IX	72
Глава X	81
Глава XI	91
Глава XII	99
Глава XIII	110
Глава XIV	116
Глава XV	125
Глава XVI	140
Глава XVII	145
Глава XVIII	153
Глава XIX	158
Глава XX	165
Василий Ключевский	174
Обретение мощей Сергия Радонежского	185
Ксения Петербургская	189
Предисловие	190
Житие рабы Божией Ксении	193
Юродивый Андрей Феодорович, или раба Божия Ксения	204
Чудеса Божии по молитвам Блаженной Ксении	216
Храмы, посвященные Ксении Петербургской	229
Часовня на Смоленском кладбище	229
Храм в селе Арское	234
Другие церкви, посвященные Ксении Петербургской	234
Серафим Саровский	236
Жизненный подвиг	237
Мощи Серафима Саровского	278
Матрона Московская	284
Житие Блаженной старицы Матроны	285
Обретение мощей и канонизация	300
Святыни	306
Исцеления и чудеса	307
Как проехать к могиле святой праведной Матроны	314
Как проехать к мощам святой праведной Матроны	316
Вкладка	318

Великие святые: Матрона Московская, Ксения Петербургская, Серафим Саровский, Сергей Радонежский

В данной книге использованы произведения Василия Ключевского, Евгения Поселянина, иеромонаха Никона (Рождественского), священника Димитрия Булгаковского.

От автора-составителя

Святые – реально существовавшие земные люди, в награду за вынесенные ими тяготы и лишения в земной жизни, за безупречное служение Господу на земле, ставшие телесными носителями качеств, присущих иному миру, свидетельствуя о действенности Божественного начала в мире.

Мы обращаемся в молитве к святым, потому что они прошли тем путем, по которому мы только пытаемся идти. И опыт многих христиан свидетельствует: святые слышат молитвы и отвечают на них.

«Якоже ароматы, – говорил святитель Платон, митрополит Московский, – чем более растираются руками, тем больше издают благоухания, тако и жития святых, чем более углубляем мы в них свое размышление, тем более открывается святость и слава праведников, а наша польза».

Почитание святых – важная составная часть православного вероучения. Традиция почитания святых зародилась в первые годы существования Церкви. Христианские храмы начинали строиться на местах захоронения святых мучеников, и именно благодаря их подвигу распространялось христианство. Святые мученики примером собственной жизни и смерти доказали, что подвиг Иисуса Христа может быть повторен человеком, который также жертвует собой ради служения Богу и людям. Вступая после кончины в Небесную Церковь, святой становится молитвенником и покровителем христиан, прибегающих к его помощи. Народное, стихийно складывающееся почитание, как правило, предшествует признанию официальной церковью и может продолжаться не один десяток лет до канонизации. После канонизации святые прославляются через написание икон, создание житий, церковных служб и молитвословий. Основанием для церковной канонизации являются жизненный путь и подвиг святого, чудеса, совершенные им при жизни или после смерти, и в некоторых случаях нетление мощей.

В настоящее издание включены жития – описания земной жизни и примеры чудесной помощи высокочтимых русских святых, канонизированных в разные исторические эпохи: **Сергия Радонежского** (1447 г.), **Ксении Петербургской** (1988 г.), **Серафима Саровского** (1903 г.) и **Матроны Московской** (1999 г.).

Е. Владимирова

Сергий Радонежский

Дни памяти: 5 июля, 7 июля, 25 сентября¹

***Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего
Сергия игумена Радонежского и всея Руси чудотворца***

***составлено иеромонахом Никоном (Рождественским),
впоследствии архиепископом Вологодским и Тотемским***

¹ Здесь и далее все даты приводятся по Юлианскому календарю, как это принято в традиции Православной Церкви.

Предисловие

Аще мужа свята житие списано будет, то от того польза велика есть и утешение вкупе, и писателем, и сказателем, и послушателем.

Епифаний Премудрый

Буди ревнитель право живущим, и сих житие и деяние пиши на сердце своем.

Св. Василий Великий

Слава Богу о всем и всяческих ради! Слава показавшему нам житие мужа свята и старца духовна, – благодарим Бога за премногую Его благодать, бывшую на нас, яко дарова нам свята старца, господина Преподобного Сергия, в земли нашей Рустей, в стране полунощней». Так начинает свое сказание о житии и подвигах Преподобного отца нашего Сергия его присный ученик – блаженный Епифаний. «Дивлюся же, – говорит он, – како толико лет минуло, а житие святаго старца не писано было; и о сем сжалихся зело, како убо таковой святой старец пречудный и предобрый, отнележе преставися 26 лет преиде, и никто не дерзныше писати о нем, ни дальний, ни ближний, ни больший, ни меньший».

Преподобный Епифаний

Сии слова Премудрого Епифания еще с большим правом можем повторить мы, с той лишь разницей, что со дня кончины Преподобного Сергея до нашего времени протекло не двадцать шесть, а уже пятьсот лет, и до сих пор мы не имеем на современном русском языке полного жизнеописания великого старца не только в смысле самостоятельного исторического исследования о его жизни и подвигах, о его значении в истории Русской Церкви, русского подвижничества, русского просвещения и вообще нравственного воспитания русского народа, но даже и простого полного перевода жития, написанного Епифанием. Правда,

существует более десятка разных житий Преподобного Сергия, и лучшее из них, конечно, то, которое составлено святителем Московским Филаретом. Но это житие предназначено было для чтения при богослужении и читано самим в Бозе почившим иерархом в лавре на всенощном бдении 5 июля 1822 года. По своим достоинствам внутренним это житие – слиток золота, но, как предназначенное для церковного чтения, оно по необходимости отличается краткостью и опускает многие подробности, драгоценные для благоговейных почитателей памяти великого угодника Божия. Следует еще упомянуть о двух житиях Преподобного Сергия, помещенных в сочинениях «Русские Святые», – преосвященного Филарета, архиепископа Черниговского, и «Жития Святых Российской Церкви» А. Н. Муравьева, но ни то ни другое также не имеют желанной полноты, потому что составители этих житий, описывая жития всех русских святых, по необходимости старались быть краткими в изложении. Из отдельных изданий следует упомянуть только одно, вышедшее к 500-летию преставления Преподобного Сергия, – «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра» Е. Голубинского; автор предлагает в этой книге, как сам он говорит, «повествование о Преподобном, с одной стороны, краткое, а с другой стороны – полное, без опущений воспроизводящее все частности его жизни как естественного, так и сверхъестественного характера». Но и эта книга не может вполне удовлетворить благоговейного читателя памяти великого угодника Божия, довольно сказать о ней одно уже то, что ради «краткости» автор ее не имеет в виду дать в ней назидательное чтение, а предлагает лишь сжатое изложение фактов, собранных им из всех исторических источников и изложенных в форме жизнеописания. Притом и это жизнеописание издано нераздельно с путеводителем по лавре и составляет как бы введение к этому путеводителю. На других отдельных изданиях, вроде сочинения господина Лаврентьева, не считаем нужным останавливаться, так как они представляют плохие переделки из Епифания или же просто заимствования из вышеупомянутых авторов.

Предлагая благочестивым читателям свое описание «Жития и подвигов Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия», потрудившийся в его составлении считает долгом сказать, что он вовсе не имел в виду писать ученое исследование о жизни угодника Божия; он задался более скромной целью – собрать в одну книгу все, что можно было найти в исторической и проповеднической литературе о Преподобном Сергии, и соединить в одно целое не только все дошедшие до нас подробности из его жизни, но и те нравственные уроки, какие извлекали из сказания о его жизни наши проповедники. Для настоящего, пятого издания вновь пересмотрено по возможности все, что вышло в 1891–1893 годах по случаю 500-летия преставления угодника Божия, и, таким образом, многое в тексте пополнено и исправлено. Побуждением к этому труду служило то же, что побудило и преподобного Епифания в свое время взяться за перо, – это отсутствие в наличной духовной литературе полного жития Преподобного Сергия. Подумать только – кто был Преподобный Сергей для нашей Русской Церкви, для Русского государства, для русского народа! Святая Церковь прекрасно характеризует его, называя столпом Церкви. Он не только сам был крепким столпом Церкви Христовой, но, по выражению одного из наших архипастырей, Херсонского архиепископа Никанора, «уподобил и продолжает уподоблять своей духовной природе и всех близко соприкасающихся к нему людей. Он напитал своим крепким духом целые сонмы, целые поколения монашествующих». До 70 монастырей было основано его учениками и учениками его учеников; его духовное потомство было одною из главных духовных сил, содействовавших духовному претворению разных полуязыческих племен, раскинутых по пространству северной и средней России, в одно целое Великорусское племя, объединенное, одушевленное, скрепленное духом православия. Будучи сам высшим носителем христианского православного духа, «он примером, назиданием, молитвами своими много содействовал и содействует питанию этим духом всего православного российского народа, – духом, который составляет руководительное начало, крепость и славу народной русской

жизни. Потому-то к Преподобному Сергию, как к неиссякающему роднику крепкого русского духа, притекают на поклонение, для назидания, для молитвы и до сего дня премногие тысячи народа. Ни один вблизи путешествующий инок не минет обители Преподобного Сергия. Редкий из иерархов Русской Церкви не припадал до праха земного перед ракой Преподобного Сергия. Все до единого из Венценосцев России приносили у раки Преподобного свои молитвы (особенно по вступлении на царство). Не только члены нашего Царствующего Дома, но и премногие члены иностранных царственных семейств приходили туда же – то молиться, то изучать русскую жизнь у самых ее основ, у того родника, у одного из главных родников, из которого она бьет ключом».

Да, наши летописцы имели полное основание именовать Преподобного Сергия Игуменом всея Руси, и святая Церковь достойно и праведно величает его возбранным воеводою Русской земли!

«Если бы возможно было, – говорит известный наш историк В. О. Ключевский, – воспроизвести писанием все, что соединилось с памятью Преподобного Сергия, что в эти пятьсот лет было молчаливо передумано и пережито перед его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глубокой историей нашей всенародной политической и нравственной жизни... Да и каждый из нас в своей собственной душе найдет то же общее чувство, стоя у гробницы Преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уже пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в чистой капле воды. Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека: когда жил Преподобный Сергей и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени, – и редкий из них даст вам удовлетворительный ответ, но на вопрос: что он есть для них, далеких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему, каждый ответит твердо и вразумительно».

Так характеризуют великое духовное значение Преподобного Сергия, с одной стороны, один из наших знаменитых духовных витий, с другой – один из глубоких знатоков нашей родной истории.

В другом своем слове, обращаясь к житию Преподобного отца нашего Сергия, архиепископ Никанор справедливо говорит, что это житие «переносит нас в новый для нас, хотя и стародавний мир, мир других людей – святых людей, других воззрений – святых воззрений, других обычаев – святых обычаев, в мир отречения от мира и себя, в мир святых великих подвигов, в мир вольного неуклонного несения креста Христова... Чувствуешь в душе разноречивое звучание гармонии этого мира с дисгармонией нашего внутреннего и внешнего мира, и, с одной стороны, мирно настроивается сердце умилением, – так вот взял бы крылья, яко голубине, и полетел бы туда, в пустыню, за пятьсот лет назад, – а с другой – надывается сердце, что поневоле приходится жить многомятежною жизнью своего века». Справедливо говорит преподобный Иоанн Лествичник: «Как убогие, видя царские сокровища, еще более познают нищету свою, так и душа, читая повествования о великих добродетелях святых отцев, делается более смиренною в мыслях своих».

Так благотворно действуют на душу описания подвигов таких великих угодников Божиих, каким был Преподобный отец наш Сергей. «Якоже ароматы, – говорит святитель Платон, митрополит Московский, – чем более растираются руками, тем больше издают благоухания: тако и жития святых, чем более углубляем мы в них свое размышление, тем более открывается святость и слава праведников, а наша польза». Но это сравнение еще недостаточно сильно: ароматы со временем все же утрачивают силу своего благоухания, а жития святых – никогда. Это неистощимые очаги благодатного огня, от которых каждый может

возжигать в самом себе такой же огонь ревности Божественной, и сколько бы таких огней ни зажигали от них, сами они никогда не умалются...

От жизнеописателя обыкновенно требуют, чтобы он не только знакомил читателя со всеми ему известными событиями из жизни описуемого лица, но и рисовал пред ним живую личность, вводил во внутренний духовный мир этого лица, давал читателю возможность при чтении жизнеописания пожить вместе с тем лицом, с кем его знакомят, полюбоваться его достоинствами, подышать, так сказать, воздухом той эпохи, в которую жило и действовало это лицо. Справедливость требует сказать, что при жизнеописании святого лица выполнить эти требования можно только отчасти. В Бозе почивший Московский святитель Филарет по сему случаю однажды выразился так: «Ненадежно для нас догадками проникнуть в души святых, которые далеко выше нашего созерцания. Надежнее следовать простым сказаниям очевидцев и близких к ним». И действительно, описывая жизнь обыкновенного смертного, писатель может больше полагаться на свой духовный опыт; описывая жизнь подвижника, он должен быть сам подвижник...

Увы, сего-то столь существенного условия для написания полного жития Преподобного отца нашего Сергея потрудившийся в составлении сей книги и не имеет! Глубоко сознавая свою нищету духовную, он и не помыслил бы взять на себя такой непосильный труд, если бы не имел перед собой труда первого жизнеописателя Сергея, его ближайшего ученика – преподобного Епифания. Этот ученик потщился, елико было ему дано, в себе самом воплотить добродетели своего великого наставника, опытно проходил под его руководством жизнь духовно-подвижническую и потому в состоянии был лучше, чем кто-либо иной, списать жизнь своего святого старца в назидание наше... Но и он сознавал всю трудность такого дела, и он говорил: «Якоже не мощно есть малей лодии велико и тяжко бремя налагаемое понести, сице и превосходит нашу немощь и ум подлежащая беседа... Подобаше ми отнюдь со страхом удобь молчати и на устех своих перст положить, сведущу свою немощь... Яко выше силы моя дело бысть, яко немощен есмь, и груб, и неразумичен». Одно, что заставило его взяться за труд, – это горячая любовь к почившему старцу: «Любовь и молитва Преподобного того старца привлечит и томит мой помысл, и принуждает глаголати же и писати». Он скорбит об одном: как бы не пришло в совершенное забвение житие такого великого старца, как бы чрез это забвение не потеряна была навсегда духовная польза читателей... «Аще убо аз не пишу, а ин никтоже не пишет, боюся и осуждения притчи онаго раба лениваго, скрывшаго талант и обленившагося».

С такими мыслями приступал к своему труду первый благоговейный «списатель» жития Сергиева. Нужно ли говорить, с какими чувствами должен приступать к сему делу недостойный писатель нашего грешного времени? И он должен сознаться, что не без долгих колебаний решился на свой труд, призывая на помощь молитвы Преподобного старца и его присного ученика Епифания Премудрого... А когда для полноты изображения личности угодника Божия приходилось говорить о внутренних духовных состояниях, он брал черты из писаний Богомудрых отцев-подвижников, изобразивших эти состояния на основании собственного опыта в своих писаниях...

Последуем же, благочестивый читатель, шаг за шагом вослед блаженного Епифания; будем благоговейно внимать его простому, задушевно-теплому, сердечному повествованию; прислушаемся и к тем урокам, какие извлекают из его рассказа наши святители Платон и Филарет, митрополиты Московские, Филарет, архиепископ Черниговский, Никанор, архиепископ Херсонский, и другие проповедники и благочестивые писатели... И если эта книга даст вам возможность хотя немного отдохнуть душою за ее чтением, хотя на несколько минут забыть окружающую вас суету земную, перенестись мыслью и сердцем в отдаленную по времени, но тем более близкую нашему сердцу родную древность, повитать со святыми и преподобными обитателями дремучих лесов Радонежских, подышать благоуханием молитв

Сергиевых, насладиться созерцанием его Боголюбезного смирения, тогда мы почтем себя счастливыми и воздадим славу Господу. А если книга наша не удовлетворит любознательности вашей, если составитель ее чего недописал, или переписал, или в чем погрешил, то смиренно просит в том прощения и с глубокою благодарностию примет всякое доброе замечание и указание погрешностей на случай нового издания.

*Марта 12 дня, 1885—1891—1898—1904 Архимандрит Никон, лавра
Преподобного Сергия*

Глава I Сын радости

Радуйся, от чрева матерня освященный. Радуйся, в рождении твоём сыном радости нареченный.

Акаф. 2. Ик. 1

Радуйся, яко прежде рождения проглашением прославивый Святую Троицу.

Ик. Минеи

Радуйся, пречудное в младенчестве постничество нам являй.
Акаф. 1. Ик. 3

**Родина Богоносного Сергия. Его родители. Их семейство.
Чудное предзнаменование. Размышления блаженного
Епифания. Молитвы святой матери. Урок родителям.
Рождение благословенного дитяти. Младенец-постник**

(1319–1326)

Верстах в четырех от славного в древности, но смиренного ныне Ростова Великого на ровной открытой местности по пути в Ярославль уединенно расположилась небольшая обитель во имя Пресвятой Троицы – это заштатный Варницкий монастырь. По древнему преданию, почти шестьсот лет тому назад тут была некая весь, имя которой забылось в истории, но которая всегда была и будет именита и дорога сердцу православных русских людей, потому что весь эта была благословенной родиной великого печальника и заступника русской земли – Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, Игумена Радонежского и всея России Чудотворца. Здесь было поместье его родителей, благородных и знатных бояр Ростовских Кирилла и Марии, тут был их дом; тут и жили они, предпочитая уединение сельской природы суете городской жизни при княжеском дворе. Впрочем, Кирилл состоял на службе сначала у Ростовского князя Константина II Борисовича, а потом у Константина III Васильевича; он не раз сопровождал их в орду, как один из самых близких к ним людей; владел достаточным по своему положению состоянием, но по простоте тогдашних нравов, живя в деревне, он не пренебрегал и обычными сельскими трудами; мы увидим потом, что Кирилл посылал, например, своего малолетнего сына за конями так же, как и теперь посылают своих малюток простые поселяне.

Вид Ростовского Троицкого Варницкого монастыря

Кирилл и Мария были люди добрые и богоугодные. Говоря о них, блаженный Епифаний замечает, что Господь, благоволивший воссиять в земле русской великому светильнику, не попустил родиться ему от неправедных родителей, ибо такому детищу, которое, по устроению Божию, должно было впоследствии послужить духовной пользе и спасению многих, подобало иметь и родителей святых, дабы доброе произошло от доброго и лучшее приложилось к лучшему, дабы взаимно умножилась похвала и рожденного, и самих родивших во славу Божию. И праведность их была известна не одному Богу, но и людям. Строгие блюстители всех уставов церковных, они помогали и бедным, но особенно свято хранили они заповедь Апостола: *«Страннолюбия не забывают, тем бо не ведяще неции странноприяша ангелы»* (Евр 13:2). Тому же учили они и детей своих, строго внушая им не опускать случая позвать к себе в дом путешествующего инока или иного усталого странника. До нас не дошло подробных сведений о благочестивой жизни сей блаженной четы, зато мы можем вместе с святителем Платоном сказать, что «самый происшедший от них плод показал доброту благословенного древа. Счастливы родители, коих имена прославляются вечно в их детях и потомстве! Счастливы и дети, которые не только не посрамили, но и приумножили и возвеличили честь и благородство своих родителей и славных предков, ибо истинное благородство состоит в добродетели!»

Милосердие родителей Преподобного Сергия и их молитва

Кирилл и Мария имели уже сына Стефана, когда Бог даровал им другого сына – будущего основателя Троицкой лавры, красу Церкви Православной и несокрушимую опору родной земли. Задолго до рождения сего святого младенца дивный Промысл Божий уже дал о нем знамение, что это будет великий избранник Божий и святая отрасль благословенного корня. В один воскресный день его благочестивая мать пришла в церковь к Божественной литургии и смиренно стала, по тогдашнему обычаю, в притворе церковном вместе с прочими женами. Началась литургия, пропели уже Трисвятую песнь, и вот незадолго пред чтением Святого Евангелия вдруг среди общей тишины и благоговейного молчания младенец вскрикнул у нее во чреве, так что многие обратили внимание на этот крик. Когда начали петь Херувимскую песнь, младенец вскрикнул в другой раз, и притом уже столь громко, что голос его был слышен по всей церкви. Понятно, что мать его испугалась, а стоявшие близ нее женщины стали между собой переговариваться: что бы мог означать этот необыкновенный крик младенца? Между тем литургия продолжалась. Священник возгласил: «Вонмем! Святая святым!» – младенец вскрикнул в третий раз, и смущенная мать едва не упала от страха, она начала плакать... Тут ее окружили женщины и, может быть желая помочь ей успокоить плачущее дитя, стали спрашивать: «Где же у тебя младенец? Отчего он кричит так

громко?» Но Мария, в душевном волнении, обливаясь слезами, едва могла вымолвить им: «Нет у меня младенца, спросите еще у кого-нибудь». Женщины стали озиаться кругом и, не видя нигде младенца, снова пристали к Марии с тем же вопросом. Тогда она принуждена была сказать им откровенно, что на руках у нее действительно нет младенца, но она носит его во чреве. «Как же может кричать младенец, когда он еще в утробе матери?» – возражали ей удивленные женщины. «Я и сама удивляюсь этому, – отвечала им Мария, – и нахожусь в немалом недоумении и страхе».

Тогда женщины оставили ее в покое, не переставая, впрочем, удивляться этому необыкновенному случаю.

«В наше время, – говорит святитель Московский Филарет, – свидетели подобного происшествия, вероятно, имели бы немало заботы о изыскании причины, производшей сие необыкновенное явление. Проницательнейшие, может быть, осмелились бы догадываться, что молитвенный восторг благочестивой матери, в три важные периода священнодействия, сообщил необыкновенное возбуждение жизни плоду, который носила она во чреве. Но в то время любили не столько любопытные умствования, сколько благоговейное наблюдение путей Провидения, и народ выходил из церкви, повторяя написанное в Евангелии о Иоанне: *«что убо отроча сие будет?»* (Лк 1:66). Да будет над ним воля Господня!»

Благоговейный писатель жития Сергиева, преподобный Епифаний, сопровождает свое повествование о сем необыкновенном происшествии таким размышлением. «Достоин удивления, – говорит он, – что младенец, будучи во чреве матери, не вскрикнул где-либо вне церкви, в уединенном месте, где никого не было, но именно при народе, как бы для того, чтобы многие его услышали и сделались достоверными свидетелями сего обстоятельства. Замечательно еще и то, что прокричал он не как-нибудь тихо, но на всю церковь, как бы давая понять, что по всей земле распространится слава о нем; и не тогда возгласил он, когда мать его была где-нибудь на пиршестве или почивала, но когда была она в церкви, и именно во время молитвы, как бы указывая на то, что он будет крепким молитвенником пред Богом; не прокричал он в каком-либо ином месте, но именно в церкви, в месте чистом, в месте святом, где пребывают святые Господни и совершаются священнодействия, знаменуя тем, что и сам он будет совершенной святыней Господа в страхе Божиим. Достоин замечания также и то обстоятельство, что не возгласил он однажды или дважды, но именно трижды, являя тем самым, что он будет истинным учеником Святой Троицы, так как троичное число предпочитается всякому другому числу, потому что везде и всегда сие число является источником и началом всего доброго и спасительного». После сего, приведя из ветхозаветной и новозаветной истории примеры и указания, свидетельствующие о важном знаменовании троичного числа, и вспомянув страшную тайну Троицкостасного Божества, блаженный Епифаний продолжает: «Подобало и сему младенцу трижды провозгласить еще во чреве матери, прежде рождения на свет, в предзнаменование того, что он будет некогда служителем Святой Троицы и многих приведет к познанию Бога, научая словесных овец своих веровать во Святую Троицу, единосущную во едином Божестве. И действительно, – рассуждает далее Епифаний, – не служило ли все это явным указанием на все дивное и досточудное в последующей его жизни? Не сбылось ли все это самым делом в его чудесных деяниях? И кто видел и слышал о первых предзнаменованиях, тот должен был потом верить и тому, что последовало за ними, ибо не просто, не без особенной цели были даны эти предзнаменования – они были предвестниками и началом всего, что совершилось впоследствии. Вспомним древних святых, просиявших в Ветхом и Новом Завете: как зачатие, так и рождение многих из них предваряемо было особенным откровением от Бога; так пророка Иеремию Бог от чрева матери предызбрал и освятил; то же свидетельствует о себе другой Пророк – Исаия, а святой и великий Пророк и Предтеча Христов Иоанн, еще будучи во утробе матери, познал Господа, носимого в ложеснах Пречистой Приснодевы Марии: *взыграл младенец*

во чреве (Лк 1:41) матери своей Елисаветы и ее же устами пророчески возопил: *“И откуда мне сие, да придет Мати Господа моего ко мне?”* (Лк 1:43). О святом пророке Илии есть сказание, что родители его видели, как светлые и благообразные мужи повивали сего младенца огненными пеленами и питали его пламенем огненным...». Далее Епифаний приводит подобные же рассказы о святых Николае Чудотворце, Ефреме Сирине, Алипии и Симеоне Столпниках, Феодоре Сикеоте, Евфимии Великом, Феодоре Едесском и Петре, митрополите Московском, – рассказы, которые мы опускаем, дабы, по выражению самого блаженного Епифания, «долготою слова послушателем слухи ленивы не сотворити», и приводим здесь только заключительные его мысли. «Досточудно, – говорит он, – было это возглашение младенца во чреве матери; досточудно было его воспитание от младенческих пелен; досточудна была и вся жизнь этого поистине досточудного мужа! Господь еще до рождения отметил его Своей благодатью и необычным случаем предуказал Свое особенное Божественное о нем промышление».

Всегда преданные воле Божией и внимательные к путям Провидения, Кирилл и Мария поняли указания Промысла Божия и сообразно с этими указаниями должны были вести дело воспитания дитяти. После описанного происшествия особенно мать сделалась необыкновенно внимательна к своему состоянию. Всегда имея в мыслях, что она носит во чреве младенца, который будет избранным сосудом Святаго Духа, Мария во все остальное время беременности готовилась встретить в нем будущего подвижника благочестия и воздержания, а потому и сама, подобно матери древнего судии Израильского Сампсона (Суд 13:4), тщательно соблюдала душу и тело в чистоте и строгом воздержании во всем. «Заботливо храня носимый ею во чреве Божий дар, она желала, – как говорит святитель Платон, – чрез свое воздержание дать телесному составу дитяти чистое и здоровое питание, хорошо понимая добрым сердцем своим ту истину, что добродетель, сияющая в здоровом и прекрасном теле, становится чрез то еще прекраснее». Всегда благоговейная и усердная молитвенница, праведная мать теперь чувствовала особенную потребность сердца в молитве; поэтому она часто удалялась от людского взора и в тишине уединения со слезами изливала пред Богом свою горячую материнскую молитву о будущей судьбе своего младенца. «Господи! – говорила она тогда, – спаси и сохрани меня, убогую рабу Твою; спаси и соблюди и сего младенца, носимого во утробе моей, Ты бо еси – *храняй младенцы Господь* (Пс 114:5); да будет воля Твоя, Господи, на нас и буди имя Твое благословенно вовеки!» Так в строгом посте и частой сердечной молитве пребывала богобоязненная мать святого дитяти; так и самое дитя, благословенный плод ее чрева, еще до появления своего на свет некоторым образом уже предпочищался и освящался постом и молитвой.

Молитвы родителей Преподобного Сергия

«О родители, – замечает при повествовании о сем святитель Филарет, – если бы вы знали, сколько добра, или, напротив, сколько зла можете вы сообщить вашим детям, еще до их рождения! Вы удивились бы точности суда Божия, который благословляет детей в родителях и родителей в детях и *отдает грехи отцов на чада* (Числ 14:18); и, помышляя о сем, с благоговением проходили бы служение, вверенное вам от Того, *из Негоже всяко отечество на небесех и на земли именуется* (Еф 3:15)».

Кирилл и Мария видели на себе великую милость Божию; их благочестие требовало, чтобы одушевлявшие их чувства благодарности к благодетелю Богу были выражены в каком-либо внешнем подвиге благочестия, в каком-либо благоговейном обете; а что могло быть приятнее Господу в таких обстоятельствах, в каких они находились, как не крепкое сердечное желание и твердая решимость оказаться вполне достойными милости Божией. И вот праведная Мария, подобно святой Анне, матери пророка Самуила, вместе со своим мужем дала такое обещание: если Бог даст им сына, то посвятить его на служение Богу. Это значило, что они со своей стороны обещали сделать все, что могли, чтобы на их будущем дитяти

исполнилась воля Божия, совершилось тайное о нем предопределение Божие, на которое они уже имели некоторое указание. Немного, конечно, таких родителей, да едва ли и найдутся в наше грешное время такие счастливицы, которые могли бы так решительно и притом непогрешительно определить судьбу своих детей еще до их рождения: опасно и неразумно давать обеты, исполнение коих не зависит от воли обещающих; праведные родители Сергиевы могли сделать это потому, что имели уже таинственное указание на будущую судьбу их дитяти; но кто из христианских родителей не желал бы видеть в детях своих будущих граждан Царства Небесного? А если все желают, то пусть же все и полагают в сердце своем твердый и неизменяемый обет – делать с своей стороны все, что от них зависит, чтобы их дети были истинными чадами Божиими по благодати, чтобы они были покорными сынами нашей общей матери – святой Церкви Православной, чтобы ни дети, ни родители не испытывали потом горькой участи сынов царствия, которые будут изгнаны, по слову Господню, во тьму кромешную. «Для чего человек создан от Бога?» – спросили одного простого старца. «Чтобы быть наследником царствия Божия», – отвечал он.

3 мая 1319 года в доме боярина Кирилла была общая радость и веселие: Марии Бог дал сына. Праведные родители пригласили своих родных и добрых знакомых разделить с ними радость по случаю рождения нового члена семьи, и все благодарили Бога за сию новую милость, явленную Им на доме благочестивого боярина. В сороковой день по рождении родители принесли младенца в церковь, чтобы совершить над ним святое крещение и в то же время исполнить свое обещание представить дитя в непорочную жертву Богу, Который дал его. Благоговейный иерей, по имени Михаил, нарек младенцу во святом крещении имя *Варфоломей*, конечно, потому, что в этот день (11 июня) праздновалась память святого апостола Варфоломея, ибо сего требовал тогдашний церковный обычай, но это имя и по самому значению своему – *сын радости* – было особенно утешительно для родителей сего младенца, ибо можно ли описать ту радость, которая переполняла их сердца, когда они видели перед собой начало исполнения тех светлых надежд, которые почивали на сем младенце со дня его чудесного приглашения во чрево матери? Кирилл и Мария рассказали этот случай священнику, и он, как сведущий в Священном Писании, указал им много примеров из Ветхого и Нового Заветов, когда избранники Божии еще от чрева матери были предназначаемы на служение Богу; привел им слова пророка Давида о совершенном предведении Божиим: «...несодеянная моя видесте очи Твои» (Пс 138:16) и апостола Павла: «Бог, избравый мя от чрева матери моей... явити Сына Своего во мне, да благовестую Его в языцех» (Гал 1:15–16) и другие подобные места Священного Писания и утешил их благодатной надеждой относительно их новорожденного. «Не смущайтесь, – говорил он им, – а паче радуйтесь, что сын ваш будет избранным сосудом Духа Божия и служителем Святой Троицы». И, благословив дитя и его родителей, служитель алтаря Христова отпустил их с миром.

Между тем мать, а потом и другие стали примечать в младенце опять нечто необыкновенное: когда матери случалось насыщаться мясной пищей, то младенец не брал сосцев ее; то же повторялось, и уже без всякой причины, по средам и пятницам, так что в эти дни младенец вовсе оставался без пищи. И это повторялось не раз, не два, а постоянно; мать, конечно, беспокоилась, думала, что дитя нездорово, советовалась с другими женщинами, которые тщательно осматривали дитя, но на нем не было заметно никаких признаков болезни – ни внутренней, ни наружной; напротив, малютка не только не плакал, но и весело смотрел на них, улыбался и играл ручками... Наконец обратили внимание на время, когда младенец не принимал сосцев матерних, и тогда все убедились, что в этом детском посте «или ознаменовались, – как выражается святитель Филарет, – предшествовавшие расположения матери, или проявляемы были семена будущих его расположений». Возвращенный постом во чрево матери, младенец и по рождении как будто требовал от матери поста. И мать действительно

стала еще строже соблюдать пост: она совсем оставила мясную пищу, и младенец, кроме среды и пятницы, всегда после того питался молоком матери.

Однажды Мария отдала младенца на руки другой женщине, чтобы та покормила его своей грудью, но дитя не захотело взять сосцов чужой матери; то же самое было с другими кормилицами... «Добрая отрасль доброго корня, – говорит блаженный Епифаний, – питалась только чистым млеком родившей его. Так сей младенец от чрева матери познавал Бога, в самых пеленах поучался истине, в самой колыбели привык к посту и вместе с молоком матери навывкал воздержанию... Будучи по естеству еще младенцем, он выше естества уже предназначал пощение; с младенчества он был питомец чистоты, питаемый не столько млеком, сколько благочестием, и предызбранный Богом еще до рождения».

Крещение Варфоломея

«Многие матери, – замечает по сему случаю святитель Платон, – не почитают важным делом кормить дитя своей грудью, но на самом деле это очень важно. Для чего же Творец естества наполняет молоком сосцы матерние, если не для того, чтобы приготовить в них для младенца питательную пищу? А с этой пищей, то есть с молоком, вливаются в младенца его будущие склонности и нравы». «Чужое молоко, – рассуждает в одном месте святитель Димитрий Ростовский, – не так полезно для младенца, как молоко его родной матери... Если кормилица больна, то будет больное и дитя; если она гневлива, невоздержна, сварлива... таково же будет и дитя, которое она кормит... Дитя, воспитанное чужим, не матерним млеком, не будет иметь к матери такой любви и привязанности, какую имеют дети, вскормленные ее собственным млеком... Да пристыдят таких матерей бессловесные животные: ни одно из них не доверяет другому питать собственных детей...». «Лучше бы подумать

доброй матери, – говорит святитель Филарет Московский, – отнимать ли мать вдруг у двух младенцев: у младенца кормилицы и у своего собственного, и заставлять ли своего младенца пить из груди кормилицы может быть тоску по оставленном ею собственном детище, вместо того чтобы он пил любовь из груди своей матери». «Бывают матери, – говорит святой Златоуст, – которые своих детей отдают кормилицам. Христос не попустил сего. Он питает нас собственным телом и напояет собственной кровью».

Окончилось время кормления грудью Варфоломея, дитя покинуло колыбель; возрастая телом, оно укреплялось и духом, исполняясь разума и страха Божия; благодать Божия почивала на святом младенце, и добрые люди утешались им.

Глава II Благодатный отрок

Радуйся, отроча добродушевное и благонадежное, Радуйся, детище, всякия благодати Божия исполненное!

Акаф. 1. Ик. 3.

Радуйся, навывнувший хранити страх Божий, премудрости начало, Радуйся, всем соучающимся тебе бывый добродетели зеркало!

Акаф. 2. Ик. 2.

Слабые успехи в грамоте. Детское горе. Молитвы дитяти. Дивный старец. Чудная перемена. Научение свыше. Детские подвиги. Благоразумные ответы отрока. Поведение и устройство его души. Его молитвенные излияния пред Богом

(1326–1332)

Когда Варфоломею исполнилось семь лет, родители отдали его учиться грамоте. Наши благочестивые предки всегда смотрели на обучение грамоте как на дело священное: грамота давала ключ к чтению и уразумению Божественных Писаний. И школы грамотности, которых было очень немного в то время, учреждались попечениями епископов и вообще духовенства. Ростовским епископом в то время, о котором мы говорим, был Прохор, муж учительный и благочестивый. Под его руководством и учителями в школы назначались, конечно, люди богобоязненные.

Детское горе

Вместе с Варфоломеем учились и два брата его – старший, Стефан, и младший, Петр. Братья обучались успешно, хотя Петру в то время не было и шести лет, а Варфоломей далеко отставал от них. Учитель наказывал его, товарищи упрекали и даже смеялись над ним, роди-

тели уговаривали, да и сам он напрягал все усилия своего детского ума, проводил ночи над книгой и часто, укрывшись от взоров людских где-нибудь в уединении, горько плакал о своей неспособности, горячо и усердно молился Господу Богу: «Дай же Ты мне, Господи, понять эту грамоту; научи Ты меня, Господи, просвети и вразуми!» Но грамота все же ему не давалась. «Тяжелое чувство испытывает человек, – говорит святитель Платон, – когда всей душой желает учиться, чувствует в себе пламенное влечение к просвещению, но на пути к достижению цели его желаний встречаются какие-либо непреодолимые препятствия». Сильно огорчалось своей безуспешностью и доброе дитя. Немало печалились о том и родители его, и учитель: всем было прискорбно, что мальчик лишается великого дара Божия в учении книжном. Но, видно, нужно было, чтобы отрок, о котором были столь добрые предзнаменования, ранним опытом научился, что никакого успеха, никакого знания, никакой способности не должно приписывать себе, но единственно Богу, *Отцу светов*, от Которого свыше сходит *всяко даяние благо и всяк дар совершен* (Иак 1:17), и смиряться под крепкую руку (1 Пет 5:6) Того, Кто один *просвещает всякого человека, грядущаго в мир* (Ин 1:9). Чего, однако же, не преодолеют прилежание и труды, а наипаче молитва, и особенно молитва, исходящая от чистого сердца невинного дитяти! И вот Господь, *близ сущий всем призывающим Его во истине* (Пс 144:18), внял, наконец, и усердной молитве благоразумного отрока Варфоломея и даровал ему просимое.

Раз отец послал его в поле искать жеребят, каковое поручение пришлось особенно по душе мальчику, любившему уединяться от людей. Здесь-то и случилось с ним нечто подобное тому, что было с Саулом, который, будучи так же послан отцом своим для отыскания заблудившихся ослят, встретил пророка Самуила, возвестившего ему, что он будет царем над Израилем. На поле под дубом увидел Варфоломей незнакомого старца-черноризца, саном пресвитера; благоговейный и ангелоподобный старец приносил здесь свои молитвы Богу вездесущему и изливал пред Всеведущим слезы сердечного умиления. Поклонившись ему, скромный отрок почтительно отошел в сторону, не желая прерывать его беседы с Богом, и стал вблизи, ожидая окончания молитвы. Старец окончил молитву; он с любовью взглянул на доброе дитя и, прозревая в нем духовными очами избранный сосуд Святаго Духа, ласково подозвал его к себе, благословил его, отечески поцеловал и спросил: «Что тебе надобно, чадо?» Хотя мальчик был послан искать коней, но его тоскующая душа и теперь была всецело занята невеселыми мыслями о своей неспособности к учению; он забыл на этот раз о конях и с детской простотой поведал старцу свое сердечное горе.

Встреча отрока Варфоломея со старцем

«Меня отдали учиться грамоте, – сказал сквозь слезы Варфоломей, – и больше всего желала бы душа моя научиться читать слово Божие, но вот сколько ни стараюсь, никак не могу выучиться, не понимаю, что мне толкуют, и очень печалюсь о том; помолись за меня Богу, отче святой, попроси у Господа, чтобы Он открыл мне учение книжное, я верю, что Бог примет твои молитвы».

Умилился старец от таких речей малого отрока; он видел его усердие и, любясь красотой детской души, отражавшейся на его кротком лице, воздел руки, возвел очи на небо, вздохнул к Богу из глубины сердечной и стал молиться, испрашивая дитяти просвещения свыше... О, как пламенна была эта молитва таинственного старца под открытым небом, под тенью дуба, и с каким трепетом надежды соединял с ней свою чистую детскую молитву блаженный Варфоломей! В этом трогательном единении двух душ – убеленного сединами старца и малого отрока – их общая молитва, как чистый фимиам, восходила на небо и достигла престола Всевышнего...

Старец заключил свою вдохновенную молитву священным словом «Аминь» и бережно вынул из пазухи небольшой ковчежец. Открыв его, он взял оттуда тремя перстами малую частицу святой просфоры и, благословляя ею Варфоломея, промолвил: «Возьми сие, чадо, и снеждь; сие дается тебе в знамение благодати Божией и разумения Святого Писания. Не смотри на то, что частица святого хлеба так мала – велика сладость вкушения от нее».

Нужно ли говорить, с каким восторгом принял святой отрок этот благодатный дар. Слезы радости блеснули в его детском взоре; с благоговением вкусил он от святого хлеба – и какою же сладкой показалась ему эта таинственная пища! «Не об этом ли сказано в псалмах, – сказал он старцу, – *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим... душа моя... возлюбил я зело!* (Пс 118, 103, 167)».

Заметим, что юный Варфоломей, по святой любознательности и усердию, много псалмов заучил наизусть со слов своих благочестивых родителей и, конечно, повторял их в своих уединенных прогулках по полям и лугам своей родины. Поэтому и теперь пришли ему на память приведенные слова псалмопевца.

«Если веруешь, чадо, – отвечал ему старец, – больше сих узришь. А о грамоте не скорби, ведай, что отныне Господь подаст тебе разумение книжное паче братьев твоих и товарищей, так что и других будешь пользоваться».

Радуюсь от всей души, что Бог привел ему встретиться с таким святым старцем, Варфоломей сладостно внимал его душеполезным наставлениям; как семена на добрую землю, так и благодатные слова старца ложились на его доброе сердце.

Довольно научив его о спасении души, старец хотел уже идти в путь свой, но благоразумный отрок не хотел расстаться с святым наставником; он пал к ногам его и со слезами умолял войти в дом его родителей. «Родители мои, – говорил Варфоломей, – очень любят таких, как ты, отче! Не лиши же и их своего святого благословения!»

Сколько детской простоты слышится в этих речах доброго мальчика! В них сказалась вся любящая душа святого дитяти, и как счастливы родители, которых Бог благословил такими детьми! Поистине такие дети – Божие благословение, они не только в себе самих носят это благословение небесное, но и собирают его, так сказать, отовсюду, чтобы привлечь на дом родительский.

С улыбкой любви последовал старец за своим юным странноприимцем, и с честию его встретили родители Варфоломеевы. Для благочестивых людей такой старец-инок – всегда желанный гость, а Кирилл и Мария особенно любили принимать и покоить у себя в доме иноков. Приняв благословение от старца, они предложили ему радушное угощение. Но гость медлил садиться за стол. «Прежде следует вкусить пищи духовной», – заметил он и направился в моленную, которая в старое доброе время имела в каждом доме благочестивых князей и бояр. Туда пригласил он с собою Варфоломея и, благословив начало третьего часа, велел ему читать псалмы...

Старец благословляет Варфоломея

Напрасно изумленный отрок отговаривался неумением, старец сам дал ему в руки книгу и настоятельно сказал, чтобы тот читал слово Божие без сомнения. И что же? Отрок взял благословение от старца и, благоговейно осенив себя крестным знамением, начал стихословить Псалтирь стройно и внятно!.. И сам он, и родители, и братья не могли надивиться, как хорошо читает он... Ведь до сего времени он так тупо учился и мало понимал!.. Так впоследствии об этом рассказывал сам Преподобный. Над ним сбылось, замечает блаженный Епифаний, слово пророка: *...и рече Господь: се дах словеса Моя во уста твоя* (Иер 1:9).

После того святой гость вкусил предложенной ему трапезы и, благословив радушных хозяев, хотел удалиться, но благочестивым боярам жаль было так скоро отпустить его: им хотелось еще побеседовать с опытным в духовной жизни старцем, в котором они уже приметили дар прозорливости. Между прочим они рассказали ему, как сын их, будучи еще во чреве матери, троекратно прокричал в церкви, и желали знать, что думает старец об этом случае, который самой необычайностью своей заставлял их невольно задумываться над ним.

«О добрые супруги! – сказал им на это старец, – вот Господь удостоил вас такой великой милости – дал вам такого сына; зачем же вы страшитесь там, где нет никакого страха? Вам должно радоваться, что Бог благословил вас таким детищем. Он предызбрал вашего сына еще прежде его рождения. А что я говорю вам истину – вот вам знамение: с этой поры отрок будет хорошо понимать всю книжную мудрость и свободно будет читать Божественное Писание. Знайте, что велик будет сын ваш пред Богом и людьми за его добродетельную жизнь!»

Старец встал, чтобы идти; уже на пороге дома он еще раз обратился к родителям Варфоломеевым и вымолвил в пророческом духе такие загадочные слова: «Отрок будет некогда обителем Пресвятой Троицы, он многих приведет за собой к уразумению Божественных заповедей».

Гостеприимные хозяева проводили странника до ворот своего дома, но тут он вдруг стал невидим, так что Кирилл и Мария невольно подумали, не Ангел ли Божий был послан к ним, чтобы даровать премудрость их сыну. И глубоко сохранили они в благоговейных сердцах своих его таинственные глаголы.

Между тем, как говорил старец, так и сбылось: с отроком произошла чудная перемена. Какую бы книгу ни раскрыл он, тотчас же начинал читать ее без всякого затруднения, понимая и смысл того, что читал. Так дар Божий, столь неожиданно ему ниспосланный, действовал в юном Варфоломее и просветил ум его. Нет нужды говорить, что после этого случая он скоро опередил в учении как братьев своих, так и прочих товарищей.

Нередко можно и в наше время встретить примеры горячего детского благочестия, продолжительных горячих, со слезами, молитв, любви к богослужению, усердного стремления подражать подвигам Святых Отцев; это бывает в тех благочестивых семействах, в которых дети воспитываются в страхе Божиим, на чтении житий святых, под сенью храма Божия. А в Древней Руси все воспитание детей велось в строго церковном духе. И это чувство, эти чистые, святые стремления дитяти не скорбь и мрак вносят в его юную душу, но отрадную тишину, ясность и спокойствие. Дитя черпает в них духовную силу и крепость; в его душе слагаются светлые образы (идеалы) жизни святой, жизни по Евангелию Христову, – образы, которые сродняются с его юным сердцем и становятся для него на всю жизнь заветной святыней, к которой с теплым чувством обращается потом человек даже в глубокой старости. И чем сильнее эти святые стремления в детстве, тем больше они освещают впоследствии мрак жизни в сей доли земной; они примиряют утомленного невзгодами жизни пришельца земли с его нерадостной долей и поддерживают, ободряют, утешают в его многотрудном странствовании к отечеству небесному.

Так было с отроком Варфоломеем. Рано в его душе, воспитанной примерами и уроками благочестия, раскрылось чувство любви к молитве и готовность к подвигам для угождения Богу. Простое, доброе сердце дитяти есть открытая дверь для благодати Божией; посему-то и сказал Господь о детях: *таковых есть Царство Небесное* (Мф 19:14). Рано снизошла благодать Божия и в невинное сердце отрока Варфоломея и воцарилась там. Всей душой Варфоломей полюбил богослужение церковное и не опускал ни одной службы церковной. Наши предки не знали и не любили читать какие-либо книги светского содержания. Жития святых, святоотеческие писания, разные Палеи, сборники, летописные сказания о минувших судьбах родной земли – вот книги, которые были любимым чтением того времени. Конечно,

в доме благочестивого боярина Кирилла не было недостатка в таких книгах, отрок Варфоломей их читал и перечитывал, и – кто знает? – может быть, некоторые рукописи XII–XIV веков, оставшиеся в библиотеке лавры от времени самого ее основателя, были принесены им в пустыню как единственное дорогое наследство после его родителей. Почерпая из книг уроки мудрости духовной, он тотчас же старался прилагать их к жизни своей – «...не так, – замечает святитель Филарет, – как многие долголетние ученые, которых учение цветет в словах, но в делах не созревает». Он скоро понял, что еще в отроческом возрасте страсти уже начинают проявлять свою губительную силу, которую сдержать стоит немалого труда; а кто хотя раз поддастся в юности их влечению и попустит им связать себя порочными склонностями, тому и подавно тяжело преодолеть их. И вот благоразумный отрок принимает все меры, чтобы оградить себя от их воздействия, и пресекает все пути, которыми они обыкли находить доступ к сердцу человека. Так, прежде всего он совершенно уклоняется от детских игр, шуток, смеха и пустословия, помня, что *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор 15:33) и что со строптивым легко можно и самому развратиться (Пс 17:27). Потом, сознавая, что воздерживать себя во всем есть лучшее средство сдерживать страсти, а свободный от страстей дух и не помраченная ими мысль всегда бывают способнее к восприятию благодати Божией, святой отрок налагает на себя строгий пост: по средам и пятницам он не позволяет себе вкушать ничего, а в прочие дни питается только хлебом и водой. О каких-нибудь других питиях, не говоря уже о вине, он не позволяет себе и помыслить во всю свою жизнь.

Заботливая мать старалась умерить строгость его поста. «Не изнуряй себя излишним воздержанием, сын мой, – говорила она, – чтобы тебе не заболеть от истощения сил, тогда и нам немалую скорбь причинишь. Ты еще дитя, твое тело еще растет; посмотри: никто в твоём возрасте не принимает на себя такого поста; ни братья твои, ни товарищи так не постятся, как ты; другие дети семь раз на дню поедят, а ты, дитя мое, ешь только раз в день, а то и через день; перестань так делать, это тебе не по силам: всякое добро хорошо в меру и в свое время. Вкушай пищу по крайней мере вместе с нами».

Но благоразумный отрок кротко отвечал на эти увещания любящей матери: «Не стесняй меня в этом, родная моя, чтобы не пришлось делать так против воли твоей. Не отклоняй меня от воздержания, которое так сладостно душе моей; зачем советуешь своему сыну бесполезное? Ведь вы же сказали мне, что я еще в колыбели постился по средам и пятницам; как же я могу не понуждать себя угождать Богу, чтобы Он избавил меня от грехов моих?»

«Тебе нет еще и двенадцати лет от роду, – возражала ему мать, – а ты уже говоришь о грехах своих! Мы видели над тобой явные знамения благодати Божией; ты избрал благую часть, которая не отнимется у тебя, – что у тебя за грехи?»

«Перестань, матушка, – со сдержанным огорчением отвечал ей сын, – что ты это говоришь? Тебя увлекает естественная любовь твоя к детям, но послушай, что говорит Святое Писание: *никтоже чист пред Богом, аще и един день жития его будет на земли* (Иов 14:4–5); никто не безгрешен, токмо един Бог, а Божественный Давид о нашей худости говорит: “...в беззакониих зачат есмь и во гресех роди мя мати моя” (Пс 50:7), сего ради да не похвалится всяк человек! *Брашно и питье, конечно, нас не поставляет пред Богом!* (1 Кор 8:8).

Мать удивлялась разумным речам своего сына и, не желая препятствовать его доброму произволению о Боге, обыкновенно говорила ему: “Если ты так рассуждаешь, то делай как хочешь, Господь с тобой, я не хочу стеснять тебя в добром, дитя мое!”»

И святой отрок никогда не позволял себе даже отведать каких-нибудь сладких блюд или напитков, следуя мудрому наставлению Великого Василия: «Аще хочеши внити в рай, воздержи чрево, бежи пьянства». Так, укрощая юную плоть свою воздержанием и трудами для сохранения чистоты душевной и телесной, он ни в чем не выходил из воли своих родителей – как кроткий и послушный сын, он был истинным утешением для них.

«И виден был в нем прежде иноческого образа совершенный инок», – говорит блаженный Епифаний. Поступь его была полна скромности и целомудрия; никто не видал его смеющимся, а если и появлялась иногда кроткая улыбка на его прекрасном лице, то и она была сдержанна; а чаще лицо его было задумчиво и серьезно; на глазах нередко заметны были слезы – свидетели его сердечного умиления; его уст никогда не оставляли Богодухновенные псалмы Давидовы. Всегда тихий и молчаливый, кроткий и смиренный, он со всеми был ласков и обходителен, ни на кого не раздражался, от всех с любовью принимал случайные неприятности. Ходил он в плохой одежде, а если встречал бедняка, то охотно отдавал ему свою одежду.

Благоговейное устроение юной души Варфоломея естественно располагало его искать уединения, где бы мог он наедине с Богом изливать в сердца и в слезной молитве пред Ним все святые чувства невинного сердца и в самопредании воле Божией искать подкрепления духу на предстоящем жизненном пути. Он так и делал. Особенно любил он молиться по ночам, иногда совсем проводя ночи без сна и все это стараясь тщательно укрыть от домашних. И какую же детской доверчивостью и пламенной любовью к Богу, какой, так сказать, мудрой простотой дышала его чистая молитва! «Господи! – так зывал он в умилении сердечном, – если верно то, о чем поведали мне родители мои, если прежде моего рождения на свет Ты уже благоволил явить на мне, убогом, дивные знамения благодати Твоей, то да будет воля Твоя, Господи! Буди, Господи, милость Твоя на мне! И дай же мне, Господи, измлада возлюбить Тебя всем сердцем моим и всей душой моей и поработати единому Тебе, яко к Тебе привержен есмь от утробы матери моея, от ложесн, от сосцу матери моей Бог мой еси Ты! И как посетила меня благодать Твоя, когда я был еще во чреве матери моей, так не оставь меня и ныне, Господи! Отец мой и мати моя – придет время – оставят меня, а Ты восприими меня, соделай меня Своим, причти меня к избранному Твоему стаду! Тебе предоставлен я, бедный, от самых пелен; избави же меня, Господи, от всякой нечистоты, от всякой скверны, душевной и телесной, сподоби меня творити святыню во страхе Твоем, Господи! К Тебе единому пусть стремится сердце мое, да не усладят меня все сладости мира сего, да не прельстят меня все красоты житейские; к Тебе единому пусть прилепится душа моя, и да восприимет меня десница Твоя... Не попусти мне когда-нибудь возрадоваться радостью мира сего, но исполни меня, Господи, радостью духовной и неизреченной сладостью Божественной; Дух Твой благий да наставит мя на землю праву!»

Детская молитва

И невольно каждый, видевший такое доброе устроение Варфоломея, любовался им, невольно говорил про себя с удивлением: что-то выйдет из этого отрока, которого Бог сподобил такой благодати с раннего детства.

А отрок между тем становился юношей и, возрастая годами, возрастал и в благочестии. И само собою зарождалось в нем желание иноческого подвига, и с каждым днем все больше и больше росло и созревало это желание, пока, наконец, не обратилось в пламенную жажду души, которой томился некогда венценосный подвижник и пророк и взывал: *«Возжада душа моя к Богу крепкому, живому: когда прииду и явлюся лицу Божию?»* (Пс 41:3).

Но не в Ростовской земле, не в Ростовском княжестве, которое тогда потеряло уже свое значение, суждено было исполниться этим заветным мечтам. Там, по выражению песни церковной, первые искры «Божественного желания» только начали возжигать сей великий светильник, но не там надлежало ему возгореться. Ему назначено было Промыслом Божиим просиять в мрачной пустыне, среди дремучих лесов радонежских, чтоб оттуда светить светом своей жизни святой и своего благодатного учения только что возникавшей тогда из

безвестности Москве, которая готовилась быть первопрестольной столицей всей Русской земли, а с Москвой – светить и всему Православному Царству Русскому.

Посмотрим теперь, как перенесен был благодатный светильник сей из пределов Ростова Великого в пределы незнатного Радонежа, – перенесен невидимой рукой Промысла Божия, руководившего обыкновенными путями дел человеческих.

Глава III

Покорный юноша

Радуйся, яко от младых ногтей последовал еси Христу.
Ик. Минеи

Радуйся, от юности твоя всем сердцем и мыслию Бога возлюбивый.
Акаф. 1. Ик. 3

Радуйся, любви ради Зиждителя твоего земная к земле возвративый, Радуйся, приобретения ради Христа уметы вся быти вменивый.
Акаф. 2. Ик. 3

**Бедствия Русской земли. Возвышение Москвы. Своеволия
Кочевы в Ростове. Переселение Кирилла в Радонеж.
Порывы юной души. Благоразумие родителей и послушание
сына. Бояре-схимники и их кончина. Святая решимость.**

(1330–1340)

Здесь уместно сказать несколько слов о том, в каком состоянии находилась в описываемое нами время Русская земля, чтобы знать, при каких обстоятельствах жили родители Варфоломеевы и среди каких условий воспитывался сам Варфоломей. Раскроем на минуту скорбные страницы родной нашей истории, чтобы яснее видеть, какого великого мужа послал Бог многострадальному отечеству нашему в лице смиренного Своего избранника, пустынноика Радонежского, в столь трудные времена. На темной картине исторических событий его светлый образ выступает пред нами во всей своей неземной красоте.

Поистине трудные были тогда времена! Тяжким бременем лежало иго татарское на плечах русского народа. О том, чтобы сбросить с себя это ненавистное иго, никто не смел и подумать. Князья то и дело ходили в Орду – то на поклон грозным тогда ханам монгольским, то судиться и тягаться между собой, и сколько благородной крови княжеской пролито в Золотой Орде по зависти и братоубийственной ненависти честолюбивых соперников! Наш историограф Карамзин справедливо замечает, что «древняя русская пословица: *близь Царя – близь смерти* родилась тогда, как наше Отечество носило цепи Моголов. Князья ездили в Орду, как на Страшный Суд: счастлив, кто мог возвратиться с милостью царской, или по крайней мере с головой!» Нередко там они и душу свою полагали за веру православную и за святую Русь. А поэтому, отправляясь в Орду, они обыкновенно писали духовные завещания, прощаясь навсегда со своей семьей. Народ страдал от своеволия грубых и гордых татарских численников и баскаков (чиновников), которые разъезжали по всем городам. Не было от них никому пощады, что хотели, то и делали: города и селения жгли и грабили, храмы Божии разоряли или оскверняли, а людей убивали или уводили в плен. Даже купцы, даже просто бродяги монгольские обходились с нашими предками, как с презренными рабами. При таких неурядицах, при недостатке единой, сильной власти был полный простор страстям негодных людей, которых и всегда бывает немало, а в такие тяжкие времена число их

обыкновенно увеличивается. Иго татарское не прошло бесследно и в народной нравственности. «Забыв гордость народную, – говорит Карамзин, – мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая татар, еще больше обманывали друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные нагlostям иноплеменных тиранов. От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом; кто мог, грабил: не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; татьба сделалась общей язвой собственности».

Да, тяжело было Русской земле в те скорбные времена; трудно, невозможно было одолеть сильного врага, и именно потому, что князья русские все больше ссорились между собой, единства не было, по клочкам была разделена вся обширная Русская земля. И если бы не сознали наконец необходимости этого единства, – кто знает? – может быть, и совсем погибла бы Русь Православная, подпав владычеству более опасных врагов, каковы были в то время Литва, Польша, Венгрия и Швеция...

Но Бог не попустил случиться такой беде. Раньше всех поняли опасность наши первосвятители; они всегда твердили князьям, что единодушие между ними необходимо для спасения России от окончательной гибели; когда было можно, святители всегда являлись миротворцами в усобицах княжеских, действуя и словом убеждения, и силой духовной власти. А прозорливый святитель Петр положил прочную основу объединению Русской земли, переселившись навсегда из Владимира, на Клязьме, в незнатный тогда городок Москву к умному и благочестивому князю Иоанну Даниловичу Калите. Этот князь стал настойчиво приводить в исполнение намеченную еще его отцом мысль объединения Русской земли и присоединял одно за другим соседние княжества к Московскому. Святитель Петр незадолго перед кончиной своей ободрил князя предсказанием о будущем величии Москвы. «Если ты, сын мой, – говорил он в духе пророчества, – успокоишь мою старость и воздвигнешь здесь храм, достойный Богоматери, то будешь славнее всех иных князей, и род твой возвеличится; кости мои останутся в сем граде, святители захотят обитать в оном, и руки его взйдут на плеча врагов наших». Иоанн исполнил завет старца митрополита, и Бог благословил успехом его начинания на пользу отечества. Москва мало-помалу стала возвышаться над другими городами, а сам Иоанн заслужил славное имя собирателя Русской земли. Через сто лет с Москвой никто уже не дерзал спорить о первенстве: она объединила под собой всю тогдашнюю Русь, и это объединение не только спасло Россию от конечного разоренья, но и помогло ей сбросить иго монгольское.

Но нелегко было удельным князьям расставаться со своей свободой. Московский князь действовал властно, иногда ничем не стесняясь, ни пред чем не останавливаясь. Даже в тех случаях, когда присоединение соседних уделов совершалось мирным путем, посредством, например, родственных союзов с Великим Князем Московским, и тогда Иоанн Данилович не задумывался распоряжаться удельными как ему хотелось. Так, он выдал своих дочерей одну за Василия Давидовича Ярославского, а другую за Константина Васильевича Ростовского и, «действуя как глава России, предписывал своим зятям законы в собственных их областях». «Горько тогда стало городу Ростову, – со скорбью повествует летописец, – и особенно князьям его! У них отняты были всякая власть и имение, вся же честь их и слава потягнули к Москве». Послан был на Ростов в сане воеводы московский вельможа Василий, прозванием Кочева, с ним другой, по имени Мина; по прибытии в Ростов они стали действовать повелевающе, притесняя жителей, так что многие ростовцы принуждены были отдавать москвичам свои имущества поневоле, за что получали только оскорбления и побои и доходили до крайней нищеты. Трудно и пересказать все, что потерпели они; дерзость московских воевод дошла до того, что они повесили вниз головой ростовского градоначальника, престарелого

боярина Аверкия, поставленного еще князем Василием Константиновичем, и в таком виде оставили его на поругание... Так поступали они не только в Ростове, но и по всем волостям и селам его. Народ роптал, волновался и жаловался на эти своеволия; все говорили, что слава Ростова исчезла, что князья его лишились своей власти, что Москва тиранствует...

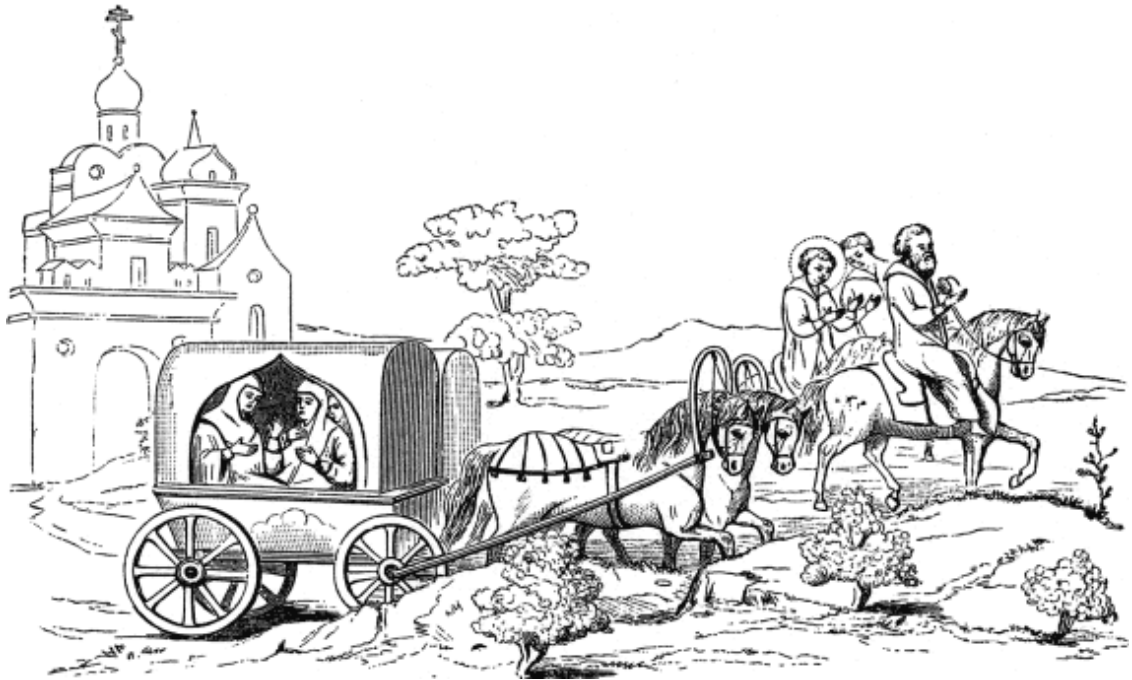

Вид села Городка, что в древности был город Радонеж

Не избежали, конечно, этих народных скорбей и праведные родители Варфоломеевы. Славный и именитый некогда боярин Кирилл еще ранее описанных нами событий в Ростове под старость стал терпеть нужду. Частые путешествия в Орду со своим князем, тяжкие дани и непосильные подарки ордынским вельможам, без чего никогда не обходились эти путешествия, жестокий голод, нередко опустошавший Ростовскую область, а больше всего, говорит преподобный Епифаний, великая рать, или нашествие Туралыково, в 1327 году, – все это вместе отозвалось крайне неблагоприятно на его состоянии и почти довело его до нищеты. Очень вероятно также, что своеволие московских наместников, которые распоряжались в Ростове, как независимые государи, не пощадило и Кирилла, как ближнего боярина князей Ростовских; может быть, и он лишился тогда не только чести своей, но и всего своего достоинства. Тяжело было Кириллу после всего, что испытал он в Ростове, оставаться там, а может быть, и прямо приказано было от наместников московских удалиться из Ростова, и потому он решил, лишь только откроется возможность, покинуть родной город и перейти на службу к другому князю. Случай скоро представился.

В двенадцати верстах от Троицкой лавры по направлению к Москве есть село Городище, или Городок, которое в древности носило имя Радонеж.

В 1328 году, отправляясь в Орду, великий князь Иоанн Данилович написал духовное завещание, в коем между прочим назначил «село Радонежское» в удел великой княгине Елене «с малыми детьми» нераздельно. Вскоре после того село это перешло в полную собственность младшего сына Иоаннова, Андрея. Великий Князь, по малолетству Андрея, поставил в Радонеже наместником Терентия Ртища, который, желая привлечь большее число поселенцев в этот почти не заселенный тогда край, объявил именем князя разные льготы переселенцам. Лишь только это стало известно в Ростове, многие из его жителей, в надежде найти себе облегчение, потянулись в Радонеж. В числе таких переселенцев Епифаний называет Протасия, тысяцкого, Георгия, сына Протопопова, с родом его, Иоанна и Феодора Тормасовых, их родственников Дюдения и Онисима, бывшего ростовского вельможу, а впоследствии диакона и ученика Сергиева. В числе их переселился и блаженный Кирилл со всем своим семейством и водворился в Радонеже близ церкви Рождества Христова.

Переселение родителей Варфоломея в Радонеж

По обычаю того времени, Кирилл должен был получить поместье, но сам он, по старости, уже не мог нести службы, и потому обязанность эту принял на себя старший сын его, Стефан, который, вероятно, еще в Ростове женился. Младший из сыновей Кирилла, Петр, также избрал супружескую жизнь, но Варфоломей и в Радонеже продолжал свои подвиги. Размышляя о суете всего земного, блаженный юноша нередко повторял сам себе слово пророческое: «*Кая польза в крови моей, внегда сходити ми во истление?*» (Пс 29:10). Правда, мир и все, что в мире, создано Богом для блага людей, но все это человеческими страстями, насилиями, неправдами до того извращено, что жизнь человеческая не представляет почти ничего, кроме труда и болезней, и для желающего в кротости духа устроить свое спасение со всех сторон встречаются препятствия и соблазны. Рассуждая таким образом, Варфоломей стал просить у своих родителей благословения избрать путь иноческой жизни. Не раз он говорил отцу: «Отпусти меня, батюшка, с благословением, и я пойду в монастырь».

«Помедли, чадо, – отвечал ему на это отец, – сам видишь: мы стали стары и немощны; послужить нам некому: у братьев твоих немало заботы о своих семьях. Мы радуемся, что ты печешься, како угодити Господу Богу, – это дело хорошее, но верь, сын мой, твоя благая часть не отнимется у тебя, только послужи нам немного, пока Бог явит милость Свою над нами и возьмет нас отсюда; вот проводи нас в могилу, тогда уже никто не возбранит тебе исполнить свое заветное желание».

И благодатный сын повиновался; он прилагал все свое старание угодить святым родителям и упокоить их старость, чтобы заслужить себе их благословение и молитвы. Не связанный семейными заботами, он всего себя посвятил упокоению родителей, а по своему кроткому, любящему характеру был как нельзя более способен к этому.

Какой прекрасный поучительный пример и благоразумия родительского, и послушания сыновнего! Кирилл и Мария не усиливаются погасить возгорающееся в сыне своем Божественное желание, не принуждают его связать себя с суетой мира узами брачными, как делают многие родители века сего, – они только указывают ему на свои нужды и немощи, а втайне, вероятно, более имеют в виду его молодость и дают ему случай еще испытать самого себя и укрепиться в святом намерении, дабы он, возложив руку на рало, уже не озирался вспять. Но и Варфоломей не следует примеру своевольных детей века сего, из коих многие

даже в обыкновенных мирских делах не хотят покорить воли своей воле родителей и ни во что ставят их нужды и желания, – нет, благоразумный юноша знает достоинство того, чего желает; однако же, взирая на заповедь Божию: *чти отца и мать* (Мф 15:4), соглашается до времени томить себя неисполненным желанием, дабы сохранить повиновение родителям и через то наследовать их благословение, – так дорожил он этим благословением! И родители, конечно, от всего любящего сердца благословляли послушного сына святыми своими благословениями до последнего своего вздыхания!

Но дух иночества нечувствительно сообщился от сына родителям – при конце своей многоскорбной жизни Кирилл и Мария пожелали и сами, по благочестивому обычаю древности, воспринять на себя ангельский образ. Верстах в трех от Радонежа был Покровский Хотьков монастырь, который состоял из двух отделений – одного для старцев, другого для стариц; в этот монастырь и направили свои стопы праведные родители Варфоломеевы, чтобы здесь провести остаток дней своих в подвиге покаяния и приготовления к другой жизни. Почти в то же время произошла важная перемена и в жизни старшего брата Варфоломеева, Стефана: недолго жил он в супружестве, жена его Анна умерла, оставив ему двух сыновей – Климента и Иоанна.

Похоронив супругу в Хотькове монастыре, Стефан не пожелал уже возвратиться в мир; поручив детей своих, вероятно, Петру, он тут же, в Хотькове, и остался, чтобы принять монашество, вместе с тем послужить и своим немощным родителям. Впрочем, претружденные старостью и скорбями, схимники-бояре недолго потрудились в своем новом звании: не позже 1339 года они с миром уже отошли ко Господу на вечный покой.

Дети почтили их слезами сыновней любви и похоронили под сенью той же Покровской обители, которая с сего времени сделалась последним приютом и усыпальницей рода Сергиева.

Вид Покровского Хотькова монастыря

После удаления старшего брата в монастырь Варфоломей остался полным хозяином в доме родителей. Кончину их он принял как поданный Провидением Божиим знак к исполнению своего заветного намерения. Отдавая им последний долг сыновней любви, он неотлучно провел в Хотькове монастыре сорок дней, пока совершалось установленное Церковью поминовение новопреставленных; свою молитву о упокоении душ их он соединял с делами милосердия – каждый день кормил нищих и раздавал бедным остатки небогатого имущества почивших. В духовной радости возвратился он наконец в Радонеж: теперь никто и ничто не

могло удержать его в мире, среди столь несносной для души его суеты... С наслаждением повторял он изречения Священного Писания, которые так подходили теперь к его устройению душевному: *изыдите от среды их и отлучитесь... и ничему сущему в мире не прикасайтесь* (2 Кор 6:17); *отступите от земли и вздымите на небо. Прильпе душа моя по Тебе, Господи, мене же прият десница Твоя!* (Пс 62:9).

Прощание Варфоломея с умершими родителями

Вот какими чертами изображает состояние души Варфоломеевой в это время святитель Платон: «Читал Варфоломей во святом Евангелии: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф 11:28), – читал он и размышлял: что может быть желательнее сего? Я, я – из числа сих труждающихся, я – из числа обремененных. Чувствую в себе силу страстей, совесть моя трепещет суда Божия. Сосуд избранный, апостол Павел, говорит о себе, что он – первый из грешников. А мне что иное о себе сказать? И внешние обстоятельства своею прискорбностью гонят меня в пустыню... Отовсюду я утружден и обременен; но вот Господь глаголет в Евангелии: *прииди ко Мне, и Аз упокою тя*. Можно ли пренебрегать тем, чего всеми силами искать надобно? Сам Господь ищет меня и сретает с Своим вождленным покоем. И как же я был бы неразумен, если бы вздумал отказаться от сего неоцененного сокровища! Нет, пойду, побегу за гласом сим: Он солгать не может. Сердце мое Он зажег, не могу успокоиться, пока обещанного Им покоя не найду! *Се удалюся бегая и водворюся в пустыни, буду чаять Бога, спасающего мя от малодушия и от бури!* (Пс 54:8–9)».

Усыпальница родителей Преподобного Сергия в Хотьковом монастыре

Обращал Варфоломей в благоговейном сердце своем и другое слово Господа: *«Аще кто грядет ко Мне, и не... отречется всего своего имени, не может быть Мой ученик»* (Лк 14:26, 33). Желая последовать сему слову спасительному, он передал своему меньшему брату, Петру, все, что осталось после родителей. Так сделан был решительный шаг, и святой юноша на двадцать первом году своей жизни бодро вступил на новый путь, полный скорбей и лишений, и, подклонив свою голову под благое иго креста Христова, устремился к возжеланным для него подвигам духовным, как жаждущий елень стремится к живительным источникам водным...

«Он оставил мир, – говорит святитель Филарет Московский, – когда мир еще не знал его; ...и впоследствии не восхотел стать даже в такое состояние, которое хотя и в мире, но не от мира и не для мира (разумею сан святительский); самое послушание, столь свято хранимое Сергием во всех других случаях, не могло привести его к тому, чтобы расстаться с сладкой пустыней или хотя бы только принять от руки святителя священное украшение, как благословение архипастырское», потому что сие украшение (крест) было сделано из золота.

Глава IV

Братья в пустыне

Радуйся, иго Христово благое понесиши измлада, Радуйся, не обратившись вспять в шествии до Горняго Града!

Акаф. 2. Ик. 3

Радуйся, вся мира сего красная, яко скоро исчезающая, презревай.

Акаф. 1. Ик. 3

Радуйся, зеркало совершенного терпения.

Акаф. 1. Ик. 6

Горящее сердце. Стефан и Варфоломей водворяются в пустыне. Первая келия и первая церквица. Восторг юного подвижника. Пустынные скорби. Стефан оставляет брата

(1339–1342)

Расстался Варфоломей с Радонежем и пошел в Хотьков, который теперь был для него роднее Радонежа. Можно ли изъяснить то блаженное состояние, в каком находилась тогда его чистая душа, вся объятая пламенем божественной любви? Опытные в духовной жизни подвижники говорят, что в начале подвига душа обыкновенно горит неизъяснимой жадной подвига, все кажется возможным, всякий труд – легким, всякое лишение – ничтожным. Благодать Божия, как нежная, любящая мать, дает новонаначальному подвижнику вкусить тех благ неизреченных, которые ожидают его по совершении подвига, – дает без всякой с его стороны заслуги, для того, чтобы он знал, что получит по очищении своего сердца от страстей, и потому не ослабевал в борьбе с врагами спасения. И блажен, кто не был рабом своих страстей, кто сохранил непорочность детства в юности и от юности взял крест свой, чтобы идти за Господом! Тогда как другие подвижники всю жизнь свою проводят в тяжелой борьбе со своими страстями и благодать Божия действует в них сокровенно, лишь изредка утешая их сладостным ощущением своего присутствия и снова скрываясь, дабы они не впали в высокое о себе мнение, – сей избранник благодати за свою детскую простоту, за чистоту своего сердца, незнакомаго с грязью порока, скоро сподобляется благодатного покоя бесстрастия. К таковым по преимуществу можно отнести слово Лествичника: «Изшедший от мира по любви к Богу в самом начале приобретает огонь, который, быв ввержен в вещество (страстей), вскоре возжжет сильный пожар» и истребит страсти. К числу таких избранников благодати принадлежал и Варфоломей. Давно горел в душе его этот благодатный огонь, а теперь он проник все его духовное существо. Его мысль уже витала в дебрях пустынных...

В Хотькове, как уже знают читатели, смиренно подвизался вблизи трех дорогих могил старший брат Варфоломея, Стефан. К нему-то и спешил блаженный юноша. Скромный, с детства привыкший подчинять свою волю воле старших, он и теперь боялся положиться на себя и надеялся иметь в братеиноке верного спутника и опытного руководителя на новом, многотрудном жизненном пути. Остаться в Хотькове у него не было намерения: его душа

жаждала безмолвия пустыни; чем больше представляла труда одинокая жизнь пустынника, чем больше было в ней лишений, тем для него казалось лучше.

И вот Варфоломей в Хотьковской обители. Он упрашивает брата идти с ним искать места для пустынножительства. Стефан не вдруг решается на такой подвиг. Недавний мирянин, поступивший в монастырь не столько по влечению чистой любви к Богу, сколько потому, что его сердце, разбитое семейным горем, искало врачевания в тишине святой обители, он не думал принимать на себя подвига выше меры своей и желал проходить обычный путь жизни монашеской в стенах монастырских. Но Варфоломей просит, умоляет – и добросердечный Стефан уступает наконец неотступным просьбам любимого младшего брата и, «принужен быв словесы блаженного», соглашается. Братья оставляют гостеприимную обитель и идут в самую глушь соседних лесов...

Варфоломей в уединении

В те времена каждый желавший уединенной жизни мог один или с товарищем свободно идти в лес, на любом месте строить себе хижину или копать пещеру и селиться тут. Земли было много свободной, не принадлежавшей частным владельцам. Когда собиралось около пустынников несколько человек, то строили церковь, испрашивали у князя права на владение местом, а у местного святителя – разрешения освятить церковь, и обитель основывалась. Но Варфоломей не думал строить обитель, не желал собирать около себя братию, у него было одно заветное желание – укрыться навсегда от мира в глубине непроходимой чащи лесной, укрыться так, чтобы мир никогда не нашел его и совсем позабыл отшельника.

Долго ходили братья по окрестным лесам, наконец им полюбилилось одно место, удаленное не только от жилищ, но и от путей человеческих. Это место было Самим Богом предназначено к устройению обители: над ним и прежде видали достойные люди – одни свет, другие огонь, а иные ощущали благоухание. Оно находилось верстах в десяти от Хотькова и представляло небольшую площадь, которая возвышалась над соседней местностью в виде маковки, почему и названа Маковцем, или Маковицей. Глубокая дебрь с трех сторон окружала эту Маковицу, густой лес, до которого еще никогда не касалась рука человеческая, одевал ее со всех сторон сплошной чащей, высоко поднимая к небу свои тихо шумящие вершины... В окружающих эту возвышенность дебрях можно было найти немного и воды, хотя ходить за нею было и неблизко. «Любуясь первобытной красотой местности, – говорит святитель Платон, – Варфоломей представлял себе в мысли земной рай, в котором жили праотцы рода человеческого в невинном состоянии, до грехопадения». Мы не можем представить себе того восторга, который наполнял тогда душу и сердце молодого отшельника! Наконец-то сбываются его заветные желания, его задушевные мечты: вот она – давно желанная пустыня, вот он – дремучий лес!.. Мир со всей его суетой, с его житейскими тревоблениями остался там, где-то далеко позади Варфоломея; отшельник более не вернется туда – здесь он найдет свой покой, здесь поселится навсегда, будет беседовать с Единым Богом, разделяя труды со своим родным не по плоти только, но и по духу братом!

Горячо помолились братья на избранном месте пустынного жития; предавая самих себя в руки Божии, они призывали Божие благословение и на самое место своих будущих подвигов. Потом стали рубить лес; с великим трудом переносили они тяжелые бревна на своих хотя и привычных к труду, но все же боярских плечах; мало-помалу редела чаща лесная, открывая место, на котором впоследствии суждено было Богом процвести славной лавре Сергиевой. Отшельники устроили себе сначала шалаш из древесных ветвей, а потом убогую келийку, наконец подле келии поставили и малую церквичку. Все это было сделано руками самих братьев-трудников; они не хотели приглашать посторонних людей, потому что телесный труд был необходимым условием самой жизни подвижнической. Когда церковь была готова к освящению, Варфоломей сказал Стефану: «По плоти ты мне старший брат, а по духу – вместо отца, итак, скажи мне: во имя какого святого следует освятить нашу церковь? Какой будет ее престольный праздник?» «Зачем спрашиваешь меня о том, что сам лучше меня знаешь?» – отвечал ему старший брат. «Ты, конечно, помнишь, как не раз покойные родители наши при мне говорили тебе: “Блюди себя, чадо: ты уже не наше, а Божие; Господь Сам избрал тебя прежде твоего рождения и дал о тебе доброе знамение, когда трижды возгласил ты во чреве матери во время литургии”. И пресвитер, тебя крестивший, и чудный старец, нас посетивший, говорили тогда, что это трикратное проглашение твое предзнаменовало, что ты будешь учеником Пресвятой Троицы; итак, пусть церковь наша будет посвящена Пресвятому имени Живоначальной Троицы – это будет не нашемышление, а Божие изволение, пусть же благословляется здесь имя Господне отныне и вовеки!»

Вздыхнул из глубины сердца юный подвижник и сказал брату: «Ты высказал, господин мой, то самое, что давно было у меня на душе, чего я всем сердцем желал, но не дерзал высказать. Любезно мне слово твое, пусть эта церковь будет освящена во имя Пресвятой Троицы. Ради послушания я вопрошал тебя; не хотелось мне иметь в сем волю свою, и вот Господь не лишил меня желания сердца моего!»

«В сем рассуждении Варфоломея, – замечает один из его жизнеописателей, – открылось его глубокое духовное просвещение: самым наименованием храма он проповедовал всем главнейшую истину христианства – о Триипостасном Божестве».

«Его ум, – говорит святитель Филарет, – устремился тогда к высочайшему Христианскому догмату, дабы привлечь за собой умы даже младенцев веры. Посвятив храм сей имени Пресвятой Троицы, он сделал то, что здесь, в его обители, по самому напоминанию имени

храма каждый поклонник богословствует, исповедует и славит Живоначальную Троицу и, богословствуя, приносит свою молитву».

Затем оба брата пошли в Москву, чтобы испросить благословение Всероссийского Митрополита Феогоста на освящение церкви. Святитель милостиво принял просителей и послал с ними священнослужителей, которые взяли с собою святой антиминс с мощами святых мучеников и все потребное для освящения храма. Церковь по желанию братьев была освящена во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы. Так скромно, по-пустынному смиренно было положено основание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, столько прославленной впоследствии именем Преподобного Сергия! «Справедливо сия церковь, – замечает при сем блаженный Епифаний, – наречена во имя Святой Троицы: она основана благодатию Бога Отца, милостию Сына Божия и поспешением Святого Духа».

Это произошло в 1340 году, уже при Великом Князе Симеоне Иоанновиче Гордом.

Расчистка лесной чащи и основание лавры

«Какой несказанной радостью радовался юный подвижник наш, когда увидел освященным дом Божий! – говорит святитель Платон. – Теперь оставалось ему и самого себя всецело уготовать в жилище Духа Святаго». И он действительно еще с большей ревностью стал подвизаться в посте и молитве, в трудах и терпении, мира как бы вовсе не было для юного отшельника: он умер для мира, и мир умер для него навсегда.

Не то было со старшим братом. Суровой, неприветливой показалась ему дикая пустыня. Он видел здесь одни труды и лишения. Никаких удобств для безбедного существования тут не было. Никто не заходил к отшельникам, трудно было достать самое необходи-

мое, на далекое расстояние не было не только сел или дворов, но и пути людского; кругом их убогой келии и церквицы – непроходимая чаща лесная с негостеприимными обитателями – дикими зверями...

Не выдержал Стефан этих скорбей пустынных: он вовсе не был подготовлен к ним предшествующей жизнью; утешаясь семейной жизнью, он, вероятно, не думал не только о пустынных подвигах, но и о монашестве; тяжкое горе, смерть молодой супруги, побудило его удалиться в обитель, как тихую пристань на море житейском; там, быть может, он и окончил бы дни свои, если бы не Варфоломей. Только усердные просьбы любимого брата вызвали его оттуда; и вот лишь только он встретился со всей суровой обстановкой отшельнической жизни, как мужество изменило ему, его стала томить тоска нестерпимая, им овладел дух уныния... Напрасно Варфоломей утешал малодушного, уговаривал, упрашивал вооружиться терпением против этого искушения – хотя не без скорби, Стефан оставил одиноким пустыннолюбного брата и ушел в Москву. Здесь устроил он себе келию в Богоявленском монастыре и стал подвизаться по мере своих сил. По свидетельству блаженного Епифания, который лично знал Стефана, он любил иноческое житие, много трудился и вел строгую жизнь. Ходил он обыкновенно в убогой одежде. В то время в Богоявленском монастыре подвизался еще простым иноком будущий Святитель Всероссийский Алексей. Они духовно полюбили друг друга, рядом всегда стояли в церкви и вместе певали на клиросе. Наставником и руководителем их был старец Геронтий, опытный в жизни духовной. Митрополит Феогност любил Стефана, Геронтия и Алексея и иногда приглашал их к себе для духовных бесед. Сын Калиты, Великий Князь Симеон Иоаннович, также отличал своим вниманием и Стефана и Алексея. По его желанию митрополит Феогност рукоположил Стефана во пресвитера и назначил игуменом Богоявленского монастыря. Великий Князь избрал Стефана в свои духовники. Примеру князя последовали тысяцкий столицы Василий, брат его Феодор и другие знатные бояре. Позднее мы опять встретимся со Стефаном в пустыне Радонежской, хотя уже при других обстоятельствах. Обращаемся к юному Варфоломею.

Хотя и оставил его единоутробный, но на сей раз не единокровный брат, он остался тверд и непоколебим в своем намерении. «Два родных брата, – замечает блаженный Епифаний, – а между тем какая разность в произволении! Оба совещались жить в пустынном уединении, но один из пустыни ушел в городской монастырь, а другой и саму пустыню обратил в город. Что казалось Стефану тяжким и нестерпимым, то было легко и приятно для Варфоломея, которого душа с детства пылала Божественным огнем... И Господь хранил его Своей благодатью среди пустыни, ограждал его Своими Ангелами на всех его путях и, как Сердцеведец, видевший его сердечные расположения, уготовлял в нем начальника многочисленной братии и отца многих обителей».

Глава V

Юный постриженник

Радуйся, юность твою в целомудрии обучивый, Радуйся, яко деву чисту жениху Христу себе обручивый!

Акаф. 2. Ик. 2

Муж разума духовного. Игумен Митрофан. Пострижение в пустынной церкви. Знамение благодати Божией. Инок первый и последний. Прощальная беседа юного инока с Евангельским отцом. Сергей Богомудрый

(1342)

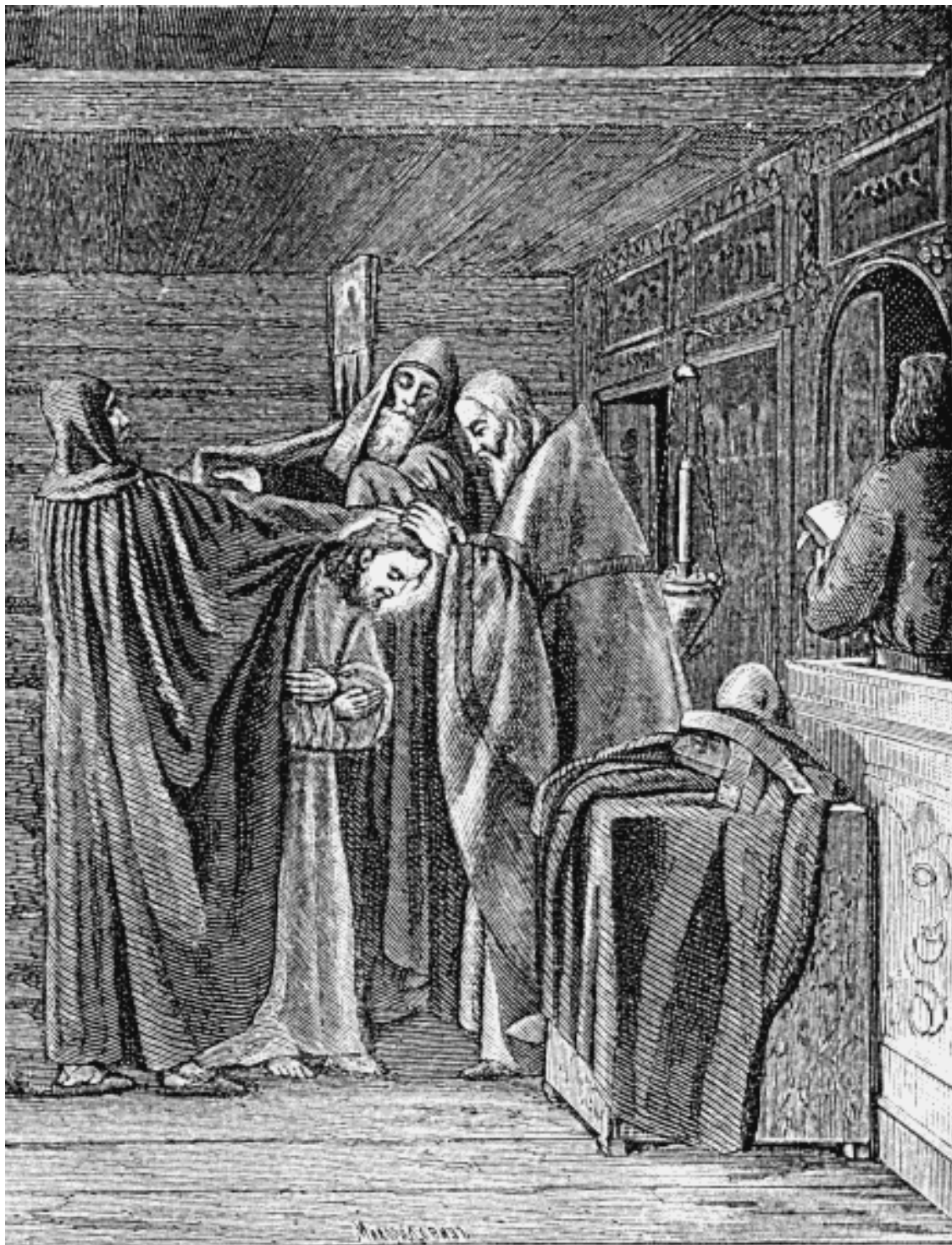
Все поступки Варфоломея, в течение всей его жизни, – говорит святитель Платон, – показывали, что он был муж высокого разума и рассуждения духовного». Рассуждение – дар бесценный, и святые отцы почитают его выше всех добродетелей. По словам преподобного Иоанна Лествичника, «рассуждение... в том состоит и познается, чтобы точно и верно постигать Божественную волю во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи. Оно находится в одних только чистых сердцем, телом и устами». Оно рождается от послушания и смирения, после великого подвига в совершенном отсечении своей воли и разума. Тем более достойно удивления, что Варфоломей сподобился сего дара от юности, – так чисто было сердце его, так была смиренна и проста его прекрасная душа!

«Рассуждение в новоначальных есть истинное познание своего устройства душевного», – говорит Лествичник. В испытании самого себя обнаружилось это духовное дарование и в юном Варфоломее. Как ни горячо желал он облечься в ангельский образ, однако не спешил исполнением своего сердечного желания. Он почитал неосновательным делом связать себя обетами монашества прежде, нежели приучит себя к строгому исполнению всех уставов монашеской жизни, ко всем трудам и подвигам не телесного только, но и внутреннего, духовного делания. Только тогда, когда он достаточно испытал себя во всем этом, он стал усердно просить Господа, чтобы удостоил его столь давно желанного ангельского образа.

В одной из обителей близ Радонежа, быть может в том же Хотькове монастыре, жил смиренный старец игумен по имени Митрофан. Неизвестно, когда Варфоломей с ним духовно сблизился; может быть, это произошло еще раньше удаления его в пустыню, может быть даже, что Митрофан изредка посещал Варфоломея в его пустынном уединении и служил для него Божественную литургию в его церкви, – блаженный писатель жития его ничего не говорит об этом. Он говорит только, что подвижник попросил Митрофана прийти к нему в пустыню и несказанно обрадован был его посещением. Он встретил игумена как дорогого гостя, Самим Богом посланного, и усердно просил его пожить с ним сколько-нибудь в его келии. Добрый старец охотно согласился на это, а Варфоломей, взирая с благоговением на добродетельную жизнь его, прилепился к нему всей душой, как к родному отцу.

Спустя немного времени блаженный юноша во смирении склонил главу пред старцем и стал просить его о пострижении. «Отче, – так говорил Варфоломей, – сотвори любовь ради Господа, одень меня в чин иноческий, возлюбил я сей чин от юности моей и с давнего

времени желаю пострижения. Только воля родителей моих долго меня от этого удерживала, но теперь, слава Богу, я от всего свободен и, как олень, жаждущий источников водных, всей душой жажду иноческого пустынного жития».

Пострижение двадцатитрехлетнего Варфоломея

Не стал противоречить старец игумен его благочестивому желанию; он пошел немедленно в свой монастырь, взял там нескольких из братьев и все, что нужно было для пострижения, и возвратился к отшельнику. 7 октября 1342 года в убогой церкви пустынника совершилось пострижение двадцатитрехлетнего юноши. В сей день Святая Церковь празд-

нует память святых мучеников Сергия и Вакха, по обычаю того времени, Варфоломею и было дано имя *Сергий*.

Окончив обряд пострижения, Митрофан совершил Божественную литургию и приобрел нового инока Святых Христовых Таин. И исполнился благодати Святаго Духа новопостриженный, и повеяло в церкви неизреченным благоуханием, и распространилось это дивное благоухание даже за стенами храма пустынного... Так рассказывали о сем впоследствии сами свидетели этого чуда, прославляя Бога, прославляющего угодников Своих.

«И был Сергей первый постриженник своей уединенной обители, первый начинанием и последний мудрованием, первый по счету и последний по тем смиренным трудам, которые сам на себя возлагал; можно даже сказать, что он был и первый и в то же время последний, потому что хотя и многие после него в той же самой церкви принимали пострижение, но ни один не достиг меры его духовного возраста. Многие так же начинали подвиг, но далеко не все так и оканчивали; много было у Сергия учеников, много подвизалось и после него в его обители добрых иноков, но никто не мог сравниться с ним, для всех и навсегда он остался образцом совершенства иноческого! С пострижением он не только отлагал власы главы своей, но с отнятием власов отсекал навсегда и всякое свое хотение; совлекаясь мирских одежд, он в то же время совлекался и ветхого человека, чтобы облечься в нового, ходящего в правде и преподобии истины; препоясывая чресла свои, он уготовлял себя к мужественному подвигу духовному; отрекаясь от всего, что в мире, он, как бы обновляемый юностью орлею, возлетал на высоту созерцаний духовных...»

Так рассуждает о своем великом учителе его достойный ученик, преподобный Епифаний, а кто лучше и ближе его мог оценить подвиги его возлюбленного аввы?

Семь дней провел новопостриженный Сергей неисходно в своей церкви; каждый день старец игумен совершал Божественную литургию и приобщал его Святых Христовых Таин, и во все эти семь дней Сергей ничего не вкушал, кроме просфоры, даваемой ему от постригавшего. Чтобы сохранить бодрым и неразвлеченным ум свой, Сергей уклонялся от всякого поделия; с его уст не сходили псалмы и песни духовные; утешая ими себя, он славословил Бога и взывал к Нему из глубины сердца благодарного: *«Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоя... (Пс 25:8) дому Твоему подобает святыня, Господи, в долготу дний (Пс 92:5). Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни: сердце мое и плоть моя возрадовастся о Боже живе. Ибо птица – душа моя – обрете себе хramину, и горлица гнездо себе, идеже положит птенцы своя... Блажени живущии в дому Твоем: во веки веков восхвалят Тя! (Пс 83:2–5). Яко лучше день един во дворах Твоих паче тысяч: изволих приметися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениях грешнических (Пс 83:11)»*. Так ликовала тогда душа Сергиева и горела божественным огнем!

Мир не знает и не может знать тех благодатных утешений, какие ниспосылаются от Бога трудникам спасения. Мир видит только жестокость и тесноту пути иноческого и, не желая расстаться с своим широким путем, отвращается подвига монашеского, называя его бесполезным, неразумным, даже преступным самоистязанием... Не будем говорить ему о том, что ему неудобопонятно: слепому бесполезно говорить о красоте цветов, но пусть бы мир внимательнее присмотрелся хотя только к плодам подвигов иноческих, и тогда бы он познал их великую силу в жизни нравственной и не стал бы называть их бесполезным упражнением... «О вы, – так взывал некогда Московский святитель Платон, – о вы, коих мысль помрачена и сердце расслаблено! Придите и посмотрите на угодника Божия Преподобного Сергия! Что ж? Разве напрасно он столько в подвиге добродетели трудов употреблял? Разве тщетны были те слезы, тот пот, которые он проливал и ими напоевал насажденное в душе своей Божественное семя? О – нет! Вот сколько веков прошло, а имя его все так же любезно в устах наших, память его благословенна и следы жизни его святой достопочтенны». Почему?

Потому, что при содействии благодати Божией его подвиги преобразили всю нравственную природу его и возвратили ему первобытную чистоту и невинность, вечное блаженство и высокое Богоподобное достоинство – все то, что потеряно было первым Адамом и куплено для всех нас бесценной кровью второго Адама – Господа Иисуса!

Семь дней протекли как один день, настало время Сергию расстаться со старцем игуменом.

– Вот, отче, – с тихой грустью сказал тогда юный инок своему отцу евангельскому, – ты уже уходишь и оставляешь меня одиноким в этой безлюдной пустыне... Давно я желал уединиться и всегда просил о том Господа, вспоминая слова пророка: *«Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни...»* И благословен Бог, не оставивший без исполнения молитвы моей; благодарю Его благодать, что не лишил меня этой милости – жить в пустыне и безмолвствовать... Ты уходишь отсюда, отче, благослови же меня, смиренного, и помолись о моем уединении... Вразуми меня, как мне жить теперь в одиночестве, как Господу Богу молиться, как избегать вреда душевного, как противиться врагу и помыслам гордыни, от него всеваемым... Ведь я еще новоначальный инок, я должен во всем просить совета у тебя!

Подивился старец смиренномудрию своего новопостриженника. «Меня ли, грешного, вопрошаешь о том, что сам не хуже меня знаешь, о честная глава! – сказал Митрофан. – Ты уже приучил себя ко всякому подвигу, мне остается только пожелать, чтобы Господь Сам вразумил тебя и привел в совершенную меру возраста духовного».

Прощание Сергия с игуменом

Старец побеседовал с ним еще немного о разных случаях в жизни духовной и собрался в путь. Сергей припал к стопам его и еще раз, на прощание, просил благословить его и помолиться за него. «Молись, молись, отче, – говорил он, – чтобы Господь послал мне силы противустать брани плотской и искушениям бесовским, чтоб сохранил Он меня и от лютых зверей среди моих пустынных трудов».

– Благословен Бог, – сказал ему старец, и крепкая вера слышалась в его речах, – Он не попускает нам искушений выше сил наших; Апостол говорит за всех нас: *«Вся могу о*

укрепляющем мя Господе Иисусе». Отходя отсюда, я предаю тебя в руки Божии, Бог будет тебе прибежище и сила. Он поможет тебе устоять против козней вражеских. Господь любит тех, кто благоугождает Ему, Он сохранит и твое вхождение отныне и до века.

В заключение своей беседы Митрофан сказал Сергию, что на месте его пустынножительства распространит Господь обитель великую и именитую, из которой пронесется слава имени Божия далеко во все стороны. Потом он сотворил краткую молитву, благословил своего постриженника и удалился.

И остался Сергей один в своей излюбленной пустыне, остался без предшественника и сподвижника, без наставника и без помощника, с единым Богом вездесущим и никогда не оставляющим тех, которые для Него все оставили... Чиста и светла была его добрая душа, проста и открыта благодати Божией, и Бог тайными внушениями Своей благодати Сам руководил молодого подвижника в его борьбе с искушениями, которые, по плану Божественного домостроительства нашего спасения, неизбежны и для самых чистых душ... И поистине Сергей явился мужем *Богомудрым*, как именует его Святая Церковь; проходя путем древних Святых Отцев-пустынников, первоначальников жития монашеского, он, подобно им, был умудряем не столько от людей, сколько от Бога Самого, и, обогатившись сим небесным сокровищем мудрости Божественной, умудрял потом и других во спасение.

Глава VI Наедине с богом

Радуйся, вся плотския похоти Бога ради умертвивый, Радуйся, многообразныя козни лукаваго силою Божию победивый!

Акаф. 1. Ик. 3

Радуся, Онуфрию Великому подражавый житием в пустыне, Радуйся, Паисию последовавый в вечной святыне.

Акаф. 2. Ик. 5

Неведомые миру подвиги пустынника. Три врага – плоть, мир и диавол. Тяжесть борьбы. Правила Василия Великого для отшельников. Терпение Сергиево. Страхования и привидения. Угрозы бессильного. Козни «коварного старца». Хищные звери. Странноприимство пустынника. Черта образа Божия. Вторая половина великой Христовой заповеди

(1340–1342)

Прости нас, Преподобне отче Сергие, если мы дерзнем теперь мысленно войти в твою пустынную, убогую келию, чтобы грешным умом своим проникнуть в сокровенное святыни твоей души и тешить себя созерцанием незримых миру твоих подвигов! Ведаем, преблаженне и богомудре, что недостойны мы сего дивного созерцания, что мало способны к тому и наши сердечные очи, страстями омраченные, но, взирая на твою Христоподрожательную любовь, уповаем, что ты, благоволивший в назидание присных учеников твоих поведать им многое от того, чему был один Бог Сердцеведец свидетелем в пустынном житии твоём, – ты, любвеобильный отче, не изгонишь и нас, желающих собрать некие крупички сего брашна духовного, оставшиеся от трапезы учеников твоих, во утоление наших алчущих душ!

«Вот он, – скажем словами приснопамятного святителя Платона, – вот он, подвижник наш, в сладком своём уединении, в убогой, но спокойной келии очи свои возводит всегда к Живущему на небесах, – очи, исполненные слезами покаяния... Мысль его беседует с Богом; язык прославляет Владыку всех; его сердце – жилище всякой добродетели, а потому и Духа Святаго; руки же его служат его требованиям телесным... Он далек от всякой суеты и от соблазнов мира, работает Господу *со страхом и... трепетом* (Пс 2:11), работает в приятном уединении, в сладкой тишине, имея всегда ничем не смущаемые мысли, не обремененный заботами рассудок и спокойный дух... О дражайшее и любезное состояние!»

Но прежде нежели Сергей достиг сего блаженного состояния, прежде чем вкусил он сладость пустыни, сколько браней должен был претерпеть он, сколько борьбы вынести! «Кто может поведать, – говорит его блаженный ученик Епифаний, – все уединенные подвиги сей твердой души, неусыпно соблюдавшей все требования устава подвижнического? Кто изощтет его теплые слезы и воздыхания к Богу, его стенания молитвенные и плач сердечный, его бдения и ночи бессонные, продолжительные стояния и повержение себя на землю пред Господом? Кто сочтет его коленопреклонения и земные поклоны, кто расскажет о его алка-

нии и жажде, о скудости и недостатках во всем, об искушениях от врага и страхованиях пустынных?»

Силен Бог и всегда готов на помощь призывающим Его. «Но испытавшие знают, – говорит святитель Филарет, митрополит Московский, – каким трудностям подвержена иноческая жизнь в совершенном уединении». Эти трудности столь велики, что не испытавшие их с трудом верят повествователю о них, а иногда и вовсе не верят, потому что в таком повествовании пред ними открывается совершенно иной мир, миру грешному вовсе неведомый...

Чтобы легче представить себе всю тяжесть отшельнического подвига Преподобного Сергия, наметим здесь кратко, в общих чертах, трудности этого подвига, как изображают их люди, опытом прошедшие сим тесным и многоскорбным путем.

Радостно вступает в свой подвиг отшельник пустынный: никто не понуждал его к тому, горячая ревность к подвижничеству увлекала его в пустыню.

Все скорби и лишения для него вожделенны, его молитва изливается в слезах, он весь горит пламенным желанием Божественным... Так бывает в начале подвига, но вот первый восторг проходит; дни, когда сердце полно горячей ревности и умиления, при которых так легки подвиги самоумерщвления, сменяются днями сухости душевной, тоски невыносимой, мысли не покоряются разуму и бродят повсюду, молитва не действует в сердце, сердце ноет, душа рвется бежать из-под креста и становится холодна ко всему духовному... А тут еще голод и жажда, холод, опасение за жизнь со стороны диких животных или от скудости и беспомощности и общее расслабление души и тела... Даже невинные по-видимому отдохновение и естественный сон и те становятся врагами подвижника, с которыми он должен сражаться!.. А мир между тем манит его к себе воспоминаниями прошлого, ведь там ему так тепло и уютно жилось, ни в чем он такой, как теперь, нужды не терпел; ведь и там можно спастись, зачем же этот подвиг выше сил? Зачем эта страшная пустыня со всеми ее лишениями?.. Идти бы в обитель какую-нибудь, где добрые братия разделяли бы с ним скорби его, помогали бы ему в борьбе с врагами и добрым советом, и братскою молитвой... Так мир и плоть пристают к отшельнику со своими требованиями, не говорим уже о грешных движениях сердца, когда, точно буря, поднимаются страстные порывы и гонят пустытника в мир, сжигая его внутренним пламенем... И если бы не благодать Божия, по временам утешающая подвижника своими прикосновениями к его страждущему сердцу, если бы не сила Христова, в немощи совершающаяся, то никто из пустытников не устоял бы в этой тяжелой, непосильной для человека борьбе. Но и это еще не все трудности пустынного жития. Уже и в то время, когда благодатные утешения изливаются в душу отшельника, в его сердце стремятся проникнуть помыслы услаждения подвигами, помыслы гордости, доводящей иногда неосторожных подвижников до грубого падения или до помрачения ума. Таким образом, для ревнителя жизни духовной, по мере преспеяния в ней, открывается борьба уже не к плоти и крови, а к духам злобы поднебесным. «Как скоро, – говорит святитель Филарет, – сии невидимые враги примечают, что человек, оставив мир и презрев плоть, все более и более усиливается проникнуть в область духовную, к общению с небесными Силами и Самим Богом: тогда, чтобы воспрепятствовать ему, с неимоверною дерзостью на него устремляются, так что не только издали пускают в него разжженные стрелы противных помыслов, но, так сказать, вторгаясь и в пределы его воображения и чувств, представляют ему странные образы и нелепые мечтания». Иногда мечтания бывают направлены к тому, чтобы прельстить подвижника ложным мнением о своей святости, вот тогда-то и нужно труднику спасения ограждать себя отовсюду Христоподржательным смирением, по слову Христову, быть мудрым яко змию, дабы не погибнуть от хитрости змия, исконного человекоубийцы – диавола.

Святые Отцы-подвижники, наученные опытом своей труженической жизни, оставили нам в своих писаниях богомудрые правила этой борьбы, этого великого подвига, – правила, составляющие «науку из наук» – науку монашеской жизни. Вот, например, правила общего

наставника иноческой жизни святителя Василия Великого для подвижающихся в пустынном уединении. Наставлениями сими руководствовался, конечно, и наш подвижник Преподобный Сергей. 1. Люби слушать или читать слово Божие, жития и поучения святых: в них найдешь правила и примеры святой, угодной Господу Богу жизни. 2. Непрестанно смотри за собой, каждый вечер рассматривай свои мысли и желания, какие в тебе возникли, слова, какие ты сказал, и дела, какие ты сделал в продолжение дня, и усердно молись Богу о прощении всего, что сделано против Его заповедей, и всячески спеши исправиться. Каждое утро после молитвы прилежно обдумывай свое положение в наступающий день и бери надежные меры, чтобы не согрешить. 3. Как можно чаще, внимательнее и дольше размышляй о смерти, о том, что она неизбежна, неожиданна, что земные блага негодны для будущей жизни, размышляй о Втором пришествии Господа на суд миру, о мучениях грешных и блаженстве праведных. 4. Люби молитву и постоянно ею занимайся. 5. Люби пост, потому что без него нельзя избежать худых помыслов, а за помыслами – и худых дел. 6. Где бы ты ни был, что бы ни делал, всегда твердо помни, что Господь смотрит на тебя и видит все, что ты думаешь, чего желаешь и что делаешь. 7. Соображай все свои мысли и желания, слова и дела с Христовым Евангелием, строжайше исполняй все заповеди Христовы и будь весь Христов. Чтобы возлюбить Бога, чаще размышляй о величии Божиим, о Его благодати, о своем ничтожестве и греховности. Святую память о Боге носи всюду с собой, как неизгладимую печать.

Таков многотрудный подвиг отшельника. С веселием вступил Сергей в сей узкий путь, чтобы достигнуть безмятежной страны бесстрастия. Подвизаться противу плоти с ее страстями и пожеланиями он обучил себя еще задолго до удаления в пустыню, и потому в пустынножительстве его видны были, как знамения непрестанных побед над самим собой, долговременные пощения и другие высокие подвиги. Возвышая дух свой Богомыслием, он укреплял и тело свое неустанными трудами. «Не туне вкушал он хлеб свой», как говорит святитель Платон, но снедал его в поте лица. В зимнее время, когда самая земля расседалась от жестоких морозов, Сергей, точно бесплотный, оставался в одной обычной своей одежде и, претерпевая стужу, думал только о том, как избежать будущего огня вечного. «Никогда во всю свою жизнь он ни на что не жаловался, ни на что не роптал, не унывал, не скорбел: нет! он всегда и всем был доволен, при всех своих недостатках и нуждах; во всем был спокоен, при всех искушениях и скорбях человеческих». Поистине он мог с дерзновением повторить слово Апостола: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал 6:14); благодатию Божиею я так живу, как бы не имел ничего общего с миром. Это был истинный воин Христа Бога, облеченный во все оружия Божии противу всех слабостей человеческих и искушений бесовских.

Особенно много скорбей и искушений претерпел он от бесов в самом начале своего пустынного подвига. Невидимые враги нередко принимали видимый образ страшных зверей и отвратительных гадов, чтобы утратить подвижника. С пронзительным свистом и зверской свирепостью, со страшным скрежетанием зубов устремлялись они на Сергия, но мужественный подвижник не боялся их суетных угроз, вспоминая слово Писания: *не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящая во дни, от вещи, во тьме преходящая, от сряща и беса полуденнаго* (Пс 90:5–6). Пользуясь частым чтением душеполезных книг, знал он искусство духовной брани, которому один из опытных духовных воинов, преподобный Иоанн Лествичник, поучает, говоря: «Вооружайся молитвою... и бей супостатов именем Иисусовым», и тогда придет к тебе Ангел Божий, добрый хранитель твой, и помолится с тобой. Крепкой, но смиренной, нерассеянной и слезной молитвой Преподобный Сергей разрушал пустынные страхи и мечтания, как тонкую паутину. И Господь хранил его Своею благодатию, а он, видя над собою покрывающую руку Божию, день и ночь прославлял Господа, не оставляющего *жезла грешных на жребий праведных* (Пс 124:3).

Рассказывал впоследствии сам Преподобный своим ученикам: однажды ночью вошел он в уединенную церковь свою, чтобы петь утрению, но лишь только он начал молитвосло-

вие, как вдруг пред его взорами расступилась стена церковная, и в это отверстие, как тать и разбойник, не входящий дверьми, вошел сатана видимым образом; его сопровождал целый полк бесовский – все в остроконечных шапках и в одеждах литовцев, которых тогда боялись на Руси не меньше татар. С шумом и дикими воплями, скрежеща зубами от адской злобы, мнимые литовцы бросились как бы разорвать церковь, пламенем дышали их богохульные уста...

– Уходи, уходи отсюда, беги скорее, – кричали они подвижнику. – Не смей долее оставаться на этом месте, не мы на тебя наступили – ты сам нашел на нас! Если не уйдешь отсюда, мы разорвем тебя на части, и ты умрешь в наших руках.

«Таков обычай у диавола, – замечает при сем блаженный Епифаний, быть может повторяя поучительное замечание своего великого аввы, – таков обычай у бессильного врага: он гордо хвалится и грозит поколебать землю и иссушить море, хотя сам по себе не имеет власти, падший дух, даже и над свиньями (Мф 8:31–32)».

Нимало не смутился духом Сергей от этих бессильных угроз, только еще крепче, еще пламеннее стала восходить к Богу его смиренная молитва. *«Боже, – взывал он словами псалмопевца, – кто уподобится Тебе? Не премолчи, ниже укроти, Боже. Яко се врази Твои возшумеша (Пс 82:2–3). Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от лица Божия!» (Пс 67:2–3).* И не вынесли падшие духи пламени молитвы Сергиевой и исчезли так же внезапно, как и явились.

В другое время вся келия перед взорами Преподобного наполнилась отвратительными змиями, так что не видно было и пола. Еще раз, когда Преподобный читал в пустынной хижине ночное свое правило, вдруг пронесся шум по чаще лесной и кругом его келии слышались бесчинные крики бесовских полчищ: «Уходи же отсюда! Зачем пришел ты в эту глушь лесную, что хочешь найти тут? Нет, не надейся дольше здесь жить – тебе и часа тут не провести; видишь – место пустое и непроходимое, как же ты не боишься умереть тут с голоду или погибнуть от рук душегубцев-разбойников? Найдет тогда кто-нибудь труп твой и скажет: «Вот был бесполезный человек!» Да и звери хищные бродят вокруг тебя в пустыне, готовые растерзать тебя, и мы не оставим тебя в покое, не думай, чтобы мы уступили тебе это место, искони пустынное. Итак, если не хочешь умереть внезапной смертью, то беги отсюда, беги теперь же, не озираясь ни направо ни налево, иначе смерть тебе и гибель от руки нашей!»

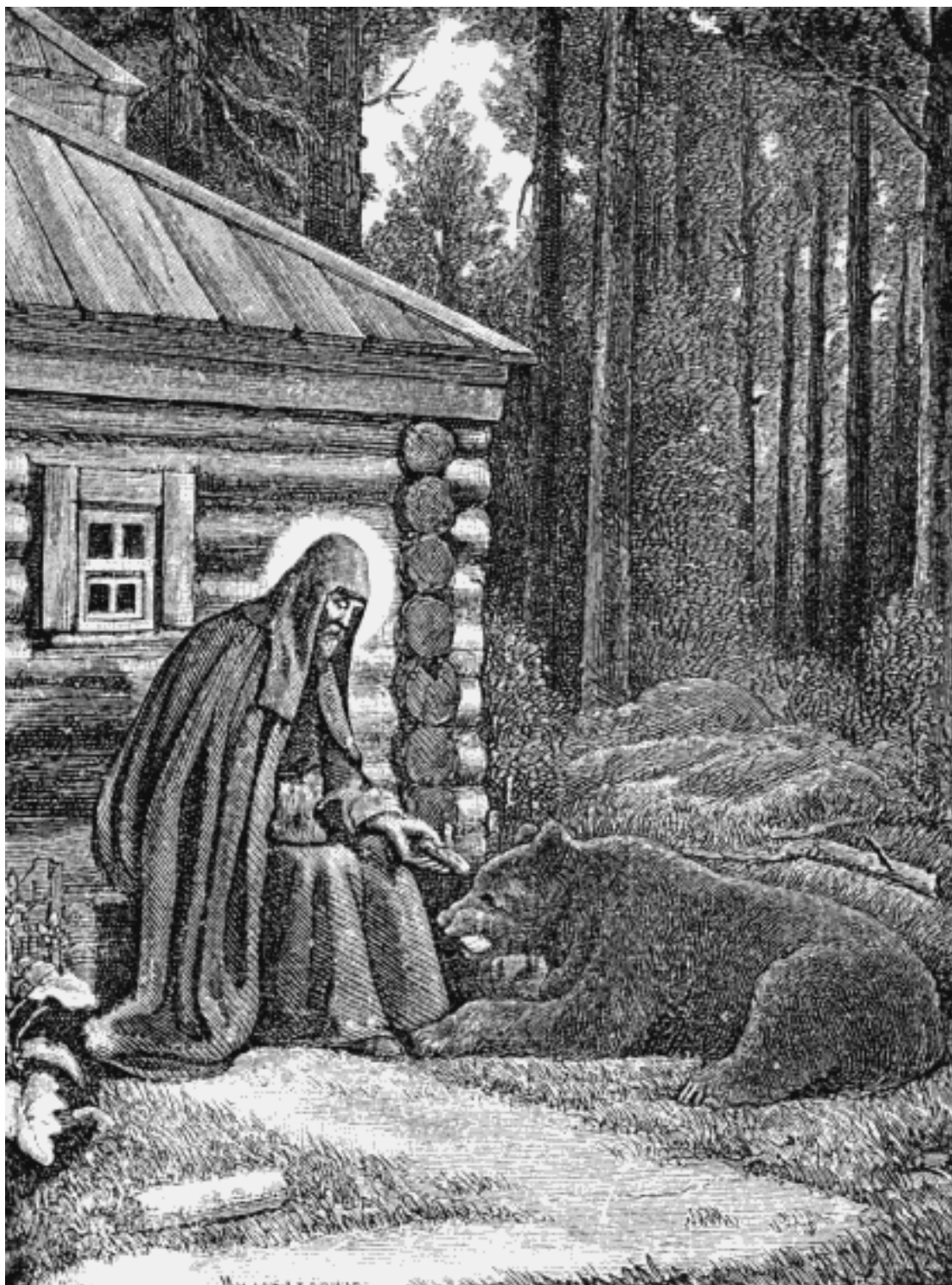
И снова Преподобный возопил к Богу в слезной молитве, и опять Божественная сила приосенила его – и рассеялось полчище бесовское. А сердце подвижника исполнилось несказанной сладости духовной, и он уразумел, что отныне дана ему навсегда победная власть *наступить... на всю силу вражию (Лк 10:19)*; и воспел он тогда, ликуя духом, как новый Моисей, благодарственную хвалу Господу словами Святого Писания: «Благодарю Тебя, Господи, – взывал он из глубины благодарного сердца, – Ты не оставил меня, но скоро услышал и помиловал!.. Ты сотворил со мной знамение во благо, и видят ненавидящие меня и постыждаются, ибо Ты, Господи, помог мне и утешил меня. Десница Твоя, Господи, прославилась в крепости; десная рука Твоя сокрушила врагов моих и державною крепостию Твоею истребила их до конца!»

Из приведенных рассказов самого угодника Божия, записанных его учеником, можно видеть, с каким ожесточенным упорством ополчалась на него мрачная область духа тьмы в начале его подвига. Преподобный Епифаний замечает, что «враг боялся, как бы на пустынном месте не возникла священная обитель иноков к прославлению имени Божия и спасению многих, он хотел прогнать Преподобного, завидуя спасению не его только, но и нашему», – говорит ученик Сергиев. Итак, сатана, этот «коварный старец», как называет его преподобный Варсонофий Великий, наученный тысячелетним опытом борьбы с христианскими

подвижниками, видел, с каким мужем силы имеет дело, и потому все свои усилия направлял к тому, чтобы остановить подвижника в самом начале его подвига: впоследствии он не надеялся победить смиренного Сергия. Но что все козни сатаны противу благодати Христовой? Что все усилия бессильного в своей злобе врага противу силы Божией? Мы знаем, что Сергий вышел победителем из этой борьбы и основал свою Радонежскую лавру, которая стала матерью многих обителей и в пустынях и городах обширной Русской земли!

Мы уже говорили, что бесы нередко являлись Преподобному в виде диких зверей и разных чудовищ, готовых его растерзать; после таких привидений страх настоящих зверей пустынных был для него уже «последним из страхов». Стаи голодных волков рыскали около его жилища и были по целым ночам, зловещим огнем горели в темном лесу их страшные глаза вокруг уединенной келии; иногда заходили сюда и другие, более страшные обитатели пустынных лесов – медведи. По немощи человеческой невольный страх на минуту овладевал сердцем пустытника при мысли о его беспомощном одиночестве, но он тотчас же ограждал себя молитвою, и этот страх переходил на самих зверей, которые удалялись в глубину дебрей лесных, не сделав ему никакого вреда.

Раз угодник Божий увидел перед своей хижинкой большого медведя и, примечая, что он не столько свиреп, сколько голоден, сжалился над зверем, пошел в свою келию, взял там кусок хлеба и предложил медведю этот пустынный обед на пне или колоде. Зверь полюбил странноприимство пустытника и часто, приходя к келии, ожидал обычного угощения и с лаской посматривал на подвижника. Иногда лесной гость долго не уходил, озираясь по сторонам, «точно злой заимодавец, желающий настойчиво получить свой долг. А Преподобный благодарил Бога, что послал ему лютого зверя на утешение», и, памятуя слово Писания: «Блажен иже и скоты милует», привык миловать зверя; он делил с ним последний кусок, а иногда и весь отдавал своему пустынному сожителю, как не разумеющему поста, а сам оставался без пищи. Кроме хлеба, у него в келии не было никакой иной пищи, да часто случалось, что и хлеба недоставало. Можно думать, что хлеб доставлял ему время от времени младший брат его Петр, живший в Радонеже. Так упражнял себя угодник Божий в отречении от самых необходимых потребностей, «а может быть, – говорит святитель Филарет, – в сем мирном обращении с свирепой тварью с назиданием души своей, созерцал он следы первоначального повиновения всех тварей невинному человеку». За то и неразумная тварь повиновалась ему, и дикий зверь сделался до того ручным, что слушался его слова и был кроток пред ним, как овца.

Странноприимство Преподобного Сергия

«Чего не может сделать добродетель? – рассуждает святитель Платон. – Думаю, что дикие звери ныне стали свирепы от жестокости наших нравов; а любовь и добродетель могут эту свирепость преложить в кротость и покорность». Все одушевленные создания Божии ясно видели в первом человеке светлый образ Божий, и самые лютые звери, по выражению одного святого отца, ощущая дивное благоухание сего образа, смиренно склоняли свою голову пред Адамом. Человек повиновался Богу – и все земные твари повиновались человеку, почитая в нем образ Божий. Согрешил человек, помрачился в нем образ Божий – и неразумные твари не стали уже узнавать его. Не послушался человек заповеди Божией – пере-

стали и ему повиноваться твари земные. Зловоние страстей заменило благоухание образа Божия, и сам человек уподобился скотам несмысленным. И вот грешный, бранный человек трепещет и страшится тех зверей, которые некогда были покорены под ноги его. Его непослушание Богу наказано непослушанием тварей земных ему самому! А святые Божии своей дивной жизнью, своим неуклонным послушанием заповедям Божиим, своим святым смирением, при содействии благодати Божией, восстановили в себе образ Божий, и он просиял в них с первобытной чистотой и светлостью. Ощутили его благоухание и неразумные твари, и лютые звери – грозные враги грешного человечества – стали послушны им, как кроткие агнцы. Так власть, утраченная Адамом, возвращена его святым потомкам! Вот внутренний, глубокий смысл этого удивительного для нас, грешных, послушания свирепых неразумных тварей святым Божиим, о чем так часто встречаются рассказы в житиях святых подвижников и в страданиях святых мучеников, о чем читаем и в житии нашего подвижника, Богомудрого Сергия. Но обращаемся к рассказу о его пустынном подвиге.

«Не было места унынию в мужественном сердце Сергия, – говорит преподобный Епифаний, – с радостью принимал он все скорби как бы от руки Божией; искушаемый, как золото в огне, он восходил от силы в силу; крепкий верою в Бога, он столь же крепко и уповал на Бога, по слову Писания: *праведный же яко лев уповая* (Притч 28:1), и: *надеющийся на Господа, яко гора Сион: не подвижится в век...* (Пс 124:1). Оттого и слышал он в своем чистом и богопреданном сердце великое слово обетования: *«С ним есмь в скорби, изму его и прославлю его, долготою дней исполню его и явлю ему спасение Мое»* (Пс 90:15–16). Равнодушный к своему спасению не может иметь такого упования – его носит в своем сердце только тот, кто во всем предал себя Богу и всем существом своим устремился к Нему единому, по выражению Давида: *“...исчезосте очи мои, от еже уповати ми на Бога моего”* (Пс 68:4)».

Наконец пришло время, когда Господу было благоугодно поставить сей благодатный светильник на свещник, чтобы он светил из своей пустыни всей православной России, чтобы от его света зажгли свой свет и другие светильники и разнесли сей свет по лицу родной земли. Своим пустынным подвигом Сергей исполнил во всей широте первую половину великой заповеди Божией о любви: *возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслию твоею* (Мф 22:37); оставалось – и теперь Господь призывал его – исполнить в такой же полноте и вторую половину сей заповеди: *возлюбиши искренняго твоего яко сам себе* (Мф 22:39). Смирненно трудился он в пустыне для Господа – настало время столь же смиренно послужить и ближнему ради Господа. И смиренный послушник воли Божией не отрекся возложить на себя тяготу чужую, по слову Апостола: *«друг друга тяготы носите* (Гал 6:2), *не своих си кийждо, но и дружних кийждо смотрите»* (Флп 2:4).

Глава VII

Первые сподвижники

*Радуйся, светильниче, елеем милости кипящий, Радуйся, на
свещнице славы небесныя горящий!*

Акаф. 2. Ик. 12

Радуйся, крине райскаго прозябения!

Акаф. 1. Ик. 7

Радуйся, притекающих к тебе спасения ходатай!

Ик. Миней

**Благоуханный цветок. Молва народная о пустыннике Радонежском.
Первые пришельцы. Благодатное слово подвижника. Обитель
двунадесяти. Пустынные порядки. Игумен Митрофан.
Несбывшаяся надежда Сергия. Первый всем слуга. Стефан
возвращается к Сергию. Двенадцатилетний постриженник**

(1349–1354)

Не может град укрытись верху горы стоя (Мф 5:14). Нельзя скрыть цветка благоухающего и в дикой траве: его найдут по запаху, по благоуханию; так же не мог укрыться и Сергей в дремучем лесу, в любезном своем одиночестве. Далеко разносилось благоухание его жизни святой, и слышали, сердцем ощутили это благоухание люди, имевшие, по выражению святителя Филарета, «очищенное чувство духовное или, по крайней мере, ищущие очищения». А скорбные обстоятельства того времени, о которых мы уже говорили в III главе, еще более располагали таких людей бежать из мира в дебри пустынные; благо, там нашелся благодатный муж, способный утолить жажду души, зажечь и поддержать в ней тот огонек, при свете и теплоте которого легко несется всякое бремя жизни и становится легким благое иго Христово.

Не больше двух-трех лет прошло со времени его поселения в глухих лесах Радонежских, как в Радонеже и соседних селениях заговорили о молодом пустыннике. «Одни, — пишет Пахомий Логофет, — говорили о его строгом воздержании, трудолюбии и других подвигах; другие удивлялись его простоте и незлобию; иные рассказывали о его власти над духами злыми; а некоторые благоговели пред его дивным смирением и чистотою душевною». И вот один за другим стали приходить к нему сначала ради душеполезной беседы и совета духовного, в чем любвеобильный пустынник им не отказывал, а потом нашлись желающие и жить близ него. Иногда приходили по два, по три человека и, припадая к стопам его, умоляли, чтобы позволил им поселиться тут.

Жаль было пустыннолюбному Сергию расставаться с своим уединением; притом он опасался, чтобы суровая пустыня не разочаровала его сподвижников, чтобы не пришлось им уйти отсюда с роптанием, подобно тем малодушным ученикам Христовым, которые говорили: «*Жестоко есть слово сие, кто может его послушати?*» (Ин 6:60). И он сначала не соглашался принимать их, представляя им все трудности пустынного жития.

– Можете ли терпеть скудость этого места? – говорил Сергей. – Вас ждут здесь и голод, и жажда, и всякие недостатки.

– Все готовы мы понести, честный отче, – отвечали пришельцы, – все понесем при помощи Божией за твои святые молитвы; только об одном просим: не удаляй нас от себя, не гони прочь от этого святого и достолюбезного места.

Тронулось доброе сердце подвижника – он, видя их благое произволение и крепкую веру в помощь Божию и памятуя слово Спасителя: *грядущаго ко Мне не изжгнет вон* (Ин 6:37), решился принять их. Но, опытом изведавший всю трудность одиночества, он предупреждал их о пустынных скорбях и укреплял заранее к подвигу терпения. «Желал я, братия мои, – так говорил он, – один скончать в пустыне свою одинокую жизнь, но Господь сказал: *«Идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их»* (Мф 18:20), и Давид поет в псалмах: *«Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе?»* (Пс 132:1); посему и я, грешный, не хочу идти против воли Господа, Которому угодно устроить здесь обитель. С радостью я принимаю вас, стройте каждый себе келию, но да будет вам известно, что если вы пришли сюда действительно работать Господу и если хотите здесь со мною жить, то должны быть готовы терпеть всякую нужду и печаль, ибо сказано в Писании: *аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение* (Сир 2:1); с нуждею Царствие Божие восприимется!.. Да не уstraшит вас помысл, что места сии пустыньны и скудны потребным для жизни: сами знаете, что *многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян 14:22). Узок и прискорбен путь, вводящий в жизнь вечную, и много званных, а мало избранных и спасающихся! Но не бойся, малое стадо Христово, которому Господь обетовал Царство Отца Своего: Господь не попустит нам искушений выше сил наших. Ныне печалью Господь посетит нас, а завтра печаль нашу в радость претворит, и никто этой радости не отнимет от нас! Дерзайте же, дерзайте, люди Божии, ибо Тот, Кто призвал вас на место сие, – Он Сам победит и врагов наших, как Бог Всесильный!»

И много других слов утешения слышали пришельцы от любвеобильного подвижника, и можно ли было не привязаться к нему всей душой? Можно ли было еще колебаться в сомнениях и страшиться подвигов пустынного жития? С таким наставником можно все понести, все вытерпеть; тоска ли сдавит сердце твое, или уныние овладеет душой, враг ли навевает помыслы греховные, или страсти поднимут в сердце свои змеиные головы – не медли, иди скорее к любящему и горячо любимому наставнику, с детской простотой открой пред ним все сердце свое, поведай, что томит тебя, пожалуйся ему на себя самого, как дитя жалуется нежной матери на своего обидчика, и верь – он скажет тебе в утешение иногда только два-три слова, но зато какие это чудные, теплые, благодатные слова! Они прольют мир в душу твою, согреют ее такой любовью, какой только мать согревает грудное дитя, – и все пройдет, как рукой снимет, и станет на душе так тихо, ясно и тепло...

Пребывающие в братию

И стали пришельцы строить себе хижины около уединенной келии Сергиевой, и с детской любовью начали учиться у него пустынным подвигам. Не более двенадцати братий собралось вначале около Сергия; и это число долгое время оставалось неизменным – когда убывал один, приходил другой на его место, так что это некоторым подавало мысль: не по числу ли двенадцати Апостолов или стольких же колен Израилевых само собою уравнивается число учеников Сергиевых?.. Прежде всех пришел к Преподобному некто *Василий*, быть может за свое строгое воздержание прозванный *Сухим*; пришел он с верховьев реки Дубны, уже в преклонных летах, и, недолго пожив с Преподобным, отошел ко Господу.

Другой ученик и сподвижник Сергея был простолюдин, земледелец *Иаков*, который между братией назывался уменьшенным именем *Якута*; он служил братии вроде рассыльного; впрочем, замечает преподобный Епифаний, его посылали в мир только по крайней нужде и потому нечасто. Сохранились еще имена двух учеников, пришедших к Преподобному в числе самых первых, – это *Онисим*, диакон, и Елисей – отец с сыном, земляки Сергиевы, из коих Онисим упоминается раньше в числе переселившихся с родителями Преподобного из Ростова в Радонеж. К числу первых же учеников Сергиевых должно отнести преподобных *Сильвестра* Обнорского, *Методия* Пешношского, *Андроника* и др.

Когда построено было двенадцать келий, Преподобный обнес их высоким деревянным тыном для безопасности от зверей и приставил вратарем Онисима, которого келия была у самого входа в обитель. Густой лес окружал обитель со всех сторон, вековые деревья стояли над самыми келиями, широко осеняя их и шумя своими вершинами, даже около церкви везде видны были пни и колоды, между которыми и засевались различные огородные овощи для убогой трапезы отшельников. Вот какой смиренный вид имела лавра Сергиева в первые годы своего существования!

Тихо и безмятежно протекала жизнь пустынников в новоустроенной обители. Не было в ней ни начальника, ни даже пресвитера, однако же строго соблюдался весь порядок повседневного Богослужения, исключая, конечно, литургию. День отшельников начинался с глубокой полуночи – во исполнение слов псалмопевца: седмерицею днем восхвалять Господа (Пс 118, 164); пустынные подвижники каждый день собирались в церковь на полунощницу, утреню, третий, шестой и девятый часы, на вечерню и повечерие, совершая между сими службами еще частые молебные пения. В рукописях, сохранившихся от того времени в библиотеке лаврской, находим каноны за творящих милостыню, за болящих, за умерших. Непрестанная молитва, по заповеди Апостола (1 Сол 5:17), была их постоянным правилом и в церкви, и в келии. А для совершения Божественной литургии в праздничные дни обыкновенно приглашали священника из ближайшего села или игумена, быть может того же старца Митрофана, который постригал самого Преподобного. Священнослужителя всегда встречали с радостью и с подобающею честью.

Год спустя после того, как собрались к преподобному братия, пришел к ним на жительство и упомянутый игумен Митрофан. Сергей очень рад был ему по нужде в иерее Божием; притом он надеялся, что старец сей не откажется принять на себя начальство над собравшимися пустынножителями, но недолго порадовался Сергей: пожив немного под кровом своего постриженника, Митрофан тяжело занемог и отошел ко Господу. И снова обитель осталась без совершителя Таин Божиих, потому что сам Преподобный, по своему глубокому смиреномудрию, не хотел принять на себя ни игуменства, ни сана священного. Подражая кроткому и смиренному сердцем Господу, он управлял только посредством своего примера и, точно по слову Христову, был первый тем, что был всем слуга (Мк 9:35). Три или четыре келии для братии он построил своими руками, сам рубил и колол дрова, носил их к келиям, молот в ручных жерновах, пек хлебы, варил пищу, кроил и шил одежду и обувь, носил на гору воду в двух водоносах и поставлял у келии каждого брата. Когда кто-нибудь из братий отходил ко Господу, угодник Божий своими руками омывал и приготавливал к погребению усопшего. Одним словом, он служил братии, по выражению блаженного Епифания, как купленный раб, всячески стараясь облегчить их трудную жизнь пустынную, хотя и приводил братию в немалое смущение таким глубоким смирением и трудолюбием.

Служа другим в течение дня, Сергей не имел и одного часа, свободного от труда и молитвы; питался он только хлебом и водой, и то малой мерой, а ночь почти всю проводил в келейной молитве, и где бы он ни был, что бы ни делал, всегда имел в уме и на устах слово псалмопевца: «*Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся*» (Пс 15:8). И все сии многотрудные подвиги не только не ослабили его сил телесных,

но и укрепляли их; преподобный Епифаний говорит, что в молодые годы свои угодник Божий был столь крепок телом, что «имел силу против двух человек», – это было следствием его трудолюбия и строгого воздержания, замечает при этом святитель Платон. Когда же Сергей ощущал брань вражью и стрелы разжженные, пускаемые рукой стреляющего во мраке в правых сердцем (Пс 10:2), он еще более усиливал свой пост и молитвенные подвиги. Так поработав духу тело свое смиренный подвижник, прилагая труды к трудам, так подвизался этот земной ангел, желавший паче всего соделаться гражданином горного Иерусалима! А братия с любовью и благоговением взирали на своего возлюбленного авву и всеми силами старались подражать ему.

И трудно было пришедшему в первый раз посетителю различить, кто был старший из них и кто младший, кто начальник места сего и кто подчиненный, потому что, взирая на смиренного и кроткого Сергия, каждый старался смирять себя пред смиреннейшим. Все считали друг друга братьями, и никто из них не хотел быть старшим. Какой поучительный урок гордым сынам нашего суетного века, желающим весь мир переделать по своим безумным мечтам! Не путем безначалия, насилий и полной разнузданности страстей человеческих достигаются истинно братские отношения между людьми, а путем глубочайшего смирения, путем полного самоотречения в духе Евангельской любви, когда люди забывают о своих правах и во имя любви думают только о своих обязанностях да горько оплакивают немощи падшей природы своей...

Свободные от молитвы часы отшельники проводили в постоянных трудах. Молитва и труд, по учению Святых Отцев, неразлучны в жизни инока – и ученики Сергиевы трудились над возделыванием своих небольших огородов для своей скудной трапезы пустынной, заботились каждый о своей убогой келии, сами готовили себе пищу, шили себе одежды, переписывали книги и, можно думать, занимались даже иконописанием.

Двенадцатилетний постриженник

Разлучившись с Сергием, брат его Стефан, конечно, не прерывал с ним духовного общения и, живя в Москве, быть может, по временам навещал его в пустыне Радонежской. Может быть, иногда приводил он сюда и малютку сына, *Иоанна*, который в детстве жил в доме своего дяди, Петра, в Радонеже. Наслышав о богоугодной жизни своего святого дяди, двенадцатилетний Иоанн возгорелся желанием жить под его духовным водительством и однажды пришел к нему вместе с отцом. Держа отрока за руку, Стефан сам ввел его в пустынную церковь и, передавая его брату, к удивлению всей братии, заявил свое желание немедленно облечь его в ангельский образ... Не стал противоречить Сергей этому желанию старшего брата, который, подобно древнему Аврааму, отдавал Богу своего сына. И вот отрок Иоанн принимает пострижение, быть может от своего отца, и нарекается *Феодором*... Чистый душой и сердцем отрок беззаветно отдал себя Преподобному дяде, и скоро навывк всем добродетелям иноческим. В обители Сергиевой будущий архиепископ Ростовский прожил около двадцати двух лет; в это, конечно, время он научился здесь иконописанию и был одним из первых иноков-иконописцев Сергиевой лавры.

Глава VIII

Власть за послушание

Радуйся, образе истинного смирения...
Акаф. I. Ик. 6

Радуйся, иноком наставниче предивный!
Акаф. I. Ик. 7

Радуйся, Духу Святому подклонишься со всяким смирением...
Акаф. I. Ик. 8

Нужда в игумене. «Черная смерть». Желания братии. Скорбь смирения Сергиева. Просьбы братии. Угроза любви. Братолюбие побеждает. Святитель Афанасий. «Ты не имеешь послушания». Сергий – иеродиакон, иеромонах и игумен. Святительское поучение

(1354)

Около двенадцати лет протекло со времени прихода к Преподобному Сергию его первых сподвижников, а игумена в новой обители все еще не было. Правда, в среде отшельников царило полное единодушие и братская любовь; каждый готов был, если бы оказалось нужным, пожертвовать самой жизнью, не говоря уже об удобствах, для сохранения мира и спокойствия остальных братий, и такое безначалие, конечно, было крепче всякого порядка, существующего в миру, тем более что одно слово любимого наставника могло прекратить всякое несогласие и побудить к подчинению уставам монашеским, но таков уж Самим Богом изначала установленный закон для обществ человеческих, чтобы во главе их непременно стояла власть, в послушании коей выражалось бы послушание людей Самому Богу – Творцу и Владыке всяческих. Правда, что Сергий на деле был истинным руководителем в духовной жизни своих учеников, но все же он не был еще и без сана священного не мог быть их духовным отцом в Таинстве покаяния, а эта должность в древних обителях нередко соединялась с должностью игумена, или настоятеля обители. Притом неудобно было каждый раз для Богослужения призывать соседнего священника; нельзя было не иметь в обители лица, облеченного священной властью вязать и решить согрешающих.

Особенно должна была сказаться нужда в священнослужителе в то время, когда над Русской землей разразилось тяжкое бедствие – моровая язва, известная в истории под именем «черной смерти», она появилась в пределах России около 1348 года и опустошала ее в продолжение нескольких лет, переходя из края в край, из города в город. Справедливо говорит один историк: «Ангел смерти никогда не губил вдруг столько людей с самого Ноева потопа, сколько погибло их с 1348 по 1350 и в следующие годы. Страх и ужас объял всех и каждого, уныние распространилось повсюду. Ничем нельзя было остановить грозного шествия “черной смерти”, не было от нее никакого спасения». В одном Китае легло в могилу до 13 миллионов народа; вымирали целые города, становились безлюдными целые области. «В Киеве, Чернигове, Смоленске и Суздале едва уцелела одна третья часть населения, в Глухове и Белозерске не осталось ни одного человека». Не успевали хоронить умерших: отпе-

вали по тридцати – по сорока человек зараз, клали по три, по пяти человек в один гроб... В короткое время умерли митрополит Феогност, два сына Великого Князя и сам Великий Князь Симеон Иванович...

В эту тяжкую годину многие православные русские люди шли в монастыри: под благодатным кровом святых обителей не так страшно было и умереть, как в среде мирской суеты; здесь каждый мог с мирной душой совершенно предать себя в волю Божию и приготовиться к смерти по-христиански. Можно ли сомневаться, что и к Преподобному Сергию, в его пустынную обитель, в это время особенно много приходило людей, искавших у сего благодатного инока-подвижника утешения в горестях жизни, в тяжелой потере близких сердцу, мирного приготовления к переходу в будущую жизнь? И мог ли он, любвеобильный отец, отвергать сих несчастных пришельцев? Но, принимая их, он должен был заботиться и об удовлетворении их духовных нужд, о напутствии приготовляющихся к смерти таинствами Церкви. Так самые обстоятельства, а лучше сказать, Промысл Божий располагал эти обстоятельства к тому, чтобы в обители Сергиевой был свой совершитель Таин Божиих, а с умножением братии – и свой игумен...

Преподобный Сергий, по своему смирению, и слышать не хотел, чтобы ему принять эту должность, он всегда говорил, что «желание игуменства есть начало и корень властолюбия»; тем не менее и сам он сознавал нужду в духовном пастыре для своей обители. Одного боялся он: чтобы братия не стали настаивать на своем желании иметь его своим игуменом, и потому усердно молил Господа, чтобы Сам Он дал им наставника, который мог бы управлять душевный корабль их от волн потопления к пристанищу спасения. И Господь, всегда готовый исполнить волю боящихся Его, услышал молитву Своего угодника и, поелику никто лучше самого просившего не мог послужить на сем месте к славе имени Его, благоволил его самого и дать игуменом братии. Вот как это было.

В сердцах братии уже давно сложилось желание поставить на игуменство своего возлюбленного авву, а при столь скорбных обстоятельствах, о коих мы сейчас упомянули, еще более усилилось это единодушное желание. «И в самом деле, – замечает святитель Платон, – на ком прежде всего могли они остановиться мыслию? Каждый, сравнивая свои подвиги с его подвигами и добродетелями, с его опытностью и заслугами пред Богом, и в мыслях стыдился присвоивать себе такое преимущество, чтобы затмить собою свет столь ясно горящего светильника». Сообщая свои чувства один другому, они решились наконец обратиться со своим желанием к Преподобному. Укрепив себя надеждой на Бога, братия пришли к нему все вместе и сказали: «Отче! Мы не можем долее жить без игумена, исполни наше сердечное желание – будь нам игуменом, будь наставником душ наших; мы будем каждый день приходить к тебе с покаянием и открывать пред тобой нашу совесть, а ты будешь подавать нам прощение, благословение и молитву. Мы желали бы видеть тебя совершающим ежедневно Божественную литургию и от твоих честных рук причащаться Святых Христовых Таин. Ей, честный отче, таково наше общее сердечное желание, не откажи нам в этой милости!»

Просьбы братии

Такое единодушное заявление всей братии, конечно, не было неожиданным для угодника Божия, тем не менее его глубокому смирению нелегко было выслушать это. «Не труда и подвига убегал он, – говорит святитель Платон, – а считал себя недостойным такого сана и рассуждал, что, будучи подначальным, он удобнее устроит дело своего спасения, нежели тогда, когда примет на себя нелегкое бремя попечения о спасении других». С другой стороны, он хорошо понимал, что его решительный отказ глубоко опечалит всю братию, столь горячо им любимую, и будет иметь скорбные последствия для самой обители. Поставленный в такое затруднительное положение, подвижник вздохнул из глубины сердечной и смиренно отвечал просителям: «Братие мои! У меня и помысла никогда не было об игуменстве; одного желает душа моя – умереть здесь простым чернецом. Не принуждайте же меня и вы, братия! Оставьте меня Богу – пусть Он что хочет, то и творит со мною».

Но братия настаивали на своем: «Зачем ты, отче, отказываешься исполнить наше общее желание? Ведь ты основатель обители сей – будь же ей и настоятель. Твоя добродетель собрала нас сюда – она же пусть и управляет нами. Ты насадил виноград сей – ты и питай нас своим учением и плодами примера твоего. Вот наше последнее слово: или сам будь нам игуменом, или, если не хочешь, иди испроси нам игумена у святителя; если же не так, то мы все разойдемся отсюда».

Мысль об ином игумене лично для смиренного Сергия, конечно, была приятна: он готов был сделаться последним послушником у кого бы то ни было, лишь бы самому не быть начальником. Но любовь к ближнему требовала на этот раз забыть о себе и подумать о пользе

братии, а духовный опыт указывал опасность, что новый, чуждый по духу обители игумен задумает вводить новые порядки, что эти порядки могут смутить братию, которая привыкла смотреть на порядки, установленные самим основателем пустынножительства, как на неизменный закон, а отсюда может возникнуть немало искушений и нестроений в юной обители. Посему, не решая вопроса окончательно, но желая по возможности отдалить это решение, Преподобный кротко сказал братии: «Идите пока с Богом каждый в свою келию; лучше помолимся все поусерднее Господу Богу, чтобы Он Сам открыл нам волю Свою, и тогда увидим, что нам делать». Братия послушались любимого аввы и разошлись, но ненадолго. Прошло несколько дней, и старцы опять пришли к Преподобному и стали умолять его принять сан игумена. «Ведь ради тебя мы и сошлись-то сюда, в это место пустынное, – говорили они, – мы слышали о твоих подвигах, знаем труды твои, ведь ты своими руками построил и эту церковь во имя Живоначальная Троицы. И мы веруем, что в тебе обитает благодать Ее, и потому вот пришли сюда, возложив упование на Господа, и желаем совершенно предать себя твоему руководству. Итак, будь нашим игуменом и духовным отцем и, предстоя престолу Божию, возноси за нас свои теплые молитвы. Ведай, отче, – присовокупляли к сему старейшие из них, – мы шли сюда в надежде, что ты упокоишь нашу старость и похоронишь наши кости».

Тронутый до глубины души такой любовью братии, смиренный подвижник открыл пред ними все свое сердце: он стал говорить им о своем недостойнстве, всячески упрашивал и умолял не принуждать его к принятию священного сана и игуменства. «Простите меня, отцы мои и господие, – так говорил он, – кто я, грешный, чтобы быть мне иереем Божиим? Как дерзну я на такое служение, пред которым со страхом и трепетом преклоняются и самые Ангелы? Нет, это выше меры моей, отцы мои, я еще не начинал жить по-монашески – как же я осмелюсь коснуться святости Божией? Вот мое дело – плакать о грехах моих, чтобы вашими же святыми молитвами достигнуть одного края желаний, к которому стремится от юности моя грешная душа».

Сказал сие Преподобный и, чтобы не продолжать более сего тяжкого для его смирения спора, ушел в свою келию...

Тогда сподвижники его поняли, что им не склонить его к своему желанию кротким словом сыновней любви, оставалось употребить средства более решительные. Уже не со слезами только, но и с горьким словом упрека и даже угрозы приступили они теперь к своему авве. «Мы не желаем спорить с тобой, отче честный, – сказали они, – мы веруем, что Сам Бог привел нас сюда; мы сердечно желали подражать твоему житию и подвигам и чрез то надеялись достигнуть вечного блаженства. Но если уже ты не хочешь пещись о душах наших и быть нашим пастырем, то мы все принуждены будем оставить это место, мы уйдем от храма Пресвятыя Троицы и будем невольными нарушителями нашего обета, будем блуждать, как овцы без пастыря, и расхитит нас мысленный волк, а ты дашь за нас ответ нелицеприятному Судии – Богу!»

Еще раз попытался было угодник Божий отклонить от себя высокую честь, еще раз сказал братии: «Отцы мои! Вы излишне понуждаете меня, я излишне отрицаюсь, – к чему это?» Но все было напрасно – братия стояли на своем, и братолюбие победило.

– Желая, – сказал Преподобный, – лучше учиться, нежели учить, лучше повиноваться, нежели начальствовать, но боюсь суда Божия, не знаю, что угодно Богу; святая воля Господня да будет!

Это значило, что он более спорить не будет и предает все дело в волю Божию.

«Какая прекрасная распря! – замечает святитель Филарет Московский, – распря едва ли не превосходнейшая, нежели самое согласие. Здесь смирение старшего сражается с любовью и покорностью младших – единственная брань, в которой ни одна сторона не теряет, а обе приобретают в каждом сражении! Как благополучны были бы общества, если бы члены

их так же препирались между собою за сохранение подчиненности, а не за домогательство власти!»

«В мирских обществах, – говорит другой святитель, Филарет Черниговский, – люди сражаются друг с другом за власть, и через то производят расстройство в делах, расстройство в сердцах, и губят себя и других жаждой власти. А тут – все совершенно обратно: как благоворен закон Твой, Господи!»

* * *

Побежден был смиренный Сергей любовью к братии, однако же не хотел выступить из обычного порядка, а может быть не терял еще надежды, что высшая церковная власть не соизволит на поставление его во игумены. «Отцы и братия, – сказал он сотрудникам своим в подвиге пустынном, – не хочу более прекословить вам, но не нам решать это дело – пусть решит его святитель; итак, пойдемте же к нему».

Московского первосвятителя митрополита Алексия в то время не было в России: в 1354 году он путешествовал в Царьград по делам церковным, а управление делами митрополии на время своего отсутствия поручил Волынскому епископу Афанасию, который жил в Переяславле-Залесском, в Нагорном Борисоглебском монастыре. Туда и отправился Преподобный Сергей, взяв с собой двух старейших иноков.

Ранним утром, перед самой литургией, явился Преподобный к святителю. Он пал к ногам его и просил благословения. Епископ спросил его, кто он и откуда.

– Грешный инок Сергей мое имя, – смиренно отвечал пришедший.

Имя Сергия давно было известно Афанасию: он раньше много слышал о его пустынных подвигах, об основанной им обители и о постройке церкви и теперь очень рад был видеть у себя такого гостя. Он с любовью принял его, отечески поцеловал и долго беседовал с ним о спасении души.

В заключение сей беседы гость смиренно поклонился хозяину и стал просить у него игумена для новой обители.

«Сын и брат мой! – отвечал ему как бы по вдохновению свыше святитель Божий, – Господь Бог устами пророка Давида сказал: *«Вознесох избранного от людей Моих... ибо рука Моя заступит его»* (Пс 88:20, 22), и Апостол говорит: *«...никтоже сам себе приемлет честь, но званный от Бога, якоже и Аарон»* (Евр 5:4). А тебя воззвал Господь Бог от чрева матери твоей, как от многих слышал я о том, посему ты и будь отныне отцем и игуменом для братии, тобою же собранной в новой обители Живоначальной Троицы».

Подвижник стал было отклонять от себя это назначение, ссылаясь на свое недостойнство, но блаженный пастырь внушительно остановил его, сказав: «Возлюбленный! Ты все стяжал, а послушания не имеешь», – и сим словом обезоружил смиренного Сергия, который с покорностью на это отвечал: «Как Господу Богу угодно, так и пусть будет; благословен Господь вовеки!» И все присутствовавшие при этом единодушно сказали: «Аминь!»

Рукоположение Преподобного Сергия во иереи

Тогда святитель со всеми священнослужителями пошел в церковь, взяв с собой и Преподобного; там он облачился во все священные одежды, велел Сергию гласно произнести Символ веры и, осенив крестообразно его преклоненную голову, поставил его во иподиакона. Началась Божественная литургия, и Сергий произведен был во иеродиакона, а на другой день облечен и благодатию священства. Святитель распорядился, чтобы на следующий день новоблагодатный иеромонах Сергий один совершил Божественную литургию. Нужно ли говорить, с каким сердечным умилением впервые приносил Преподобный Сергий бескровную жертву собственными руками? Он весь исполнен был благоговейного страха и весь сиял неземной радостью...

По окончании литургии святитель Афанасий произнес над ним молитвы, совершающие его поставление во игумена. Затем он пригласил нового игумена в свои кельи и там в отеческой с ним беседе наедине наставил его в правилах апостольских и святоотеческом учении о спасении души и руководстве подчиненных ему иноков. «Чадю, – говорил он, – вот ради святого послушания к нам восприял ты теперь сан священный; знай же, что сие служение дается только *верным человеком*, как говорит Апостол Христов, *иже довольни будут и иных научити* (2 Тим 2:2). Посему надлежит тебе, возлюбленный, по заповеди великого Апостола, *немоущи немощных носить и не себе угождати* (Рим 15:1). Помни слово его: «Друг

друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов» (Гал 6:2). Если будешь так поступать, то и себя спасешь и живущих с тобою».

Так заключил свое поучение святитель и, благословив новопосвященного, отпустил его с миром. И пошел он, новый игумен, облеченный теперь свыше благодатию и властью иерейскою, в свою родную обитель, чтобы прилагать там труды к трудам и, восходя на небо по лестнице Христоподражательного смирения, вести туда же за собою и всех присных учеников своих...

Глава IX Смиренный игумен

Радуйся, добрый стада своего иночествующих наставниче и правителю...

Акаф. 1. Ик. 9

Радуйся, желаемых благ пришедшим к тебе подателю...

Акаф. 1. Ик. 4

Радуйся, свещнице тричастный, светлейшими богословскими добродетельми светящий. Радуйся, светильниче двойственный, любовь к Богу и к ближнему горящий!

Акаф. 2. Ик. 11

Радость обители. Первое поучение братии. Смиренное прошение игумена. Труды игумена. Архимандрит-послушник. Умножение братии. Расширение обители. Сергей «яко един от древних». Свидетельство Преподобного Иосифа Волоколамского

(1354–1391)

С нетерпением ожидали братия своего первого игумена, – говорим «первого» потому, что почивший в Бозе игумен Митрофан был только случайным представителем власти, которым Преподобный Сергей только хотел оградить себя от необходимости начальствовать. С какой же радостью вышли они теперь навстречу своему новому начальнику, или, лучше сказать, своему давнему наставнику и любимому отцу! Со слезами сыновней любви поклонились они ему до земли. Радовался и святой игумен, смотря на радость любимых чад своих. Войдя во врата обители, он прошел во храм и там, весь в слезах, пал ниц пред святой иконой Живоначальной Троицы, прося благодатной помощи в предстоящем ему многотрудном служении. В пламенной молитве своей он призывал на помощь Пресвятую Владычицу Богородицу и бесплотных служителей у престола благодати – святых Ангелов и Архангелов, святого Предтечу Христова и мудрых апостолов; он вспомнил и великих Святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого и всех святых, дабы их молитвами укрепила его десница Вседержителя неосужденно, со дерзновением и несмущенным сердцем предстоять престолу Пресвятыя Троицы и касаться руками Агнца Божия, закланного за спасение мира.

Окончив молитву, он обратился к братии со словом поучения, убеждая их не ослабевать в подвигах ради Царства Небесного. «Царствие Божие, – говорил он между прочим, – с нуждою восприимлетсЯ, и только понуждающие себя восхищают оно (Мф 11:12). Подвизайтесь же, братие, войти в него узкими вратами! (Мф 7:13). *Приидите, чада, послушайте мене, по слову Давидову, я страху Господню научу вас* (Пс 33:12). Помните слова Апостола: *плод же духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал 5:22–23). Подвиг немалый предстоит нам противу невидимого врага, ибо *диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1 Пет 5:8). Не уstraшимся, други, этого подвига, чтобы страшного геенского мучения избежать; пусть сведены

будут руки от трудов – будем простирать их только к Богу, а ноги пусть неподвижно стоят на молитве!.. Не будем, братие, щадить естество тленное, со всем усердием возьмемся за подвиг, чтобы получить победные венцы от Христа Бога!»

После поучения святой игумен в первый раз благословил свою братию. При этом он поручал себя их молитвам, исповедуя свою немощь ввиду той тяжелой ответственности перед Богом, какую он принимал на себя, если бы кто подвергся соблазну по его вине. «Молитесь, братие, обо мне, – говорил смиренный игумен, – ибо я человек малосведущий и неопытный. Вот я принял от Царя Небесного талант и должен буду отдать в нем отчет. Страшит меня слово Господа: *...иже аще соблазнит единаго малых сих верующих в Мя, уне есть ему, да обесится жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей* (Мф 18:6). Какое же горе угрожает тому, кто своим неразумием погубит многие души! И буду ли я иметь дерзновение, представ пред Господа, сказать Ему: “*Се, аз и дети, яже ми даде Бог*”? (Ис 8:18). Услышу ли я сей Божественный глас великого Пастыря горних и дольних, с милосердием вещающего: “*...рабе благий и верный... вниди в радость Господа твоего*” (Мф 25:21)?».

Так вступил Преподобный в управление своей родной обителью. Поучая братию, он избегал многоглаголания; его речь обнаруживала глубокое знание Священного Писания, дух и смысл которого он постигал не умом только, но и сердцем, просвещаемый благодатною Божией и руководимый опытом духовной жизни. Оттого все его поучения, при своей простоте и краткости, были проникнуты особенною силою, дышали благодатным помазанием и властно действовали на сердца слушателей. В одной из рукописей XVII века, принадлежавших Новгородской Софийской библиотеке, а ныне находящихся в библиотеке С.-Петербургской духовной академии, есть такое поучение Преподобного Сергия: «Внимайте себе, братие, всех молю, прежде имейте страх Божий и чистоту душевную и любовь нелицемерную, к сим и страннолюбие, и смирение с покорением, пост и молитву. Пища и питье в меру, чести и славы не любите, паче же всего бойтесь и поминайте час смертный и второе пришествие».

Вот и все поучение. Действительно ли оно написано самим Преподобным Сергием или только записано его учениками, но от него, несомненно, веет духом Сергиева смирения, и потому мы читаем его, в несколько сокращенном виде, на многих древних иконах угодника Божия, написанным в свитке.

Блаженный Епифаний говорит, что Преподобный Сергей всегда имел пред духовным взором своим великие образцы ангелоподобной жизни таких светильников монашества, как великие Антоний и Евфимий, Савва Освященный и Пахомий, Феодосий Киновиарх и др. Поэтому в своих беседах с братией и в поучениях он любил вспоминать об их подвигах и всегда удивлялся, как они, будучи облечены плотью, побеждали врагов бесплотных и были страшны диаволу; сильные земли в удивлении склонялись пред ними, а они во смирении благодетельствовали людям – исцеляли больных, избавляли от бед на суше и на море, предстательствовали в час смертный, питали нищих, вдов и сирот, по слову Апостола: *ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор 6:10). Размышляя о сем, Преподобный усердно молил Бога, дабы сподобил его непреткновенно идти по стопам сих подвижников, и убеждал братию подражать их равноангельной жизни.

Игуменство Преподобного Сергия во многом напоминало игуменство преподобного Феодосия Печерского: та же строгость к себе и любовь к братии, та же неутомимость в трудах, бессонные ночи, обличение праздных, тихие, кроткие речи, растворенные слезами отеческой любви. В отношении к братии и в сане игумена он нисколько не переменился. По-прежнему он учил не столько словом, сколько своим примером. К великому утешению братии, каждый день совершал он Божественную литургию. Никакая усталость, никакие дела и заботы не могли помешать ему первым являться в церковь ко всякому Богослужению, и выходил он из церкви всегда последним. В продолжение всей службы Божией он стоял как свеча и отнюдь не позволял себе прислоняться к стене, «что знаменовало, по выражению

святителя Московского Филарета, мысль, в Богомыслии водруженную, и дух, непобеждаемый леностию тела». Сидения в церкви не допускал никогда. Памятуя слова Господа: *...иже аще хочет в вас быти старей, да будет всем раб* (Мк 10:44), он и в сане игумена продолжал по-прежнему служить братии в домашних делах: он сам скатывал свечи, варил кутию, или коливо, которое в те времена было приносимо в церковь на память всех великих святых, особенно же просфоры всегда приготавлиал сам, не допуская никого из братии участвовать в этом, хотя, конечно, многие и желали того; даже и пшеницу для сего молол сам. А потом приносил сии чистые труды благоговейных рук своих к алтарю Божию для бескровной жертвы Господу Богу.

Святой игумен носит воду для братии

В начале игуменства Преподобного Сергия, как мы уже говорили, число братий в его обители не превышало двенадцати. Так было до 1357 года, когда пришел к нему архимандрит Симон – первый принятый им сверх сего числа. С этого времени число братии стало возрастать. «Многие христороубцы, имена коих записаны у Господа в книге жизни, – говорит блаженный Епифаний, – стали издалека приходить к Сергию, оставляя суету житейскую и преклоняя свои главы под благое иго Господне». Кажется, всего чаще приходили к нему

земляки – ростовцы, кроме Елисея и Онисима, мы знаем Андроника и Афанасия, уроженцев ростовских.

Упомянутый выше архимандрит Симон был дивный муж, старейший из архимандритов области Смоленской, известный своими добродетелями и строгой жизнью. Слушая рассказы о подвигах Преподобного Сергия, он возгорелся ревностью по Боге, оставил свое настоятельство в Смоленске, оставил почет и уважение, коими пользовался там, оставил, наконец, родную сторону, расстался с друзьями и всеми близкими и с посохом простого странника пришел в пустыню Радонежскую. С глубоким смирением просил он Преподобного Сергия принять его в число своих послушников, и Преподобный с любовью и радостью принял смиренного архимандрита. Много лет провел усердный Симон в послушании у святого игумена; на его пожертвование был построен более просторный, но только деревянный, как первый, храм Живоначальной Троицы; украшенный всеми добродетелями подвижника пустыни, в глубокой старости представился он к Богу, и Преподобный игумен с великой честью проводил его в могилу.

Святой игумен печет просфоры для братии

Мало-помалу расширялась обитель Сергиева и принимала вид вполне благоустроенного монастыря. Там, где прежде была непроходимая чаша, где некогда бродили страшные медведи и никогда не ступала нога человеческая, – там теперь расцвела пустынная обитель; ее келии, сначала разбросанные без порядка по дремучему лесу, мало-помалу были поставлены четверугольником вокруг церкви, которая, таким образом, стояла среди монастыря в своей скромной пустынной красоте и была видима из всех келий. И в этой церкви, и в этих убогих на вид келиях не умолкало славословие Господу, и в тишине пустынной смиренные

иноки неустанно трудились под опытным руководством своего святого игумена Сергия над очищением своего сердца от страстей, стараясь вовсе позабыть о том, что там, за пределами их заветной пустыни, есть другой мир, который шумит и волнуется, как море непостоянное, погружая людей в мутные волны житейской суеты... «Есть, – замечает преподобный писатель Жития Сергиева, – есть в древних книгах отеческих такое сказание: сошлись однажды святые отцы и повели между собой беседу о последних временах. В пророческом духе говорили они, что в последние времена люди будут слабы и не будет среди них таких великих подвижников, каковы были первые Отцы-пустынножители. Но вот Бог укрепил Преподобного Сергия и в последнем роде и явил в нем как бы одного из древних Отцев. Он водворился в глуши лесной, не страшась привидений диавольских, и за то Бог оградил обитель его полками ангельскими. Многие приходили к нему, чтобы спасти души свои под его мирным кровом, и никому он не отказывал – ни старому, ни юному, ни богатому, ни убогому; всех принимал он с радостью и с любовью, по слову Евангельскому: *Грядущаго ко Мне не изжenu von* (Ин 6:37), только не скоро постригал. Прикажет, бывало, одеть пришельца в длинную свитку из грубого черного сукна и велит ему проходить какое-нибудь послушание вместе с прочими братьями, пока тот не навькнет всему уставу монастырскому; потом облечет его в одежду монашескую», или, как ныне говорят, в рясофор, «и только после тщательного испытания пострижет уже в мантию и даст ему клобук. А когда видел, бывало, что который-либо инок стал опытен в духовном подвиге, такового удостоивал и святой схимы».

Преподобный Сергий мелет в жерновах

Одним из правил порядка, установленного Преподобным Сергием в своей обители, требовалось, чтобы после повечерия братия не ходили из келии в келию и не беседовали друг с другом, кроме крайней нужды, когда, например, нужно было побывать за чем-нибудь у самого игумена; каждый в своей келии должен был заниматься молитвой и рукоделием. Преподобный сам строго наблюдал за исполнением этого правила. Бывало, в глубокий вечер, особенно в долгие осенние и зимние ночи, заботливый игумен, совершив свою келейную молитву, тихо обходит все келии и через малые волоковые оконца замечает, кто чем занима-

ется. Если инок стоит на молитве, или занят своим рукоделием, пишет, читает святую книгу, или же погружен в размышление о грехах своих, – святой игумен радуется, благодарит за него Бога и молится, чтоб Господь укрепил труженика в подвиге спасения. А если слышит он беседу непозволенную, то ударяет в дверь или в окно и удаляется. Наутро же призывает к себе празднословивших, кротко вступает с ними в разговор об обязанностях монашеских и, не обличая прямо, говоря будто о других, склоняет их к смиренному признанию в прегрешении; кроткий и послушливый инок тут же, бывало, сознается и со смирением просит и получает от своего аввы прощение, но случалось и то, что неразумный инок уклоняется от признания; тогда авва с кротостью и любовью обличает его, по слову псалмопевца: *«Накажет мя праведник милостию и обличит мя»* (Пс 140:5); если же и тут инок упорствует, Преподобный налагает на него какую-нибудь епитимию. Так любящий отец подавал руку помощи немощным чадам своим, так умел он совмещать кротость со строгостию, не послабляя нерадению и не подавая повода к унынию!

Нельзя без умиления читать страницы древнего жития, повествующие о том, как Сергий воспитывал своих иноков, с какой любовью, с каким терпением и знанием человеческого сердца он следил за теми, которые вверили себя его мудрому руководству. Можно сказать, что он глаз не спускал с каждого новичка, возводя его со степени на степень иноческого искуса, постепенно приучая его к самоотверженному труду, к строгому порядку в занятиях, помыслах, чувствах и подвигах. Богомудрый наставник терпеливо трудился над каждым отдельным братом, над отдельными особенностями каждого брата, приспособляя их к целям всего братства. По последующей самостоятельной деятельности учеников Преподобного Сергия видно, что под его воспитательным руководством ученики не обезличивались; напротив, каждый, постепенно очищая свое сердце от страстей, в то же время служил Богу теми свойствами своей души, какими его Бог наделил. Наблюдение и любовь к людям, собственный духовный опыт, а наипаче благодать Божия, обитавшая в его чистом сердце и преисполнявшая его тихою духовною радостью о Господе, дали ему умение и способность тихо и кротко настраивать душу человека и извлекать из нее, как из хорошего инструмента, лучшие ее чувства, умиляя сердце речами благоуветливыми. «Слышахом, – писал о Преподобном Сергии другой преподобный, живший спустя только сто лет после него, Иосиф Волоколамский, – слышахом о блаженном Сергии и о прочих святых от неложных свидетелей, иже бяху в лета их, яко толику бодрость и тщание имеяху о пастве, яко нимало небрежение или преслушание презрети. Бяху бо милостиви, егда подобаше, и напрасни (строги), егда потреба бываше, и обличающе, и понуждающе ко благому согрешающия; непослушающия же не оставляху своим волям последовати, но всячески возбраняху, и от Церкви отлучаху». Таковы были порядки в пустыне Радонежской в первое время игуменства Сергиева. Число братства постепенно возрастало. «Добродетель, – говорит блаженный Епифаний, – так же творит явным стяжавшего ее, как зажженная свеча – носящего оную. И как олени привлекают к себе источники вод, так и жаждущих спасения влекли к себе благодатные дарования души Сергиевой».

Глава X Пустынная нищета

Радуйся, оставльший имения и возлюбивый нищету Христову...
Акаф. 1. Ик. 8

*Радуйся, ленивых подвигнувый твоими
христоподражательными нравы...*
Акаф. 1. Ик. 12

*Радуйся, чудесных вод умолением наполнивый обители твоя
ограду, Радуйся, брашны неведомо принесенными алчной братии
сотворивый отраду...*
Акаф. 2. Ик. 12

**Строгие правила пустыни Сергиевой. Богослужение с
лучиной. Книги на бересте. Игумен-древодел. Дорогие
куски гнилого хлеба, снедаемого в поте лица. Ропот
братии. Отеческое увещание. Упование непосрамляющее.
Безвестные благотворители. Чудотворный источник.
Золото и мишура. Благоговейные думы святителя Филарета**

(1354–1372)

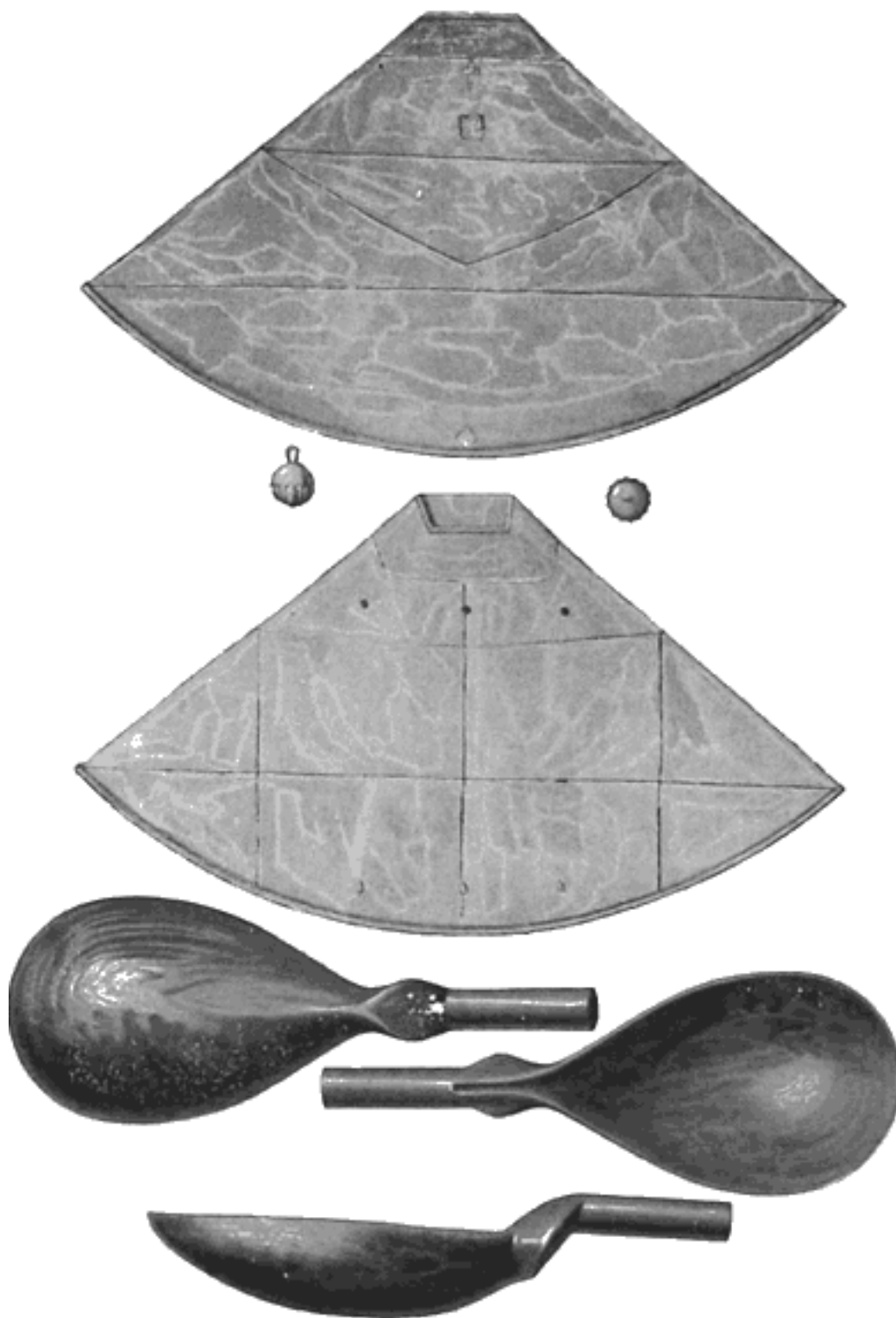
Апостол Павел, по его собственным словам, день и ночь работал своими руками, чтоб не жить на чужой счет и не быть никому в тягость, хотя, как благовестник спасения, и имел на то полное право (1 Сол 2:7–9). Такого же правила строго держались и святые подвижники Христовы; то же узаконил в своей обители и Преподобный отец наш Сергей. Он строго запрещал братии выходить из монастыря для собирания по селам и деревням подаяния от мирян на обитель; каждый инок должен был доставать сам для себя пропитание трудами рук своих, а в случае недостатка просить и с терпением ожидать милости от Бога. Так учил он и словом, и собственным примером. Понятно, что это было нелегкое правило даже и для такого монастыря, который находился недалеко от мирских селений и чаще посещался богомольцами, а обитель Преподобного Сергия в то время была в полном смысле слова пустыней. «На далекое расстояние, – рассказывает блаженный Епифаний, – ее окружали густые, непроходимые леса, изобиловавшие всякими дикими животными – от робкого зайца до кровожадного волка и страшного медведя». Даже полсотни лет спустя после того времени, о коем мы говорим, во время игуменства преподобного Никона, когда вокруг обители уже было немало мирских поселений, по лесным рекам в окрестностях лавры ловили бобров; что же было раньше, когда тут не было поблизости даже отдельных дворов и к обители едва можно было пробраться по узкой и прерывающейся тропинке? В такой глуши кто стал бы посещать пустынников и приносить им что-нибудь из жизненных припасов? С другой стороны, в обители не было тогда учреждено правильного общежития – пустынники имели общение друг с другом только в молитвенных собраниях церковных, остальное время дня и ночи каждый трудился для себя, в своей уединенной келии: ни общей трапезы, да и общих

послушаний еще не было. Неудивительно посему, что богатая благочестием пустыня Сергиева часто нуждалась в самом необходимом. Чего ни хватись – всего нет, как выражается блаженный писатель Жития Сергиева; нередко случалось, что ни у кого из братий не было ни куска хлеба, ни горсти муки, даже недоставало соли, о масле же и других приправах нечего было и говорить. И много приходилось пустынникам терпеть нужды при таких суровых порядках пустынного жития, но Сергей веровал Богу верой твердой, испытанной скорбями, и Бог исполнял по вере его; он уповал, и упование никогда не посрамляло его!

Лучина светит чтению и пению

Случалось, что недоставало вина для совершения литургии, пшеницы для просфор, фимиама для каждения, и тогда пустынники терпели лишение Божественной литургии; недоставало воска для свеч, елея для лампад – они зажигали березовую или сосновую лучину, которая с треском и дымом светила их чтению и пению; и вот при таком-то освещении они отправляли утреннюю или всенощную службу, с трудом читая в полумраке каноны и Псалтирь. Нужно ли говорить, что такое служение было не менее приятно Богу, как и торжественная служба, совершаемая в величественных храмах при свете бесчисленных лампад и множества светильников, а сердца святых подвижников горели тише и яснее всяких свеч, и пламень их молитвы трепетал воздыханиями, из глубины сердечной восходившими к престолу Божию!

Фелонь и пуговка к ней принадлежащая и деревянная ложка Преподобного Сергия из Троице-Сергиевой лавры

По свидетельству преподобного Иосифа Волоколамского, в обители Сергиевой бывала такая нищета, такое нестяжание, что и самые книги иногда писались не на хартиях, а на берестех, потому что у пустынников не было средств достать пергамента. Самая святыня не блистала тогда золотом, и поныне благочестивые поклонники с благоговейным удивлением рассматривают хранимые в лаврской ризнице заветные памятники этой заветной нищеты – деревянные сосуды, употреблявшиеся Преподобным Сергием при совершении Божественной литургии, и простое крашенное его облачение... Сам Преподобный игумен всего

менее заботился о насущном хлебе лично для себя, и потому нередко случалось, что недостаток в пропитании ему приходилось терпеть прежде всех. И он, постившийся еще в колыбели младенческой, с благодарным сердцем переносил всякое лишение, подавая собой пример всей братии. Так однажды у него не было ни хлеба, ни соли, и во всем монастыре ощущалась крайняя скудость в пище. Три дня провел смиренный игумен без пищи, а на рассвете четвертого взял топор и пошел к одному из братии, по имени Даниил.

Построение сений для Даниила

– Слышал я, старче, – сказал он своему сподвижнику, – ты хочешь пристроить сени к своей келии, позволь мне построить их для тебя, чтоб руки мои не были без дела.

– Правда, – отвечал ему Даниил, – мне очень бы хотелось построить их, у меня уже все и для работы давно заготовлено, и вот только поджидаю плотника из деревни. А тебе как поручить это дело? Пожалуй, запросишь с меня дорого.

– Эта работа не дорого тебе обойдется, – сказал ему Сергей, – мне вот хочется гнилого хлеба, а у тебя он есть; больше этого с тебя не потребую. Разве ты не знаешь, что я умею работать не хуже плотника? Зачем же тебе, старче, звать другого плотника помимо меня?

Тогда Даниил вынес ему решето с кусками гнилого хлеба, которого он сам не мог есть, и сказал: «Вот, если хочешь, возьми все, что тут есть, а больше не взыщи». «Хорошо, – сказал трудолюбивый игумен, – этого с избытком довольно для меня; побереги же до девятого часа: я не беру платы прежде работы».

Сказав сие, он крепко подтянул себя поясом и принялся усердно за работу. С раннего утра до позднего вечера, несмотря на голод, он пилил, тесал доски, долбил столбы и при помощи Божией окончил постройку. Солнце уже скрылось за дремучим лесом, когда старец Даниил снова вынес ему гнилые куски хлеба как условленную плату за труд целого дня.

Положив их перед собой, подвижник помолился, благословил их и начал есть с одной водой, даже и без соли. Это был его и обед и вместе ужин!

Некоторые из братии при этом заметили, что когда он вкушал в поте лица заработанный им хлеб, то из уст его исходила пыль от гнилости хлеба, и, конечно, немало дивились великому терпению своего игумена, который и такую дурную пищу не хотел принять без труда. Так строго держался он заповеди апостола Христова: *аще кто не хочет делати, ниже да яст* (2 Сол 3:10). А взирая на его пример, и братия укреплялись в подвиге терпения.

Но где люди, там и немощи. Нашлись такие, которые поголодали дня два и зароптали... Один из таких нетерпеливцев решился даже сказать от лица всех игумену: «Вот мы смотрели на тебя, все тебя слушались, а теперь приходится умирать с голоду, потому что ты запрещаешь нам выходить в мир просить милостыни. Потерпим еще сутки, а завтра все уйдем отсюда и больше не возвратимся: мы не в силах выносить такую скудость, такие гнилые хлебы!»

Преподобный игумен видел, что братией начинает овладевать дух уныния; нужно было подкрепить их малодушие. И вот он созвал к себе всех иноков и с обычной кротостью повел с ними такую беседу: «О чем скорбите вы, братие мои? Зачем так смущаетесь? Уповайте на Господа, ибо сказано: *воззрите на древния роды, и видите, кто верова Господеви и постыдеся?* Кто веровал слову Его – и обманулся? Или кто пребысть в страхе Его и оставися? Кого из призывающих Его Он не услышал? (Сир 2:10). «Не Я ли, – глаголет Господь, – не Я ли податель всякой пищи? Не Я ли извожу плоды от земли и наполняю ими житницы? Не Я ли кормитель всего мира, питатель всей вселенной, подающий пищу всякой плоти, отверзающий щедрую руку Свою во благо время, насыщающий всякое животное благоволением?» Братие мои! И во Святом Евангелии Господь сказал: *«Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам... Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их... не много ли паче вас, маловери»* (Мф 6:33, 26, 30). А мы разве напрасно и бездельно подвижаемся? Мы ожидаем получить за свои подвиги жизнь вечную. Люты скорби, но сладок рай, болезненны труды, но вечная за них награда! Не поленимся, братие! Потерпим хоть немного, чтобы получить нетленные венцы от Христа Бога, Который Сам говорит: *«В терпении вашем стяжите души ваша»* (Лк 21:19), ибо *претерпевый же до конца, той спасен будет»* (Мф 10:22). Вот, – продолжал угодник Божий, – вы скорбите из-за недостатка пищи, но ведь это случилось на краткое время, ради испытания веры нашей; ведь если вы перенесете это лишение как подобает инокам, с верой и благодарением, то это самое искушение вам же послужит на пользу. Благодать Божия ведь никому не дается без скорбей и искушений. «Без огня, – говорит святой Лествичник, – и золото не бывает чисто». А вот, даст Бог, минует скорбь – дождемся радости; ведь так обыкновенно бывает, что радость следует за скорбию: вечер, сказано, *водворится плачь и завтра радость* (Пс 29:6). Так и вы: сегодня терпите оскудение хлеба и недостаток всякой пищи, а завтра – Бог пошлет – вы будете наслаждаться в изобилии и ястием, и питием, и всем потребным. Я, грешный, верую, что Бог не оставит места сего и живущих в нем».

Так утешал скорбящую братию святой игумен, и Бог действительно чудесным образом оправдал веру его. Еще он беседовал с братией, как послышался сильный стук в монастырские ворота; привратник взглянул в окошечко и увидел: к воротам кто-то привез много хлеба. Будучи сам очень голоден, от радости он не отпер ворота и побежал к Преподобному.

– Отче, – говорил он, – привезли много хлебов, благослови принять! Вот, по твоим святым молитвам, они у ворот!

– Отвори им, пусть войдут, – сказал игумен.

Монастырские ворота отворились, и в них въехало несколько повозок, нагруженных печеным хлебом, рыбой и другими припасами для монашеской трапезы. Все прославили милосердие Божие, а Преподобный Сергей весело сказал: «Ну вот, теперь вы, алчущие, накормите кормильцев ваших, позовите их разделить с нами общую трапезу, угостите их и

успокойте как следует». И немедленно он приказал ударить в било и всем идти в церковь; тут он отслужил благодарственный молебен Господу Богу, милующему и питающему рабов Своих, и только после сего благословил братии садиться за трапезу. Все сели, и сам игумен стал оделять братию привезенными хлебами. Они были теплы и мягки, как будто только что испечены, и на вкус были необыкновенно приятны, будто печены были с маслом, с медом или с каким-либо благовонным зелием. Так некогда манна, сей хлеб ангельский, по выражению псалмопевца, имела для израильтян особенную сладость во вкусе. И Преподобному Сергию за его дивное терпение, взамен черствых корок гнилого хлеба, послал Бог эту чудную пищу, ибо, по слову Давида, *терпение убогих не погибнет до конца* (Пс 9:19).

Дары неведомых благотворителей

За трапезой святой игумен сказал: «Где же тот брат, который роптал на заплесневелые хлебы? Пусть войдет сюда и отведает, какую пищу послал нам Господь, пусть при этом вспомнит царя и пророка Давида, который *пепел яко хлеб* вкушал и *питие... с плачем* растворял (Пс 101:10)».

Потом Преподобный спросил: «А где же наши благодетели?» Но никто не мог ответить ему на этот вопрос, все только смотрели в недоумении друг на друга.

– Разве я не говорил вам, – сказал игумен, – чтобы вы пригласили их к трапезе? Почему же их нет?

– По слову твоему мы звали их, отче, – отвечали иноки, – мы даже спрашивали их, от кого все это прислано. Но они только сказали нам, что один христолюбец, человек богатый, прислал их издалека, чтобы передать тебе эти припасы, а от трапезы отказались и говорили, что им дано еще другое поручение, которое должны также немедленно исполнить, и потому спешат в дорогу.

Можно себе представить общее удивление, когда узнали, что хлебы привезены издалека, а между тем они были еще теплые, как только что вынутые из печи!

Преподобный игумен воспользовался сим случаем для назидания своей братии. «Видите сами теперь, – сказал он, – что Господь не оставляет места сего и рабов Своих, которые служат Ему здесь с верою день и ночь и терпят с благодарением всякое лишение. Помните же слово Апостола: «...имеюще же пищу и одеяние, сими довольни будем» (1 Тим 6:8). Зачем нам излишне заботиться о телесных потребностях? Лучше будем всегда уповать на Господа, Который пошлет все, что нужно и полезно и душе и телу нашему. Тот, Кто сорок лет питал в пустыне непокорных и неблагодарных израильтян, ниспосылая им манну с небес и крастелей досыта, разве не силен пропитать и нас, Ему работающих? Или Его могущество

и благодать истощились ныне, и Он перестал промышлять о Своих созданиях? Нет, братие! Как в древние времена, так и теперь Он един и тот же всеблагий Бог, всегда готовый подать нам все потребное для жизни нашей!»

Сильно подействовал этот урок на малодушных, и с того времени не было слышно ропота при случавшихся недостатках в чем-либо; а между тем, рассказывает блаженный Епифаний, к большому укреплению веры в Промысл Божий, и на другой и на третий день неведомые благодетели присылали в обитель обильную пищу для братии. Так Господь оправдывал упование Своего избранника на Его Божественное Промышление.

Не раз, впрочем, и в других случаях, когда сего требовало или назидание братии, или же вообще человеколюбие, вера Преподобного Сергия проявляла себя с той силой, какую присвоет ей Христос Спаситель, когда говорит: «...*вся елика аще воспросите в молитве, верующе, примете*» (Мф 21:22). Был, например, такой случай, возбудивший сперва ропот, а потом обратившийся во славу Божию по молитвам угодника Божия. Когда Преподобный избирал себе место для пустынного безмолвия, он вовсе не заботился о том, чтобы иметь воду поблизости; трудолюбивому подвижнику даже было приятно носить ее издалека, дабы тем еще более утруждать свою плоть. Так было до семи лет по основании обители. Но с умножением братии недостаток воды становился все ощутительнее. Не раз братия жаловались ему, что приходится далеко ходить за водой, и некоторые, менее терпеливые, даже говорили ему с упреком: «Для чего на таком месте построил ты обитель?» На это Преподобный отвечал: «Я хотел здесь безмолвствовать один; Богу угодно было воздвигнуть здесь обитель во славу Его Пресвятого Имени; дерзайте в молитве и не унывайте, если Он в безводной пустыне дал воду из камня непокорному народу еврейскому, то неужели Он оставит вас, работающих Ему на сем месте день и ночь?» Раз после такого наставления братии он взял с собой одного инока и пошел с ним в лесной овраг под монастырем; тут он нашел немного дождевой воды, преклонил над ней колена и помолился так: «Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, сотворивший небо и землю и все видимое и невидимое, создавший человека и не желающий смерти грешника! Молим Тебя мы, грешные и недостойные рабы Твои, услыши нас в час сей и яви славу Твою! Как в пустыне чудодествовала крепкая десница Твоя, от камня воду источив, так и здесь яви силу Твою – даруй нам воду на месте сем, и да разумеют все, что Ты слушаешь боящихся Тебя и имени Твоему славу воссылающих – Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков, аминь!»

Преподобный Сергей нашел дождевую воду

Так молился угодник Божий, и едва произнес он эту молитву и осенил крестным знамением место, где стояла дождевая вода, как вдруг из-под земли пробился обильный источник холодной ключевой воды, и она потекла быстрым ручьем по долине... С той поры многолюдная обитель Сергиева не имела недостатка в воде; преподобный Епифаний, ученик Сергиев, свидетельствует, что бывали исцеления от воды сей и даже издалека присылали за ней для болящих, так что ручей тот получил прозвание Сергиевой реки, и в этом наименовании сказалось чувство благодарности к угоднику Божию.

Но смиренный чудотворец, узнав об этом, призвал к себе старейших из братии и сказал им: «Братие мои, ведь не я вам воду дал – это Господь милосердый утешил нас, недостойных, Своей милостью. Зачем же вы зовете источник моим именем? При чем тут я, грешный?» И с того времени братия, из послушания к заповеди своего святого аввы, мало-помалу отвыкли от сего наименования.

«О достолюбезное, святое смирение! – размышляет по поводу этого рассказа один проповедник слова Божия, – ты не видишь даже и того, что чудеса творишь, ты везде и во всем видишь только одну благодать Божию да свое недостойнство!.. Ты боишься, угодниче Божий, как бы не почли тебя за святого человека, ты готов бы убежать, укрыться в глушь лесную, в чащу непроходимую, в темные пещеры и мрачные дебри пустынные, чтобы не славили люди имя твое, не указывали на тебя как на Божия избранника!.. А мы, грешные... сделаем что-нибудь доброе (да и то иногда с грехом пополам!..), да сами же и начинаем трубить о том!.. Если же иной раз, из приличия, чтобы не называли нас самохвалами, и молчим о себе, зато уж как же бываем довольны, как утешаемся, когда люди скажут о нас словечко доброе! Точно малые дети игрушкой, – так и мы забавляемся похвалой людской!.. И как же не сказать после этого, что как небо от земли, так и наша жизнь далека от святой жизни угодников Божиих! А вся беда наша в том, что смирения у нас нет, нет ни единой крупинки этого некрадогого сокровища небесного, этого злата мытарева, которым так богаты были святые угодники Божии, а без этого золота нельзя купить и Царства Небесного, без смирения все наше добро – мишура одна, а не золото!»

Но чтобы стяжать себе хотя малую крупинку этого многоценного в очах Божиих золота, нам должно чаще переноситься мыслью и сердцем в те давние времена, когда жили святые угодники Божии, подобные Богоносному Сергию, чтобы привитать духом около избранников благодати и поучаться у них христоподражательному смирению. *С преподобным*, сказано, *преподобен будещи* (Пс 17:26) и незаметно для самого себя навывнешь мыслить и жить по примеру преподобных. В этом мысленном и духовном общении с Преподобным Сергием любил привитать в Бозе почивший святитель, митрополит Филарет; в этом общении он почерпал великую силу благодатного помазания, когда из его сердца изливалось умиленное слово, дышащее беззаветной любовью к самому месту обитания Сергиева. Не можем не привести здесь этого трогательного обращения его к пустыне Сергиевой.

«Прости мне, – так взывал он, – великая лавра Сергиева, мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергиеву Чту, и в красующихся ныне храмах твоих, дела святых, обители святыни, свидетелей праотеческого и современнического благочестия; люблю чин твоих Богослужений, и ныне с непосредственным благословением Преподобного Сергия совершаемых; с уважением взираю на твои столпостены, не поколебавшиеся и тогда, когда поколебалась было Россия; знаю, что и лавра Сергиева и пустыня Сергиева есть одна и та же и тем же богата сокровищем, то есть Божией благодатию, которая обитала в Преподобном Сергие, в его пустыне и еще обитает в нем и в его мощах, в его лавре; но при всем том желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом лаврой. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем, с треском и дымом, горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и Ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной келии, чтобы я мог вздохнуть ея воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий Преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором впечатлено столько глаголов духовных, пророчесственных, чудодейственных. Дайте мне облобызать праг ее сеней, который истерт ногами святых и чрез который однажды переступили стопы Царицы Небесной. Укажите мне еще другия сени другой келии, которые в один день своими руками построил Преподобный Сергей, и, в

награду за труд дня и за глад нескольких дней, получил укруп согнивающего хлеба. Посмотрел бы я, как позже других насажденный в сей пустыне, преподобный Никон спешно растет и созревает до готовности быть преемником Преподобного Сергия. Послушал бы молчания Исаакиева, которое, без сомнения, поучительнее моего слова. Взглянул бы на благоразумного архимандрита Симона, который довольно рано понял, что полезнее быть послушником у Преподобного Сергия, нежели начальником в другом месте. Ведь это все здесь: только закрыто временем или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге! Откройте мне ковчег, покажите сокровище: оно непохитимо и неистошимо; из него без ущерба его можно заимствовать благопотребное, например, безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования».

Глава XI

Смиранный чюдотворец

Радуйся, увеселение и отрада к тебе прибегающим!

Радуйся, чудес пучино, Богом излиянная!

Акаф. 1. Ик. 4

Радуйся, господствию духа плоть свою покоривый, Радуйся, силу дарования в чудесах явивый!

Акаф. 2. Ик. 1

Искажение пустыни. Слава Сергиева. Сердобольный отец и воскрешенное дитя. Исцеление поселянина. Вельможа с берегов Волги и изгнание бесов. Обилие потребных. Худость ризная. Соблазнившийся простец и благодатный старец

(1354–1391)

Льготы, объявленные наместником князя Андрея Радонежского для переселяющихся в его родной удел, мало-помалу привлекали новых поселенцев, которые подвигались незаметно своими поселками к обители Сергиевой; однако же в продолжение десяти-двенадцати лет после ее основания обитель оставалась как бы в стороне от мира, отделенная от него дремучими лесами. Но с течением времени слава о подвигах Преподобного Сергия распространялась все больше и больше, а потому и место его пребывания становилось все открытее. Около 1352–1354 годов, при великом князе Иоанне Иоанновиче, брате Симеона Иоанновича Гордого, в окрестностях обители Сергиевой стали кое-где селиться земледельцы, никто не запрещал им вырубать леса, до которых не касалась еще рука человеческая. Мало-помалу обратили дебри пустынные в чистое поле, которое засеивали хлебом, в пролесках поставили одиночные дворы, а в иных и селения, и таким образом, как не без сожаления выражается блаженный писатель Жития Сергиева, «искажиша пустыню и не пощадеша... и составиша селы и дворы многи». Затем проложена была мимо монастыря большая дорога в северные города, и обитель стали посещать не только простые люди, но и бояре. Мир, как говорит один историк, приходил в монастырь Сергиев, и «то, что он видел, – быт и обстановка пустынного братства, поучали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие. В монастыре все было бедно и скудно, или, как выразился разочарованно один мужичок, пришедший в обитель Преподобного Сергия повидать прославленного, величественного игумена, “все худостно, все нищетно, все сиротинско”; в обиходе братии столько же недостатков, сколько заплат на сермяжной ряске игумена, но все дружны между собой и приветливы к пришельцам, каждый делает свое дело, каждый работает с молитвой, и все молятся после работы, во всех чувствовался скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда и молитвы. Мир видел все это и уходил ободренный и освеженный, подобно тому как мутная волна, прибывая к прибрежной скале, отлагает от себя примесь, захваченную в неопрятном месте, и бежит далее светлой и прозрачной струей». Таково было впечатление обители Сергиевой на всех, кто ее посещал тогда, – впечатление глубоко благотворное и

назидательное. Незаметно, подобно закваске, о которой говорит Спаситель в Своей притче, это впечатление ложилось на душу посетителей и уносилось ими в их родные семьи как светлый пример жизни по заповедям Божиим. Но не в этом только впечатлении была главная сила, самое важное, что влекло в тихую, бедную обитель Сергиеву православных русских людей. Их привлекал сюда светлый образ самого дивного подвижника, они шли сюда затем, чтоб попросить у него молитв, получить от него благословение, услышать от него слово духовного назидания, открыть ему свои скорби душевные и в беседе с ним найти себе утешение и подкрепление. Чудный некогда юноша Варфоломей стал теперь великим Сергием, который был всем для всех, чтобы всех руководить ко спасению. И он тихо совершал это великое дело как «святое послушание», возложенное на него Господом. Целые полвека приходившие к нему, вместе с водой из его источника, черпали в его келии утешение и ободрение и, возвращаясь в свой круг, по каплям делились ими с другими, так что к концу жизни великого старца Божия «едва ли, – как выражается тот же почтенный историк, – вырывался из какой-либо православной груди на Руси скорбный вздох, который бы не облегчался молитвенным призывом имени святого старца».

Особенно привлекала к Преподобному молва о чудесных знамениях, в которых проявляла себя благодать Божия, обильно почившая на своем избраннике. Сии благодатные знамения открылись молитвенным изведением источника в пустынном овраге у стен обители, но преподобный Епифаний повествует и о других, более разительных чудесах угодника Божия. Послушаем теперь рассказы о них блаженного ученика Сергиева.

Жил в окрестностях его обители один благоговейный муж, имевший большую веру к Преподобному. У него был единственный сын-малютка, который опасно заболел. С верой понес его в обитель на своих руках скорбящий отец. «Только бы мне донести его до человека Божия, – рассуждал благочестивый муж, – а там – я верю, что он непременно исцелит его». И он донес сына живым до келии Преподобного, но, пока он слезно умолял смиренного игумена помолиться об исцелении дитяти, пока Сергей готовился совершить молитву, мальчик от жестокого припадка испустил дух...

Потеряв последнюю надежду, огорченный родитель с плачем стал укорять Преподобного Сергия, что он, вместо желанного утешения, только увеличил его скорбь. «Что же мне теперь делать? – взывал он. – Лучше бы для меня было, если бы мальчик мой умер дома, – тогда, по крайней мере, я не оскудел бы верой, которую доселе питал к тебе, человеце Божий!»

И безутешный отец оставил своего мертвеца в тесной келии подвижника, а сам пошел приготовить гроб для любимого дитяти.

Сжалился угодник Божий над несчастным родителем; оставшись наедине с умершим отроком, он преклонил колена и стал молиться... Еще не окончил он своей молитвы, как вдруг дитя ожило, открыло глаза и протянуло ручки к Преподобному молитвеннику.

Возвратился отец. Он принес все нужное для погребения, но святой игумен встретил его на пороге келии словами: «Напрасно ты, человеце, не рассмотрев, так возмутился духом – видишь, отрок твой вовсе не умирал».

Изумленный родитель не хотел верить словам его, но, увидев сына живым, пал к ногам человека Божия.

«Ты обманываешься и не знаешь сам, за что благодаришь, – говорил ему смиренный подвижник, – когда ты нес сюда больного отрока, он изнемог от сильной стужи и впал в обморок, а тебе показалось, что он умер. Видишь: он вот согрелся у меня в теплой келии, а тебе опять показалось, что он воскрес».

Счастливый отец стал было настойчиво утверждать, что его сын действительно ожил молитвами Преподобного, но святой строго запретил ему об этом говорить. «Если ты осмелишься рассказывать кому-нибудь, – промолвил он, – то и вовсе лишишься сына».

Воскрешение отрока

Тот обещал молчать и, взяв малютку, теперь совершенно уже здорового, возвратился домой, прославляя Бога, творящего чудеса через Своего угодника. Боясь потерять сына, он, конечно, не смел разглашать о совершившемся чуде, но в силах ли он был скрыть от всех радость родительского сердца? Первый заметил эту радость келейный ученик Преподобного, через которого и стало известно впоследствии это чудо, записанное с его слов и блаженным Епифанием.

Из многих чудесных исцелений, совершившихся по молитвам Преподобного Сергея, Епифаний рассказывает о следующих двух. Один из окрестных жителей заболел тяжелой болезнью – в течение трех недель он не мог ни заснуть, ни принять пищи. Его родные братья решились обратиться за помощью к угоднику Божию. «Столько чудес творит Господь

руками блаженного старца, – говорили они, – может быть, он смилуется и над нами». И вот они принесли больного в обитель и, положив к ногам Сергия, усердно просили его помолиться за немощного. Преподобный с молитвой покропил болящего святой водой, и он в ту же минуту почувствовал облегчение, тут же крепко заснул, а проснувшись, в первый раз после столь продолжительной болезни пожелал вкусить пищи, и Преподобный сам предложил ему оную и отпустил от себя совершенно здоровым.

Другой случай исцеления был с бесноватым вельможей, которого привели к Преподобному с отдаленных берегов Волги. Этот знатный человек находился в исступлении ума: мучимый злым духом, он кусался и бился с такой нечеловеческой силой, что десять человек не могли удержать его, приходилось умирять его железными цепями, но и те он нередко разбивал на себе. Подобно упоминаемому в Евангелии гадаринскому бесноватому, он убегал от людей в пустынные места и там бродил, как бессмысленное животное, пока не находили его домашние. И вот, когда достигла молва народная о Радонежском пустынноике-чудотворце до этого далекого края, сердобольные родные решились отвезти несчастного вельможу к человеку Божию. Многих трудов стоило им исполнить свое благое намерение: бесноватый всеми силами противился этому и кричал диким голосом: «Куда вы меня тащите? Не только видеть, но и слышать не хочу о Сергии». Но его сковали цепями и повезли. Когда они были уже в виду обители, бесноватый вдруг рванулся с такою силою, что разбил на себе оковы, и, бросаясь на всех окружающих, кричал: «Не могу! Не хочу!.. Вернусь туда, откуда пришел!» Его голос был так страшен, что казалось, сам несчастный расторгается на части, и дикие вопли его были слышны внутри ограды монастырской. Сказали об этом Преподобному, он немедленно велел ударить в било и собраться братии в церковь; началось молебное пение о болящем, и тот стал мало-помалу укрощаться. Родным удалось ввести его в монастырь. Преподобный Сергей вышел из церкви с крестом Господним в руке. Лишь только угодник Божий осенил им бесноватого, как тот с диким воплем отскочил в сторону. Недалеко была вода, скопившаяся от проливного дождя; увидев ее, больной бросился в лужу с ужасным криком: «Горю, горю страшным пламенем!» И с той минуты стал здоров, благодатью Христовой и молитвами Преподобного Сергия. Рассудок возвратился к нему, и на вопрос, зачем он бросился в воду, когда увидел Сергия, он спокойно отвечал: «Когда привели меня к Преподобному и он хотел осенить меня крестом, я увидел великий пламень, который исходил от креста и охватил меня со всех сторон, вот я и бросился в воду, чтобы не сгореть».

Несколько дней провел исцеленный вельможа под благодатным кровом обители Сергиевой, прославляя Божие милосердие, и с миром возвратился в свой дом.

По мере того как Господь прославлял Своего возлюбленного раба дивными знамениями благодатных исцелений и даром прозорливости, сей досточудный муж все более и более нисходил в глубину смирения. «Он бегал, – говорит святитель Платон, митрополит Московский, – суетной славы человеческой, как погибели, и почитал обидой для себя то, чего нередко с таким усилием домогаются, не пренебрегая никакими средствами, гордые властелины земли: теми руководит одно тщеславие, простирающееся до самозабвения, а им – одна пламенная, чистая, святая любовь к Богу и ближнему».

С умножением числа посетителей улучшилось и материальное благосостояние обители Сергиевой. Она уже не терпела такой нужды, как прежде; скромные потребности пустынножителей, при их собственных постоянных трудах, с избытком удовлетворялись приношениями благочестивых посетителей и окрестных жителей, которые, сознавая великую духовную пользу от обитателей пустыни, с усердием доставляли все для них потребное, по слову Апостола: *«Аще мы духовная сеяхом вам, велико ли, аще мы ваша телесная пожнем?»* (1 Кор 9:11). Есть даже мнение, что еще при жизни Преподобного Сергия его обители были пожалованы во владение некоторые ближайшие к ней села. По крайней мере об одном промысле известно, что он был пожертвован в обитель еще при жизни Преподоб-

ного Сергия, – это половина варницы и половина соляного колодезя у Соли Галичской, что ныне город Солигалич Костромской губернии; этот промысел пожертвован одним галичским боярином незадолго до смерти Преподобного Сергия, когда он уже передал игуменство Никону. «Владение образовавшимися в окрестностях обители поселками, – говорит один ученый исследователь старины, – было в то время единственным средством как для содержания умножившейся братии, так и для ограждения самой обители от произвола соседних поселян, которые, не принадлежа монастырю, а другим владельцам, служили бы для него источником не благосостояния, а беспокойства и разорения. Во всяком случае, ясно, – заключает тот же писатель, – что запрета на приобретение населенных вотчин со стороны святого основателя обители Преподобного Сергия не было; иначе воля его была бы законом для его блаженного ученика и непосредственного преемника, им самим избранного, преподобного Никона».

Итак, теперь обитель Сергиева изобиловала всем потребным, но душа Сергия была по-прежнему свободна от всякого пристрастия к земным вещам. Если случалось ему иметь в руках что-нибудь излишнее, он тотчас отдавал или в церковь, или беднякам. Жившие с ним много лет старцы рассказывали преподобному Елифанию, что никогда новая одежда не восходила на тело его, никогда не одевался он в красивые или мягкие одежды, помня слово Евангельское, что носящие такие одежды – *в домех царских суть* (Мф 11:8). Вместо дорогих сукон он носил сермяжную ткань из простой овечьей шерсти, да притом еще ветхую, которую, как негодную, другие отказывались носить. Большей частью такая одежда и сшита бывала его святыми руками и отличалась от одежды его сподвижников разве тем, что вся была покрыта заплатами и, по прекрасному выражению святителя Платона, «вместо дорогих камней обильно украшалась каплями его пота». Эта одежда у него была одна и та же и летом и зимой. «За рай, который мы потеряли, – говаривал блаженный Сергей своим ученикам, – надобно теперь отложить одежды теплые; за грех мы некогда покрыты были одеждой, потерпим же теперь лишение одежды, чтобы облечься потом в нетленные ризы, будем изнурять плоть, чтобы получить нетленные венцы от Христа Бога». Так думал, так учил, так и сам поступал смиренный игумен Сергей.

Однажды не случилось хорошего сукна в его обители – была всего одна половинка, гнилая, какая-то пестрая и плохо сотканная. Никто из братии не хотел ею воспользоваться, один передавал ее другому, и так обошла она до семи человек. Но Преподобный Сергей взял ее, сам скроил себе рясу и, надев ее на себя, не хотел уже более расставаться с ней, пока в продолжение одного года вся она не распалась от гнилости.

Святой игумен шьет себе рясу из гнилого сукна

Нередко случалось, что люди, которые, по пословице, встречают по одежде, увидев его, не хотели верить, чтобы то был знаменитый игумен Сергей. Обыкновенно принимали его за какого-нибудь странника или одного из последних трудников в его обители. По этому поводу блаженный Епифаний рассказывает один случай, прекрасно характеризующий смирение и кроткое, благостное устроение души Преподобного Сергия. Кажется, Епифаний сам был свидетелем этого случая, который так глубоко запечатлелся в душе благоговейного ученика, что он передает его со всеми подробностями. Приводим его рассказ.

«Многие приходили издалека, желая хотя бы только взглянуть на Преподобного. Много слышал о нем поселянин, простой земледелец, и пожелал видеть его. При входе в монастырскую ограду он стал спрашивать братию, где бы повидать их славного игумена. А Преподобный в это время трудился на огороде, копая заступом землю под овощи.

– Подожди немного, пока он выйдет оттуда, – отвечали иноки пришельцу.

Нетерпеливый посетитель заглянул в огород через отверстие в заборе и увидел там смиренного старца в разодранной, ушитой заплатами одежде, трудившегося в поте лица над грядой. Простодушный поселянин не хотел поверить, чтобы этот старичок был тот самый

Сергий, которого он желал видеть. Он снова стал докучать братии, требуя, чтобы показали ему игумена.

– Я издалека пришел сюда, чтобы видеть его. У меня есть до него важное дело, – говорил он.

– Мы уже указали тебе игумена, – говорили ему иноки, – если не веришь, что это он, то спроси его самого.

Тогда поселянин стал у калитки огородной, поджидая, пока выйдет старец.

Преподобный вышел, и случившиеся тут иноки опять показали на него поселянину, говоря: “Вот он самый, кого тебе нужно”.

Но простец отвернулся от него в сторону и сказал: “Я издалека пришел посмотреть на пророка, а вы мне показываете какого-то нищего! Напрасно же я трудился, шел сюда; я думал получить пользу душе своей в вашей честной обители, а вместо того встречаю только насмешки... Но я еще не дожил до такого безумия, чтобы почесть этого убогого старичка за того знаменитого Сергия, о котором так много слышал я славных вещей!”

Так рассуждал простец, в своем неведении смотревший на все только телесными очами, а не внутренними. Понятно, что братия оскорбились за честь своего любимого игумена, и некоторые даже сказали Преподобному: “Только тебя не смеем, отче, а то гостя твоего мы выслали бы вон из обители – такой он невежа! Да еще нас же укоряет, будто мы смеемся над ним!”

Но человек Божий взглянул на них с удивлением. “Нет, – сказал, – зачем выгонять его? Он не к вам пришел, а ко мне, не трогайте его, своими простодушными словами он не причинил мне никакого зла. Да если бы и погрешил он в чем-нибудь, то нам, духовным, подобает, по слову апостола Христова, исправлять такового *духом кротости* (Гал 6:1)”.

И, не дождавшись себе поклона от поселянина, угодник Божий сам подошел к нему и с великим смирением поклонился ему до земли... Потом поцеловал его, с любовью благословил и поблагодарил за то, что этот простец имеет об его убожестве надлежащее мнение... Так смиренномудрый радуется своему бесчестию и унижению столько же, сколько тщеславный приходит в восторг от почестей и похвал людских!

Но и этого мало. Преподобный взял гостя за руку, посадил рядом с собой за трапезу и сам стал угощать его. Простодушный поселянин, видя такое радушие старца, поверил ему печаль свою, что доселе ему не удалось видеть игумена Сергия.

– Не скорби, брате, – утешил его Преподобный, – Бог так милостив к месту сему, что никто отсюда не выходит печальным. И тебе Он скоро покажет, кого ты ищешь.

И вот они еще продолжали беседу, как в обитель прибыл князь (может быть, Радонежский), окруженный многочисленной свитой из бояр и рабов. Преподобный встал, чтобы встретить именитого гостя, и рабы князя, расчищая дорогу для своего господина, далеко оттолкнули поселянина и от своего князя, и от игумена... Между тем прибывший князь еще издали смиренно поклонился до земли угоднику Божию, который поцеловал его и благословил; затем оба они сели, а все бояре и братия почтительно стояли вокруг них. Смущенный простец ходил около них, стараясь сквозь толпу рассмотреть, который был Сергий; он опять спросил одного из иноков: “Кто же этот чернец, что сидит направо от князя?” Инок взглянул на него с упреком и сказал: “Разве ты пришлец здесь, что не знаешь Преподобного отца Сергия?”

Тогда только понял свое невежество поселянин и, укоряя себя, стал просить некоторых из братий, чтобы они попросили за него прощения у старца, которого он оскорбил своим невежеством. “Вот уж справедливо зовут нас, мужиков, невежами, – говорил он, – как будто я ослеп и не вижу, с кем говорю! С какими же глазами покажусь я теперь святому старцу?”

Так горевал простодушный гость, и, дождавшись, когда князь вышел из обители, он бросился к ногам Преподобного, умоляя простить его невежество и неверие.

Но смиренный игумен сказал ему: “Не скорби, чадо, один ты справедливо рассудил обо мне, ведь они все ошибаются!” И он утешил его назидательным словом и отпустил его с благословением... Но доброе сердце простого человека так было тронутو смирением и любовью великого подвижника, что он скоро опять пришел в обитель, дабы уже никогда ее не оставлять; здесь он принял пострижение и, потрудившись несколько лет, с миром представился к Богу...»

Князь в гостях у игумена

Глава XII

Пророческое видение и дальние посланцы

Радуйся, преблагий и добрый наставниче иноков, Радуйся, образе пустынножителей и устроителю общаго жития.

Акаф. 1. Ик. 12

**Избранники Божии. Птицы небесные. Радость о Господе.
Гости с Востока. Патриаршие «поминки». Недоумение старца.
Патриаршее послание. Благословение святительское.
Начало общежития. Новые должности и послушания.
Списание книжное. Библиотека. Число братии возрастает.
Завет странноприимства и обетование старца (1372)**

Дивен Бог во Святых Своих! Прославляя Своих избранников, Он чрез них же устроит и наше спасение. В истории Церкви Божией мы постоянно видим примеры такого попечительного промысления Божия, а в трудные для Церкви времена, когда благодотребна была особенная помощь Божия к укреплению веры православной в сердца людских или когда нечестие людское грозило подавить собою благочестие и веру православную, – в такие трудные времена Бог нарочито посылал особых избранников Своих, которые, будучи преисполнены благодати Божией, своею дивною жизнью, своим смирением привлекали к себе сердца людей и делались наставниками и руководителями в духовной жизни для всех, кто искал очищения от страстей и спасения души своей. Целые тысячи монашествующих воспитывались под их духовным руководством и потом расходились в разные стороны, основывали свои обители – в свою очередь делались также наставниками других в иноческой жизни, делились добрым советом духовного опыта и с мирянами, были избираемы в сан святительский или же выходили на проповедь Евангелия к неверующим в истинного Бога. Каково же было их смирение, когда им и на мысль не приходило, что они совершают великое дело Божие, что из их уединения, из их пустынь обильным потоком разливается свет благодатный по лицу их родной земли! А между тем именно чрез них-то благодать Божия и отбирала чистую пшеницу от плевел, выделяя и привлекая ко Христу Спасителю всех способных воспринять в свое сердце благодатное семя слова Божия и соделаться сынами Царствия Божия.

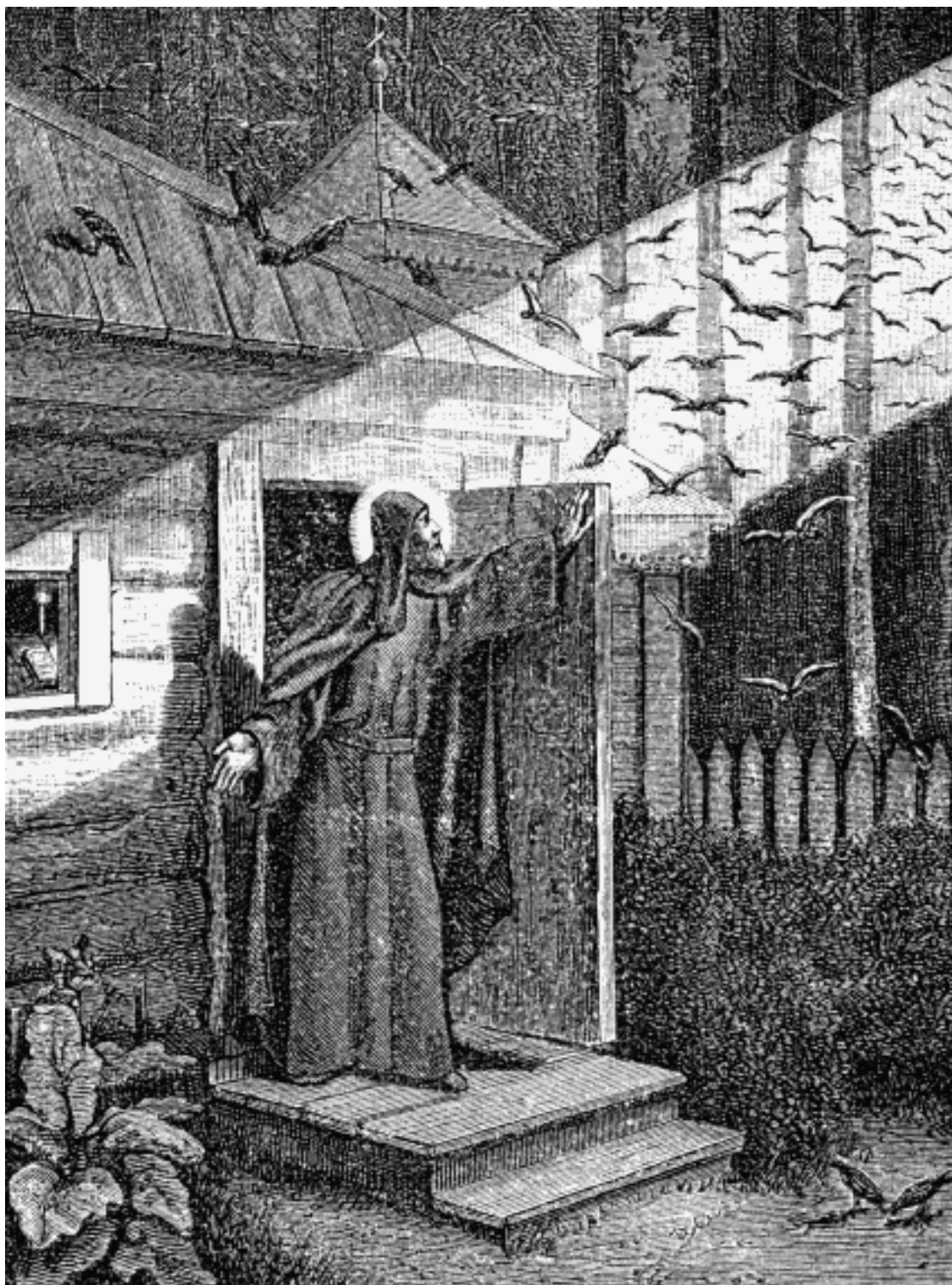
Одним из таких великих избранников Божиих был и Преподобный отец наш Сергий. Ему суждено было обновить дух подвижничества на земле Русской, зажечь благодатный огонек во многих отдаленных пределах Русской земли и чрез то соделаться духовным родоначальником бесчисленного лика монашествующих. Справедливо поэтому говорят, что он был для северной, Московской, Руси тем же, чем были для южной, Киевской, Руси преподобные Антоний и Феодосий.

И Богу угодно было утешить еще при жизни смиренного подвижника Радонежского пророческим откровением о будущем многочисленном духовном его потомстве. Это было незадолго до введения в его обители устава общежительного, который справедливо почитается образом совершеннейшего иноческого жития во всех православных обителях.

Святому игумену было уже за пятьдесят лет. Около тридцати лет он уже подвизался на Маковице. Отовсюду стекались к нему искатели безмолвия под его кров, и монашествующие, покидая свои прежние обители, считали для себя более полезным жить в послушании у такого аввы. Таков был Смоленский архимандрит Симон, таков был и брат Преподобного

Стефан, который оставил игуменство в Богоявленском монастыре и жил теперь в обители Сергиевой вместе со своим сыном Феодором. И Преподобный Сергей, видя над своей обителью благословение Божие, еще с большим усердием и дерзновением молился о преуспевании братии. И вот однажды, в глубокий вечер, когда он совершал свое обычное молитвенное правило и весь был погружен в сердечную молитву за духовных чад своих, вдруг он слышит голос, который звал его по имени: «Сергий!» Удивился Преподобный столь необычному зову в тишине ночной; сотворив молитву, он открывает оконце своей келии и видит дивное видение: в высоте небес сияет чудный свет и разгоняет тьму ночную, так что стало светлее дня, а неведомый голос снова говорит ему: «Сергий! Ты молишься о детях твоих духовных – Господь принял твою молитву. Посмотри кругом – видишь, какое множество иноков собрано тобою под твое руководство во имя Живоначальной Троицы!»

И Сергей видит пред собой множество прекрасных птиц, никогда дотоле им не виданных; они летают не только по всему монастырю, но и вокруг ограды его, – летают и поют несказанно сладостно...

Видение птиц

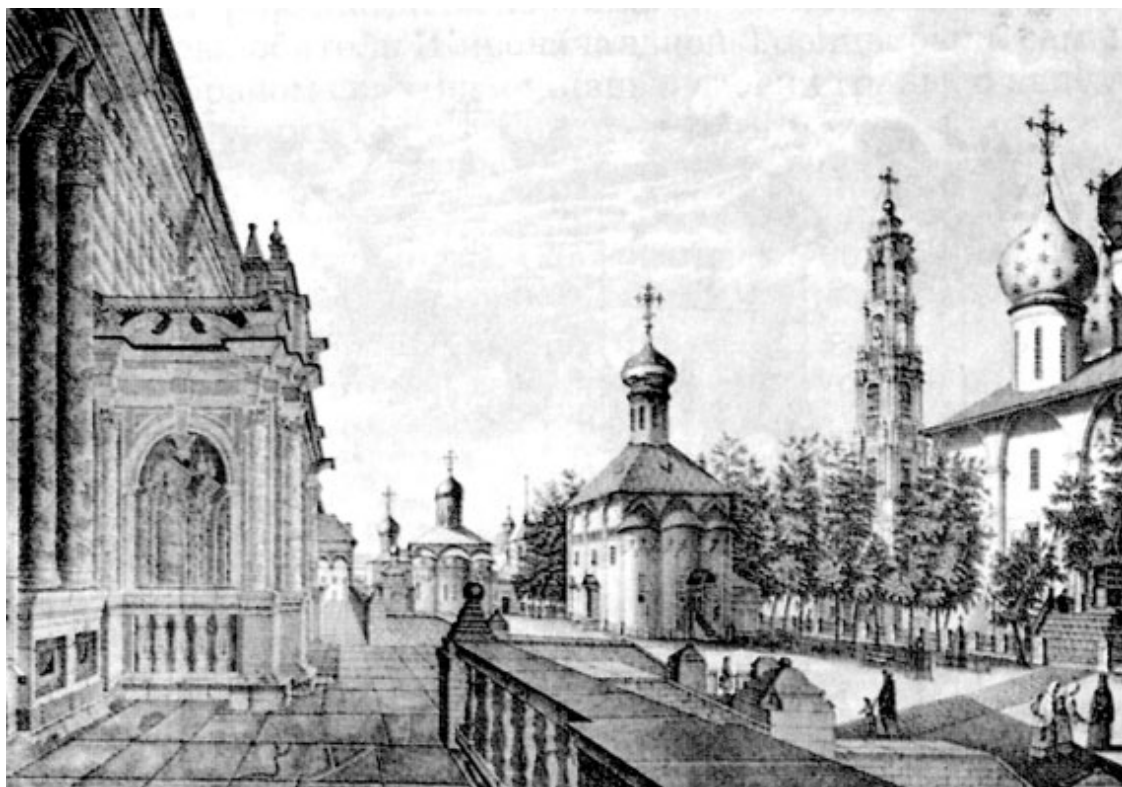
А он опять слышит таинственный голос с высоты небес: «Так умножится стадо учеников твоих, и после тебя не оскудеют они, так чудно они будут украшены разными добродетелями, если только захотят последовать стопам твоим!»

Небесная радость наполнила сердце смиренного Сергия: пророческое видение касалось не его одного, но и всего возлюбленного его братства, всех дорогих чад его по духу, и он пожелал разделить свою духовную радость с кем-нибудь из присных учеников своих. В соседней с ним келии жил Смоленский архимандрит Симон, его и пригласил Преподобный быть участником чудного видения.

Удивленный нечаянным зовом игумена в ночное время, Симон поспешил на его голос, но не сподобился полного видения и только успел видеть некую часть чудного света. Тогда Преподобный поведал ему все, что сам видел и слышал, и оба они, по слову псалмопевца, возрадовались о Господе с трепетом...

Читая этот рассказ, невольно оглянешься на теперешние окрестности лавры: вот Вифания, вот Гефсимания, Пещеры, Киновия, а там, в чаще лесной, – уединенная пустынь Святаго Духа Утешителя; все эти обители как дети на виду у своей матери – славной лавры Сергиевой, но не забудем, что это дети младшие, сто лет назад их еще не было; а сколько обителей было основано в течение пятисот лет сынами обители Сергиевой! Ниже мы увидим, что еще при жизни угодника Божия его учениками было основано до двадцати пяти монастырей, а потом число их возросло до семидесяти.

Но для высшего духовного преуспевания самих учеников Сергиевых их святому наставнику нужно было сделать нечто очень важное в устройстве монастырской жизни. До сего времени каждый брат сам заботился обо всем необходимом для жизни, а потому каждый имел свою собственность, и, может быть, некоторые, подобно архимандриту Симону и схимникам-воинам Пересвету и Ослябе, приносили из мира средства для жизни. Такой порядок открывал путь зависти, любостыжанию и превозношению одних перед другими; чтоб устранить все поводы к усилению в среде братии таких пороков, нужно было ввести в обители общежитие. Впервые в русских обителях было введено общежитие преподобным Феодосием Печерским, но ко времени Преподобного Сергия мало-помалу общежительные порядки в наших обителях ослабли и забылись. Иноки того времени, по недостаточному рассуждению духовному, не любили общежития. Много стоило трудов пастырям Церкви и после того устроить жизнь апостольской общины в обителях. Вот, может быть, причина, почему Преподобный Сергей, всегда кроткий и смиренный сердцем, всегда склонный снизить немощам братии, сколько можно это сделать без ущерба основным требованиям иноческой жизни, не решался сам, своей личной волей, без особенного указания свыше ввести общежитие в своей обители. Тем не менее именно ему, а не кому другому судил Господь восстановить строгие общежительные уставы в монастырях северной Руси. И действительно, мы видим, что в тех обителях, которые основаны были его учениками, как-то: Пешношской, Андрониковой, Симоновской – общежитие было введено при самом учреждении сих обителей, и это сделано, конечно, по заповеди Преподобного Сергия. Промысл Божий помог ему ввести общежительный устав и в его лавре, – помог совсем неожиданным образом.

Внутренний вид лавры. Литография XIX в.

Около 1372 года в его обитель прибыл один греческий митрополит, в сопровождении нескольких греков, из Царьграда. Они объявили святому игумену, что «Вселенский Патриарх Константинопольский Кир Филофей благословляет его и посылает ему поминки – крест, параманд и схиму, вместе со своим писанием».

Смутился смиренный Сергей: думал ли он, чтобы имя его было известно Вселенскому Первосвятителю? Целые три тысячи верст отделяли его скромную пустыню от Царьграда, да и кто он, чтобы удостоиться такой великой чести от Патриарха Вселенского?

– Смотрите, – сказал он патриаршим посланцам, – не к другому ли кому вы посланы? Кто я, грешный, чтоб мне получать поминки от Святейшего Патриарха?

– Нет, отче святой, – отвечали они, – мы не ошиблись. Мы хорошо знаем, что к тебе посланы, а не к иному кому, ведь ты Сергей Радонежский?

– Да, я грешный чернец Сергей, – сказал он.

– Тебя-то вот и благословляет святейший Филофей, Вселенский Патриарх, – подтвердили пришельцы.

Тогда игумен поклонился им до земли. Он угостил их пустынным обедом и, пригласив отдохнуть в обители, приказал братии успокоить дальних гостей, а сам, не раскрывая послания патриаршего, поспешил в Москву, к святителю Алексию: смиренный пустынный не решился принять даров Патриарха без благословения своего святого друга и архипастыря. Явившись к нему, Преподобный рассказал о пришельцах и подал ему Патриаршую грамоту. Митрополит велел прочитать ее, и было читано следующее: «Божиею милостию Архиепископ Константинограда Вселенский Патриарх Кир Филофей, о Святем Дусе сослужебнику нашего смирения Сергию: благодать и мир, и наше благословение да будет с вами. Слышахом убо еже по Бозе житие твое добродетельно, и зело похвалихом, и прославихом Бога, якоже рече Господь: *да возсияет свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф 5:16). Но едина главизна (правило) еще не достаточествует ти: яко не общее житие стяжаете. Понеже веси, Преподобне, и самый Богоотец пророк Давид, иже вся обсязавый (исследовавший) разумом, ничтоже ино возможе

так похвалити, точию: *се ныне что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе* (Пс 132:1). Потому же и аз совет благ даю вам: послушайте убо смирения нашего, яко да составите общее житие, и милость Божия на вас и Пречистыя Богородицы, и всех святых, и наше благословение и молитва да есть с вами».

Патриаршие посланцы

– Ты что же повелишь, владыко святой? – спросил Преподобный Сергей святителя Алексия, когда было прочтено это послание.

– Сам Бог прославляет славящих Его, – отвечал митрополит, – Он сподобил и тебя такого блага, что имя твое и твоя святая жизнь стали известны в такой далекой стране, и даже сам Вселенский Патриарх шлет тебе советы на общую пользу. Можем ли мы предложить тебе лучший совет? Мы очень благодарны Святейшему Патриарху за такой совет, и что он повелевает и благословляет, то благословляем и мы.

Для смиренного игумена этих слов было довольно, чтобы знать волю Божию. Возвратившись из Москвы, он объявил братии желания патриарха и митрополита. Пустынники с радостью согласились на введение в обители общежития. Правда, и между ними нашлись недовольные, но они не стали возражать, потому что невозможно же было идти против воли патриарха и митрополита, их было немного, и некоторые из них вскоре оставили обитель.

Теперь Преподобный Сергей со всем усердием занялся устройством полного общежития в своем монастыре. Немало новых трудов и забот легло на него при введении новых порядков в обители. До сего времени он мог не заботиться о житейских потребностях всего братства, потому что каждый заботился сам для себя, к нему приходили больше за духовным советом, для откровения ему своих помыслов, своих скорбей и нужд духовных; теперь приходилось заботиться и о пище, и об одежде, и обо всем необходимом для братии. Иметь свою собственность или называть что-нибудь своим было строго запрещено, и потому каждый шел со своей нуждой к игумену. Трудиться должны были все способные к труду, исключая, конечно, престарелых и больных, к которым были приставлены послушники, но пример трудолюбия подавал всем святой игумен.

Общежитие потребовало устройства особых помещений для трапезы, хлебопекарни, амбаров, кладовых и подобного. И все это было построено.

Соответственно общежительному уставу распределены были и должности между старейшей братией. Самый почтенный из братии, пользовавшийся всеобщим уважением, был поставлен келарем. Эта должность известна с самого основания монашества в России: она учреждена преподобным Феодосием Печерским. Келарь в наших древних монастырях исполнял должности казначея, эконома и благочинного, он был в монастыре вторым лицом

после настоятеля, а в то время, когда монастырь имел вотчины, келарь заведовал оными – и всем хозяйством, и судебными делами. Одним из первых келарей в обители Преподобного Сергия был преподобный Никон. Списатель Жития его говорит: «И умысли Сергей сего пастыря обители оныя поставити вместо себе, еже и бысть, и устрояет его в служении, яко быти ему вторым по настоятели. Блаженный же Никон милосердие на всех просто имея, и еже до конца тихо и человеколюбиво о всех бо всегда печашеся, благоразумне же и великодушне тем служа, и премудре их утешая, и коегоже лишение подаянием исполняя. Никтоже им от братии презираем бываше, и толико, яко ни от родителей неким удобно таковая к чадам сотворити, елика он к братии творяше». Такое усердие преподобного Никона много радовало его великого старца игумена.

Наиболее опытный в духовной жизни, отличавшийся смиренномудрием и кротостью старец был назначен *духовником* для всей братии. Из первых духовников Троицкой лавры известен был преподобный Савва, впоследствии основатель Сторожевского Богородичного близ города Звенигорода монастыря. Позднее духовником был преподобный Епифаний, премудрый писатель Жития Сергиева.

Для соблюдения порядка и благочиния в церкви во время Богослужения был избран *экклесиарх*. На его обязанности лежало наблюдение за точным выполнением церковного устава, он испрашивал у игумена благословения начинать благовест к Богослужению и вообще проходил послушание нынешнего уставщика и отчасти ризничного. Таким экклесиархом был, например, преподобный Симон, один из приближенных учеников Преподобного Сергия.

У экклесиарха под рукой был *паражкlesiарх*, или пономарь, который назывался также кандилонжигателем. На его обязанности лежало, как видно из самого названия, соблюдать в церкви безукоризненную чистоту; он зажигал и гасил лампы и свечи, приготовлял кадило, заведовал звоном по указанию экклесиарха и подобное.

В подчинении тому же экклесиарху был и *канонарх*, которому поручено было ведать клиросное послушание и хранить Богослужебные книги. Петъ на клиросе обязаны были все к тому способные.

Что касается до устава богослужебного, то, вероятно, вначале употреблялся в обители Сергиевой устав Студийский, как более простой и несложный. Но с учреждением общежития в Троицкой обители введен был устав Иерусалимский (обители преподобного Саввы Освященного), так как в это время в ней было уже достаточное число священников, которые могли без нужды совершать Богослужение хотя бы ежедневно с большей торжественностью – по Иерусалимскому уставу.

Раскрытый служебник, писанный при Преподобном Сергии рукой преподобного Никона в 1381 г. на пергаменте

За исполнением правил общежития строго наблюдал сам Преподобный Сергей. От начальствующих он требовал быть кроткими и милостивыми к подчиненным, а братии заповедовал быть в беспрекословном послушании у начальствующих. Поступь у всех должна быть тихая и спокойная, с наклоненною головою, чтобы наружность соответствовала внутреннему смирению. В свободное время братия должны были находиться в своих келиях, а чтобы руки их не были праздны, должны были заниматься рукоделием, или, как говорят инок, «поделием», потому что настоящее «дело» инок — спасение своей души. Одним из важных келейных послушаний, судя по оставшимся в лаврской библиотеке и ризнице памятникам, было «списание книжное» и переплет рукописей в кожу. Жизнеописатель Сергиев об Афанасии, впоследствии основателе Высоцкого монастыря, говорит, что Сергей особенно любил Афанасия за его трудолюбие в переписании книг. И теперь в лаврской ризнице можно видеть Евангелие преподобного Никона, на пергамене, малой меры, с надписью на нем: «Евангелие четвертное, на харатье, Никона Чудотворца. А не отдати его никому», Служебник, писанный, может быть, для Преподобного Сергия рукой преподобного Никона в 1381 году, на пергамене, в 12-ю долю. В библиотеке лавры также сохранилось несколько драгоценных рукописей от времен Преподобного Сергия. Некоторые из них принесены из Ростова, где в то время процветало книжное учение в обители Григория Богослова и откуда пришел к Преподобному писатель Жития его Епифаний Премудрый, а другие рукописи писаны в самой обители Сергиевой или же относятся к более раннему времени и драгоценны для нас потому, что они бывали в руках угодника Божия, по ним он молился, читал братии поучения и сам поучался в слове Божиим. Таковы: на пергамене Пятокнижие Моисеево (№ 1); собрание некоторых книг Ветхого Завета (№ 2); «Паремейник» (№ 4); Евангелие (№ 5); Поучения Ефрема Сирина (№ 7); 16 слов святого Григория Богослова (№ 8), с искусной заглавной заставкой из перевитых фигур с красками и с надписью: «Елисейской», — может быть, эта рукопись принадлежала преподобному Елисею, ученику Преподобного Сергия; Иоанна Златоуста (№ 9); «Златая Цепь» (№ 11); два Сборника (№ 12 и 13); Пандекты Никона Черногорца (№ 14); «Мерило Праведное» (№ 15); из Богослужбных на пергамене замечательны «Кондакарь» XII века, с крюковыми нотами, по которым пели при Преподобном Сергии, и «Стихирарь», писанный преподобным Епифанием, как видно из его подписи на первой странице: «Многогрешный раб Божий Епифан недостойный...» (далее трудно прочесть). Под 12 мая, на память святого Епифания Кипрского, подписано: «Господине святой Епифание Кипрский, съименинниче мой, елеисон ми». Из рукописей на бумаге

упомянем «Потребник», по которому тогда постригали иноков (№ 229), и «Слова Постнического Преподобного Исаака Сирина», писанные при Преподобном Сергии, в 1381 году (№ 172). Некоторых драгоценных рукописей сохранились одни заглавия в описях древних, таковы: *«Два служебника на харатъе»; Свертки на деревце, Чюдотворца Сергия; Евангелие в десть, на бумаге, Исаковское Молчалниково; Псалтирь в полдесть на бумаге, письмо Исаака Молчалника»*, ученика Преподобного Сергия. От времен преподобного Никона тоже сохранилось несколько рукописей, из коих здесь упомянем только две – «Лествицу», списанную «рукою грубаго и худаго, страннаго и последняго во иноцех, смиреннаго многими грехы Варлаама», в конце книги смиренный инок приписал: «О ленивый Варлааме, готовися к ранам. Близь есть конец». Но особенно замечательна из числа сохранившихся от времени преподобного Никона другая рукопись – Псалтирь с последованиями, писанная около 1428 года, изобретательность писца в почерках и художественное выполнение красками с золотом разных заставок изумительны! Но обращаемся к правилам общежития в пустыни Сергиевой.

Одежду и обувь иноки получали от монастыря. И Епифаний, и преподобный Иосиф Волоколамский свидетельствуют, что сам игумен Сергей шил одежду и обувь для братии; посему можно думать, что была мастерская для приготовления их. Без особенной нужды выходить за ворота монастырские запрещалось. Правило строго исполнялось братией не только при жизни Преподобного Сергия, но и по кончине его. Когда преподобный Пафнутий Боровский приходил в Троицкий монастырь помолиться Святой Троице и Чудотворцу Сергию и, исполнив свое желание, намерен был возвратиться в свою обитель, тогда братия вышли было провожать преподобного богомольца за ворота монастырские, но, вспомнив завет Преподобного отца своего Сергия не выходить за ворота, тут же остановились и, помолвившись, простились с преподобным Пафнутием.

Святой игумен шьет рясы для братии

Когда совершилось благоустройство обители, то еще больше возросло число ее братства, и она стала всем изобиловать. А чтобы избыток не привел с собой нерадения или не подал повода к зависти и осуждению, чтобы, напротив, он послужил к умножению благословения, мудрый распорядитель ввел в обители странноприимство. Он считал это учреждение столь важным для обители, что в пророческом духе подкрепил свою волю относительно сего особенным обещанием Божия покровительства. «Если вы, дети, – так говорил он братии, – сию мою заповедь сохраните без роптания, то и по отшествии моем от жития сего обитель процветет и на многие лета неразрушима постоит благодатью Христовой». Рука Сергиева простерта была к нуждающимся, по красноречивому выражению блаженного Епифания, как река многоводная, тихая струями, и если кому приходилось в зимнее время от сильного мороза, или глубоких снегов, или бурной метели умедлить в обители долее обыкновенного, то во все время пребывания своего в ней он получал все необходимое. А странники, нищие и болящие подолгу в ней отдыхали, пользуясь полным довольством и покоем, по заповеди старца. Уединенная дотоле, обитель Сергиева теперь как бы вдруг выдвинулась из дремучих лесов на распутие жизни людской: мимо ее гостеприимных ворот часто проходили князья и воеводы со своими полками, и всех она принимала радушно, с подобающею честью и отпускала с щедрым запасом. А бывали годы, отмеченные в летописях тяжкими скорбями для всей Русской земли. Так, в 1357 году «велика была истома князем русским» от посла татарского Кошака; в 1364 году был мор повсюду, так что в Смоленске осталось от него живыми всего

пятнадцать человек; в 1368 году Москва претерпела опустошение от Олгерда; в 1382 – земля Русская опустошена Тохтамышем. В 1384 году была «великая дань, тяжелая по всему княженью великому, всякому без отдатка (уступки), со всякия деревни по полтине». Нет сомнения, что в такие годы много нуждающихся приходило в обитель Сергиеву, и она делилась с ними всем, что имела. Делится она и поныне, строго исполняя святой завет гостеприимства, оставленный ей святым ее первоначальником, и как тогда, так и теперь в обители потребных нельзя не видеть над ней особенного Божия благословения за молитвы досточудного старца.

Глава XIII

Внезапная буря

Радуйся, правило веры и образе кротости духовный...
Акаф. 1. Ик. 2

Радуйся, покоривый себе воле Божией и начальником, от Него поставленным...
Акаф. 1. Ик. 10

Радуйся, вышний столп добродетелей создавший, Радуйся, сердце незлобиво во всем житии стяжавый...
Акаф. 2. Ик. 5

Беды в пустыне. Случай в церкви. Смиренный игумен в добровольном изгнании. Уроки митрополита Филарета. Махра. Встреча святых друзей. На Куржаче. Скорбь троицких братьев. Новая обитель. Братия у Митрополита Алексия. Послы у Сергия. Послушание «устам Христовым». Торжество любви и «другое солнце»... Болезнь Преподобного Сергия

(1372–1375)

Казалось, после введения общежития обитель Сергиева была отовсюду крепко утверждена и от всякой превратности безопасна, но кто знает, что принесет с собой наступающий день. О, как нужно бодрствовать, чтобы наружный мир и утверждение не превратились во всегубительство посредством страстей, таящихся в глубине человеческого сердца!

«Нередко, – говорит святитель Платон, – Бог и на праведников Своих попускает искушения, дабы чрез то их добродетель просияла еще более, как золото, в огне искушенное». Это судил Бог претерпеть и Преподобному отцу нашему Сергию. Вдруг пронеслась над его обителью буря, которая едва не сорвала с нее благодатный покров и едва не разрушила самых ее оснований, лишив ее святого игумена... «И кто бы мог подумать, – говорит тот же святитель, – чтобы это произошло от его родного брата Стефана, того самого Стефана, который вместе с ним был основателем обители и соревнителем его подвигов? – Но видно от бед и искушений никуда не уйдешь: *беды во градех, беды и в пустыни* (2 Кор 11:26)». Беды от лжебратьев, беды и от сродников...

Стефан пришел в пустынную обитель своего брата, вероятно, по влечению к более строгой жизни, чем какую он мог вести в Москве, но при этом желании, отказавшись от игуменства в Богоявленском монастыре, он не мог победить в себе страсти властолюбия. Он был старший брат Преподобного, он вместе с ним полагал основание новой обители, может быть, он принес и денежное пожертвование из Москвы на новую обитель – все это питало в нем желание первенства. Можно думать, что в среде недовольных новыми порядками в обители были некоторые на стороне Стефана.

В один субботний день Преподобный Сергей сам служил вечерню и был в алтаре, а брат его Стефан, как любитель церковного пения, стоял на левом клиросе. Вдруг Преподобный слышит довольно громкий голос брата:

– Кто тебе дал эту книгу? – вопрос обращен был к канонарху.

– Игумен, – отвечал канонарх.

Помысл гнева и властолюбия поколебал Стефана при этом ответе. «Кто здесь игумен? – сказал он уже запальчиво. – Не я ли первый основал это место?» Сказаны были и другие немирные слова.

Преподобному стало понятно, что в этом раздражении брата излилось тайное недовольство некоторых из братий на новые порядки в обители. Мы уже говорили, что некоторые из этих недовольных оставили обитель, но были, по-видимому, и такие, которые желали бы сменить самого игумена.

Игуменство не привлекало, а тяготило смиренного Сергея, тем менее желал он управлять такими, которые не желали его управления, и он воспользовался случаем сложить с себя это тяжелое бремя. Предоставляя своевольных суду их совести, Преподобный по окончании вечерни не пошел уже ни в келию, ни в трапезу, куда пошли все братии; никем не замеченный, он вышел из обители и удалился по дороге, ведущей на Кинелу...

Благоговейный читатель Жития Сергиева невольно останавливается мыслью над этим поступком угодника Божия. Приводим здесь рассуждение по сему случаю приснопамятного святителя Филарета, митрополита Московского. «Очевидны, – говорит он, – в сем поступке терпение, кротость и смирение святого. Но вот что недоуменно: почему не вразумил он брата, по долгу игумена? Как за одного человека оставил всю братию и служение, в которое поставлен священной властью?»

«Есть особенные пути святых, – отвечает на сей вопрос мудрый святитель, – пути, пред которыми все должны благоговеть, поелику они особенной благодатью Божией управлены и оправданы в своих последствиях, но которым не всякий имеет право последовать, потому что было бы дерзновенно, если бы каждый стал приписывать себе ту же благодать. Таков случай, теперь рассматриваемый.

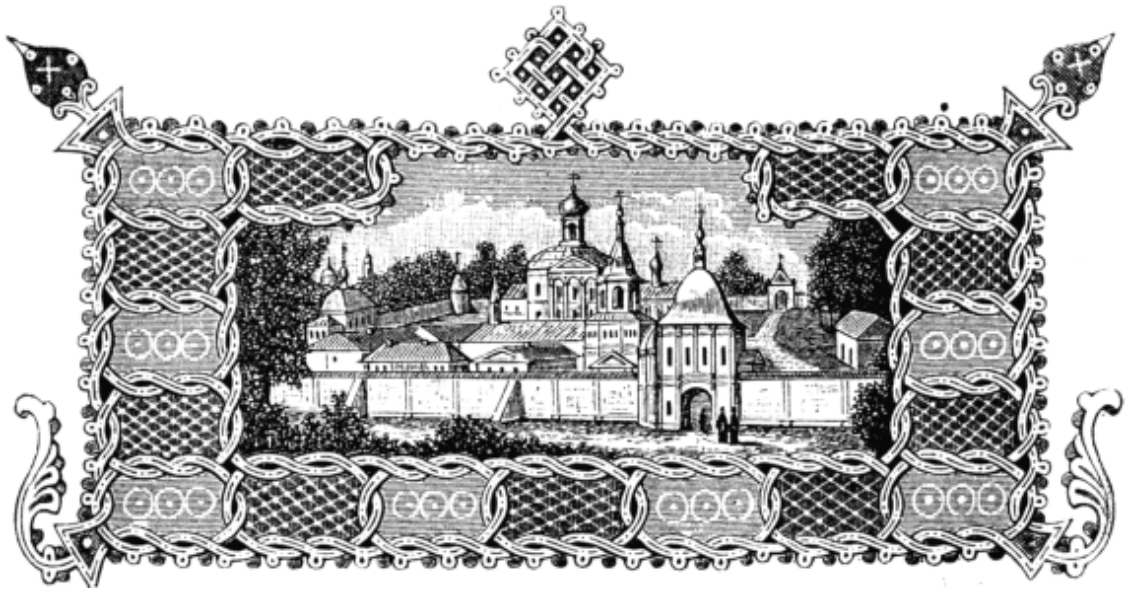
Если у отца сын или у начальника подчиненный бесчинствует: берегитесь молчать и оставлять его без обличения и исправления. Вспомните грозное прещение и наказание, которым за небрежение сего рода Бог поразиł несчастного Илию: *отмщу Аз на доме его до века в неправдах сынов его, о нихже ведяше, яко злословиста Бога сынове его, и не наказа их* (1 Цар 3:13). Если от какого-нибудь искушения или неудовольствия приходит тебе желание бежать от места, на котором ты поставлен законной властью: остерегись; может случиться, что вину своеволия понесешь; от зла путем своего произвола не избежешь, и преследуемого тобой спокойствия не уловишь.

Но если святой Сергей в известном случае не по сим обыкновенным правилам действовал, то по каким же? Ибо святому по святым правилам действовать надлежит. Мы уразумеем дело его, если приложим к его поступку правило Апостола: *сие наче судите, еже не полагати претыкания брату или соблазна* (Рим 14:13). Видел прозорливый Сергей, что неудобно было прямо обличить любоначалствующего, потому что в сем случае обличение казалось бы препирательством за начальство, и вид личной распри между игуменом и старшим по нем (тоже имевшим игуменский сан), и притом между родными братьями по плоти, был бы не без претыкания и для прочих братий обители.

В сих трудных обстоятельствах премудрый старец нашел средство не только не положить претыкания со своей стороны, но и положенный другим соблазн уничтожить. Он никому не сказал о поступке брата, и своим удалением от начальствования подал и сильнейшее врачевство против страсти любоначала. Бог же, оправдывая путь угодника Своего,

чрез его добровольное изгнанничество паче прежнего утвердил в любви к нему братию его первоначальной обители и возвратил его к ней властью святителя Алексия».

Так размышлял о сем «добровольном изгнании» Преподобного Сергия святитель Филарет. Обратимся теперь к повествованию.

Вид Махрицкого монастыря

На пути в Кинелу Преподобного застигла ночь, которую он провел в глухом лесу, в молитве и кратком сне. Наутро он продолжал путь свой и пришел в Махрицкий монастырь.

Здесь был игуменом его духовный друг и собеседник, преподобный Стефан. Постриженник Киево-Печерской лавры, он ушел от преследований латинян в пределы Московского княжества и здесь, в тридцати пяти верстах от обители Преподобного Сергия, основал свою пустынную обитель, так же как и Сергей – во имя Пресвятой Троицы. Преподобные друзья посещали друг друга для духовной беседы и взаимного утешения, и теперь, узнав о прибытии Сергия, Стефан велел ударить в било и со всей братией вышел навстречу к нему. И как же трогательна была эта встреча! Они поклонились друг другу до земли, прося друг у друга молитв и благословения, и ни один из них не хотел первый подняться – так велико было их смирение! Наконец святой гость уступил, он встал, благословил святого хозяина и друга с его братиею, и все вместе вошли в церковь для краткой молитвы. Затем гостеприимный Стефан предложил Сергию пустынную трапезу, и долго они беседовали о спасении души.

Преподобный Сергей гостил у своего друга несколько дней; он обходил с ним пустыню и радовался процветанию его обители. Наконец он сказал Стефану: «Желал бы я, отче, найти себе, при помощи Божией, такое уединенное место, где можно было бы безмолвствовать. Твои ученики хорошо знают здешние пустынные места; итак, прошу твою любовь, дай мне одного из них в провожатые».

Стефан не только с любовью исполнил эту просьбу, отпустив с Сергием ученика своего Симона, но и сам проводил святого друга версты за три от обители, где они отдохнули у источника и распростились. И поныне стоит над этим источником часовня – памятник их дружеского прощания, и ежегодно к этой часовне бывает крестный ход из Махрицкой Сергиевой приходской церкви.

Преподобный Сергей обошел в сопровождении Симона много пустынных дебрей и нашел наконец прекрасное место на реке Киржач, где и поселился для безмолвия.

Нужно ли говорить, в какое уныние была приведена Троицкая обитель нечаянным удалением из нее святого игумена? Лучшие иноки встревожились, но сначала думали еще, что

он скоро возвратится. Ожидание их, однако же, не исполнялось... Тогда братия отправились по двое и по трое искать его по пустынным лесам, по селам и городам, но его нигде не находили... Некоторые, чувствуя духовное сиротство в разлуке с любимым старцем игуменом, решались уже покинуть и самую обитель, в которой теперь все казалось так пусто и бесприютно... Но вот один из братии пришел на Махру к преподобному Стефану и от него услышал, что Сергей прошел в дальнюю пустыню, дабы там основаться. В порыве радости усердный инок хотел было устремиться по следам своего игумена, но потом одумался и поспешил возвратиться в Троицкую обитель, чтобы утешить скорбевших братий радостной вестью. Понятно, как велика была эта радость осиротевших иноков, когда они узнали, где привитает их любимый наставник и отец. Они не могли долее сносить разлуки и один по одному стали переселяться на Киржач. А Преподобный с любовью принимал их и сам помогал строить им келии, сам, своими руками, ископал и кладязь, который существует донине. Братия пожелали, чтобы построена была церковь; тогда Преподобный послал двух учеников своих к митрополиту Алексию просить у него благословения на это; благословение скоро было получено, и церковь основана... С писатель Жития Сергиева сохранил и молитву, которой помолился угодник Божий при основании сей церкви, вот эта молитва: «Господи Боже Сил, иже древле Израиля многими уверивый великими чудесы и законодавца Своего Моисея многими и различными известив знаменьями, и иже Гедону руном образ победы показавый! Сам и ныне, Владыко Вседетелю, услыши и мене, раба Твоего, молящагося Тебе! Приими убо молитву мою и благослови место сие, его же благоизволи создатися во славу Твою, в похвалу же и честь Пречистыя Твоея Матере, честнаго Ея Благовещения. Да и в том всегда славится имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, аминь!»

При помощи Божией постройка церкви пошла успешно; над строением новой обители трудились добровольно многие иноки и миряне: кто строил келии и церковь, кто доставлял материал, нашлись благотворители из князей и бояр, которые присылали и денежные пожертвования на постройки. Число братии быстро увеличивалось. Преподобный и здесь ввел общежительный устав.

Прошло три-четыре года. Иноки Троицкой обители, не пожелавшие расстаться с первоначальным местом подвигов Преподобного своего игумена, все еще утешали себя надеждой, что их старец скоро возвратится в свою возлюбленную обитель! Им казалось невозможным, чтобы любвеобильный Сергей навсегда покинул место, на котором так долго трудился и над которым уже видел и Божие благословение. Не раз приходили они в Киржач и упрашивали Преподобного возвратиться под кров Живоначальной Троицы, но он отклонял их просьбы и оставался в новой обители. Тогда троицкие старцы в порыве сыновней любви к своему святому игумену и сердечной привязанности к родной обители пошли в престольный град Москву к самому святителю Алексию и, зная, как Сергей свято чтит волю архипастыря, со слезами стали умолять его, чтобы он своею святительскою властью возвратил им, осиротевшим детям, чадолюбивого отца.

– Владыко святой, – говорили они митрополиту, – ведает святое твое владычество о разлуке нашей с отцем нашим духовным; живем мы теперь как овцы без пастыря; священноиноки, и простые старцы, и все святое, Богом собранное, братство, не в силах будучи сносить разлуку эту, один за другим покидают нашу обитель и уходят к нему... Да и сами мы не можем дольше жить без него... Итак, если соизволишь, Богом данный архипастырь наш, исполнить смиренное моление наше, то повели ему возвратиться в свою прежнюю обитель, чтобы она не пришла в запустение.

Святитель хорошо понимал, как нужен Сергей для обители Троицкой, но видел и то, как тяжело огорчили блаженную душу своевольные, которые возмутились и против отца своего, и против воли Вселенского Патриарха. Жаль ему было и учеников, безутешно скорбящих в разлуке с наставником, но не хотел он действовать и на святого друга своего одною

только властью архипастырской... Благословив троицких иноков и сказав им слово утешения, митрополит отпустил их в свою обитель и немедленно отправил почетное посольство к Преподобному Сергию, состоявшее из двух архимандритов – Герасима и Павла. Посланные прибыли на Киржач и братски приветствовали Сергия. «Отец твой, – сказали они, – Алексей митрополит, благословляет тебя и очень рад, что имеет добрые вести о твоей жизни в этой далекой пустыне и что имя Божие и тут прославляется через тебя. Но он повелел нам сказать тебе: “Довольно и того, что ты здесь построил церковь и собрал немало братьев. Избери теперь из числа своих учеников опытного в духовной жизни и оставь его строителем новой обители, а сам возвратись опять в монастырь Пресвятой Троицы, дабы братия, так долго скорбящие о разлуке с тобою, не разошлись вовсе из той обители. Непокорных и строптивых я выведу вон оттуда, чтобы там не было ни одного твоего недоброжелателя. Только не ослушайся нас, и милость Божия и наше благословение всегда да будут над тобой!”»

– Так скажите от меня, – отвечал смиренно Преподобный, – господину моему митрополиту: «Все, что исходит от твоих уст, принимаю с радостью, как исходящее от уст Христовых, и ни в чем тебя не ослушаюсь».

С таким ответом архимандриты возвратились к святителю, который был очень одобрен совершенным послушанием Сергия. Немедленно послал он в новую обитель священников и утварь церковную, и церковь была освящена в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. А Сергей избрал из своих учеников преподобного Романа, которого митрополит рукоположил в священный сан и поставил строителем на Киржаче. Закончив, таким образом, благоустройство новой обители, Преподобный игумен возвратился в свою первоначальную пустынь.

Это возвращение было торжеством добра над злом, праздником взаимной любви учеников и наставника. Как только стало известно в обители, что Преподобный идет в свою родную лавру, все братия поспешили к нему навстречу. «Умилительно было видеть, – рассказывает преподобный Епифаний, который, может быть, сам был свидетелем этой встречи, будучи тогда еще послушником, – как, одни со слезами радости, другие со слезами раскаяния, ученики бросались к ногам святого старца, одни целовали его руки, другие – ноги, третьи – самую одежду его; иные, как малые дети, забегали вперед, чтобы полюбоваться на своего желанного авву, и крестились от радости; со всех сторон слышались возгласы: “Слава Тебе, Боже, о всех промысляющий! Слава Тебе, Господи, что сподобил Ты нас, осиротевших было, снова увидеть нашего отца, нашего пастыря и учителя! Пришел он наконец к нам, заблудшим! И вот теперь будто другое солнце взошло для нас!..” Что же их отец? Ликовал и он духовно, любясь детьми своими, которых он же собрал в этой пустыне; он теперь целовал их, как любящий отец после долгой скорбной разлуки, он видел теперь на деле их искреннюю сыновнюю любовь, сыновнее послушание...» Так был вознагражден за скорбь свою великий праведник!.. По своему глубокому смирению и кротости он добровольно изгнал самого себя из обители ради умиротворения изгонявших его: он не мог видеть в монастыре мирского своеволия; за то утешен был теперь сыновнею любовью и преданностью своих учеников.

А что же случилось с его братом Стефаном, который своим неосторожным, грубым словом огорчил смиренного игумена и подал ему повод уйти из обители?

При встрече Преподобного Сергия мы его не видим, – может быть, он сам или по распоряжению святителя Алексия на это время удалился из лавры или в Богоявленский монастырь, или в Симонов, к своему сыну Феодору, но позднее, по кончине Преподобного Сергия, мы видим его опять живущим в обители и поведающим писателю Жития Сергиева историю его детства. Ясно, что он раскаялся в своей минутной вспышке и примирился со своим святым братом-игуменом.

Впрочем, нерасположение к общежитию примечалось в некоторых из братий и впоследствии, даже спустя лет десять-двенадцать, – это видно из того, что около 1382 года Вселенский Патриарх Нил в утешение святому игумену в борьбе с недовольными прислал свое послание, в котором называл обычный образ жизни тогдашних русских иноков жизнью мирских людей и делом «дикой, невежественной земли»; напротив, введенное Сергием общежитие называл делом высокой духовной мудрости и предлагал братии наставление о необходимости и достоинстве послушания.

* * *

Вскоре после описанных событий, именно в 1375 году, Преподобный Сергей был тяжело болен, так что опасались за жизнь его. Он пролежал на одре болезни со второй недели Великого поста до Семенова дня, то есть до 1 сентября. Жизнь праведника так была дорога в глазах современников, что летописец счел нужным занести известие об этом в свою летопись. «Пусть не удивляются тому, – замечает при этом дееписатель, – что праведникам посылаются скорби и болезни: *многими скорбми подобает... внити в Царствие Божие* (Деян 14:22). А что грешные люди живут здоровы и веселы и не терпят на сем свете никаких скорбей – за то им готовится вечное мучение в будущей жизни. А для страждущих праведников готовится Господом Богом много венцов и неизреченная слава на небесах».

Глава XIV

Друг святителей

Радуйся, смирением возвышаемый...
Акаф. 1. Ик. 8

*Радуйся, ничего на небеси и на земли, разве Христа Иисуса,
видети желавый.*
Акаф. 1. Ик. 9

Духовное злато и медницы. Светильник в пустыне. Церковные смуты на Востоке. Святитель Алексей в Царьграде. Буря на Черном море. 16 августа. Исполнение обета. Памятник исцеления Тайдулы. Мысль Святителя. «От юности я не был златоносцем». Предложение высокого сана и отречение от него. Уроки мудрости духовной. Честолюбивый архимандрит. Кончина Святителя Алексия и скорби Русской Церкви. Преподобный Дионисий Суздальский. Пророчество Сергиево. Переписка святителя Киприана с Преподобным Сергием. Пророчество исполняется. Пимен и Киприан. Гнев Великого Князя. Удаление и возвращение митрополита Киприана

(1354–1391)

До сих пор мы говорили о деяниях игумена Радонежского только в тесном кругу иноческой жизни, мы видели в нем пустынноика, великого подвижника, великого наставника иноков, теперь скажем о нем как слуге Церкви Христовой и гражданине земного отечества. С благоговением взирали мы на его иноческие подвиги, с благодарной любовью посмотрим теперь на деяния его как православного русского человека. И мы увидим в нем друга святителей, советника князей, печальника всей Русской земли. «Мудрость, – говорит один писатель, – соединяясь со смирением, образует тот духовный разум, который Святые Отцы называют порождением искушений, или плодом опыта духовного». Это дивное свойство святых подвижников привлекает к ним сердца как простых людей, так и сильных земли; к ним идут князья и вельможи, идут и мудрые пастыри Церкви, почитая для себя великою милостию Божией беседовать с такими подвижниками и укреплять себя в трудные минуты жизни, под тяжестью великих трудов, утешением их слова благодатного. Справедливо Исаак Сирин называет слово опыта духовного золотом, в поте лица приобретенным, а слабое слово человеческого рассуждения без опыта – медницею; первое, по его прекрасному сравнению, подобится живой воде ключевой, а последнее – воде, на стенах написанной!

Дорого ценили мудрое слово Преподобного Сергия современные ему святители и князья Русской земли. Его имя – «яко священие некое обношашеся» в устах всякого чина людей: от Великого Князя и бояр до последнего простолюдина, жившего в пределах Московского княжества. В этом отношении пустынноик Радонежский был для своего времени тем же, чем были древние пророки, с которыми и сравнивает его блаженный Епифаний. Готовился было

сему великому светильнику Церкви и отечества и высший свещник, но «непреложный жребий его, по прекрасному выражению Московского святителя Филарета, был – из пустыни светить престолам, а не с престола светить Церкви и государству». Вот почему «самое послушание, столь свято хранимое Сергием во всех других случаях, не могло привести его к тому, чтобы расстаться с сладкою для него пустынею».

В 1354 году святитель Алексей был утвержден от Вселенского Патриарха Каллиста в звании Митрополита Всероссийского. В том же году, как знают читатели, Преподобный Сергей был возведен в сан игумена. С сего времени тесная дружба соединила их союз любви, и эта святая дружба не прекращалась уже до самого гроба. Они вместе делили и радость и горе, вместе служили Церкви и родной земле. Едва митрополит Алексей возвратился в новом сане из Царьграда, как его смирение омрачилось смутами на Востоке. Патриарший собор в Константинополе, уступая требованию западнорусских князей, поставил некоего Романа митрополитом Западной Руси. Роман, не довольствуясь Галицией и Волынью, потребовал доходов от Тверского епископа. Но и в Киеве не приняли Романа, а Тверской епископ, несмотря на желание своего князя, не хотел иметь никакого сношения с Романом. Россия, почитая законным митрополитом только Алексея, встревожилась. Чтобы положить конец этим смутам и тревогам, смиренный святитель вынужден был в 1356 году снова отправиться в Царьград. Туда же явился и Роман. Патриарх подтвердил Роману, чтобы он был митрополитом только Литвы и Волыни, а Алексею предоставил считаться митрополитом Киевским и Великой России. На возвратном пути из Царьграда блаженный Святитель встретил новое бедствие. На Черном море поднялась страшная буря – волны катились как горы, и корабль каждую минуту готов был исчезнуть в страшной пучине. Все бывшие с митрополитом отчаявались в спасении. Святитель молился, молился усердно; он дал обет соорудить храм во имя того святого, которого память будут праздновать в день высадки пловцов на берег. Господь услышал молитву святителя, настала тишина, и корабль благополучно пристал к берегу 16 августа. И так святитель стал теперь должником Всемиловитому Спасителю. Скопившиеся в его отсутствие дела по управлению Церковью замедлили исполнение сего обета.

Прошло пять лет. Митрополит нередко посещал своего пустынного друга, Преподобного Сергия, и совещался с ним обо всем, что касалось церковных дел.

В одно из таких посещений святитель сказал игумену:

– Возлюбленный! Хочу просить у тебя одного благодеяния и надеюсь, что твоя любовь не откажет мне в этом.

– Мы все готовы служить твоей святыне, – смиренно отвечал Сергей, – ничто тебе не возбранено в моей обители.

– Хочу, – продолжал митрополит, – исполнить мое давнее обещание построить монастырь в честь нерукотворенной иконы Спасителя, – и святитель рассказал о том, что было с ним на Черном море.

– Доброе дело затеял ты, – сказал пустынножитель, – помоги тебе Господь выполнить его! А чего потребуешь от сына твоего – все готово для тебя.

– Уступи же мне своего возлюбленного Андроника в настоятели для этой обители, – сказал тогда митрополит.

– Твоя воля, – отвечал Сергей, и святитель, наделив обитель Пресвятыя Троицы милостыней, тогда же взял с собой в Москву преподобного Андроника. Обитель была основана в 1361 году на берегу Яузы.

В 1365 году святитель Алексей основал обитель в самом Кремле в честь чуда архистратига Михаила, на месте, подаренном ему татарской царицей Тайдулой. Это был благодарный памятник чуду, совершившемуся над сей царицей 6 сентября. И для Чудова монастыря, по свидетельству преподобного Иосифа Волоколамского, митрополит Алексей «испросил

честных старцев у Сергия», а других взял из иных монастырей. И эти иноки «жили иночески, жизнью духовною, так что многие приходили к ним, старые и юные, и получали пользу».

Мудрые советы смиренного старца и его святая равноангельная жизнь подали святителю мысль приготовить в лице Сергия достойного себе преемника первосвятительской кафедры. Чувствуя ослабление старческих сил своих, он хотел поступить по примеру своего предшественника, митрополита Феогноста, который еще при жизни, вместе с Великим Князем, просил патриарха не назначать себе другого преемника, кроме него, то есть Алексия.

И вот он вызывает к себе в Москву Преподобного Сергия из его любимого уединения. Пеший идет старец игумен к своему другу митрополиту. «До глубокой старости любил угодник Божий труды, – замечает при этом летописец, – и никогда не ездил на конях, а всегда ходил пешком».

С любовью встречает святитель пустынного гостя. Среди беседы он вдруг приказывает принести золотой «парамандный» крест, украшенный драгоценными камнями, и дарит его Сергию. Смутился смиренный любитель нищеты. Ему и на мысль не приходили такие почести.

– Прости мне, владыко святой, – говорит он с глубоким поклоном святителю, – от юности я не был златоносцем, а в старости тем паче желаю в нищете пребывать.

– Знаю, – отвечает ему старец митрополит, – знаю, что таково всегда было твое житие, но теперь покажи послушание и прими от нас сей дар в благословение.

Сказав это, он своими руками возлагает на Сергия золотой крест, «как бы в знак обручения святительского сана», и говорит ему: «Ведаешь ли, Преподобный, для чего я теперь призвал тебя и что хочу сделать с тобою?» «Почему могу знать это, господин мой?» – скромно отвечал смиренный Сергей. «Держал я, – говорит святитель, – Богом врученную мне митрополию, сколько Ему, Господу, было это угодно, теперь вижу, что близок мой конец, не знаю только дня моего скончания. Я желал бы, пока сам жив, найти человека, который мог бы после меня пасти стадо Христово». Тут митрополит упомянул, что на его место, вероятно, будет назначен Киприан, но что он совсем не знает этого человека и потому не может спокойно положиться на него. «В тебе вижу я мужа, достойного править слово истины, – продолжал он. – Знаю достоверно, что все – от великодержавного до последнего человека – тебя пожелают иметь своим пастырем. Теперь, заблаговременно, ты почтен будешь саном епископа, а после исхода моего и престол мой восприимешь».

Глубоко смутило смиennemудрую душу Сергия столь неожиданное предложение старца святителя; с великим уничижением, даже со скорбью он стал отрекаться от предлагаемой ему чести: сан святительский казался ему бременем не по силам. «Прости мне, владыко святой, – говорил он, – ты хочешь возложить на меня бремя свыше меры моей, ибо кто я, грешный и худейший паче всех человек? Нет! Ты не найдешь во мне чего ищешь!»

Долго святитель уговаривал Сергия принять великий сан; он приводил ему примеры из житий святых и убеждал словами Священного Писания, но все было напрасно – смиренный пустыннолюбивый Сергей никак не мог примириться с мыслью о принятии на себя архиерейского сана и наконец решительно сказал своему другу святителю: «Владыко святой! Если не хочешь ты отгонять моей нищеты от твоей святыни, то не говори больше об этом моей худости, не позволяй и другим побуждать меня к тому – поверь, что невозможно найти во мне того, чего желаешь ты».

Предложение Преподобному Сергию митрополии и его отречение

Тогда прозорливый святитель увидел, что если он еще будет настаивать на своем желании, то заставит Сергия удалиться в какую-нибудь безвестную пустыню, и, опасаясь, чтобы совсем не скрылся светильник, тихим светом озарявший и благодатной теплотой согревавший его паству, переменил разговор. Утешив старца словом отеческой любви, он отпустил его с миром в обитель.

Исполненный глубокого смирения отказ Преподобного Сергия от святительской кафедры всегда останавливал на себе благоговейную мысль писавших о его житии. Соберем здесь уроки духовной мудрости, извлеченные пастырями Церкви из сего поступка Сергиева.

«Кто может изъяснить сию священную распрю? – рассуждает Московский святитель Филарет. – Духовный же, по слову Апостола, *востязует убо вся, а сам той ни от единого востязуется* (1 Кор 2:15). Мы только знаем от того же Апостола, что *комуждо же дается явление Духа на пользу* (1 Кор 12:7): и один дар нельзя переменить на другой по произволу».

«В этой духовной борьбе, – говорит другой святитель Московский, митрополит Платон, – один старался одержать победу над другим, а сей другой старался одержать победу над самим собою, – и оба остались победителями! – Один дал верх и торжество своему смиренномудрию; другой, уступая изволению Духа Божия, управляющего сердцами праведников, как бы возложил венец славы на смиренного подвижника! Редкая вещь! Чего другие, подстрекаемые честолюбием, всеми мерами ищут, того всемерно отрицается и избегает праведник! Но не позволим себе думать, будто Сергей в сем случае воспротивился званию Божию. Нет, он исполнен был Святаго Духа, Который управлял его душой и располагал ее к тому, чего требовала его добродетель и польза других».

Третий архипастырь, Херсонский архиепископ Никанор, рассказав сию историю в поучение своим слушателям, с горечью восклицает: «А мы кто? Златоносцы, недостойные быть келейниками у Преподобного, и носим сии златотканые одежды, и тяготу, и высший долг архиерейства!.. И больно нам за наше недостойнство, когда читаем все это в Житии Преподобного Сергия!.. Что же делать? Бежать ли всем в пустыню?» – вопрошает проповедник-святитель. И указав на многих святых Божиих, свято поживших и Богу угодивших в высоком сане и звании, среди богатства и блестящей обстановки, указав на того же святителя Алексия, который «вот тоже носил золотой крест, камнями дорогими украшенный», заключает, что не во внешности дело, а в смирении, что лучше всего в сем случае следовать заповеди апостола Христова Павла: *каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал* (1 Кор 7:7). Так святой Апостол не только заповедует, но и повелевает по всем церквам.

«Великий отец наш Сергей, – говорит святитель Филарет, – как бы в некоторое вознаграждение Православной Церкви за то, что не отдал ей в Епископство самого себя, в обилии возвращает под сенью своей сынов послушания и разума духовного, которых потом избрание церковное призывает к Епископству».

* * *

Чтобы понять, почему митрополит Алексей так настойчиво желал иметь Преподобного Сергия своим преемником, должно знать, что Великий Князь Дмитрий Иоаннович был увлечен пристрастием к своему любимцу, духовнику и хранителю его великокняжеской печати, Новоспасскому архимандриту *Михаилу*, и желал его видеть на Московской кафедре. Этот Михаил, или, как его прозвали, *Митяй*, был человек видной наружности, с громкой и чистой речью, хорошо толковал силу книжную, знал все старинные повести, книги и притчи и обо всем рассуждал красноречиво. Но, щедро наделенный дарами Божиими, он плохо помнил, что все это не его, был горд, самонадеян и заносчив.

Великий Князь не раз просил митрополита Алексия – и сам, и через Серпуховского князя Владимира Андреевича, и через ближних бояр святителя, – чтобы он благословил Митяя после себя на митрополию. Но святитель хорошо знал дурные свойства Новоспасского архимандрита и говорил князю: «Митяй еще недавний монах – надобно ему запастись духовным опытом и потрудиться в монашестве. Если даст Бог и Святейший Патриарх с собором благословит, то пусть будет, а я не могу благословить его». Если бы не это пристрастие Великого Князя к своему духовнику, то и святителю Алексею не было бы особенной нужды так заботиться о преемнике, потому что еще в 1376 году был посвящен по просьбе литовских князей в сан митрополита Киприан, с тем чтобы по смерти Алексия он стал Всероссийским митрополитом. А перед волей патриарха благоговели и Алексей и Сергей. Богомудрый Сергей видел, что принять предлагаемый сан в таких обстоятельствах значило увеличить церковные смуты или взять на себя тяжкое дело умиротворения этих смут; глубокое смирение старца не приняло на себя и этого подвига. Все, что мог он взять на себя для блага Церкви, он

сделал: он убеждал Великого Князя принять Киприана, выставляя на вид вредные последствия разделения митрополии Русской. Но Великий Князь был недоволен Киприаном за то, что он еще при жизни святителя Алексия, в 1376 году, позволил себе приехать в Москву в звании Митрополита Всероссийского, но, понятно, не был здесь принят и должен был удалиться в Киев, где и жил.

12 февраля 1378 года не стало святителя Алексия... С его кончиной начинаются скорбные времена для Русской Церкви, до того скорбные и смутные, что некоторые повествователи, излагая историю этого времени и обращая внимание только на внешний ход событий, без надлежащей оценки нравственного характера тогдашних деятелей, обвиняют в корыстолюбии, честолюбии и других человеческих немощах даже таких лиц, которые за свою святую жизнь Самим Богом прославлены и Церковью чтутся в лике святых Божиих... И тем выше, чище и светлее выступает в этот смутный период церковной жизни святая личность смиренного игумена Радонежского, тем важнее то служение, его личное участие в тогдашних событиях, что он дает беспристрастному историку верное руководство для надлежащей нравственной оценки лиц и событий, дает возможность избрать верную точку зрения на того или другого деятеля и сказать слово правды, сколько беспристрастное, столько же и безобидное...

По смерти святителя Алексия и сам Великий Князь, и многие из знатных людей снова предлагали Преподобному Сергию принять святительский жезл, но Преподобный опять указал на Киприана как законного архипастыря; а когда Великий Князь не согласился на это, то он указал на Суздальского епископа Дионисия как человека наиболее достойного сего сана. Но Великий Князь опять обратился мыслью к своему любимцу – Новоспасскому архимандриту, и Митяй избран в митрополиты. Этот гордый человек не хотел даже соблюсти должного приличия в своем положении. Еще не посвященный в сан святителя, он облачался в митрополичью мантию, носил белый клобук и золотой крест с украшенным бисером парамандом, садился на святительскую кафедру и позволял себе подвергать наказаниям не только архимандритов, но и епископов. Он внушил было Великому Князю противную правилам того времени мысль – посвятить его в сан митрополита в Москве, без участия Вселенского патриарха. Великий Князь пригласил было уже и епископов для сего посвящения. Но Суздальский епископ Дионисий восстал: «Кто это учит тебя, Государь, переменять церковный закон по своему усмотрению? Не следует быть тому, чего желают от тебя и от нас». Так говорил правдолюбивый Дионисий Великому Князю, и тот отказался от своего желания. Это раздражило честолюбивого Митяя; он потребовал от Дионисия объяснения, почему тот не являлся к нему на поклон.

– Потому, – отвечал Дионисий, – что я епископ, а ты только священник – не тебе судить меня.

– Да я тебя и попом не оставлю! – гневно закричал Митяй. – Я своими руками спорю твои скрижали!

Зная добрые отношения Дионисия к Преподобному Сергию и подозревая, что они оба против него в заговоре, Митяй пожаловался на Дионисия Великому Князю, будто он хочет ехать в Царьград, чтобы там получить себе сан митрополита, и князь посадил Дионисия под стражу. Но Преподобный Сергий взял своего друга на поруки, и Дионисий был освобожден. Через неделю он действительно уехал, сначала к себе в Суздаль, потом – в Нижний, а оттуда поехал в Царьград, куда вызвал его Вселенский Патриарх по церковным делам. Это страшно раздражило честолюбца Митяя против Преподобного Сергия: ему всегда казалось, что Преподобный Сергий действует против него заодно с Дионисием и что именно по совету Сергия покойный митрополит Алексей не захотел иметь его, Митяя, своим преемником. «Вот вернусь из Царьграда, – хвалился он, – тогда до основания разорю монастырь Сергиев». Эта похвальба дошла до смиренного сподвижника. «Молю Бога, – сказал на это старец, – чтобы

Он не попустил Митяю разорить место сие и изгнать нас без вины. Митяй побежден гордостью; он грозит обители нашей, но сам не получит желаемого и даже не увидит Царьграда».

Между тем в Москву ехал из Киева митрополит Киприан. Когда Преподобный Сергей имел случай лично познакомиться с этим святителем – нельзя сказать с точностью. До нас дошли три письма митрополита Киприана, писанные к «преподобным игуменам Сергию и Феодору», Симоновскому, и из первого письма можно заключить, что до 1379 года они не были лично знакомы. Письмо это писано с дороги, из Любутска (ныне село в Калужской губернии), когда Киприан, узнав о кончине святителя Алексия, ехал в Москву. Вот это письмо. «Благословение о Святем Дусе, возлюбленном сыном нашего смирения, преподобным игуменом Сергию и Федору. Молюся Богови, да пребываете в спасении душевном с Богом даною вам братьею. Наставляйте их к путем спасеным (спасительным). Слышу о вас и о вашей добродетели, како мирская вся мудрования преобидите (вменили ни во что), и о единой воли Божией печетесь; и о том велми благодарю Бога и молюся Ему, да сподобит нас видити друг друга и насладитися духовных словес. Буди же вам сведомо: приехал есмь в Любутеск, в четверк, месяца иуния 3 день (1378 г.), а еду к сыну к своему ко князю к великому, на Москву. Иду же якоже иногда Иосиф от отца послан к своей братии, мир и благословение нося. Аще неции о мне инако свещают, аз же святитель есмь, а не ратный (военный) человек; благословением иду, якоже и Господь, посылая ученики Своя на проповедь, учаще их, глаголя: приемляй вас Мене приемлет. Вы же будите готови видитися с нами, где сами погадаете; велми жадаю (жажду) видитися с вами и утешитися духовным утешением. А милость Божия и Святыя Богородица и мое благословение да будет на вас!»

В ответ на это отеческое послание преподобные отправили было послов навстречу первосвятителю, но Великий Князь Димитрий велел этих посланцев воротить назад. Из этого письма видно, что Киприан знал о происках Митяя, но, по-видимому, вовсе не ожидал такой встречи, какая ему готовилась в Москве. Он был расположен дружелюбно к Великому Князю и вез с собой несколько священных вещей, чтобы подарить их князю; но с ним поступили именно «как с Иосифом»: он был схвачен каким-то боярином Никифором, который ограбил митрополита, осыпал неслыханными ругательствами и насмешками и полуобнаженного, голодного запер под стражу в сырую клеть. На другой день его с бесчестием выпроводили из столицы. Оскорбленный до глубины души святитель 23 июня остановился где-то неподалеку от Москвы и написал второе послание «честному старцу игумену Сергию и игумену Феодору». Тут он излил всю свою скорбь на эти несправедливости, сильно восставал против незаконных притязаний Митяя и предал отлучению всех принимавших участие в нанесении ему, законному митрополиту, такого бесчестия и поругания, какого, по его выражению, «не створилося есть ни над единым святителем, како Руская земля стала». «Яз, – пишет он, – Божиим изволением и избранием великаго и святаго собора, и благословением и ставлением Вселенскаго патриарха поставлен есмь митрополит на всю рускую землю, а вся вселенная ведает (о том); и нынече поехал есмь был со всем чистосердием и з доброхотением к князю великому...» Рассказав далее о том, что потерпел от Никифора, который обобрал донага не только его, но и всех бывших с ним и выпроводил из города на тощих клячах, «в обротех лычных», без обуви и даже без сорочек, святитель с горьким упреком жалуется: «Тако ли не обретесе никтоже и на Москве, добра похотети души князя великаго и всей отчине его?.. А аще миряне блюдутся (боятся) Князя, занеже у них жены и дети, стяжания и богатства, и того не хотят погубити;.. вы же, иже мира отреклися есте... и живете единому Богу, како, толику злобу видив, умолчали есте?.. Растерзали бы есте одежи своя, глаголали бы есте пред цари не стыдяся; аще быша вас послушали, добро бы; аще быша вас убили, и вы святы». Тут Киприан приводит церковные правила, угрожающие анафемой «купующим и продающим мздой или силой княжеской святительство», а «у вас, говорит, стоит на митрополище месте чернец в манатии святительской и в клобуце, и перемонатка (параманд) свя-

тительская на нем, и посох в руках. И где се бещиние и злое дело слышалось?.. Аще брат мой (Св. Алексей) преставился, аз есмь святитель на его месте; моя есть митрополия!» Он свидетельствуется Богом, что его совесть чиста в отношении к Великому Князю, что он всегда отдавал ему должную честь, всегда за него молился, что и в Литве он делал все, что мог, для пользы Великого Князя и Русской митрополии. А польза Церкви требует не разделения, а единства митрополии. Указав далее на то, что никакой князь не имеет права судить епископа, даже и виновного, без собора и патриарха, Святитель восклицает: «Слыши небо и земля и вси христиане; что створиша надо мною христиане!.. И аз колика сила (сколько мог) хотел есмь, чтобы злоба утишилася. То Бог ведает, что любил есмь от чистаго сердца Князя Великаго Дмитрия, и добра ми было хотети ему и до своего живота... Вы же, честнии старцы и игумены, отпишите ми наборзе (поскорее), да угонить мене ваша грамота наборзе, что мудрствуете (как вы думаете)... А ко Царю-городу еду оборонитися Богом и святым Патриархом, и великим сбором; и тии (враги мои) на куны надеются и на фрязы (генуэзцев, у которых можно было брать «куны» в долг), аз же на Бога и на свою правду...»

Не приводим вполне этого очень обширного послания, но и сделанных нами выдержек довольно, чтобы видеть, что скорбящий святитель не имел людей, более Сергия и Феодора близких по духу, пред которыми он мог бы раскрыть все свое горе и облегчить душу изливанием скорбных чувств. И он не ошибся. Из его третьего послания видно, что преподобные не оставили без ответа его скорбной исповеди. «Елико смирение и повиновение, и любовь имеете к святей Божией Церкви и к нашему смирению, все познал есмь от слов ваших, — пишет святитель от 18 октября уже из Киева. — А како повинуетесь к нашему смирению, тако крепитесь». Теперь Киприан уже спокойнее смотрел в будущее, зная свою правоту. «Яз бо славы не ищу, ни богатства, но митрополию свою, юже ми есть предала святая Божия Церкви, а смирения (мира) и съединения церковнаго желаю и христианскаго. А хто нас не възхотели, потом познають истину. А яз без измены (непременно) еду к Царю-городу. А пред собою вести послал же есмь. А вы, сынове, не тужите; молитесь же Господа Бога, да сподобит нас видетися, и тогда утешимся веселием духовным и възрадуемся». Так святитель Киприан заключает свое третье послание к преподобным.

Между тем Митяй с большой свитой и дарами отправился в Царьград для посвящения в сан митрополита. Но над гордым честолюбцем сбылось пророчество смиренного игумена Сергия: во время плавания он вдруг заболел и в виду самого Константинополя скоропостижно умер. «Рассказывали, — говорит летописец, — что корабль, на котором он плыл, во время его болезни вдруг стал на одном месте без всякой причины; и тогда как другие суда шли взад и вперед беспрепятственно, он, как бы удерживаемый невидимой рукой, не трогался с места, несмотря на попутный ветер и все усилия пловцов. Когда же Митяй умер и был свезен на особом судне в Галату, где и похоронен, то корабль немедленно тронулся и пошел своим путем».

Преподобный Дионисий, епископ Суздальский, в это время находился в Царьграде. При расположении к нему патриарха, который почтил его саном архиепископа, Дионисий мог бы «после несчастной смерти Митяя испросить себе сан митрополита. Но он не искал земной чести, а только славы Божией желал». Нашелся другой искатель высокого сана, — это был архимандрит Пимен, один из спутников Митяя. И без согласия княжеского, обманом и подкупом, он добился того, что был поставлен в сан митрополита. Когда Великий Князь узнал об этом, то распорядился взять Пимена еще на пути в Москву и послать в заточение, а своему новому духовнику, преподобному Феодору Симоновскому, приказал ехать в Киев, чтобы звать в Москву митрополита Киприана. В мае 1381 года Киприан с честью был встречен в Москве. Но в августе 1382 года, во время нашествия Тохтамыша, он имел неосторожность удалиться из Москвы в Тверь, где в то время княжил давний враг Великого Князя Московского — Михаил Александрович. Московский князь оскорбился и после

того не захотел принять к себе Киприана, который вынужден был снова удалиться в Киев. Туда сопровождал его ученик Преподобного Сергия, преподобный Афанасий Серпуховской. Сохранилось от этого времени еще письмо Киприана, по всей вероятности писанное так же, как и вышеупомянутые три, к Преподобному Сергию, но уже одному, без Феодора. «Буди ти сведомо, сыну, – писал митрополит, – еду к Царю-городу коньми, на волошьскую землю. Мне не хотелось от своих дети нигде не бывати (расставаться), да что взяти! Хто мене в труд путный вложил в сее время, Господь Бог пакъ да подасть ему (Великому Князю) познати истину. А мне борзо (скоро надо) быти у вас из Царя-города, а лживаго человека и льстиваго (Пимена) Бог объявит. Ты же прележи своей пастве, ведый, яко о них слово въздаси Богови; аще ли кто не послушаеть, о том болши прилежи и учи, веси бо слово Господне, глаголющее: изводить честное от недостойнства яко уста Моя будутъ. Маловременна бо есть жизнь наша, и блажен человек ходяй в заповедех Господних. Отпиши же ми ко мне, дати ми сведомо, како еси (как ты живешь). А Господь Бог да съблюдет вас неврежены».

Так писал святитель Киприан смиренному пустыннику, так он поверял ему свои скорби и заботы, так и самого его укреплял в подвигах добродетели. Как жаль, что до нас не дошли ответные послания святого игумена, можно судить, как они были дороги и утешительны для скорбящего, гонимого архипастыря!

На место Киприана в Москву был вызван из заточения Пимен. Но и он был не по сердцу Великому Князю, который послал теперь преподобного Дионисия, архиепископа Суздальского, в сопровождении Феодора, племянника Сергиева, в Царьград для поставления в сан митрополита. Дионисий действительно был поставлен и уже ехал в Москву, но на пути был задержан князем Владимиром Ольгердовичем, и Феодор возвратился в Москву один. Заключение в Киево-Печерской лавре, Дионисий скорее успел достигнуть почести небесного звания, нежели воспользоваться почестями нового сана церковного: в 1384 году он там скончался.

Только в конце 1389 года, уже по смерти Великого Князя Дмитрия Иоанновича, митрополит Пимен был низложен, а Киприан патриархом Антонием и соборным деянием в Константинополе был окончательно утвержден Митрополитом Киевским и всея России и в марте следующего, 1390 года прибыл в Москву. Но недолго ему пришлось «утешаться духовным утешением» в собеседовании с великим старцем Радонежским: в сентябре 1391 года сего Богоносного старца не стало!

Глава XV

Печальник русской земли

Радуйся, великославный Российский наш заступниче, отче Сергие!

Акаф. 1. Ик. 12

Радуйся, похвало Отечеству твоему
Ик. Миней

Радуйся, пособителю крепкий всем христианским, Радуйся, прогонителю страшный полчищем поганским.
Акаф. 2. Ик. 8

Мир и пустынки. Сергей – печальник родной земли. Мамаево нашествие. Великий Князь в Троицкой обители. Его беседа со святым игуменом. Иноки-воины. Пророчество святого старца. Икона и крест. Страх Рязанского князя. Утро 8 сентября 1380 года. Просфора и грамота от святого игумена. Татарский богатырь и русский схимник. Грозная битва. Молитвенная помощь Преподобного Сергия. Памятная запись Троицкого инок на 21 сентября 1380 года. Благодарный Великий Князь в обители Живоначальной Троицы. Димитриевская суббота. Обетные монастыри. Нашествие Тохтамыша

(1380–1381)

Мир видит в пустынниках людей бесполезных для гражданских обществ, полагая, что он-то с своей волей, он-то с своим умом, он-то с своими шумными уставами и есть единственный благотворитель обществ. Но мир не понимает значения нравственных сил для общества, не знает ни силы молитвы, ни обширности зрения духовного» – так говорит святитель Филарет Черниговский. «В благочестивых пустынножителях, отрехшихся от мира, – говорит Московский святитель Филарет, – мир не думает видеть деятельных сынов отечества и мужей государственных», он даже презирает, ненавидит их. «Но справедлив ли мир, когда он ненавидит людей, которые, оставляя его на всю жизнь, в то же время на всю жизнь обрекают себя желать ему истинного добра в непрестанных молитвах, – и не только желать, но и самым делом доставлять то, чего желают? Святые подвижники подвигами благочестия и чистыми молитвами отводят от него громы раздраженного Неба и низводят на него могущественные и действенные благословения, а мир отвергает сих благодетелей! Если бы мир судил о них хотя бы только по одним временным выгодам, и тогда он отвергал бы в них свою собственную пользу; ибо если он считает их ни к чему не полезными, то ясно, что он не знает собственных выгод».

Эти рассуждения двух соименных святителей наших прекрасно идут к Житию Преподобного Сергия: его жизнь еще раз засвидетельствовала возведенную Апостолом истину, что *благочестие на все полезно есть, обетование и мущее живота нынешняго и грядущаго*

(1 Тим 4:8). «Отказался Преподобный от высокой чести быть ангелом Церкви Российской, – говорит один благочестивый писатель, – но мог ли он, смиренный Сергей, отказать благоговеино им чтимому и горячо его любившему архипастырю, митрополиту Алексию, – духовно отказать в послушании, проводивши в оном всю иноческую жизнь свою? Ведь он же говорил некогда, что всякое слово из уст сего святителя он приемлет, яко из уст Христовых, – как же согласить с сими словами его отречение от сана архиерейского? Нет, Сергей и тут остался послушен своему духовному другу и отцу; только *на небесах* довершил он сей подвиг послушания, приняв *горе* предложенное ему *долу*, и с тех пор не переставал радеть о пастве, дивно являя свое Святительство... Время общественных действий есть *его* время: когда все уже кажется гибнущим, тогда воздвигается Сергей!» Мысль глубокая и достойная приятия. Но и при жизни своей разве Сергей не действовал для родной земли и для Церкви Божией так, как в Древней Руси имели дерзновение и силу действовать только святители? Никто, как Сергей, не принимал столь живого участия в делах России непрестанными знаменами своего покровительства после своей смерти, но никто, как он же, и при жизни и сам лично, и через своих учеников – никто так не содействовал духовному возрождению и обновлению всей Русской земли, а чрез то и освобождению ее от подчинения и рабства ее диким азиатским ордам. И теперь, вспоминая над его ракой все наше славное минувшее, невольно восклицаешь с приснопамятным великим святителем Филаретом: «Братие! Ведь это все здесь!»

Да, великий избранник Божий Сергей дарован Богом земле Русской именно в такое тяжкое время, когда татары заволокли почти все пределы ее, когда междоусобия князей доходили до кровавых побоищ, когда эти усобицы, бесправие, татарские насилия и грубость тогдашних нравов грозили русскому народу совершенной гибелью. С лишком полтораста лет томилась многострадальная Русь под тяжелым игом татарским. И вот наконец призрел Господь Бог на мольбы Руси Православной – приближался час освобождения, в котором Сергей явился истинным печальником родной земли. «Примером своей жизни, высотой своего духа Преподобный Сергей поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее... Преподобный Сергей своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло... помог ему заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаревший их светоч». И вот мы видим, что «народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями. Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды? Знаем только, что Преподобный Сергей благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения... и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего на глазах Преподобного Сергея», под его благодатным воспитанием... Вот как повествует об этом история. Один из гордых ханов татарских, Мамай, поднялся на Русь со всеми полчищами. Напрасно Великий Князь Димитрий Иоаннович пытался умиловить его дарами и покорностью – Мамай и слышать не хотел о пощаде. Как ни тяжело было Великому Князю после недавних войн с литовцами и другими беспокойными соседями снова готовиться к войне, а делать было нечего: татарские полчища надвигались, подобно грозовой туче, к пределам тогдашней России.

Великий Князь Димитрий Иоаннович Донской

Готовясь выступить в поход, Великий Князь Димитрий Иоаннович счел первым долгом посетить обитель Живоначальной Троицы, чтобы там поклониться единому Богу, в Троице славимому, и принять напутственное благословение от Преподобного игумена Сергия. Он пригласил с собой брата, Владимира Андреевича, всех бывших тогда в Москве православных князей и воевод русских с отборной дружиной воинской и после Успеньева дня выехал из Москвы. На другой день они прибыли в Троицкую обитель. Воздав здесь свое смиренное поклонение Господу Сил, Великий Князь сказал святому игумену: «Ты уже знаешь, отче, какое великое горе сокрушает меня, да и не меня одного, а всех православных: ордынский князь Мамай двинул всю орду безбожных татар, и вот они идут на мою отчину, на Русскую землю, разорять святые церкви и губить христианский народ... Помолись же, отче, чтобы Бог избавил нас от этой беды!»

Святой старец успокоил Великого Князя надеждой на Бога, и так как тот спешил в обратный путь, то просил его отслушать Божественную литургию, а по окончании оной пригласил его вместе с другими князьями и воеводами вкусить хлеба-соли монастырской. Великий Князь отказывался: гонцы один за другим приносили ему известия о приближении Мамае к пределам Русским.

Но любвеобильный старец умолял Дмитрия Иоанновича вкусить хлеба у него в трапезе. «Обед сей, – говорил он, – тебе, великий княже, будет на пользу».

Дорогой гость согласился, и обрадованный старец в духе предведения сказал ему: «Господь Бог тебе помощник, еще не пришло время тебе самому носить венец этой победы с вечным сном, но многим, без числа многим сотрудицам твоим плетутся венцы мученические с вечной памятью».

Между тем Преподобный распорядился приготовить освященную воду и по окончании трапезы окропил ею Великого Князя и всех бывших с ним князей, воевод и христолюбивых воинов. Беседуя с Великим Князем, святой старец советовал ему почтить дарами и честью злочестивого Мамае. «Тебе, господине Княже, – говорил он, – следует заботиться и крепко стоять за своих подданных, и душу свою за них положить, и кровь свою пролить, по образу Самого Христа, Который кровь Свою за нас пролил. Но прежде, господине, пойдя к ним с правдой и покорностью, как следует по твоему положению покоряться ордынскому царю. Ведь и Василий Великий утолил дарами нечестивого царя Иулиана, и Господь призрел на смирение Василия и низложил нечестивого Иулиана. И Писание учит нас, что если такие враги хотят от нас чести и славы, дадим им, если хотят злата и серебра, дадим и это, но за имя Христово, за веру Православную нам подобает душу свою положить и кровь свою пролить. И ты, господине, отдай им честь, и злато, и серебро, и Бог не попустит им одолеть нас, Он вознесет тебя, видя твое смирение, и низложит их непреклонную гордыню».

– Все это я уже сделал, – отвечал ему Великий Князь, – но враг мой возносится еще более.

– Если так, – сказал угодник Божий, – то его ожидает конечная гибель, а тебя, великий княже, – помощь, милость и слава от Господа. Уповаем на Господа и на Пречистую Богородицу, что Они не оставят тебя.

Святой Сергей Радонежский благословляет Дмитрия Донского на Куликовскую битву

И, осеняя преклонившегося пред ним Великого Князя святым крестом, Богоносный Сергей воодушевленно произнес: «Иди, господине, небоязненно! Господь поможет тебе на безбожных врагов!» А затем, понизив голос, сказал тихо одному Великому Князю: «Победиши враги твоя».

С сердечным умилением внимал Великий Князь пророческому слову святого игумена, он прослезился от душевного волнения и стал просить себе у Преподобного особого дара в благословение своему воинству и как бы в залог обещанной ему милости Божией.

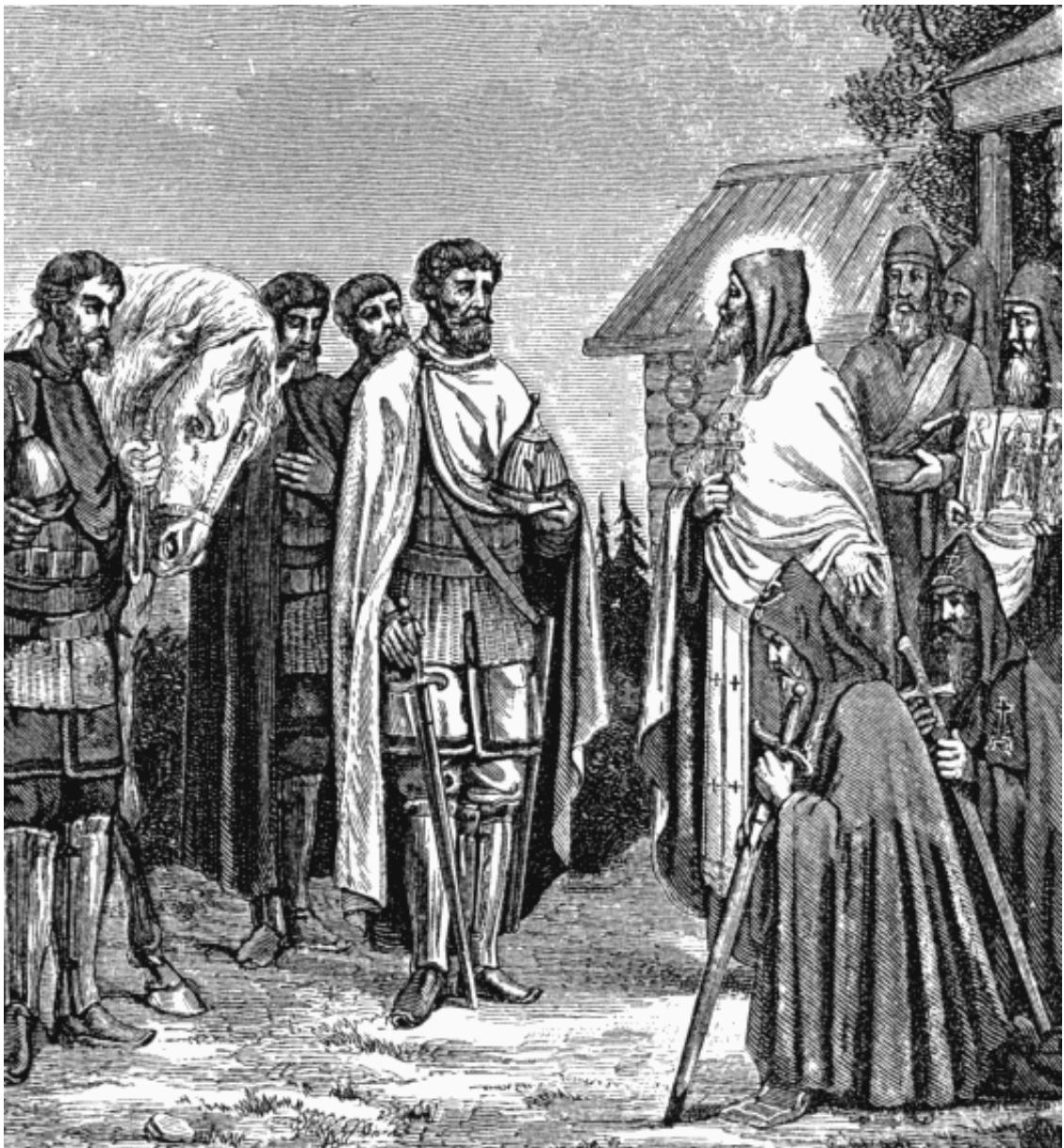

Крест, которым благословил Преподобный Сергей князя Дмитрия

В то время в обители Живоначальной Троицы в числе братии, подвизавшейся под руководством Сергея против врагов невидимых, были два инока-боярина – *Александр Пересвет*, бывший боярин Брянский, и *Андрей Ослябя*, бывший боярин Любецкий. Их мужество, храбрость и искусство воинское были еще у всех в свежей памяти: до принятия монашества оба они славились как доблестные воины, храбрые богатыри и люди очень опытные в военном деле. Вот этих-то иноков-богатырей и просил себе в свои полки Великий Князь у Преподобного Сергея: он надеялся, что эти люди, посвятившие себя всецело Богу, своим мужеством

могут служить примером для его воинства и тем самым сослужат ему великую службу. И Преподобный Сергей не задумался исполнить просьбу Великого Князя, на вере основанную, он тотчас же повелел Пересвету и Ослябе изготовляться на дело ратное. С радостью приняли доблестные иноки повеление своего любимого старца игумена, а он приказал им в замену лат и шлемов возложить на себя схимы, украшенные изображением креста Христова. «Вот вам, дети мои, оружие нетленное, – говорил при сем Преподобный, – да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных!»

Поручая их Великому Князю, святой старец сказал ему: «Вот тебе, возлюбленный княже, мои оруженосцы и послушники, а твои избранники!» А им сказал: «Мир вам, возлюбленные мои о Христе братия! Мужайтесь, яко доблии воины Христовы! Приспело время вашей купли!»

Преподобный Сергей поручает своих иноков воинов Пересвета и Ослябу Великому Князю Димитрию Иоанновичу

Благословив крестом и окропив еще раз освященной водой Великого Князя, своих иноков-витязей и всю дружину княжескую, Преподобный Сергей сказал Великому Князю: «Господь Бог да будет твой помощник и заступник, Он победит и низложит супостатов твоих и прославит тебя!»

Тронутый до глубины души пророчесственными речами старца, Великий Князь отвечал ему: «Если Господь и Пресвятая Матерь Его пошлют мне помощь противу врага, то я построю монастырь Пресвятой Богородицы».

Есть предание, что в это время Преподобный Сергей вручил Великому Князю икону Господа Вседержителя, которая и поныне хранится в Московском Симоновом монастыре, близ коего, на Старом Симонове, погребены сподвижники Донского – Пересвет и Ослябя. Предание говорит, что сюда принесена была эта икона при гробе славного Пересвета после битвы Куликовской. Икона богато украшена золотом, жемчугом и дорогими камнями. Кроме Спасителя, на ней изображены святитель Николай Чудотворец и святой Кирилл Иерусалимский, а на дверцах киота – Богоматерь и Предтеча. В подтверждение этого предания можно было бы указать на древний характер письма этой иконы, походный створчатый киот и богатые украшения, приложенные, может быть, впоследствии к иконе, а также и на то, что в обители Преподобного Сергея еще при его жизни занимались иконописанием. Но в недавнее время, именно в 1888 году, в Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии в числе прочих древних вещей был пожертвован деревянный восьмиконечный крест, длиной около полуаршина, в серебряном вызолоченном окладе. На этом окладе ученые любители старины разобрали такую надпись: «Сим крестом благословил Преподобный игумен Сергей князя Дмитрия на погана царя Мамаю и река: сим побеждай врага. В лето 1380 августа 27 дня». Если этот крест есть действительно благословение Преподобного Сергея Великому князю Димитрию Иоанновичу, то упомянутый выше складень мог быть просто походной иконой Великого Князя, к которой позднее предание приложило имя Преподобного Сергея только потому, что крест был уже утрачен, а предание о вещественном знамении благословения угодника Божия оставалось в памяти потомства.

Преподобный Сергей проводил гостей своих до святых ворот обители и, преподав в лице их мир и благословение всему православному воинству, отпустил их с молитвенными благожеланиями.

По возвращении в Москву Великий Князь рассказал митрополиту Киприану о своем путешествии в Троицкую обитель, о беседе с великим старцем и о его предсказании. С сердечным участием выслушал святитель его рассказ и посоветовал ему хранить эту тайну в глубоком молчании, особенно же слова святого старца: «Победиши супостаты твоя», до тех пор, пока событие оправдает прозорливость угодника Божия и Бог благословит дело счастливым успехом.

Между тем быстро пронеслась по лицу Русской земли молва о том, что Великий Князь ходил к Троице и получил благословение и ободрение на брань с Мамаем от великого старца, Радонежского пустынника; светлый луч надежды блеснул в сердцах русских людей, а те, которые готовы были стать противу Великого Князя Московского заодно с Мамаем, поколебались... Таков был старый рязанский князь Олег, он уже готовился соединиться с Мамаем, чтобы поживиться на счет Московского князя, со стороны коего не ожидал большого сопротивления такому сильному врагу, как вдруг получил известие, что московские силы уже переправились через Оку. Это известие так его опечалило, что он стал упрекать своих бояр: «Почему вы не предупредили меня об этом? Как мы теперь будем сноситься с нашим другом-союзником, литовским князем Ягайлом Ольгердовичем? Все пути теперь заняты». Бояре на это сказали ему: «Мы боялись тебе говорить об этом, хотя давно об этом слышали. Говорят, что в отчине Московского князя есть один инок-подвижник, зовут его Сергием, он имеет от Бога дар пророчества; говорят, что этот инок благословил Московского князя идти против Мамаю». Когда Олег услышал об этом, то очень встревожился: «Что же вы раньше ничего не сказали мне об этом? Тогда я пошел бы к Мамаю навстречу и стал бы умолять его не ходить на сей раз на Москву, и не было бы беды никому тогда». Так высоко ставили благословение Преподобного Сергея даже сами враги Московского князя. Благо-

словение такого святого старца даже в их глазах считалось уже достаточным ручательством победы Великого Князя Московского. И Олег отложил всякую мысль идти на помощь татарам против московских полков.

Скоро под личным начальством Великого Князя Дмитрия Иоанновича и его брата-сподвижника князя Серпуховского Владимира Андреевича русские войска достигли Куликова поля (в нынешней Тульской губернии, в Епифанском уезде). 8 сентября 1380 года с раннего утра они стали в боевой порядок между рек Дон и Непрядва, готовые встретить безбожного врага.

В это самое время является перед Великим Князем инок Нектарий, посланный с другими братьями от Преподобного Сергия, неся мир и благословение ему и всему христوليловому его воинству. Святой старец провидел духом нужду еще раз укрепить мужество Великого Князя перед самою битвою и прислал ему в благословение Богородичную просфору и своеручную грамотку, конец которой сохранила для потомства одна из наших летописей. Грамотка эта, увещевая Великого Князя сражаться мужественно за дело Божие и пребывать в несомненном уповании, что Бог увенчает их дело счастливым успехом, оканчивалась следующим изречением: «Чтобы ты, господине, таки пошел, а поможет ти Бог и Троица».

Посланцы Преподобного Сергия на Куликовом поле

Великий Князь прочитал грамотку, вкусил от святой просфоры и, воздев руки, громко произнес молитву из чина Панагии: «Велико имя Пресвятыя Троицы! Пресвятая Госпоже Богородице, спаси нас! Тоя молитвами, Христе Боже, и за молитвы святых Чудотворцев Петра и Алексия и Преподобного игумена Сергия помогай нам на сопротивные силы и спаси нас!»

Быстро разнеслась по полкам весть о посланцах Сергиевых; в лице их великий печальник Русской земли как бы сам посетил и благословил русское воинство, и это посещение в такую важную и решительную для всех минуту было сколько неожиданно, столько же и благовременно. Теперь и слабые духом воодушевились мужеством, и каждый воин, ободренный надеждою на молитвы великого старца, бесстрашно шел на битву, готовый положить душу свою за святую веру Православную, за своего князя любимого, за дорогое свое отечество.

С честью отпустил Великий Князь посланцев Сергиевых и стал на высоком холме. Пред ним стояли стройные, необозримые ряды войск; легким ветром развевались бесчисленные знамена; на ярком осеннем солнце блестели оружие и доспехи; слышны были громкие восклицания: «Боже, даруй победу Государю нашему!» При мысли, что многие тысячи этих храбрых витязей падут через несколько часов как усердные жертвы любви к отечеству, Дмитрий Иоаннович в умилении преклонил колена и, простирая руки к золотому образу Спасителя, сиявшему вдали на черном знамени великокняжеском, в последний раз горячо молился за христиан и Россию...

Потом он сел на коня, объехал все полки, воодушевляя их и называя воинов «верными товарищами и милыми братьями».

– Готовы головы наши сложить за Христа, и отечество, и за тебя, Великий Княже! – отвечали ему со всех сторон дружины храбрых героев.

Вооружившись железной палицей, Великий Князь выступил из полка вперед, чтобы лично подать пример другим и собственной особой начать бой. «Мне должно, – говорил он, – общую с вами пить чашу, смерть ли, или живот – едино с вами вкушу!» Но усиленные просьбы всех русских князей и воевод не вдаваться без нужды в опасность и щадить свою дорогую жизнь для общей пользы едва удержали его от такого великодушного порыва. На время он покорился их желанию и оставил за собой только общее распоряжение ходом битвы.

Наступил грозный час этой битвы, которая должна была решить участь тогдашней России. Солнце переходит шестую степень дня (12-й час – полдень); лишь небольшое пространство отделяет русские передовые полки, при которых находился сам Великий Князь, от несметных полчищ татарских; уже начались небольшие сшибки под начальством какого-то Тулина... В самый полдень оба войска сошлись лицом к лицу при устье реки Непрядвы... Вдруг с татарской стороны выехал вперед богатырь огромного роста, крепкого сложения, страшной наружности, звали его Челубей Тамир Мурза, а родом он был печенег. Тщеславный своею силой, подобно древнему Голиафу, грозно потрясал он копьем и вызывал на единоборство кого-либо из русских витязей... Страшно было смотреть на этого великана, и русские думали про себя: «Ах, если бы нашелся кто-нибудь из наших, который бы поразил его!» И хотя было немало среди них храбрых воинов, но никто не решался сам, добровольно, вызваться на такой подвиг.

Прошло несколько минут томительного ожидания, и вот из полка Владимира Всеволодовича выступает один из Сергиевых иноков – его усердный послушник схимонах Александр Пересвет... Пламенея ревностью по вере Христовой и любовью к дорогой родине, он не стерпел поношения от дерзкого татарина всему воинству православному, выехал вперед и, обратившись к Великому Князю и другим князьям, сказал: «Не смущайтесь этим нисколько: велик Бог наш и велика крепость Его! Гордый татарин не мнит найти среди нас равного себе витязя, но я желаю с ним переведаться, я выхожу против него во имя Господа Сил! Готов воспринять венец Царства Небесного!»

Вместо брони и шлема Александр облечен был, по завету своего старца игумена Сергия, в схиму ангельского образа; на этой одежде, на челе, на груди и назади, было нашито знамение воина Христова – Господень Крест. Доблестный инок-воин, выходя на единоборство, окропил себя святой водой, заочно простился с отцом своим духовным Сергием, простился с своим собратом Андреем Ослябей, с Великим Князем, со всеми вождами и воинством православным и громко воскликнул: «Отцы и братия! Простите меня, грешного!»

– Бог тебя простит, благословит и молитвами Сергия да поможет тебе! – было ему всеобщим ответом.

Все были тронуты до слез самоотвержением инока, все молили Бога, да поможет ему, как древле Давиду на Голиафа. А он, в одном схимническом одеянии, без лат и шлема, воору-

женный тяжеловесным копьем, подобно молнии устремился на своем быстром коне противу страшного татарина... Раздались громкие восклицания с той и другой стороны, оба противника сближаются, ударяют друг друга тяжелыми копьями столь крепко, столь громко и сильно, что, казалось, потрясло самое место их битвы, – и оба богатыря пали мертвыми на землю!..

Битва Пересвета с Челубеем

Тогда-то «закипела битва кровавая, заблестели мечи острые, как молнии, затрещали копья, полилась, – повествует святитель Димитрий Ростовский, – кровь богатырская под седлами, покатались шлемы золоченые под ноги конские, а за шлемами и головы богатырские...»

Не выдержал и Великий Князь, он сошел с коня великокняжеского, отдал его своему любимому боярину (Михаилу Бренку), повелел ему вместо себя быть под знаменем, а сам достал бывший у него на персях под одеждой крест с частицами Животворящего Древа, поцеловал его и ринулся в битву с татарами наравне с простыми воинами...

И много доблестных русских воинов полегло костями на поле том. Летописи говорят, что из ста пятидесяти тысяч воинов вернулось в Москву не более сорока тысяч; многие воеводы также сложили свои головы в этом кровавом бою. Но вдвое более побито татар, и битва окончилась совершенным поражением полчищ Мамай и бегством его самого с поля, усеянного на много верст трупами ордынскими.

Между тем как длилась грозная битва Куликовская, в обители Живоначальной Троицы святой игумен Сергей собрал всю свою братию и возносил Богу молитвы сердечные за успех великого дела. Телом стоял он на молитве во храме Пресвятой Троицы, а духом был на поле Куликовом; прозревая очами веры все, что совершалось там, он, как очевидец, поведал предстоявшей братии о постепенных успехах нашего воинства; от времени до времени он называл павших героев по имени, сам приносил за них заупокойные молитвы и повелевал то же делать братии. Наконец он возвестил им совершенное поражение врагов и прославил Бога, поборающего русскому оружию.

Мы имеем основание думать, что этим не ограничились заботы великого печальника земли Русской в тяжкую годину Мамаева нашествия об умиротворении родной земли. Куликовская победа настолько обессилила русское войско, что ему необходимо было дать отдых,

а у Московского князя, как мы уже видели, тогда было немало врагов и кроме татар. На одной пергаменной рукописи, хранящейся в библиотеке Троицкой лавры, писанной именно в 1380 году, в тревожные дни борьбы с Мамаем, осталась следующая замечательная приписка:

«В... нощи месяца септебрия в 21 день в пяток на память апостола Кондрата по литургии почата бысть писатися терт 16... Симоновский приездил. Во тойже день келарь поехал на Резань. Во тойже д., ма: ага чернца увещали. Во тойже день Исакий Андренков приехал к нам. Во тойже день весть приде яко Литва грядуть с Агаряны... во тойже (день) придоша две телезе со мнозем скрипением в 1 час нощи».

Молитвы Преподобного Сергия в час битвы Куликовской

«Вчитываясь в эту запись, – говорит один исследователь старины, – невольно замечаешь в ней набросок для памяти чего-то такого, что казалось автору обильным последствиями, невольно усматриваешь тесную связь между отрывочно намеченными событиями дня...» Кто этот *Симоновский*? Должно думать, что не кто иной, как Симоновский настоятель, будущий святитель Ростовский, святой Феодор, племянник и ученик Преподобного Сергия. Каким образом приезд святого Феодора мог вызвать отъезд келаря в Рязань?.. Все дело по записи представляется так: святой Феодор приехал после обедни, прямо направился к Преподобному Сергию, о чем-то переговорил с ним. Позвали келаря, дали ему какое-то поручение. Келарь поспешно собрался и отправился в Рязань; за ним или с ним, кажется, обратно выехал святой Феодор, как показывает слово *приездил*, в отличие от слова *приехал*. Приехал позже, уже под вечер, Исакий Андрейков и привез, по-видимому, весть о Литве и Агарянах; к ночи весть эта распространилась в неясной форме и заставила испугаться «многого скрипения» двух телег среди ночи. Стало быть, приезд Симоновского настоятеля был по важному и спешному делу, с поручением от кого-то из Москвы. От кого же? Великий Князь в то время стоял с своим победоносным воинством в Коломне, в Москве оставались его супруга и митрополит Киприан. Весьма вероятно, что святитель Киприан при известии о движении литовцев решил предотвратить столкновение Великого Князя, по крайней мере, с Олегом Рязанским, но, не надеясь на собственный авторитет, как еще только что вступивший на митрополию, обратился для этого к содействию великого старца Божия Преподобного Сергия чрез посредство своего друга – его племянника святого Феодора. И

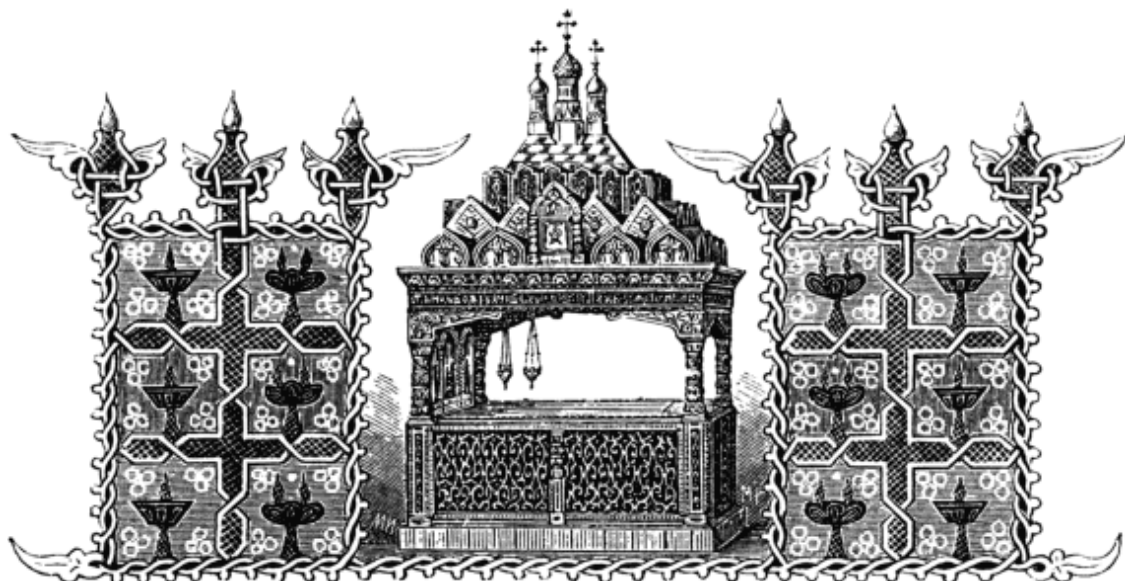
вот Преподобный Сергей тотчас же посылает в Рязань своего келаря. И не напрасно было это посольство – летопись говорит о раскаянии Олега, хотя и ненадолго; еще сильнее убеждения троицкого келаря подействовали на рязанских бояр, и Олег, готовый прежде «кому Господь Бог поможет, к тому» и сам «своинственная показати», стало быть, имевший наготове войско, теперь «отбежа от града своего Рязани и побеже», одинокий, «к Ягаилу, князю Литовскому». Возможно ли, чтобы Олег, имея близкую помощь от Литвы, испугался 40-тысячного остатка Московской рати, если и сам Донской тщательно избегал всякого повода к столкновению, если одна весть: «Литва грядут» заставляла тогда дрожать москвичей? Очевидно, Олег боялся не Донского, а того впечатления, которое произвел келарь Сергиев в Рязани. Так вот кому обязана Русь своим спасением и после знаменитой Куликовской битвы, когда ее враги зорко следили за ней, готовые воспользоваться ее ослаблением от великого боя с Мамаем! И тут Преподобный Сергей явился заступником Руси, и тут он предупредил страшное кровопролитие, тем более страшное, что это было бы пролитие родной, братской, русской же крови...

Так можно заключить на основании вышеупомянутой краткой приписки на лаврской рукописи.

Возвратясь в Москву и распустив по домам воинов-победителей, Великий Князь Дмитрий Иоаннович, прозванный за эту победу *Донским*, со своим братом и сподвижником Владимиром Андреевичем, получившим прозвание Храброго, снова прибыл в обитель Живоначальной Троицы, чтобы воздать благодарение сильному во бранех Господу, лично поведать великому старцу о Богодарованной победе и вместе поблагодарить его за теплые молитвы и за помощь, оказанную его ратниками, от ангельского лика данными. Радостно было это свидание благоверного князя со святым старцем! Преподобный встретил его у святых ворот обители со святыми иконами и святой водой и, осенив его крестом, поздравил с победой. Великий Князь поведал старцу о ходе битвы, рассказал и о героической смерти доблестного его послушника Александра Пересвета, примолвив: «Если бы, отче святой, твой послушник Пересвет не убил татарина-богатыря, сколь бы многие испили от него чашу смертную! И без этого великое множество христианского воинства избито татарами, помолись о них, честный отче!»

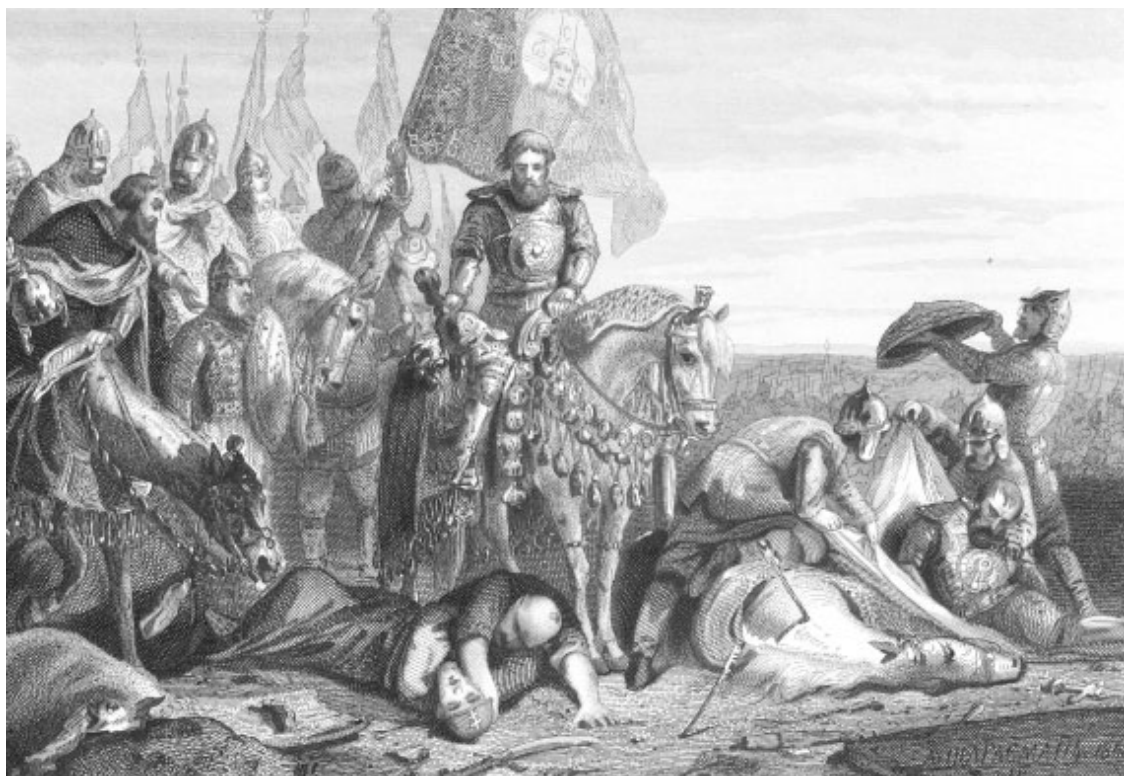
В бытность свою на этот раз в Троицкой обители Великий Князь велел петь панихиды и служить заупокойные литургии по всем убиенным на Куликовом поле. Это поминовение совершается и теперь ежегодно по всей Православной России под именем *Дмитриевской субботы*, перед 26-м числом октября (день ангела Великого Князя Дмитрия Иоанновича), и, конечно, установлено не без совета с Преподобным Сергием. Может быть, потому-то нигде оно не совершается так торжественно, как в Троице-Сергиевой лавре, причем поминаются по имени все главные подвижники сего боя, и в числе их схимонахи Александр Пересвет и Андрей Ослябя.

В это посещение Великий Князь наделил монастырь Сергиев щедрыми дарами, раздал много милостыни народу, который собрался со всех окрестных селений навстречу ему, учредил для Преподобного Сергея и его братии обильную трапезу, в которой и сам принимал участие со всеми своими спутниками, и с радостным духом возвратился в Москву. Впоследствии он исполнил и обет свой: при пособии Преподобного Сергея им был построен Стромынский Успенский монастырь на реке Дубенке, где первым настоятелем был ученик Преподобного Сергея Савва Одноокий; не забыто было и место славной победы над Мамаем – на Куликовом поле тоже был построен монастырь в честь Рождества Богородицы на том месте, где теперь село Монастырщина. В церкви этого села и доселе хранятся как драгоценная святыня простые деревянные царские врата, очень небольшого размера, по преданию, пожертвованные сюда Богоносным Сергием.

Изображение сени над могилой иноков Пересвета и Осляби в церкви Рождества Христова что в Старом Симонове

Не успела Русская земля оправиться от страшных потерь в Куликовскую битву, как явился новый враг – Тохтамыш. Разбив Мамай и овладев престолом в Золотой Орде, он потребовал себе покорности от русских князей. Некоторые приняли его послов, но в Москву эти послы не решились идти: татары не забыли еще Куликовского поражения. Тогда Тохтамыш решился разогнать этот страх и двинулся на Москву окольными путями, избегая встречи с Великим Князем, который поспешно собирал войско на Костроме, Переяславле и других городах. 23 августа 1382 года Тохтамыш внезапно появился под Москвой. Защиты не было – Москва пала. Новооснованные монастыри: Чудов, Симонов, Андрониев и другие – были разорены. Можайск, Звенигород, Руза, Боровск, Дмитров были опустошены... Преподобный Сергей на это время удалился из своей обители в Тверь, куда выехал и митрополит Киприан. Но вражья рука не коснулась пустыни Сергиевой. Тохтамыш так же скоро ушел, как и пришел: Великий Князь заходил ему с тыла...

А. Шарлеман. Димитрий Донской, сопровождаемый князьями и боярами, объезжает Куликово поле после битвы

Глава XVI

Умиротворитель князей

Радуйся, имеяй власть власти тьмы побеждать, Радуйся, начальствующих наставивый богоугодно управлять.
Акаф. 2. Ик. 1

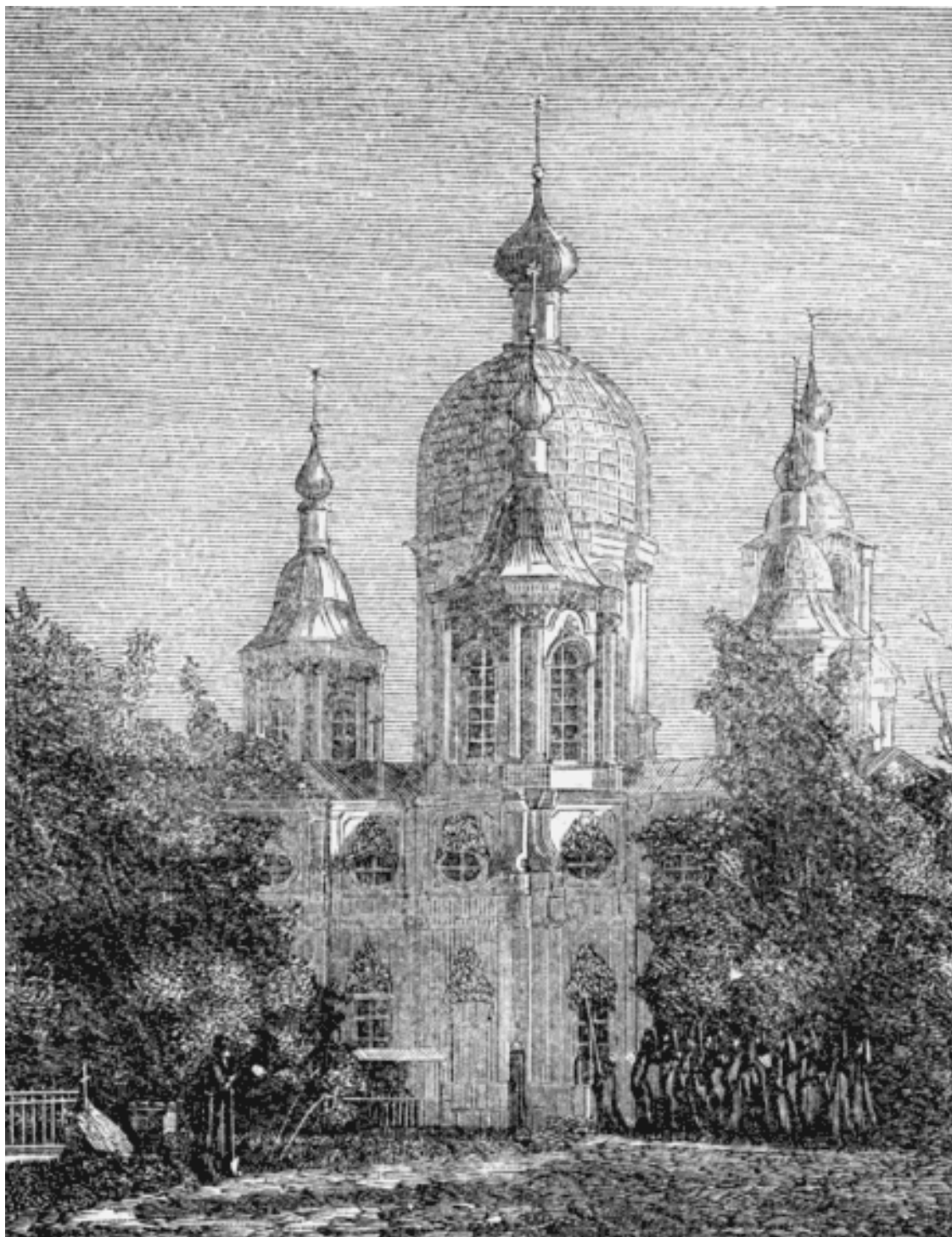
Любовь Великого Князя Димитрия ко святому старцу. Преподобный Сергей благословляет новокрещенного «державца» Терновского иконой. Святой игумен на служении отечеству. Его путешествие в Ростов. Закрытие церквей в Нижнем Новгороде. Домогательство Тверского князя. Олег Рязанский. Сила слова Сергиева. Усиление Москвы. Кончина Донского и его духовное завещание. Преподобный Сергей – охранитель и споручник самодержавия Русских Государей

(1358–1391)

После описанных событий 1380 года обитель Сергиева стала еще более близка сердцу Великого Князя Димитрия Иоанновича. Лишившись в святителе Алексии отца и благодетеля, он всю душою расположился к смиренному игумену Радонежскому. В нем он нашел мудрого советника и теплого молитвенника, к нему не раз обращался за помощью в делах государственных, его приглашал быть восприемником от купели святого крещения детей своих – Юрия (родившегося 26 ноября 1374 года) и Петра (родившегося 29 июня 1385 года). По смерти Митяя он избрал себе в духовники племянника и ученика Преподобного Сергия – игумена Феодора Симоновского, который крестил и его сына Андрея (родившегося 14 августа 1382 года), вероятно Феодор в сем случае заменил Сергия, находившегося в это время в Твери). Примеру Великого Князя следовали Серпуховский князь Владимир Андреевич (Преподобный крестил у него сына Иоанна в 1381 году) и некоторые другие удельные князья и бояре; «мысль, по справедливому замечанию святителя Филарета, достойная мужей, разумеющих силу христианских установлений, – избирать в восприемники испытанного духовного наставника и молитвенника».

В 1384 году к Великому Князю Димитрию из Пруссии приехал служить «державец» Терновский Воейко Войтегович в сопровождении ста пятидесяти человек сербов, болгар и пруссаков. Воейко был родом из Болгарии, из города Тернова; по смерти отца, оставив город Тернов своему брату Фрианду, он переселился сначала в Пруссию, где было также имение его отца, а оттуда прибыл в Россию. По своему вероисповеданию он принадлежал к Аполлинариевой ереси; святитель Киприан убедил его принять православную веру, и Великий Князь повелел дяде своему, князю Андрею Ивановичу, воспринять его от святой купели. Священнодействие крещения и миропомазания совершал сам святитель Киприан с прилучившимся тогда в Москве Преподобным Сергием в церкви Архангела Михаила, в Чудовом монастыре, причем Преподобный игумен Сергей благословил новокрещенного Прокопия Воейкова иконой Святителя Николая Чудотворца, а митрополит Киприан – золотым крестом со святыми мощами, украшенным драгоценными камнями и жемчугом. Предание это записано в родословной книге рода Воейковых, а устное предание дополняет, что Пре-

подобный Сергей выразил при этом свою волю, чтобы сия икона передаваема была из рода в род, от отца к сыну, дотоле, пока род Воейковых будет продолжаться по прямой линии, а в случае прекращения рода икона была бы возвращена в обитель его, «если милостию Божиею сия обитель будет существовать до того времени». Переходя из рода в род, благоговейно чтимая икона Святителя Николая наконец дошла до последнего в роде Воейковых – Сергея Феодоровича Воейкова, который, будучи совершенно одиноким, почел долгом совести исполнить завещание Преподобного Сергея и в 1895 году возвратил благословение угодника Божия в его родную обитель. Теперь эта святая икона находится в южном притворе Троицкого собора, где, по преданию, была келья Преподобного Сергея, и перед ней горит неугасимая лампада. Она покрыта золотой ризой и украшена жемчугом и драгоценными камнями.

Троицкий собор в Троице-Сергиевой лавре

Смутное, тревожное было то время. Читая летописные сказания, то и дело встречаешь известия, что такой-то князь поехал в Орду добывать себе титул великокняжеский, другой разорил или совсем отнял удел соседа, третий подговорил Литву или тех же татар идти ратью на Москву... Кровь лилась потоками в этих ссорах и раздорах княжеских, и только мудрое, властное слово святителей да таких великих подвижников, как Преподобный Сергий, удерживало князей, и то не всегда, от этих гибельных усобиц и кровопролитных войн. Так, есть сведение, что еще в малолетство Донского героя, при жизни Великого Князя Иоанна Иоанновича, в 1358 году, Преподобный Сергий путешествовал в свой родной город Ростов, чтобы уговорить Ростовского князя Константина Васильевича признать над собой власть Великого Князя Московского. В 1363 году мы видим святого игумена опять путешествующим в Ростов на «богомолie к ростовским чудотворцам»; сопоставляя это путешествие, с одной стороны, с тем, что ходить на богомолie, хотя бы и по святым местам, без особенной нужды и повода, кажется, не было в правилах Преподобного Сергия, с другой – с известием летописцев, что Ростовский князь в 1360 году выходил себе в Орде грамоту, чтобы самовольно распоряжаться в своем уделе, думают, что Преподобный Сергий приходил в Ростов не на богомолie только, но имел еще поручение убедить старого Ростовского князя ничего не затевать ко вреду Великого Князя Московского. Действительно, мы видим, что князь Константин обаялся после сего быть в совершенной зависимости от Великого Князя Московского.

Прошел год, и пустынник – примиритель князей – снова должен был отправиться в путь, на этот раз уже в Нижний Новгород. Дело было так: по смерти Великого Князя Иоанна Иоанновича, в 1359 году, Суздальский князь Димитрий Константинович добыл себе у хана великокняжеский ярлык. Честолюбивый князь вовсе не ожидал, чтобы малолетний князь Московский (Димитрию Иоанновичу было тогда всего девять лет) решился отбивать у него этот титул. Не видя возможности отстоять права Димитрия Иоанновича своим личным влиянием, мудрый воспитатель юного князя святитель Алексий благословил Димитрия Константиновича во Владимирском соборе, но во внимание к пророчесственному слову святителя Петра относительно будущего величия Москвы и по любви к роду Калиты он не согласился перенести митрополичий престол из Москвы во Владимир. Вполне сознавая всю опасность для только что начинавшей тогда слагаться единой державной власти Московского князя, Святитель побудил молодого князя отправиться в Орду, чтобы там дорогими подарками возвратить себе у хана великое княжение. Это путешествие увенчалось желанным успехом, и Суздальский князь смирился. Но скоро хан Мурат, утвердивший Димитрия Московского на великом княжении, умер, и Суздальский князь пытался снова овладеть великокняжеским титулом: он занял было Владимир, но через неделю был изгнан оттуда Димитрием Московским. Этот великодушный юноша-князь позволил побежденному сопернику спокойно владеть своим Суздальским уделом и через то так расположил к себе последнего, что когда сын Суздальского князя Василий Димитриевич привез отцу из Орды ярлык на великое княжение, то благоразумный отец отказался от него добровольно в пользу князя Московского. Спустя два года, в 1366 году, князь Суздальский выдал за Московского князя Димитрия свою дочь, благочестивую княжну Евдокию, и с того времени стал навсегда верным союзником Великого Князя. Но брат его, Борис Константинович, не захотел признать власти Московского князя и самовольно захватил у брата Нижний Новгород. Димитрий Суздальский жаловался на него Московскому князю. Не желая прибегать к кровопролитию, Великий Князь просил святителя Алексия послать Преподобного Сергия в Нижний, чтобы вызвать Бориса в Москву. Сергий исполнил послушание, но Борис не послушался его и в Москву не пошел. На увещания Сергия он отвечал, что князей судит только Бог, что он знает только хана, который утвердил за ним Нижний Новгород, и больше не желает подчиняться никому. Приходилось смирять гордого князя более строгими мерами. По данной от митрополита власти

Преподобный Сергий затворил все храмы в Нижнем, богослужение прекратилось. Борис вынужден был покориться, тем более что из Москвы под начальством его брата, Дмитрия Суздальского, пришла сильная рать. И Борис вышел навстречу брату с повинной. Это было в 1365 году.

Особенно много хлопотал из-за великокняжеского ярлыка Тверской князь Михаил Александрович. Он не раз путешествовал в Орду, не раз нападал на пределы Московские, два раза он поднимал против Великого Князя Дмитрия Ольгерда Литовского, который был женат на родной сестре Михаила; оба раза Ольгерд подступал к самой Москве и опустошал ее окрестности. Чтобы положить конец проискам Тверского князя, Великий Князь Московский вынужден был опять путешествовать в Орду (1371 г.), где получил новое подтверждение своего великокняжеского достоинства. В это путешествие провожал его до Оки митрополит Алексей. Думают, что умиротворению Тверского князя с Московским содействовал своим благодатным словом игумен Радонежский.

Другой беспокойный сосед Московского князя был Олег, князь Рязанский. Хитрый и вероломный, он не раз нарушал договоры, входил в сношения то с Ольгердом и Тверским князем, то с Мамаем и Тохтамышем. Великий Князь не раз посылал к нему доверенных лиц с мирными предложениями, но Олег не хотел и слышать о мире. Тогда Великий Князь призвал Преподобного Сергия и лично просил его принять на себя труд убедить упрямого князя Рязанского к примирению. Поздней осенью 1385 года смиренный старец отправился, по своему обыкновению, пешком в Рязань. Олег уже много слышал о Радонежском игумене – еще пять лет назад он не решился присоединиться к полчищам Мамаю только потому, что Московский князь получил от Преподобного Сергия благословение на битву с Мамаем, – и теперь рад был видеть святого старца своим гостем и благословиться у него. Кроткие увещания Богомудрого Сергия смягчили сердце сурового князя Рязанского, и он чистосердечно открылся Преподобному в своих замыслах и «взял с Великим Князем Дмитрием вечный мир и любовь в род и род». Этот мир впоследствии скреплен был семейным союзом: сын Олега Феодор взял за себя дочь Великого Князя Софию Дмитриевну.

Так, при неусыпном попечении и отеческом руководстве святителя Алексея и благодаря деятельному участию игумена Радонежского, Преподобного отца нашего Сергия, постепенно возрастала власть Великого Князя Московского, а под ее знаменем стала постепенно объединяться и Русская земля, обессиленная раздорами удельных князей. Мало-помалу эти князья свыклись с мыслью о необходимости подчиниться власти Московского князя, а в народе пробуждалось сознание нужды сплотиться воедино, дабы общими силами сбросить с себя ненавистное иго татарское. Бог знает, мог ли бы достигнуть какого-нибудь успеха в этом великом деле Великий Князь Московский, предоставленный самому себе, без содействия Церкви в лице таких святых мужей, исполненных духа и силы, каковы были угодники Божии митрополит Алексей и Богоносный Сергий, игумен Радонежский.

Преподобный Сергий присутствовал при кончине и погребении угасшего во цвете лет Великого Князя Дмитрия Иоанновича, он умер в 1389 году, 19 мая. В его прекрасном по духу христианскому завещании нельзя не ощущать веяния духа Сергиева. «Вы, дети мои, – говорил благочестивый князь, – живите заодно, а матери своей слушайтесь во всем... Кому что даст она, то тому и есть; дети мои из воли ее не выйдут... Который сын не станет слушаться матери своей, на том не будет моего благословения... Вот я отхожу к Богу и вас поручаю Богу и матери вашей, под страхом ее будьте всегда... Бойтесь Бога, бояр своих любите, будьте приветливы ко всем своим слугам. А вы, бояре, знаете мой обычай и нрав: я родился у вас на глазах, при вас я возрос, с вами ходил на врагов, с вами свою отчину защищал... Я любил вас и детей ваших, с вами делил и радость и горе... Вспомните, что говорили вы мне всегда: “На службе тебе и детям твоим мы должны сложить и свои головы”. Будьте же верны слову своему, послужите княгине моей и чадам моим, повеселитесь с ними в их радо-

сти, не оставьте их и во время скорби...» Так говорил умирающий герой Донской, а в своей духовной грамоте он навсегда заповедал своим детям и потомству своему, чтобы после отца наследовал великокняжеский престол старший сын его, помимо других лиц, старших в роде, и таким образом установил новый порядок престолонаследия, не допускавший никаких споров и претензий со стороны братьев усопшего Великого Князя. И вот охранение этого столь важного постановления, которому не только Москва, но и вся Россия навеки обязана укреплением единой самодержавной власти, было вверено Промыслом Божиим не иному кому, как великому печальнику земли Русской Преподобному Сергию! Его драгоценная для нас подпись украшает и скрепляет это великое по своему значению государственное законоположение, которому в 1889 году, мая 19, исполнилось ровно пятьсот лет...

Глава XVII

Благодатный старец

Радуйся, Духа Святаго обитель...
Ик. Минеи

Радуйся, святыням чистое и непорочное жилище.
Акаф. 1. Ик. 2

Два вида духовного креста. Лучи благодати. Душа после победы над страстями. Заочное приветствие святых. Обличенный в лакомстве слуга. Благодатный пламень от руки старца. Небесный сослужитель. Причащение небесным огнем. Небесная Гостья. Ее дивное обетование. Трепещущий ученик. Радость святых. Сомневающийся грек. Его вразумление. Наказанный обидчик. Святолепный образ святого старца. Наши духовные предки и мы

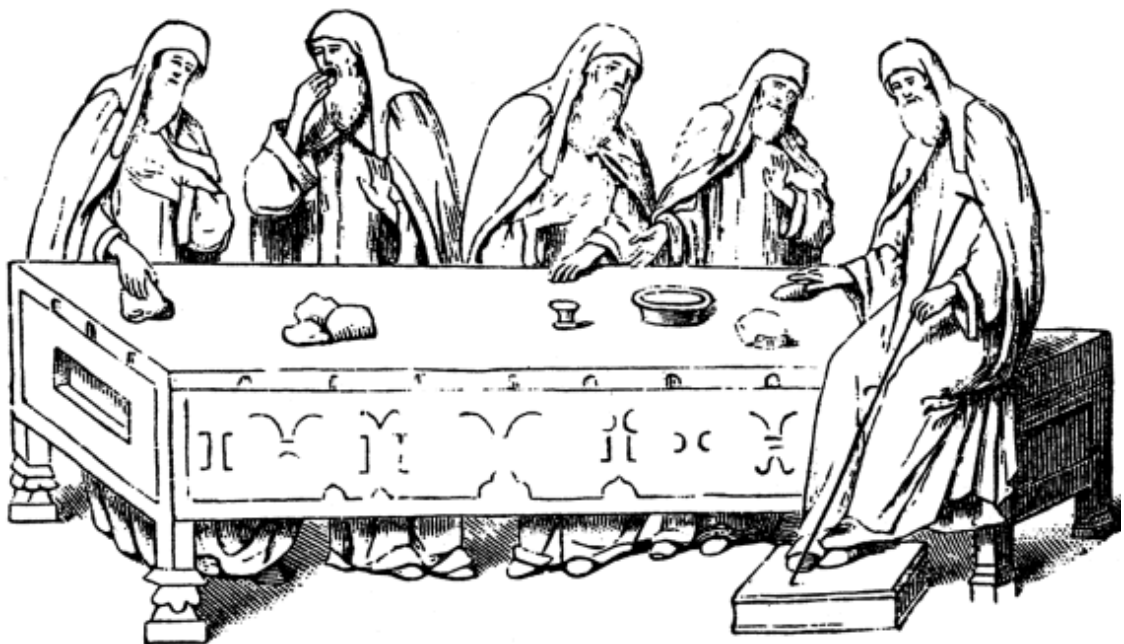
Святые Отцы строго различают в духовной жизни две степени, два состояния – крест деятельный и крест созерцательный. Первое состояние есть страдный, многоскорбный, узкий путь креста, время подвига, усилий и борьбы с самим собой – с ветхим человеком и с врагами спасения – миром и диаволом. Второе состояние есть упокоение сердца в Боге, глубокий мир души, Христовой благодатью победившей страсти, очищенной, просветленной и в таинственном общении с Богом обретшей еще здесь, на земле, залог блаженства небесного. Первый путь есть общий, для всех спасаемых неизбежный; второй – удел только особых избранников благодати, о котором Святые Отцы не позволяют и мечтать тому, кто не очистил сердца от страстей. Нам, страстным, никогда не постигнуть своим воистину слепотствующим умом дивной тайны облагодатствованного состояния души обновленной, освященной, восстановленной в своей первобытной Богоподобной красоте и совершенстве. Это мир для нас, грешных, сокровенный, мир, в котором действуют свои законы, не подходящие под нашу земную мерку, под мерку нашего ограниченного разума, и мы можем наблюдать только внешние проявления этого небесного еще на земле, одухотворенного еще во плоти состояния святых Божиих избранников; мы можем благоговейно созерцать только те слабые лучи их светлой, Богоподобной чистоты, которые противу их воли как бы прорываются наружу в их необычных поступках, словах и движениях. Ударяя в наше страстное сердце теплотою благодати, они поражают и смиряют наш ум необычайным для него сиянием иного, высшего порядка вещей и влекут наши души к этим дивным избранникам благодати...

И Преподобный отец наш Сергей прошел общим путем скорбей и подвига крестного, прежде чем явился тем дивным, благодатным мужем, каким мы видим его во второй половине и особенно в последние годы его жизни. Мы видели его в подвиге и борьбе, в борьбе неустанной, для мира непонятной, но для Христова послушника неизбежной. Победа наконец одержана. Стихли страсти. Убито себялюбие, повержен в прах идол плотоугодия, не смеет подступиться мир со своими соблазнами. «Рубище прикрывало его святое тело, – говорит митрополит Платон, – тесная хижинка была собеседницей в его Богомыслии, и простой жезл подкреплял подвигами добродетели ослабленную плоть. Но его дух был преисполнен обилием благодати, его сердце вкушало те сладости, коих вкус есть вкус манны животной

и нетленной». В смиренном сердце подвижника тихо сиял неизреченный свет благодати Божией, согревая все его духовное существо. Ему преизобильно сообщены все дары Божии – и дар чудотворений, и дар пророчества, и дар утешения и назидания, совета и разума духовного. Для его духовного взора как бы не существует ни преград вещественных, ни расстояния, ни самого времени – он видит далече отстоящее яко близ сущее, зрит будущее как бы настоящее... Мы уже говорили о том, как прозорливый старец предсказал несбыточность мечтаний гордого Митяя, как он успокоил Великого Князя обетованием победы над Мамаем, как в самый час битвы созерцал он духовными очами то, что совершалось на поле сражения. Вот еще случаи этой дивной прозорливости старца, записанные его преподобным учеником.

В 1390 году просветитель Пермии, святой епископ Стефан, путешествовал в Москву. Путь его лежал мимо славной обители Сергиевой, всего в десяти верстах от нее, и святому Стефану очень захотелось видеться со святым ее игуменом. Но обстоятельства требовали спешить в столицу, и он решил посетить Преподобного на обратном пути. И вот, поравнявшись с обителью, святой епископ прочитал «Достойно есть яко воистинну...» и издали поклонился в ту сторону, где стояла обитель Сергиева, проговорив: «Мир тебе, духовный брат мой!»

Справедливо говорят, что «сердце сердцу весть подает». Так бывает иногда даже с нами, грешными, а сердца святых Божиих еще более связаны союзом любви и потому еще скорее отзываются на привет любви. Преподобный Сергей сидел за трапезой с братией, вдруг он встает из-за стола и после краткой молитвы делает поклон к западу, тихо промолвив: «Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобою!»

Трапеза Преподобного Сергия и братии

Братия были очень удивлены таким необычным поступком своего игумена, более опытные старцы поняли, что он имел какое-нибудь видение, и по окончании трапезы спросили его о случившемся. Преподобный не скрыл от них своего духовного видения. «В этот самый час, – сказал он, – епископ Стефан на пути в Москву остановился противу нашего монастыря и поклонился Святой Троице и нас, смиренных, благословил».

Преподобный Сергей назвал даже место, где это произошло, и некоторые из братии тотчас поспешили туда и еще застали там людей, сопровождавших святителя Стефана. Троицкие иноки спросили их, как было дело, и, услышав их рассказ, прославили Бога, прославляющего их святого старца даром прозорливости.

Памятником сего необычайного взаимного приветствия святых друзей служит и поныне каменная часовня на 11-й версте Московской дороги, с большим деревянным крестом на том месте, где останавливался святитель Стефан Пермский. А в обители Преподобного Сергия и доселе свято соблюдается, в воспоминание этого заочного свидания святых, такой обычай: во время трапезования, пред последним блюдом, ударяют в колокольчик, братья встают и чередной иеромонах произносит: «Молитвами святителя Стефана и Преподобного Сергия, Господи Иисусе Христе, помилуй нас!» – после чего все садятся оканчивать трапезу.

Вот другой случай прозорливости старца. Серпуховской князь Владимир Андреевич, сын князя Андрея Радонежского, в отчине которого находилась обитель Сергиева, часто сам посещал Преподобного Сергия, а иногда посылал ему в подарок что-нибудь из житейских потребностей. Раз он послал своего слугу со съестными припасами на утешение братии. Дорогой слуга соблазнился и украдкой что-то съел из посланных князем гостинцев. Вот он является к святому игумену, но прозорливый старец не принимает от него подарков князя. Слуга упрашивает, боясь гнева княжеского, тогда Преподобный говорит ему: «Зачем ты, брат мой, послушался врага? Зачем отведал брашен, которых тебе без благословения не подобало есть?» Обличенный слуга упал в ноги святому старцу и со слезами стал просить у него прощения, сознавая вину свою. Тогда только Преподобный Сергей принял от него гостинцы, простил его и отпустил с миром, поручив передать благоверному князю благодарность за его любовь и благословение от обители Пресвятой Троицы.

Но не в прозорливости только давала себя видеть благодать Божия, обитавшая в святой душе Радонежского игумена. Для тех, чьи очи духовные были чище, кто сам шел по стопам святого старца в подвигах духовных, – для присных учеников Богоносного Сергия было дано видеть высокое благодатное состояние его души в чувственных образах, и особенно в те священные минуты, когда святая душа старца как бы отрешалась от всего видимого мира и, вся пламенеющая любовью ко Господу, уносилась к Нему всем духовным существом своим. Это были святейшие минуты совершения им Божественной литургии.

Так, когда один из любимых учеников его, преподобный Исаакий, любитель безмолвия, просил святого старца благословить его на подвиг совершенного молчания, то он сказал ему: «Если желаешь, чадо, безмолвствовать, то завтра, когда совершим Божественную литургию, стань у северных дверей, и там я благословлю тебя». Старец желал благословить ученика именно после литургии, после приобщения Святых Христовых Тайн, когда сам ощущал в себе особенное действие благодати Божией, – желал так потому, что самый подвиг молчания столь высок и столь многотруден со стороны искушений вражеских, что нужно было оградить ученика от этих искушений особенной молитвой.

На другой день, по слову игумена, Исаакий встретил его в назначенном месте; Преподобный Сергей осенил его крестным знамением и сказал: «Господь да исполнит желание твое!»

И вот в самую минуту благословения Исаакий видит, что чудный пламень исходит от руки благодатного старца и объемлет его, Исаакия.

И с той минуты, огражденный молитвами старца, ученик вступил в избранный им подвиг; и если иногда молчальник хотел бы тихо произнести какое-либо слово, и тогда возбраняла ему это молитва Сергиева; и молча пребыл Исаакий до конца дней своих, по слову Божественного Писания: *яко глух не слышах, и яко нем не отверзаяй уст своих* (Пс 37:14).

В другое время Преподобный Сергей совершал Божественную литургию вместе с братом своим Стефаном и племянником Феодором, уже посвященным тогда в сан пресвитерский. Молчальник Исаакий стоял в церкви. Вдруг он видит в алтаре четвертого, чудного образом мужа, сослужащего сим трем и сияющего необычайным светом, в блистающих ризах... В Малом входе с Евангелием чудный муж шел вслед за Сергием, и лицо его сияло,

как солнце, так что Исаакий не мог даже взирать на него... Это чудное видение разрешило ему уста, и он обратился к стоявшему подле него благоговейному старцу Макарию с вопросом: «Что это за чудное видение, отче? Кто этот дивный муж?»

Макарий и сам был поражен чудом и отвечал: «Не знаю, чадо, но и меня объемлет страх... Разве не пришел ли какой священнослужитель с князем Владимиром?»

А князь Владимир Андреевич гостил тогда в обители, и тут же, в церкви, стоял его боярин. Иноки спросили его, нет ли священнослужителя с князем? Боярин сказал, что нет. Тогда блаженные ученики Сергиевы уразумели, что с их аввою служит Ангел Божий, ибо «ангелы любят себе подобных».

Литургия окончилась, и чудный оный муж стал невидим. Оба ученика, удостоенные видения, улучив удобную минуту, наедине спросили Преподобного о его таинственном сослужителе. Смиранный старец сначала уклонялся от объяснений. «Что чудное видели вы, дети мои? – говорил он. – Служил брат мой с сыном своим и с ними я, недостойный, а еще никого с нами не было». Но ученики не переставали упрашивать его: «Господа ради не скрой от нас, честный отче, ведь мы своими очами видели четвертого, точно Ангела Божия, служившего с тобою». Тогда Преподобный сказал им: «Дети мои любезные! Если уж Сам Господь Бог открыл вам эту тайну, то могу ли я скрыть ее от вас? Тот, кого видели вы, действительно Ангел Господень; и не теперь только, а и всегда, когда я совершаю Божественную литургию, мне, недостойному, бывает такое посещение. Но вы строго храните это в тайне, пока я жив».

А вот и еще неложный свидетель благодатного видения – это блаженный Симон еkkлeсиарх, муж испытанной добродетели, о котором с похвалой отзывался сам Преподобный Сергей. Однажды, когда святой игумен совершал Божественную литургию, он видел, как небесный огонь сошел на Святые Таины в минуту их освящения, как этот огонь ходил по святому престолу, озаряя весь алтарь, обвиваясь около святой трапезы и окружая всего священнодействующего Сергия. А когда Преподобный хотел причаститься Святых Таин, Божественный огонь свился, «как бы некая чудная пелена», и вошел внутрь святого потира. Таким образом, угодник Божий причастился сего огня «неопально, как древле купина неопально горевшая».

Ужаснулся Симон от такого видения и в трепете безмолвствовал, но не укрылось от Преподобного, что ученик его сподобился видения. Причастившись Святых Христовых Таин, он отошел от святого престола и спросил Симона: «Чего так устранился дух твой, чадо мое?»

– Я видел благодать Святаго Духа, действующую с тобой, отче, – отвечал тот.

– Смотри же, никому не говори о том, что ты видел, пока Господь не позовет меня из этой жизни, – заповедал ему смиренный авва.

Долго было бы повествовать, замечает писатель Жития Сергиева, о многих других знамениях, в которых по разнообразной потребности утешения и назидания разнообразно являлась пребывавшая с блаженным Сергием благодать Духа Господня, но не должно умолчать еще об одном чудесном видении, которое не только самого Сергия исполнило утешением, но и всех пребывающих в его лавре не престаёт исполнять сердечной радостью, надеждой и благодарностью к Господу Богу. «Сама Царица Небесная, ближними Царя царствующих сопровождаемая, нисходила в его святое уединение, чтобы утвердить в его пустыне благословение Неба, которое, впоследствии времени, враждебные силы мира, при всем видимом их могуществе, тщетно покушались разрушить». Вот что поведает об этом посещении Небесной Гостьи преподобный Епифаний.

Келейная икона Богоматери, принадлежавшая Преподобному Сергию и хранящаяся при его св. мощах

Однажды в глубокую ночь Преподобный Сергей совершал свое келейное правило и перед иконой Богоматери пел Акафист, что он делал, по своему обычаю, ежедневно. Часто взирал он на святую икону и усердно молил Матерь Божию о своей обители. «Пречистая Мати Христа моего, – взывал святой старец, – ходатаица, и заступница, и крепкая помощница роду человеческому! Буди и нам, недостойным, ходатаицей, присно моли Сына Твоего и Бога нашего, да призрит Он милостиво на святое место сие, посвященное в похвалу и честь Его святого имени навеки! Тебя, Матерь сладчайшего моего Христа Иисуса, призываем на помощь, рабы Твои, ибо Ты имеешь великое дерзновение у Сына Твоего и Бога! Будь же всем спасительное упокоение и пристанище!»

Так молился Преподобный, его чистое сердце горело благодатным пламенем, его смиренный ум весь погружен был в молитву, и он, как дитя, в простоте души беседовал с Пречистой Матерью всех возлюбивших чистым сердцем Ее Божественного Сына.

Окончив молитву, он сел для отдохновения, но вдруг его святая душа ощутила приближение небесного явления, и он сказал своему келейному ученику Преподобному Михею: «Бодрствуй, чадо, мы будем в сей час иметь чудесное посещение». Едва сказал он это, как послышался голос: «Се, Пречистая грядет!...»

Тогда старец встал и поспешно вышел в сени, здесь осиял его свет паче солнечного, и он узрел Преблагословенную Деву, сопровождаемую апостолами Петром Первоверховным и Иоанном Девственником – Богословом... Не в силах будучи вынести этого чудного сияния и неизреченной славы Матери Света, Преподобный Сергей пал ниц, но благая Матерь прикоснулась к нему рукой и ободрила его словами благодати. «Не бойся, избранниче Мой, – изрекла Она. – Я пришла посетить тебя, услышана молитва твоя об учениках твоих; не скорби больше и об обители твоей: отныне она будет иметь изобилие во всем, и не только при жизни твоей, но и по отшествии твоём к Богу Я неотступна буду от места сего и всегда буду покрывать его...» Сказала так – и стала невидима.

Вострепетал старец от страха и радости, несколько минут он был как бы в восторженном состоянии, а когда пришел в себя, то увидел ученика своего Михея лежащим на полу, как бы умершим; великий наставник мог видеть Царицу Небесную и слышал голос Ее, а ученик, пораженный ужасом, не в состоянии был видеть все и видел только свет небесный...

– Встань, чадо мое, – кротко сказал старец. Михей пришел в чувство, поднялся, но тут же упал к ногам Преподобного Сергея. «Скажи, отче, Господа ради, – говорил он, – что это за чудное видение? Душа моя едва не разделилась от тела».

Но Сергей и сам еще не мог говорить от волнения душевного, только лицо его цвело небесной радостью. «Подожди, чадо, – сказал он ученику, – и моя душа трепещет от этого видения».

Когда, наконец, старец несколько успокоился, то послал Михея пригласить двух благоговейнейших мужей из братии – Исаакия Молчальника и Симона Экклесиарха. Те поспешили на зов своего старца игумена, и он рассказал им все, что сейчас было у него в келии. И все вместе совершили они молебное пение Богоматери, а Преподобный Сергей всю ночь провел без сна, внимая умом Божественному видению, которое было венцом его подвигов еще здесь, на земле. «Не гаданием, не в сонном видении, а наяву видел он Матерь Божию, как видел Ее некогда преподобный Афанасий Афонский», – замечает при сем летописец.

По древнему преданию, записанному в Никоновой летописи, это небесное посещение было в пост Рождества Христова, в ночь с пятницы на субботу и, как думают, в 1384 году; по другому предположению это событие относят к Рождественскому посту 1379 года, указывая на то, что в наступавших летом 1380 года трудных обстоятельствах (нашествие Мамаю) сам великий заступник земли Русской Преподобный Сергей имел духовную нужду в особенном подкреплении, и обращают внимание на то, что Преподобный послал на поле Куликово именно *Богородичную* просфору. В благодарное воспоминание сего чудного посещения в обители Преподобного Сергия установлено каждую пятницу, с вечера, совершать всенощное бдение с Акафистом Богоматери в юго-западном притворе Троицкого собора, на том месте, где, по преданию, стояла келья Преподобного Сергия и где красуется теперь величественная икона, изображающая это чудное пришествие Небесной Гостьи. А каждую субботу после ранней литургии в церкви преподобного Никона, в том же притворе, совершается молебное пение во славу Богоматери, причем поется нарочито составленный по образу пасхального канон в воспоминание сего посещения (попеременно с двумя другими канонами).

* * *

Рассказав о сем таинственном событии, блаженный Епифаний сообщает два чудесных случая, которые показывают, что та же всемогущая сила Божия, которая обильно действовала через святого старца в утешение скорбящих, во исцеление болящих, – она же, когда то было потребно, вразумляла неверующих, наказывала не покоряющихся слову благодати, исходившему из уст Богоносного Сергия. Вот эти случаи.

Прибыл из Царьграда в Москву, вероятно за сбором милостыни, что часто бывало тогда, один епископ и пожелал видеть святого старца в его пустынной обители. Нужно думать, что сюда влекло его только любопытство, потому что в душе он не верил рассказам о дивных подвигах Преподобного и о чудесных знамениях, через него бывающих. Может быть, тут замешано было безотчетное чувство превозношения грека пред русским: его ослепленному самолюбию не хотелось верить рассказам о таких подвигах, которые русского инока ставили в ряд древних великих подвижников Греческой Церкви; по крайней мере, вот как он рассуждал, по словам Епифания: «Может ли быть, чтобы в сих дальних и недавно обращенных к свету Христову странах воссиял такой светильник, которому подивились бы и наши древние отцы?» Грек, по-видимому, не знал или не хотел знать о подвигах русских Киево-Печерских преподобных отцев; как бы то ни было, однако же его неверие не было так упорно, чтобы совсем не могло подчиниться смиряющей деснице Божией. Последствия показали, что заблуждения его ума еще не совсем омрачили сердце, способное к смирению.

Епископ уже подходил к обители, как вдруг им овладел непонятный страх, а когда он вошел в ограду монастырскую и впервые взглянул на святого старца, то внезапно поражен был слепотой, так что Преподобный игумен, встретив его, должен был взять его за руку и вести таким образом в свою келью. Это наказание или, лучше сказать, прикосновение вра-

зумляющей десницы Божией так подействовало на епископа, что он со слезами исповедал пред старцем свое неверие и, сознавая свою вину, просил исцеления. Смиранный Сергей с молитвой прикоснулся к его зеницам – и тотчас же от очей его отпали как бы чешуи, и он прозрел.

Тогда сказал старец смирившемуся епископу с кротким упреком: «Вам, премудрым учителям, подобает учить нас – не высокая мудрствовать и не превозноситься над смиренными; а вы пришли искушать неразумие наше...»

Какую же вы получите пользу от нас, простых невежд? Но праведный Господь зрит сердца человеческие».

И епископ, прежде колебавшийся сомнением, с того времени стал всех открыто уверять, что нашел в Преподобном Сергии истинного человека Божия и что Господь сподобил его видеть земного ангела и небесного человека. С подобающей его сану честию проводил его Сергей из своей обители, и он возвратился в свое место, прославляя Бога и Его угодника.

Так наказано было горделивое самомнение, а вот какое наказание понесла жадность человеческая.

Один скупой человек, живший близ обители, отнял у своего соседа, круглого сироты, откормленную им свинку, не уплатив за нее денег. Обиженный прибегнул к посредничеству святого старца, на которого все смотрели как на миротворца и судью помышлений человеческих. Милостивая душа – угодник Божий сжалился над бедняком и пригласил к себе обидчика.

– Сын мой, – сказал ему кротко старец, – веришь ли ты, что есть Бог? Знай же, что Он – Судия праведным и грешным, Отец сиротам и вдовицам. Он всегда готов на отмщение неправды людской, и страшно впасть в Его руки... Как же мы не страшимся отнимать чужое, обижать ближнего и творить всякое зло? Ужели мы еще недовольны тем, что дает Он нам по благодати Своей, когда засматриваемся на чужое добро? Или ни во что ставим Его долготерпение? Разве не видим мы, как у нас на виду творящие неправду становятся нищими, их дома пустеют и память о них исчезает навсегда?.. А в будущей жизни их ждет вечное мучение! Отдай же, сын мой, отдай сироте то, что ему следует, и впредь так не делай!

Долго увещевал Преподобный жестокосердого скупца, и тот как будто устыдился своего поступка и даже обещался уплатить обиженному, что стоит свинка, но, возвратясь домой, легкомысленный пожалел денег и не сдержал своего слова. Дело было зимой. Вот он входит в клеть, где хранилась зарезанная им свинка, и с изумлением видит, что все мясо, несмотря на мороз, уже изъедено червями... На него напал такой страх, что он и после долго боялся показаться на глаза святому игумену. Между тем он тогда же уплатил бедняку цену свинки, а испорченное мясо выбросил собакам, но и те не польстились на его лихоимную добычу.

* * *

Так восходил от силы в силу, преуспевая в духовном просветлении и приближаясь к Богу, благодатный старец. Сбылось над ним таинственное слово таинственного инока – Ангела, просветившего в детстве его ум к уразумению слова Божия, он стал воистину обителью Пресвятой Троицы! Сбылось дивное обетование Господа: *«Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его (Ин 14:23), и Аз возлюблю его (Ин 14:21), и к нему приидемъ и обитель у него сотворимъ (Ин 14:23)»*. Справедливо замечает его ученик и писатель Жития его, что Сергей был «яко един от древних великих отцев». За свою крепкую веру он удостоился лицезреть камня веры – Петра, за свою девственную чистоту – девственника и друга Христова Иоанна, а за свое величайшее смирение – смиреннейшую из земнородных, Владычицу мира Пресвятую Богородицу... С раннего детства и до глубокой старости во всех его действиях мы видим прежде всего два прекрасных свойства его святой

души – глубокое смирение и детскую простоту. Эти две добродетели составляют основные черты его нравственного облика, они, так сказать, окрашивают в свой цвет все прочие его добродетели: его благодное ко всем отношение, его голубиное незлобие, все его великие подвиги. В соединении с духовным рассуждением они образуют в нем тот цельный нравственный характер, красота которого невольно влечет к себе человеческое сердце. Когда ближе всматриваешься в святолепный образ сего старца Божия, каким изображает его жизнеописатель, то сердце переполняется каким-то неземным чувством красоты и душа рвется упасть к стопам угодника Божия! Это чувствовали добрым сердцем еще его современники. «Еще в жизни сей, – говорит святитель Платон, – за святость жития своего он был почти от всех любим, и почитаем, и уважаем более, чем сколько позволяло это его тогдашнее смиренное состояние. А ведь в этой жизни как часто добродетель бывает закрыта, как часто бросают на нее тень и даже преследуют! Если же его добродетель еще в сей жизни сияла так светло, что ни развращение мира, ни страсти злых, ни слепота гордых не могли помрачить ее, то какова же ее светлость там, где нет ни страстей, ни мрака, где все праведники сияют яко солнце в Царствии Небесном? (Мф 13:43)».

И льется этот тихий свет с высоты небесной на нас, грешных обитателей их земной родины, и пробуждается в душе чувство горького упрека нашей немощи: вот, думается, каковы были наши духовные предки – истинные последователи Христова учения! А мы что?.. Господи, какая пропасть отделяет нас, плотяных, от них – одухотворенных, нас, оземленившихся рабов греха, от них – святых, чистых, свободных граждан горного Иерусалима! И кто же тому виною, братие-читатели мои?.. Кто, кроме нас же самих?.. Ведь святые Божии такие же люди были, что и мы, тою же плотью были облечены, те же немощи имели, те же скорби несли; значит, и нам никто не помешал бы такими же стать, какими они были, если бы только сами мы того пожелали, – да пожелали всем сердцем, всею душой, всем помышлением своим!

Будем же чаще всматриваться в дивные образы их. О, не даром ведь сказано в Писании: *с преподобным и сам преподобен будещи*, с благодатным и сам облагоухаеши ароматом благодати, исходящим от одеяния души его!

Глава XVIII

Кончина праведника

*Радуйся, восшедый на гору превысоку добродетелей
Божественных;*

Радуйся, яко от твоя удобь возшел еси на гору небесную.

Акаф. 1. Ик. 11

**У тихой пристани. Откровение о кончине. Передача управления
преподобному Никону. Последние заветы старца. Предсмертное
причащение. Блаженная кончина. Благоухание. Вопрос о
месте погребения. Решение святителя Киприана. Глубокая
скорбь осиротевших иноков. Утешение им из загробного
мира. Молитвенное обращение к Преподобному (1391)**

Как корабль, обремененный множеством сокровищ, тихо приближается к доброму пристанищу, так Богоносный Сергей приближался к исходу из сей временной жизни. Вид смерти не страшил его, потому что он готовился к ней подвигами всей своей жизни. Ему было уже за семьдесят лет; непрестанные труды изнурили его старческие силы, но он никогда не упускал ни одной службы Божией и «чем больше состаревался возрастом, тем больше обновлялся усердием», подавая собой юным поучительный пример.

За полгода до кончины великий подвижник удостоился откровения о времени своего отшествия к Богу. Он созвал к себе братию и в присутствии всех передал управление обителью присному ученику своему, преподобному Никону, а сам начал безмолвствовать. Наступил сентябрь 1391 года, и Преподобный старец тяжело заболел... Еще раз собрал он вокруг своего смертного ложа всех учеников своих и еще раз простер к ним свое последнее отеческое поучение... Сколько простоты и силы в этом предсмертном поучении умирающего отца иноков! Сколько любви к тем, которых оставляет! Он желает и заповедует, чтобы его духовные дети шли тем же путем к Царству Небесному, каким шествовал он сам в продолжение всей своей жизни. Прежде всего он учит их пребывать в Православии. «Высокая черта духа Апостольского в преподающем завещание! – замечает один учитель церковный. – Основанием всякого дела, всякого намерения, по учению слова Божия, должна быть вера, без веры угодить Богу невозможно. Но вера должна быть Православная, основанная на учении Апостолов и Святых Отцев, чуждая суетного высокоумствования, которое часто ведет к маловерию и неверию и сбивает с пути спасения. Далее Преподобный завещает братии хранить единомыслие, блюсти чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную, советует удаляться от злых похотей, предписывает умеренность в пище и питии, смирение, страннолюбие (”страннолюбия не забывайте!” – эти слова Апостола, кажется, особенно любил повторять угодник Божий, и мы читаем их на многих древних иконах его, в развернутой хартии начертанные) и единственное стремление к горнему, с презрением суеты житейской». Вот достолюбезный венец добродетелей, которыми украшал себя сам Сергей и которые он, как бесценное сокровище, завещал своим возлюбленным ученикам! В своей последней, прощальной, беседе умирающий старец со всей силой отеческой любви заботился напечатлеть в детски преданных ему сердцах спасительные правила иноческой жизни; он многое напоминал им из того, что говорил прежде, и наконец заповедал не погребать его в церкви, а положить на общем кладбище, вместе с прочими усопшими отцами и братиями...

Безмолвно стояли с поникшими главами скорбящие чада Сергиевы и с болью сердечной внимали последним наставлениям любимого старца. О, как тяжело было им расставаться со своим отцом, под молитвенным кровом которого им так тепло и уютно жилось! Кто без него утешит их в монашеской скорби так, как он умел утешать? Кто понесет их немощи так, как носил любвеобильный их авва? Кто с такой горячей любовью будет пещись о спасении душ их? Нежнее матери был для них Сергей, и кто же в состоянии его заменить?

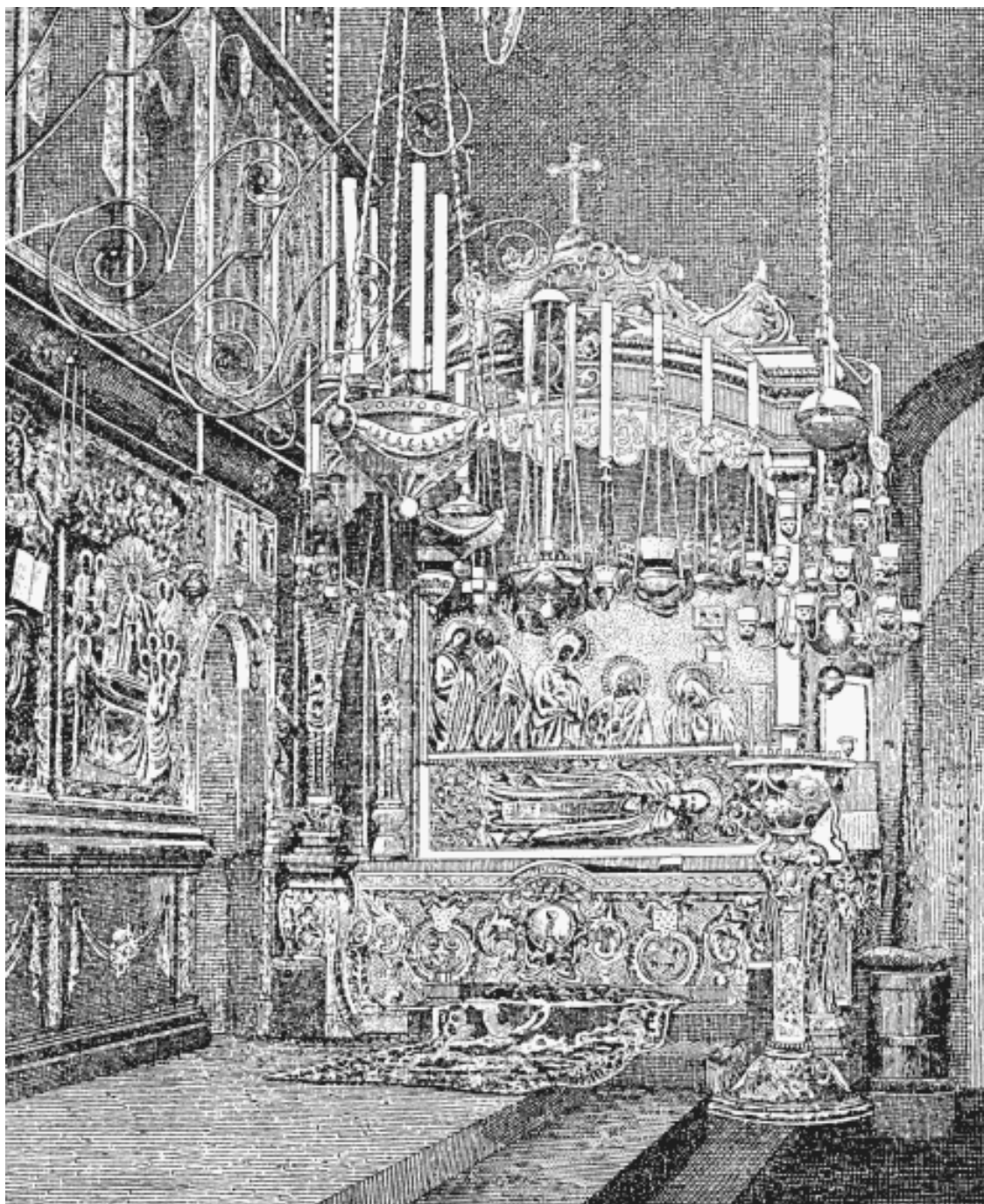
Особенно грустно было им слышать последнюю волю своего смиренного игумена относительно места его последнего покоя. Один вид могилы его в храме Божиим, среди собора молящихся братий, мог бы служить для них некоторым утешением. «Нет, он не покинул нас – духом он с нами, вот и залог его незримого присутствия между нас, вот тут покоится его многотрудное тело» – так могли бы утешать себя осиротевшие дети. Но старец не желал быть погребенным в храме, и ученики лишались сего утешения... Не хотели они огорчать его смирения своим противоречием, а может быть и боялись, чтобы это противоречие не побудило старца сделать более строгое (например, с закланием, как делали некоторые подвижники) распоряжение относительно места его погребения, и вот всякое слово замирало невольно на их дрожащих устах...

А старец между тем с любовью смотрел на них; он видел их горе сердечное и тихим, изнемогающим голосом утешал их: «Не скорбите, чада мои! Я отхожу к Богу, меня призывающему, и вас поручаю Всемогущему Господу и Пречистой Его Матери; Она будет вам прибежищем и стеною от стрел вражиих!»

Перед самым исходом души своей старец пожелал в последний раз приобщиться пречистого Тела и Крови Христовой. Руки учеников поддерживали его ослабевшие члены; с помощью их он приподнялся со своей убогой постели, чтобы встретить грядущего во святых Тайнах Господа; с глубоким благоговением вкусил он от Чаши Христовой и в изнеможении опустился на смертное ложе...

Весь исполненный благодатного утешения, он возвел горе свои слезящие от радости очи и еще раз, при помощи учеников, простер к Богу свои преподобные руки... «Господи, в руке Твои предаю дух мой!» – тихо произнес святой старец и в дыхании сей молитвы отошел чистой своей душой ко Господу, Которого от юности возлюбил...

Это было 25 сентября 1391 года. Лишь только Преподобный Сергей испустил последний вздох, несказанное благоухание разлилось по его келии... Лицо усопшего праведника сияло небесным блаженством, и смерть не посмела наложить свою мрачную печать на святолепный лик новопреставленного старца Божия...

Рака, в которой покоятся святые мощи Преподобного Сергия в Сергиевском монастыре

Немедленно старшие из братии отправились в Москву со скорбной вестью к митрополиту Киприану. Они сообщили ему как завещание старца о месте погребения, так и усердное желание всей братии положить его в церкви Пресвятыя Троицы, им самим созданной, и просили его архипастырского о том распоряжения. И святитель не затруднился благословить их на погребение смиренного игумена в церкви, хотя сам он не желал того. И вот, с горькими слезами и рыданиями, которые заглушали псалмопения, братия понесли честное и многотрудное тело своего великого отца и наставника в храм Живоначальной Троицы... Весть о его преставлении привлекла в обитель множество народа не только из окрестных селений, но и из ближайших городов; каждому хотелось приблизиться и прикоснуться если не к самому телу Богоносного старца, то по крайней мере ко гробу его или же взять себе на память и на благословение что-нибудь из его одежды и келейных вещей. Тут были и князья,

и бояре, и почтенные старцы игумены, и честные иереи столицы, и множество иноков, – кто со свечами, кто с кадилами и святыми иконами провожая святые останки блаженного старца к месту последнего их упокоения. И похоронили его у правого клироса в церкви Пресвятой Троицы.

Сергий Радонежский. Покров на раку

Трогательными чертами изображает скорбь осиротевших учеников Сергиевых блаженный писатель Жития его, сам свидетель и участник этой скорби. «Все сетовали, – говорит он, – все плакали, воздыхали, ходили с поникшей головой... Встречаясь друг с другом,

братия обливались слезами и в умилении скорбящего сердца изливали друг перед другом свои печальные чувства. «Прости, отче, благослови, возлюбленный о Господе брате! – так говорили они. – Вот добрый и блаженный старец наш покинул нас, ко Господу отошел, сиротами оставил нас... Он ушел туда, где ждет его великая награда и воздаяние за все его труды и подвиги, ушел с миром ко Господу, Которого возлюбил!.. Он уснул сном вечным и почил от трудов своих, а мы осиротели, мы вот оплакиваем его, нет его больше с нами, остались мы как овцы без пастыря, как корабль без кормчего, сад без сторожа, больной без врача!.. О, горе нам, бедным, сиротам безутешным!»

И в горести души своей часто приходили они на могилу старца и здесь в слезной молитве припадали к его мощам святым и беседовали с ним как бы с живым, поверяя ему скорбь свою... «О святче Божий, угодниче Спасов, избранниче Христов! – говорили они. – О священная главо, преблаженный авво Сергие великий! Не забуди нас, убогих рабов твоих, не забуди нас, сирот своих; поминай нас всегда во святых твоих и благоприятных молитвах ко Господу, поминай стадо, тобою собранное, молись за нас, отче священный, за детей твоих; ты имеешь дерзновение у Царя Небесного – не премолчи же, вопия за нас ко Господу! Тебе дана благодать за нас молиться... Мы не считаем тебя умершим, – нет, хотя телом ты и предался от нас, но дух твой с нами, не отступай же от нас, пастырь наш добрый!»

Так оплакивали святые ученики святого старца, так крепко веровали они в его благодатное сопребывание духом с ними. И по вере их угодник Божий не оставлял их без утешения; так, однажды благочестивый инок Игнатий видел наяву во время всеобщего бдения, что Преподобный Сергей стоит на своем месте игуменском и поет вместе с братией. Это видение было как бы ответом любвеобильного старца своим присным ученикам из загробного мира, ответом на их сердечный молитвенный плач над гробом его... И поныне слышится этот трогательный плач у гроба Сергиева – каждый раз после молебного пения.

И много говорит этот плач душе богомольца, и каждый внимательный читатель Жития Сергиева не может не согласиться с блаженным Епифанием, который говорит: «Покажите мне жизнеописания древних прославленных угодников Божиих, и мы увидим, что воистину ничем не уступал Сергей божественным мужам, в древности просиявшим, ибо и сам он был великим подвижником на пути к Царствию Небесному и пустыню населил добродетельными иноками. Похваляем его не потому, как будто он требует от нас похвал, – нет, мы только просим, чтобы помолился за нас сей истинный подражатель Христов!»

Заклучим наше сказание о житии и подвигах Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия словами святителя Платона, обращенными к самому угоднику Божию: «Святой муж, ныне и присно нами прославляемый! ...Скончався в мале, ты исполнил лета долга (Прем 4:13). Се уже около четырехсот (теперь уже пятисот) лет как Церковь празднует память твою: но пройдут и тысячи лет, а имя твое останется незабвенно. Да хотя б и люди до такого дошли развращения, что имя твое предали бы забвению, но оно у Бога вечно, в блаженной вечности записано в книгах животных и из оных никогда не будет изгладимо... Хотя б чудесные силы, от тебя текущие, по судьбам Божиим, и иссякли, но истина Евангельская пребывает во веки, а она говорит: *не радуйтесь, яко дуси вам повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на Небесех* (Лк 10:20)».

Глава XIX

Ученики Сергиевы в родной обители

Радуйся, иноком наставниче предивный.
Акаф. 1. Ик. 7

Радуйся, предводителю добрый в путь спасения текущим...
Акаф. 2. Ик. 8

***Первые сподвижники. Архимандрит-келейник. Молчальник.
Келарь. Экклесиарх. Воины-иноки. Добрый рачитель
послушания. Духовный плод сего подвига. Никон-игумен.
Нашествие Едигея. Открытие святых мощей Преподобного
Сергия. Троицкий собор. Кончина преподобного Никона***

(1391–1428)

В пророческом видении Преподобному Сергию показаны были прекрасные птицы, во множестве летавшие в стенах его обители и вокруг нее. Под руководством великого наставника действительно образовались дивные ученики. Одни из них до гроба подвизались в родной обители, другие, по внутреннему влечению благодати Божией или за послушание к своему великому авве, вышли из нее, чтобы основать новые обители в разных местах. Скажем кратко сначала о первых.

Первыми сподвижниками Преподобного Сергия в его тяжелой отшельнической жизни, как известно из предшествующего рассказа, были:

1. *Василий Сухой*
2. *Онисим*
3. *Елисей, сын Онисима*
4. *Иаков, прозванием Якута.*

Схима Преподобного Сергия, хранящаяся у его мощей

Позднее пришли под его благодатный кров:

5. Архимандрит *Симон*, променявший власть на звание послушника Сергиева и за то удостоившийся быть участником видения Преподобного о судьбе его учеников.

6. *Михей*. Это был любимый келейник Преподобного Сергия, «возливавший, по выражению Епифания, воду на руце его». Под руководством великого старца он взшел на высокую степень духовного совершенства, как сие особенно видно из того, что он один из всех сподвижников Сергиевых удостоился видеть Матерь Божию, посетившую своего избранника. Кроткий ученик почил в 1385 году, 6 мая. Мощи его почивают под спудом в небольшой церкви, устроенной в честь явления Богоматери Преподобному Сергию, свидетелем коего (видения) удостоился быть преподобный *Михей*.

7. *Исаакий Молчальник*. Преподобный Сергий желал поставить его строителем новооснованной обители на Киржаче, но любитель безмолвия упросил старца благословить его на подвиг молчания. По отзыву летописца, преподобный Исаакий отличался незлобием, необыкновенной кротостью и послушанием, любил читать Священное Писание и, смиряя тело свое строгим постом, стяжал благодатный дар слез. Он удостоился видеть Ангела, сослужившего Преподобному Сергию, скончался зимой 1388 года, за три года до кончины своего блаженного наставника, и погребен близ Троицкого собора, к востоку.

8. *Макарий*, соучастник Исаакия в видении Ангела.

9. Келарь *Илия*, «старец добрый и послушливый», скончался в 1384 году на Троицкой неделе.

10. Экклесиарх, *Симон*, видевший благодатный огонь, коим причащался Преподобный Сергий. О нем с похвалой отзывался сам Преподобный.

11. *Игнатий*, вскоре после смерти Преподобного Сергия удостоившийся видеть его стоящим в церкви на своем месте и поющим с братией.

12 и 13. *Варфоломей* и *Наум*, известные по явлению Преподобного Сергия во время осады лавры.

14 и 15. *Александр Пересвет* и *Андрей Ослябя*, названные в древних рукописных святцах преподобномучениками.

16. *Иоанникий*, не упоминаемый в Житии, но изображенный на древней иконе вместе с другими учениками Преподобного Сергия.

17. *Епифаний Премудрый*, также изображен купно с своим наставником и прочими его учениками на иконе Троицкого собора. Епифаний впоследствии был духовником в обители Сергиевой и оставил нам описание Жития своего великого старца. Это был человек образованный для своего времени, много путешествовавший по святым местам и написавший, кроме Жития Преподобного Сергия, похвальное ему слово, Житие и похвальное слово в честь святителя Стефана Пермского, с которым он вместе жил в молодости своей в Ростове, в монастыре Григория Богослова, именуемом Затвор.

18. *Никон*, подобно Михею, удостоившийся сожития в одной келии с святым старцем и бывший потом его преемником по игуменству. Древний жизнеописатель, говоря о его строгоподвижнической жизни, выражается, что его имя «яко священие некое обношашеся» еще во время его земной жизни. Имя сего ученика Сергиева так тесно связано с историей обители Сергиевой в первое время по кончине ее основателя, что о нем следует сказать подробнее, чем о прочих учениках великого старца. Никон был продолжателем дела Сергиева в его обители, и, как видно из Жития его, отошедший ко Господу наставник не переставал и по кончине своей благодатно руководить своего достойного ученика.

Родиной преподобного Никона (родился в 1355 г.) был город Юрьев-Польской, не в дальнем расстоянии от обители Сергиевой. В ранней молодости слышал он о равноангельной жизни святого старца и пожелал видеть его и последовать по его стопам. И вот приходит он в обитель Пресвятой Троицы и просит Сергия принять его в число своих учеников. Но случилось то, чего, конечно, не ожидал проситель: Сергий не принял в лавру своего будущего преемника. «Дела святых, – замечает по сему случаю святитель Филарет, – и в малом велики, и в виде недоразумений премудры. Точно так же некогда поступил Евфимий Великий с Саввой Освященным, когда сей пришел в его лавру в юном возрасте, и отослал его в подчиненный монастырь к преподобному Феоктисту. Несообразным находил он причислить к собору старейших иноков юношу, который требовал иногда отдельного руководства. Так, вероятно, рассуждал и Преподобный Сергий о юном Никоне. А может быть, провидя его особенные достоинства, старец пожелал поставить его в неожиданный подвиг послушания и смирения, и вместе с тем хотел, чтобы тот, кому суждено – младшему – начальствовать над старейшими подвижниками лавры, явился к ним, по крайней мере, не юношей, а уже пресвитером. Как бы то ни было, авва послал юношу к ученику своему Афанасию, в Высоцкий монастырь, что в городе Серпухове.

Беседа со святителем Афанасием

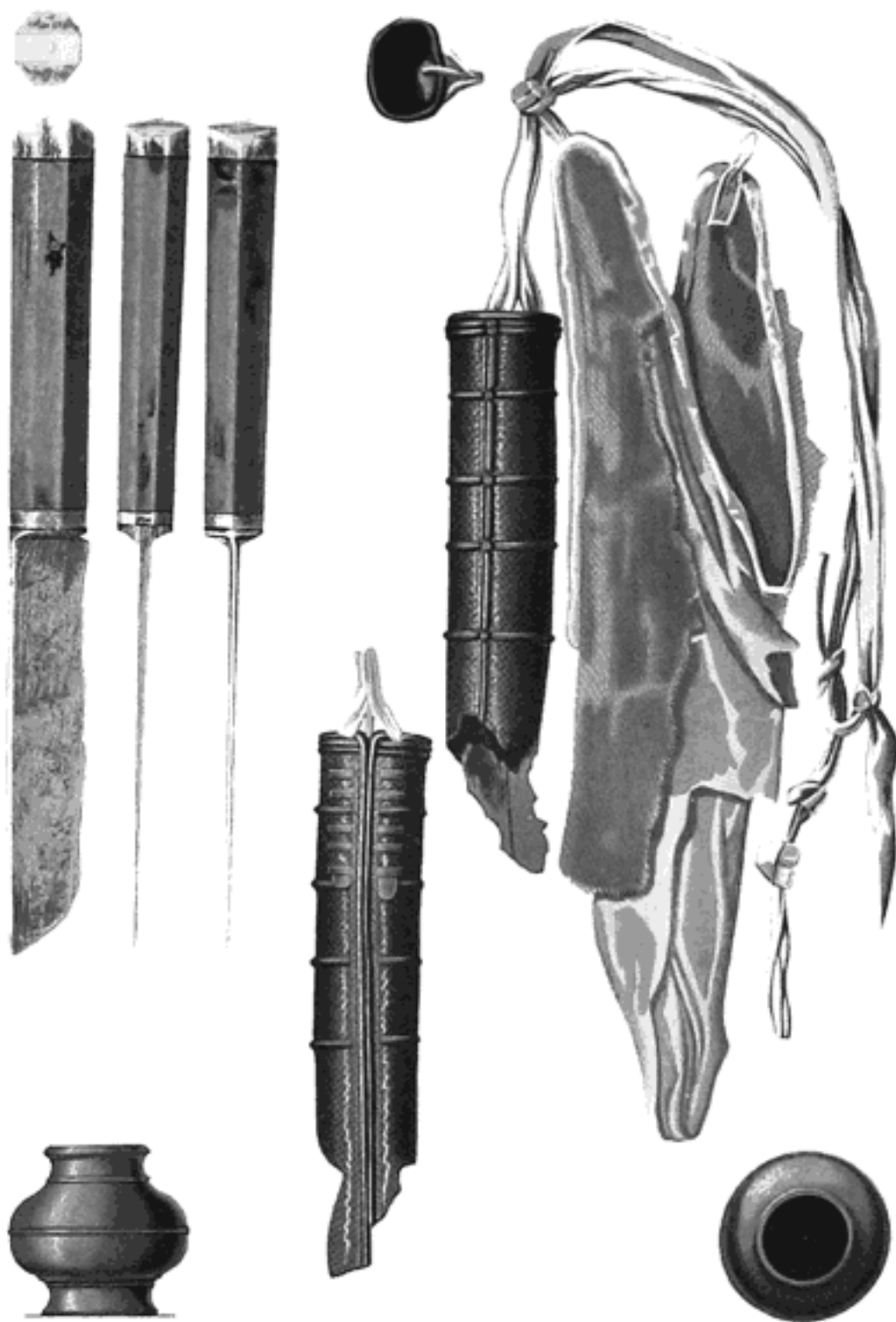
Нелегко было юному Никону понести это испытание его послушания. Святость и мудрость Сергия он знал, в Сергии он надеялся найти себе совершенного руководителя. Афанасия, по всей вероятности, Никон не знал и не мог иметь к нему такой веры, какую имел к Сергию. Кто в подобных обстоятельствах не поколебался бы? Но Никон не прекословил. Он согласился быть в удалении от Сергия, чтобы исполнить подвиг послушания Сергию, согласился быть учеником ученика, чтобы достигнуть большего смирения. Зато впоследствии никто не пользовался такой близостью к Сергию, как он, из послушания удалившийся от него! Таков жребий беспрекословного послушника!» – замечает святитель Московский Филарет.

И Афанасий не без испытания принял Никона. Он устрашал его трудностями монашеского жития, но, видя его твердую решимость на все, наконец принял и облек в ангельский образ. Никон отдал себя руководству Афанасия как бы самого Сергия и за то скоро почтен был саном священства. Афанасий любил Никона, как сына, но душа Никона стремилась в пустыню великого Сергия. Года через два после прибытия к Афанасию Никон стал просить своего наставника отпустить его к Сергию, и Афанасий охотно согласился. Старец с радостью встретил Никона и уже навсегда оставил в своей обители. Здесь он сначала проходил

келарское послушание, а потом старец взял его в свою келию. В этой убогой келии Никон нашел для себя и высшее училище духовного любомудрия в беседах Богомудрого Сергия, и новое поощрение к подвигам в близком примере святого старца, и ограждение от искушений в его прозорливом руководстве, и подкрепление против немощей в его сильной молитве, и райское утешение в общении сей молитвы. Любящее сердце Сергия было для Никона отверстой дверью, откуда исходил к нему благодатный свет и мир; верное сердце Никона было также отверстой дверью для открытия Сергию помыслов и душевных движений, дабы никакое сомнение или смущение не уменьшило чистоты совести. Так почил на Никоне дух Сергия, и Сергей в последние годы сложил на Никона часть своих забот о братии, а потом, за шесть месяцев до кончины, и совсем передал Никону начальство над своей лаврой.

«Кто мог наполнить безмерную пустоту, оставленную в лавре кончиной Преподобного Сергия? – вопрошает святитель Филарет и отвечает: – По крайней мере, никто лучше преподобного Никона не мог уменьшить чувства сего лишения.» Между прочим он положил себе за неперемное правило, во-первых, в точности и с любовью выполнять все то, что учредил и заповедал святой основатель обители, и, во-вторых, был первым на общих братских трудах. Он часто предлагал братии поучения в церкви, и его слово дышало отеческой любовью и духовной мудростью. Кротостью в обращении, заботливым управлением и отеческими советами он не только приобрел любовь и уважение всей братии, но и далеко за ограду обители распространились о нем благоговейное мнение и слава. Но эта слава очень тяготила его и устрашала. От своего великого наставника Сергия он научился только поневоле, ради блага других, начальствовать, а по влечению собственной души – уединяться и безмолвствовать. И вот от молвы дел начальнических он удалился в особую келию, а как братия много скорбели о том, то он предоставил им избрать другого игумена. Избран был Савва, бывший дотоле братским духовником, но через шесть лет и тот оставил начальствование в обители Сергиевой и по просьбе Звенигородского князя Юрия Дмитриевича удалился в его удел, чтобы там основать новую обитель – «на Сторожах». Тогда братия слезными молениями убедили преподобного Никона снова принять на себя труды управления, и преподобный, из любви к братии, уступил их желанию, но с условием, чтобы ему не препятствовали известную часть дня посвящать богомыслию и слезной молитве.

Великий Сергей шел путем жестким, путем крайних лишений по своей доброй воле. Ученикам его пришлось идти путем нужд и лишений поневоле. В ноябре 1408 года к Москве подступил свирепый Едигей. Преподобный Никон молил Господа о защите обители и призывал на помощь своего наставника, дабы не погибли плоды трудов его пустынных. Раз после долгой ночной молитвы сел он для отдыха и задремал. Вдруг явились ему святители Петр и Алексий и с ними Преподобный Сергей. «Так угодно судьбам Божиим, – сказал Сергей, – чтобы нашествие иноплемennых коснулось сего места. Но ты, чадо, не скорби, не смущайся: искушение будет непродолжительно, и обитель не запустеет, а распространится еще более». Преподав мир, святые стали невидимы. Преподобный Никон пришел в себя, поспешил к дверям келии и нашел их запертыми. Он отпер и вышел и увидел святых, идущих от его келии к церкви, чем и удостоверился, что это был не простой сон, а истинное видение.

Нож, ножны и кошелёк Преподобного Сергия, находившиеся в Троице-Сергиевой лавре, и старинная деревянная чаша, или ставец

Предсказание исполнилось. Обитель сожжена. Предупрежденные небесным известием, преподобный Никон и братья временно удалились из нее и спасли от расхищения некоторые святыни, книги и келейные вещи Преподобного Сергия. 20 декабря, в день памяти святителя Петра, Едигей отступил от Москвы и скрылся в степях. Никон и братья возвратились на пепелище обители, которая через три года была обстроена вся заново, кроме церкви. Место, где погребен был Преподобный Сергей и где ныне стоит Троицкий собор, пре-

подобный Никон сберегал для будущего каменного храма, почему деревянный храм и был построен на том месте, где теперь церковь Сошествия Святого Духа. Этот храм был освящен в 1412 году, 25 сентября, в день памяти Преподобного Сергия. И достойные видели, как святитель Алексий с Преподобным Сергием приходили освящать новые здания обители.

Преподобный Никон пользовался любовью и уважением князей: в 1401 году он крестил сына Дмитрия у князя Кашинского Василия Михайловича; в 1410 году, по просьбе Серпуховского князя Владимира Андреевича, он свидетельствовал его духовное завещание; Великий Князь Василий Димитриевич дал на его имя несколько жалованных грамот обители, которая при Никоне приобрела несколько земель – частью вкладами, частью покупкой. Но всего более заботился преподобный об устройении душевного спасения себе и другим. Под его руководством братия усердно занимались списыванием Богослужбных и отеческих книг.

Сладостнейшей наградой Никону за его труды для обители было открытие святых мощей великого учителя – Преподобного Сергия. Это совершилось при копании рвов для каменного храма Пресвятой Троицы. Незадолго перед тем Преподобный Сергей сам повелел в видении одному благочестивому мужу, жившему близ обители, возвестить игумену и братии: «Вскую мя оставите толико время во гробе, землею покровена, воде, утесняющей тело мое?» И вот, 5 июля 1422 года, в присутствии крестного сына Сергиева, князя Звенигородского Юрия Димитриевича, преподобный Никон изнес из земли нетленные мощи отца своего и временно поставил их в деревянном храме. С благоговейной любовью и усердными молитвами созидался и украшался каменный храм как место покоя для мощей великого Сергия, которые и были перенесены в него по освящении храма. Над украшением сего святыща потрудились преподобные иконописцы Даниил и Андрей Рублев, вызванные для сего из обители преподобного Андроника. И доныне стоит этот храм Никонова строения, непоколебимый веками, освящая и ныне молящихся в нем. И до сих пор красуется в нем чудотворный образ Пресвятой Троицы, написанный преподобным Андреем.

Преподобный Никон скончался на семьдесят третьем году своей жизни. Почувствовав приближение кончины, он призвал братию и дал им последние наставления, в которых как бы слышалось завещание великого Сергия. Никон завещал братии строго соблюдать чин молитвы дневной и ночной, не часто выходить из обители, быть мужественными в искушениях, повиноваться начальствующим, любить труд и безмолвие и ни одного бедного пришельца не отпускать с пустыми руками.

Наконец, приобщившись Святых Христовых Таин, уже в крайнем изнеможении умирающий старец благословил каждого и сказал: «Отнесите же меня в светлую храмину, уготованную мне молитвами отца моего, не хочу более здесь оставаться!» Видно, в откровении ему был показан блаженный покой, ему уготованный, хотя смиренный подвижник никому о том ясно не говорил. «Изыди, душе моя, – тихо промолвил он наконец, – идеже ти уготовано пребывалище; пойдя радуешься, Христос зовет тя!» И, оградив себя крестным знаменем, мирно почил о Господе 17 ноября 1428 года.

Его святое тело положено близ мощей Преподобного Сергия, и Богу, дивному во Святых Своих, угодно было, чтобы это служило не только памятником их взаимной близости в жизни временной, но и знаменем их взаимного общения в жизни вечной, ибо любовь святых, как любовь Божественная, не подлежит закону времени. Неоднократно Сергей и Никон оба вместе являлись и вместе чудодействовали...

Глава XX

Ученики и собеседники Сергиевы в своих обителях

Радуйся, светильниче многосветлый, возведый ко Христу монахов множества.

Ик. Минеи

Радуйся, прохождением своим в пустынях многия обители насадивый.

Акаф. 2. Ик. 11

В Костромских пределах. На Обноре и Нурме. В Москве и на Пешноше. На Белом озере. В Серпухове. На Дубне. В пределах Вологодских и Тверских. В пределах Калужских и Звенигородских. Опять в Костромских. Собеседники в Вологде, на Махре, в пределах Ростовских, Суздальских и Пермских. Отдаленные отголоски преданий и неясные следы. Звезды полунощных стран

(1345-XV ст.)

Учениками и духовными друзьями Преподобного Сергия основано до сорока монастырей; из них, в свою очередь, вышли основатели еще до пятидесяти монастырей, так что духовное потомство великого Радонежского подвижника распространилось по всей северо-восточной Руси, повсюду зажигая благодатный огонек духовной жизни и разливая свет просвещения христианского. В настоящем очерке мы не можем представить полной картины распространения монашества из обители Сергиевой и ограничимся здесь краткими сведениями об учениках и собеседниках Преподобного Сергия, основавших свои обители и имевших к нему личные отношения.

1. Одним из первых учеников и постриженцев Преподобного Сергия был преподобный *Авраамий Галицкий*, называемый в наших месяцесловах также *Городецким* и *Чухломским*. Судя по тому, что он, по свидетельству рукописного жития, скончался 20 июля 1375 года в глубокой старости, надо полагать, что он был летами много старше Преподобного Сергия, которому в это время было только 56 лет. В обители Радонежской Авраамий трудился в хлебне и поварне, носил дрова и воду для братии, а потом был удостоен сана пресвитерского. Желая высшего подвига, он испросил у великого старца благословения и удалился в дикую тогда страну Галицкую. Здесь, на одной горе близ Галицкого озера, он обрел чудотворную икону Богоматери «Умиление сердец» и поставил себе часовню и келию. Когда его убежище стало известно Галицкому князю Димитрию Феодоровичу, он принес, по просьбе сего князя, обретенную им святыню в Галич, куда прибыл по озеру в рыбацкой лодке. Народное предание говорит, что там, где плыл преподобный, еще и теперь видна струя, отличающаяся от прочих и называемая Авраамиевой. В Галиче от святой иконы было много чудес, почему усердный князь дал средства преподобному построить на месте явления сей иконы монастырь в честь *Успения Пресвятой Богородицы*, а самого Авраамия убедил быть игуменом сей обители. Много потрудился здесь святой игумен над обращением дикого племени Чудского к Христовой вере, и Матерь Божия, видимо, помогала ему в том обильными чудесами

от святой Своей иконы. Когда обитель стала очень многолюдна, преподобный удалился верст за семьдесят; ученики нашли его и здесь, и скоро основана была другая обитель – *Положения пояса Богоматери* (ныне село Озерки). Затем Авраамий удалился на реку Вига и основал там монастырь во имя *Собора Богоматери*. Наконец он ушел и отсюда и в двадцати верстах от Вигской обители построил четвертую обитель – в честь *Покрова Пресвятой Богородицы*, где и почил о Господе. Так переносим был сей светильник смирения с одного места на другое и везде возжигал светочи духовной жизни.

2. Преподобный *Павел Обнорский*, или *Комельский*, родом москвич, постриженец одного из приволжских монастырей, был также одним из первых учеников Преподобного Сергия. Подобно Авраамию, он проходил в обители великого старца послушания и в кухне, и в трапезе, был и в келейном послушании у самого игумена Сергия. Так трудился он несколько лет. Потом испросил у старца благословения жить в уединении в окрестных лесах. Через пятнадцать лет такой жизни, когда его стали посещать братия, он снова просил у Преподобного Сергия благословения идти в пустыню уже более отдаленную. Святой старец дал ревностному ученику – любителю безмолвия – медный крест на благословение, и Павел, после долгих странствий по пустынным местам, остановился наконец в Комельском лесу. Над речкой Грязовицей Павел избрал себе дупло старой липы вместо келии и три года подвизался тут никому не ведомый. Потом он перешел на реку Нурму и здесь поставил келию немного просторнее оставленного дупла. Преподобный Сергей Нуромский, также ученик Сергия Радонежского, однажды пришел к нему и увидел вот что: стаи птиц вились около Павла, иные из них сидели на голове и на плечах его, и он кормил их из рук; тут же стоял медведь, ожидая себе пищи от пустытника; лисицы и зайцы бегали кругом, ожидая того же... Вот жизнь невинного первого человека! Когда стали и сюда приходить к нему любители безмолвия и просили позволения жить с ним, то он сначала не соглашался, а потом, вспоминая советы наставника своего Преподобного Сергия Радонежского, испросил у митрополита Фотия благословения на устройство общежительного монастыря во имя *Живоначальной Троицы*. По глубокому смирению он не принял священного сана. Стодвадцатилетним старцем, лежа на смертном одре, 6 января 1429 года он со слезами поведал братии о сожжении в тот день Костромы татарами, а 10 января отошел ко Господу. В его обители и поныне хранится крест, данный ему Преподобным Сергием на благословение.

Преподобный Павел кормит зверей

3. В четырех верстах от пустынного жилища преподобного Павла подвизался его друг и духовный отец – преподобный Сергей Нуромский. Он был родом грек, пришел в Радонежскую пустыню к Преподобному Сергию с Афонской горы и долго жил под руководством великого отца иноков. По его благословию он основал на реке Нурме монастырь *Преображения Господня*. Сергей и Павел часто посещали друг друга, причем Павел из уважения к Сергию провожал его обыкновенно на две трети расстояния от своей обители. Место, где расставались святые друзья, ознаменовано часовней. Преподобный Сергей скончался 7 октября 1412 года.

4. В двадцати верстах от обители преподобного Павла была обитель Воскресения Христова, основанная еще раньше Павловой учеником Преподобного Сергея Радонежского – *Сильвестром Обнорским*. Долго подвизался здесь, на берегу Обноры, в глухом лесу этот угодник Божий, пока не нашел его один заблудившийся поселянин. После того около его пустынной келии стали селиться ревнители духовного подвига, и основалась обитель. Святитель Алексей благословил построить храм во имя *Воскресения Христова*. Преподобный Сильвестр часто удалялся в глухое место дремучего леса, которое и теперь называется *заповедною рощей*. Оттуда по временам выходил он для беседы с посетителями на то место, где теперь часовня. Скончался он в 1379 году, апреля 25 дня.

5 и 6. Преподобные *Андроник* и *Савва*. Преподобный Андроник, «тихий, кроткий, смиренный», по отзыву летописца, был родом из той же Ростовской области, из которой происходил его великий авва. Святой наставник очень любил своего святого ученика за его добродетели и безответное послушание и особенно молил о нем Бога, чтобы покрыл эту невинную душу от вражеских козней и помог ему довершить свое течение до конца. Андроник давно питал в душе желание основать свою общежительную обитель и не таил сего желания от старца. Мы видели выше, как это святое желание исполнилось, когда святитель Алексей испросил у Преподобного Сергея сего ученика для устройства обители *Всемирного Спаса*. Место было избрано в семи верстах от Кремля, на речке Яузе, и сам Преподобный Сергей приходил благословить это место. В 1361 году обитель была окончена строением. Великий старец не раз приходил сюда к любимому своему ученику и подкреплял его в подвиге своими беседами. Однажды великий подвижник зашел сюда поклониться образу Спаса (который был принесен святителем Алексием из Царьграда) перед отправлением в дальний путь, в Нижний Новгород (в 1365 г.), и при прощании долго беседовал с Андроником. Впоследствии на месте их разлуки поставлена часовня, – это на пути во Владимир. Под руководством преподобного Андроника воспитались его спостник и преемник по игуменству преподобный Савва и знаменитые иконописцы *Андрей Рублев* и *Даниил*, которые расписывали придворный Благовещенский собор и соборные храмы во Владимире и Сергиевой лавре. И поныне стоит на правой стороне царских врат Троицкого собора чудотворная икона Пресвятой Троицы, написанная преподобным Андреем.

Святые ворота в Троице-Сергиевой лавре

7. В одно время с Андрониковым монастырем (в 1361 г.) возникла обитель *Пешношская*, основанная пустыннолюбивым *Мефодием*. В молодых годах пришел он к Преподобному Сергию и жил несколько лет под его руководством. Потом по благословению старца он уединился в глушь дубового леса за рекой Яхромой и на небольшом возвышении среди болота поставил себе келию. Когда около него стали собираться братья, Преподобный Сергей, посетив его, посоветовал ему построить обитель и храм на другом, более сухом месте и благословил то самое, где теперь стоит эта обитель. Преподобный Мефодий сам трудился при ее построении, *пеш*, *нося* деревья через реку. Оттого обитель получила наименование *Пешношской*, а речку прозвали Пешношей. По временам преподобный Мефодий для безмолвия уединялся за две версты от обители, и сюда приходил к нему для духовной беседы Преподобный Сергей. Отсюда эта местность названа *Беседою*, и здесь стоит часовня. «Собеседник и спостник» Преподобного Сергея Мефодий преставился спустя восемь месяцев после кончины своего великого старца, 4 июня 1392 года. В его обители честно хранится деревянный потир, в коем он священнодействовал, и ковчежец с частию мощей Преподобного Сергея.

8. Преподобный *Феодор*, в миру Иоанн, родной племянник Преподобного Сергея, в юности постриженный им, был одним из самых усердных и любимых его учеников. Удостоенный сана священства, он возымел желание основать свой общежительный монастырь и открыл свою мысль Богомудрому дяде-наставнику. Преподобный Сергей благословил его на это дело и даже сам пришел осмотреть избранное им на высоком берегу Москвы-реки место для обители. Это было около 1370 года. Слава о святой жизни Феодора скоро собрала около него много братий. Великий Князь избрал себе Феодора в духовники и посылал с поручениями по делам церковным к Вселенскому Патриарху; митрополит Алексей относился к нему с отеческою любовью, и Киприан писал ему послания вместе с Преподобным Сергием. Высокое положение, в какое был поставлен Феодор, тревожило его святого дядю, который «болезновал о чести и славе его» и молился, «во еже совершити ему течение без

преткновения». Великий отец иноков почитал обитель Симоновскую родственной о Христе своей Радонежской обители, и когда потребность и польза вызывали его в Москву, он приходил прямо в Симонов монастырь, где для него устроена была даже особая келия. Любитель смирения и труда, он и здесь вместе с братиею возделывал собственными руками землю для огородов, насаждал деревья, копал пруды и кладязи. И теперь еще видны здесь плоды его труженической жизни: недалеко от монастыря на ровном возвышенном песчаном месте находится обширный (в окружности до 150 сажень) и глубокий (на середине до 6 аршин) пруд, обнесенный валом и обсаженный березами. Общее предание Москвы уверяет, что этот пруд ископан руками первых святых подвижников на Симонове и что в сих трудах принимал живое участие Преподобный Сергей. Оттого и зовут этот пруд *Сергиевым*. И московские старожилы говорят, что многие страждущие, несмотря на время года, погружаясь в воду сего пруда с верой и молитвой об исцелении, получали просимое. С древних лет в день Преполовления Пятидесятницы сюда бывает крестный ход для освящения воды.

Преподобный Феодор впоследствии был архиепископом в Ростове, где, несмотря на кратковременное управление паствой, оставил по себе вековечный памятник основанием *Богородицкорождественского* женского монастыря. Он скончался 28 ноября 1394 года.

9 и 10. Из Симоновской обители вышли два подвижника *Белозерские*, *Кирилл* и *Ферапонт*, которые оба пользовались наставлениями Преподобного Сергия. Первого из них привел сюда друг Сергиев, преподобный Стефан Махрицкий. Когда Преподобный Сергей приходил в Симонов, он прежде всех посещал Кирилла в хлебне. Прозорливый старец видел, что будет Кирилл впоследствии, и с любовью беседовал с ним о спасении души. После Феодора Кирилл некоторое время был настоятелем Симоновской обители, но потом, по любви к безмолвию, удалился в свою уединенную келию на Старом Симонове, а оттуда вместе с другом своим Ферапонтом ушел в пределы Белозерские. Там Кирилл положил основание общежительной обители *Успения Пресвятой Богородицы* (в 1397 г.), а Ферапонт основал тоже общежительный монастырь – *Рождества Богородицы* (в 1398 г.). В 1408 году преподобный Ферапонт, по желанию Можайского князя Андрея Димитриевича, перешел в Можайск и здесь, в версте от города, основал *Лужецкий монастырь*, в котором и почил в 1426 году, 27 мая. А преподобный Кирилл скончался в 1427 году, 9 июня.

11. Около 1373 года князь Владимир Андреевич, основатель Серпухова, пожелал устроить в этом городе иноческую обитель, как лучшее училище благочестия. Он пригласил к себе Преподобного Сергия и просил его совета. Святой старец благословил доброе намерение князя и вместе с ним осмотрел место будущей обители. Место это называлось *Высоким*, потому что находилось на возвышенном берегу Нары, близ Оки, в лесу, в версте от города. 2 декабря 1373 года Преподобный Сергей заложил храм обители в честь *Зачатия Богоматери* Праведной Анной. Князь просил старца оставить строителем новой обители пришедшего с ним ученика, преподобного *Афанасия*. Афанасий, в миру Андрей, еще в юности пришел к угоднику Божию в его Радонежскую пустыню, и старец очень любил его за его безответное послушание и смирение. Преподобному Сергию жаль было отпустить от себя Афанасия, а блаженному Афанасию не хотелось расстаться с Богомудрым Сергием, но «так угодно Господу», – сказал старец, и Афанасий повиновался. При содействии благочестивого князя обитель скоро окончена была строением, и к Афанасию собралось много братий. Преподобный Сергей не раз посещал своего ученика в Серпухове и прислал сюда своего будущего преемника, преподобного Никона, который и был здесь первым иноком, а потом и пресвитером. Князь построил в обители каменный храм, и митрополит Киприан сам освятил его. С этого времени между святителем и Высоцким игуменом установилась самая тесная духовная дружба, Киприан не раз писал Афанасию самые дружеские послания, а искренно преданный ему игумен разделял скорби святителя, сопутствуя ему в Киев и Царьград. В 1387 году преподобный Афанасий купил себе в Константинопольском Предтечевском монастыре

келию и остался там с несколькими учениками своими навсегда. Он много потрудился над переводом и списыванием святоотеческих творений (известен написанный им устав «Око Церковное»), присылал из Царьграда в свою обитель иконы и скончался там около 1401 года. В Высоцком монастыре его преемником по игуменству был соименный ему ученик *Афанасий*, прославившийся по кончине чудотворениями. Из других его учеников известен преподобный *Никита*. В этой обители сохранились крашенинные ризы Преподобного Сергия.

12. Год спустя после основания Серпуховской обители Преподобный Сергей положил начало уже известной читателям обители на Киржаче. Здесь первым игуменом был его ученик – преподобный *Роман*, скончавшийся 1392 года июля 29 дня.

13 и 14. В 1378 году был основан Стромьинский монастырь *Успения Богоматери* на реке Дубенке; первым его игуменом, или строителем, был преподобный *Леонтий*, ученик Преподобного Сергия. Спустя три года, в 1381 году, после славной победы Куликовской Великий Князь Димитрий Иоаннович основал другой *Дубенский Успенский* монастырь, что «на острове», где игуменствовал преподобный Савва, также ученик Преподобного Сергия, изображенный в Успенском соборе Троицкой лавры с закрытым правым глазом. В благословение сей обители великий старец дал, как гласит предание, икону Пресвятой Богородицы «Кипрскую», которая и поныне чтится в приходской церкви села Стромьины.

15. Преподобный *Афанасий Пустынник*, «зовомый *Железный посох*», подвизался на месте, где потом был основан *Череповецкий Воскресенский* монастырь и где теперь Воскресенский собор в Череповце.

16. Преподобный *Ксенофонт Тутанский* основал *Тутанский Вознесенский* монастырь на берегу реки Тьмы, в тридцати верстах от Твери, где ныне село Тутань. Память его местно чтится 26 января.

17. Преподобный *Ферапонт Боровенский*, основатель *Успенского Боровенского* монастыря, в десяти верстах от города Мосальска (Калужской губернии). По преданию, Преподобный Сергей благословил Ферапонта иконой Успения Богоматери; Ферапонт пришел с нею в окрестности нынешнего погоста Боровенска; утружденный от пути, он лег под тенью одного из вековых деревьев, поставив на нем образ. Но, проснувшись, не нашел его на своем месте; долго искал он икону и наконец нашел в лесной чаще, на одной сосне. До трех раз повторялось чудесное исчезновение иконы и обретение ее в одном и том же месте. Преподобный принял это событие за указание, что Пресвятая Богородица благоволила избрать сие место для обители, и поселился тут. Скоро собрались около него любители отшельничества, и обитель основалась. Год кончины преподобного Ферапонта неизвестен. Святая икона Успения Богоматери и поныне стоит в церкви Боровенского погоста.

18. Преподобный *Савва Сторожевский*, по кончине Преподобного Сергия и по удалении преподобного Никона на безмолвие шесть лет управлял лаврой Преподобного Сергия. Памятником его попечений об обители Преподобного Сергия служит источник, изведенный его молитвами и поныне называемый *Саввиным* (близ церкви Воскресения Христова в Кокуеве). По желанию Звенигородского князя Юрия Димитриевича в 1398 году Савва основал близ Звенигорода на горе Стороже монастырь во имя *Рождества Богородицы*, в котором и почил 3 декабря 1406 года.

19. Преподобный *Иаков Железноборский*, или *Галицкий*, родом из Галицких дворян Амосовых, почти до самой кончины Преподобного Сергия жил в его обители, а потом поселился в глухом лесу у железных рудников, в тридцати верстах от Галича. В 1415 году случилось ему быть в Москве, где имел он пребывание в Предтеченском под Бором монастыре. В то время Великая Княгиня Софья Витовтовна, супруга Великого Князя Василия Димитриевича, страдала родами; Великий Князь послал просить молитв у подвижника Иакова, и преподобный предсказал посланным, что супруга Великого Князя родит ему наследника пре-

стола. София родила сына, и благодарный Великий Князь дал Иакову средства построить монастырь во имя *Предтечи* на месте его подвигов. Иаков скончался 1442 года 11 апреля.

20. Преподобный *Григорий Голутвинский*, первый игумен *Голутвинского* монастыря в Коломне. В этой обители, основанной около 1385 года в честь *Богоявления Господня*, хранится посох Преподобного Сергия, с которым он, по преданию, встречал после победы Дмитрия Донского.

К ученикам Преподобного Сергия причисляют:

21. Преподобного *Пахомия Нерехтского*, основателя *Троицкого Сыпанова монастыря* близ Нерехты Костромской губернии. Скончался в 1384 году 23 марта.

22. Преподобного *Никиту Костромского*, основателя Богоявленского монастыря в городе Костроме.

23. Преподобного *Никифора Боровского*, изображенного на иконе Троицкого собора.

* * *

Современные Преподобному Сергию подвижники благочестия высоко ценили его духовную опытность и дорожили его мудрыми советами и наставлениями. Отсюда – целый сонм его святых друзей и «собеседников». И как сладостно звучит для сердца это умиленное наименование! Все они более или менее от него заимствовали свое иноческое образование, потому что «не в меру излилась благодать Божия на сего избранника, и он, смиренно стараясь быть ниже других, невольно превозмогал всех обилием своих духовных дарований, которые так высоко и, можно сказать, одиноко поставили его над ликом иночествующих своего века и последующих». Поименуем здесь более известных из них.

1. Преподобный *Димитрий Прилуцкий*, основатель обители *Прилуцкой*, близ самой Вологды. В первый раз он познакомился с Преподобным Сергием, вероятно, в 1354 году, когда Преподобный Сергей приходил в Переяславль просить игумена для своей обители и, сколько ни отказывался, был сам посвящен в сан игумена епископом Афанасием. Преподобный Димитрий в то время подвизался в основанном им *Никольском* монастыре на берегу *Переяславского озера*. Весьма вероятно, что он упросил Преподобного Сергия и остановиться в его обители. С того времени он часто ходил к Преподобному Сергию. Из Переяславля в 1371 году он удалился в Вологодские пределы и там основал первую в той области общежительную обитель во имя *Спасителя*. Почил 11 февраля 1392 года.

2. Преподобный *Стефан Махрицкий*. О нем уже говорено было выше (гл. XIII). Подобное тому, что потерпел Преподобный Сергей в своей обители, случилось и с его святым другом: против него вооружились соседние жители, братья Юрковские, и грозили его убить. Давая место гневу, кроткий Стефан тайно ушел в вологодские леса и здесь, на реке Авнеже, основал пустынную обитель *Пресвятой Троицы*. Вызванный Великим Князем Московским опять на Махру, он оставил там двух учеников – *Григория* и *Кассиана*. Преставился 14 июля 1406 года.

3 и 4. Преподобные *Павел* и *Феодор Ростовские*. Когда Преподобный Сергей (в 1363 г.) был на своей родине, в Великом Ростове, сии подвижники просили его избрать им место для обители и благословить начало их святого дела. Углубившись в непроходимые тогда лесные дебри, окружавшие Ростов, Преподобный Сергей избрал место на берегу реки Устья и сказал пустынникам: «Призрит Бог и Пресвятая Богородица на место сие». Тут и был основан *Борисоглебский* монастырь. Феодор основал еще *Никольский* монастырь на реке Ковже, впадающей в Белое озеро. Он скончался 22 октября 1419 года. Вскоре после него преставился и Павел.

5. Преподобный *Дионисий, архиепископ Суздальский*, постриженец Киевский, основатель *Печерского Вознесенского* монастыря на берегу Волги, в пяти верстах от Нижнего Новгорода. Скончался 15 октября 1384 года в Киеве.

6. Преподобный *Евфимий*, ученик Дионисия, во время своего пребывания в Суздале неоднократно приходивший к Преподобному Сергию для духовного собеседования с ним. Он основал две обители – *Васильевскую*, в пяти верстах от Гороховца, и известный *Спасо-Евфимиев* монастырь в Суздале. Почил 1 апреля 1405 года.

7. Святитель *Стефан Пермский*, основал три обители – на устьях Выми, Вычегды и Сысоли.

8. Святитель *Михаил Смоленский*, ученик преподобного Феодора Симоновского, или Ростовского, чудотворца.

Блаженный Епифаний, упомянув об основании Преподобным Сергием некоторых монастырей, замечает: «Не толико же святой Сергий монастырей постави, елико zde написаном, но многи монастыри воздвиже на славу Божию и Пречистыя Богородицы, и *своя ученики* постави в тех монастырех начальствовати». Из вышеприведенного списка учеников и собеседников Преподобного Сергия видно, что действительно Епифаний о многих из них не упоминает вовсе. Но и наш список, конечно, далеко не полон. Так, известно, например, что на обратном пути из Нижнего Новгорода в 1365 году Преподобный Сергий положил основание *Георгиевской* пустыни в Гороховецком уезде, на берегу реки Клязьмы. Нет сомнения, что в этой пустыни первыми подвижниками были ученики или собеседники великого отца иноков, но кто именно – сведений не сохранилось. Известно также, что еще Великий Князь Димитрий Иоаннович Донской пожаловал Преподобному Сергию в самом Кремле, близ своего дворца, место для келий и церкви на случай пребывания его в Москве и что впоследствии тут существовал *Богоявленский* монастырь, но кто был строителем сего монастыря – неизвестно. В Рязанском Троицком монастыре сохранилось предание об основании его Преподобным Сергием в то время, когда он приходил в Рязань для примирения князя Олега с Московским Великим Князем, но никаких подробностей о его построении не сохранилось. О многих обителях, вероятно, до нас не дошло и преданий. Есть, например, села, в которых находят могильные плиты с именами погребенных под ними иноков, хотя никаких воспоминаний исторических, никаких даже преданий о существовании в этих местах монастырей нет. Но уже одни эти надгробные плиты свидетельствуют, что тут были «монастырьки», которые, конечно, имели свое благотворное действие на окрестных жителей и служили проводниками духа православного подвижничества в народную среду, и это действие, как бы оно ни было ограничено в смысле пространства, было важно уже потому, что сказывалось постоянно, становилось повседневным... А если мы примем во внимание вышеприведенный список учеников и собеседников Сергиевых, то с большой вероятностью можем предположить, что и число духовных питомцев Преподобного Сергия, и число обителей, основанных ими и их учениками, было несравненно более, чем сколько нам известно на основании свидетельств исторического предания.

Древнему избраннику Божию, великому отцу верующих, было некогда сказано: «*Воззри на небо и изочи звезды, аще возможеши исчести я... тако будет семя твое*» (Быт 15:5). И Преподобному Сергию, великому отцу иноков, было показано в видении множество птиц и сказано: «Посмотри кругом!.. Так умножится стадо учеников твоих!» И сбылось это обетование небесное. Точно птички райские, разлетелись птенцы Сергиевы из родного гнезда Радонежского по всему востоку и северу Русской земли и прославили Господа своей дивной жизнью; будто звезды по небу полуночному, рассыпались они по лицу родной земли и ярко горят по всему необъятному пространству ее пределов северных. И пока не заслонят собой этого дивного сияния суетные облака мудрований человеческих, пока будет веять на

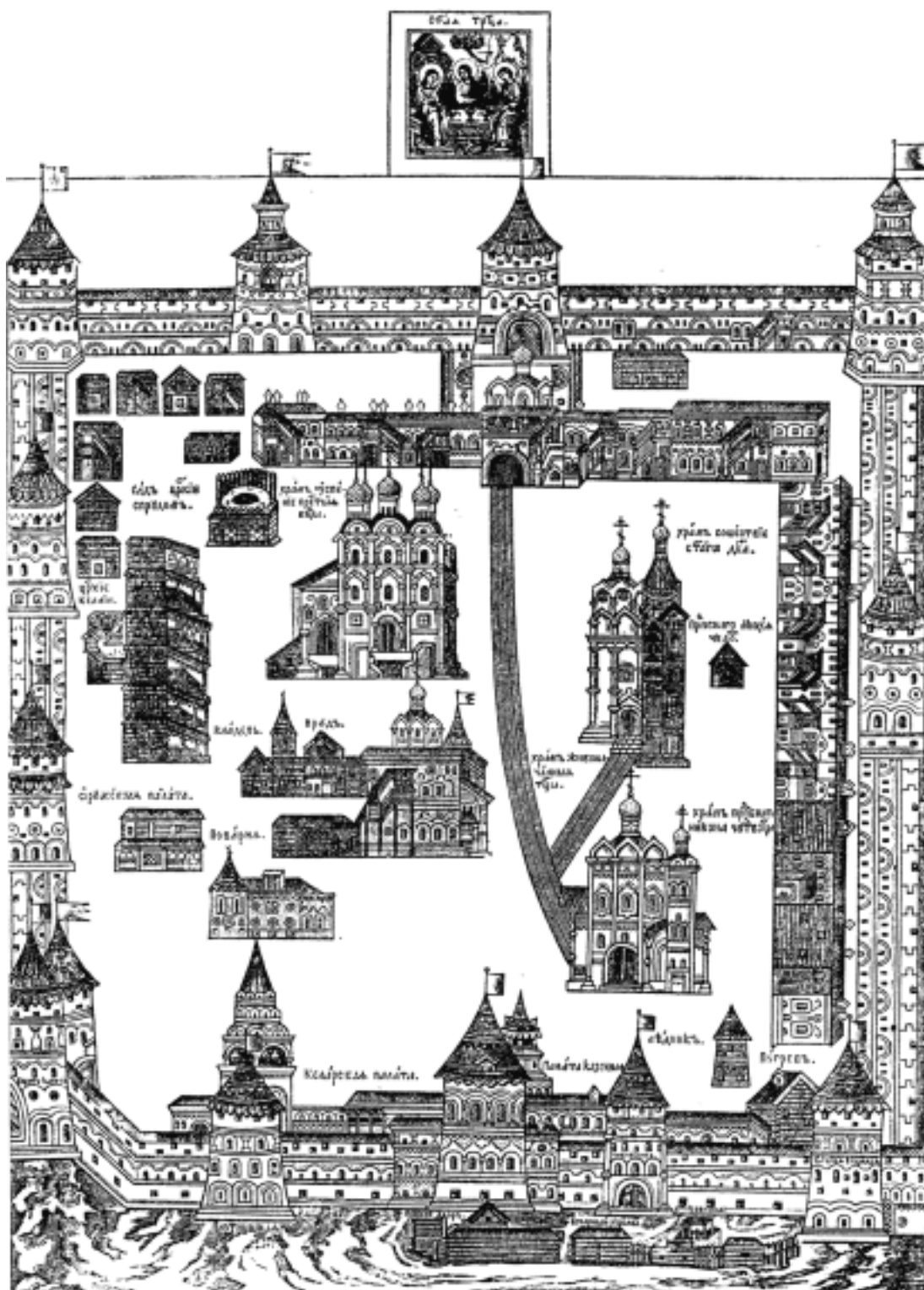
Руси дух истинного подвижничества, дотолѣ не будут страшны ей никакіе напасти, *ибо семя свято – стояніе ея!..*

Василий Ключевский

Значение Преподобного Сергия для русского народа и государства

Когда вместе с разнообразной, набожно крестящейся народной волной вступаешь в ворота Сергиевой лавры, иногда думаешь: почему в этой обители нет и не было особого наблюдателя, подобного древнерусскому летописцу, который спокойным неизменным взглядом наблюдал и ровной бесстрастной рукой записывал, «еже содеяся в Русской земле», и делал это одинаково из года в год, из века в век, как будто это был один и тот же человек, не умиравший целые столетия? Такой бессменный и не умирающий наблюдатель рассказал бы, какие люди приходили в течение 500 лет поклониться гробу Преподобного Сергия и с какими помыслами и чувствами возвращались отсюда во все концы Русской земли. Между прочим он объяснил бы нам, как это случилось, что состав общества, непрерывною волной притекавшего ко гробу преподобного, в течение пяти веков оставался неизменным. Еще при жизни преподобного, как рассказывает его жизнеописатель-современник, многое множество приходило к нему из различных стран и городов, и в числе приходивших были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди, «на селе живущие». И в наши дни люди всех классов русского общества притекают к гробу преподобного со своими думами, мольбами и упованиями, государственные деятели приходят в трудные переломы народной жизни, простые люди в печальные или радостные минуты своего частного существования. И этот приток не изменился в течение веков, несмотря на неоднократные и глубокие перемены в строе и настроении русского общества: старые понятия иссякали, новые пробивались или наплывали, а чувства и верования, которые влекли сюда людей со всех концов Русской земли, бьют до сих пор тем же свежим ключом, как били в XIV веке. Если бы возможно было воспроизвести писание все, что соединилось с памятью преподобного, что в эти 500 лет было молчаливо передумано и перечувствовано пред его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глубокого содержания историей нашей всенародной политической и нравственной жизни.

Впрочем, если преподобный Сергей доселе остается для приходящих к нему тем же, чем был для них при своей жизни то и теперь на их лицах можно прочесть то же, что прочесть бы монастырский наблюдатель на лицах своих современников 400 или 500 лет назад. Достаточно взглянуть на первые встречные лица из многого множества в эти дни здесь теснящегося, чтобы понять, во имя чего поднялись со своих мест эти десятки тысяч, а сотни других мысленно следовали за ними. Да и каждый из нас в своей собственной душе найдет то же общее чувство, стоя у гробницы преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уже пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в капле чистой воды. Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека: когда жил преподобный Сергей и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени? И редкий из них даст вам удовлетворительный ответ; но на вопрос, что он есть для них, далеких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему; каждый ответит твердо и вразумительно.

Вид Троице-Сергиевой лавры (по древнему чертежу)

Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время, делавшие исторически известное жизненное дело, но имена, которые уже утратили хронологическое значение, выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своим благотворным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало все временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею, а самое дело его из

исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом. Такие люди становятся для грядущих поколений не просто великими покойниками, а вечными их спутниками, даже путеводителями, и целые века благоговейно твердят их дорогие имена не столько для того, чтобы благодарно почтить их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного. Таково имя преподобного Сергия; это не только назидательная, отрадная страница нашей истории, но и светлая черта нашего нравственного народного содержания.

Какой подвиг так освятил это имя? Надобно припомнить время, когда подвизался преподобный. Он родился, когда вымирали последние старики, увидевшие свет около времени татарского разгрома Русской земли и когда уже трудно было найти людей, которые бы этот разгром помнили. Но во всех русских нервах еще до боли живо было впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными местными нашествиями татар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала непокойного ребенка лихим татаринном; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать, сами не зная куда. Внешняя случайная беда грозила превратиться во внутренний хронический недуг; панический ужас одного поколения мог развиваться в народную робость, в черту национального характера, и в истории человечества могла бы прибавиться лишняя темная страница, повествующая о том, как нападение азиатского монгола повело к падению великого европейского народа.

Могла ли однако прибавиться такая страница? Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу.

Русские люди, сражавшиеся и уцелевшие в бою на Сити, сошли в могилу со своими сверстниками, безнадежно оглядываясь вокруг, не займется ли где заря освобождения. За ними последовали их дети, тревожно наблюдавшие, как многочисленные русские князья холопствовали перед татарами и дрались друг с другом. Но подросли внуки, сверстники Ивана Калиты, и стали присматриваться и прислушиваться к необычным делам в Русской земле. В то время, как все русские окраины страдали от внешних врагов, маленькое срединное Московское княжество оставалось безопасным, и со всех краев Русской земли потянулись туда бояре и простые люди. В то же время московские князьки, братья Юрий и этот самый Иван Калита, без оглядки и раздумья, пуская против врагов все доступные средства, ставя в игру все, что могли поставить, вступили в борьбу со старшими и сильнейшими князьями за первенство, за старшее Владимирское княжение, и при содействии самой Орды отбили его у соперников. Тогда же устроилось так, что и русский митрополит, живший во Владимире, стал жить в Москве, придав этому городку значение церковной столицы Русской земли. И как только случилось все это, все почувствовали, что татарские опустошения прекратились и наступила давно не испытанная тишина в Русской земле. По смерти Калиты Русь долго вспоминала его княжение, когда ей впервые в сто лет рабства удалось вздохнуть свободно, и любила украшать память этого князя благодарной легендой.

Так к половине XIV в. подросло поколение, выросшее под впечатлением этой тишины, начавшее отвыкать от страха ордынского, от нервной дрожи отцов при мысли о татарине. Недаром представителю этого поколения, сыну великого князя Ивана Калиты, Симеону современники дали прозвание Гордого. Это поколение и почувствовало ободрение, что скоро

забрезжит свет. В это именно время, в начале сороковых годов XIV в., свершились три знаменательных события: из московского Богоявленского монастыря вызван был на церковно-административное поприще скрывавшийся там скромный 40-летний инок Алексей, тогда же один 20-летний искатель пустыни, будущий преподобный Сергий, в дремучем лесу – вот на этом самом месте – поставил маленькую деревянную келию с такой же церковью, а в Устюге у бедного соборного причетника родился сын, будущий просветитель Пермской земли св. Стефан. Ни одного из этих имен нельзя произнести, не вспомнив двух остальных. Эта присноблаженная троица ярким созвездием блещет в нашем XIV в., делая его зарей политического и нравственного возрождения Русской земли. Тесная дружба и взаимное уважение соединяли их друг с другом. Митрополит Алексей навещал Сергия в его обители и советовался с ним, желал иметь его своим преемником. Припомним душевный рассказ в житии преподобного Сергия о проезде св. Стефана Пермского мимо Сергиева монастыря, когда оба друга на расстоянии 10 с лишком верст обменялись братскими поклонами.

Все три св. мужа, подвизаясь каждый на своем поприще, делали одно общее дело, которое простиралось далеко за пределы церковной жизни и широко захватывало политическое положение всего народа. Это дело – укрепление Русского государства, над созданием которого по-своему трудились московские князья XIV в. Это дело было исполнением завета, данного русской церковной иерархии величайшим святителем Древней Руси митрополитом Петром. Еще в мрачное время татарского ига, когда ниоткуда не проступал луч надежды, он, по преданию, пророчески благословил бедный тогда городок Москву, как будущую церковную и государственную столицу Русской земли. Духовными силами трех наших св. мужей XIV в., воспринявших этот завет святителя, Русская земля и пришла поработать над предвещенной судьбой этого города. Ни один из них не был коренным москвичом. Но в их лице сошлись для общего дела три основные части Русской земли: Алексей, сын черниговского боярина-переселенца, представлял старый киевский юг, Стефан – новый финско-русский север, а Сергий, сын ростовского боярина-переселенца, великорусскую средину. Они приложили к делу могущественные духовные силы. Это были образованнейшие русские люди своего века; о них древние жизнеописатели замечают, что один «всю грамоту добре умея», другой «всяко писание ветхаго и новаго завета пройде», третий даже «книги греческия извыче добре». Потому ведь и удалось московским князьям так успешно собрать в своих руках материальные, политические силы русского народа, что им дружно содействовали добровольно соединявшиеся духовные его силы.

Но в общем деле каждый из трех деятелей делал свою особую часть. Они не составляли общего плана действий, не распределяли между собой призваний и подвигов и не могли этого сделать, потому что были люди разных поколений. Они хотели работать над самими собой, делать дело собственного душевного спасения. Деятельность каждого текла своим особым руслом, но текла в одну сторону с двумя другими, направляемая таинственными историческими силами, в видимой работе которых верующий ум прозревает миродержавную десницу Провидения. Личный долг каждого своим путем вел всех троих к одной общей цели. Происходя из родовитого боярства, искони привыкшего делить с князьями труды обороны и управления страны, митрополит Алексей шел боевым политическим путем, был преимущественно главным советником трех великих князей московских, руководил их боярской думой, ездил в орду ублажать ханов, отмаливая их от злых замыслов против Руси, воинствовал с недругами Москвы всеми средствами своего сана, карал церковным отлучением русских князей, непослушных московскому государю, поддерживая его первенство, с неослабной энергией отстаивая значение Москвы, как единственного церковного средоточия всей политически разбитой Русской земли. Уроженец г. Устюга, в краю которого новгородская и ростовская колонизация, сливаясь и вовлекая в свой поток туземную чудь, создавала из нее новую Русь, св. Стефан пошел с христианской проповедью в Пермскую землю продолжать

это дело обрусения и просвещения заволжских инородцев. Так церковная иерархия благословила своим почином две народные цели, достижение которых послужило основанием самостоятельного политического существования нашего народа: это – сосредоточение династически раздробленной государственной власти в московском княжеском доме и приобщение восточноевропейских и азиатских инородцев к русской Церкви и народности посредством христианской проповеди.

Но чтобы сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство и ввести инородцев в ограду христианской Церкви, для этого самому русскому обществу должно было встать в уровень столь высоких задач, приподнять и укрепить свои нравственные силы, приниженные вековым порабощением и унынием. Этому третьему делу, нравственному воспитанию народа, и посвятил свою жизнь преподобный Сергей. То была внутренняя миссия, долженствовавшая служить подготовкой и обеспечением успехов миссии внешней, начатой пермским просветителем; преподобный Сергей и вышел на свое дело значительно раньше св. Стефана. Разумеется, он мог применять к делу средства нравственной дисциплины, ему доступные и понятные тому веку, а в числе таких средств самым сильным был живой пример, наглядное осуществление нравственного правила. Он начал с самого себя и продолжительным уединением, исполненным трудов и лишений среди дремучего леса, приготовился быть руководителем других пустынножителей. Жизнеописатель, сам живший в братстве, воспитанном Сергием, живыми чертами описывает, как оно воспитывалось, с какой постепенностью и любовью к человеку, с каким терпением и знанием души человеческой. Мы все читали и перечитывали эти страницы древнего жития, повествующие о том, как Сергей, начав править собиравшейся к нему братией, был для нее поваром, пекарем, мельником, дровоколом, портным, плотником, каким угодно трудником служил ей, как раб купленный, по выражению жития, ни на один час не складывал рук для отдыха, как потом, став настоятелем обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу, он принимал искавших у него пострижения, не спускал глаз с каждого новика, возводя его со степени на степень иноческого искуса, указывал дело всякому по силам, ночью дозором ходил мимо келий, легким стуком в дверь или окно напоминал празднословившим, что у монаха есть лучшие способы проводить досужее время, а поутру осторожными намеками, не обличая прямо, не заставляя краснеть, «тихой и кроткой речью» вызывал в них раскаяние без досады. Читая эти рассказы, видишь пред собою практическую школу благонравия, в которой сверх религиозно-иноческого воспитания главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Наставник вел ежедневную дробную терпеливую работу над каждым отдельным братом, над отдельными особенностями каждого брата, приспособляя их к целям всего братства. По последующей самостоятельной деятельности учеников преподобного Сергия видно, что под его воспитательным руководством лица не обезличивались, личные свойства не стирались, каждый оставался сам собой и, становясь на свое место, входил в состав сложного и стройного целого, как в мозаической иконе различные по величине и цвету камешки укладываются под рукой мастера в гармоническое выразительное изображение. Наблюдение и любовь к людям дали умение тихо и кротко настраивать душу человека и извлекать из нее, как из хорошего инструмента, лучшие ее чувства, – то умение, перед которым не устоял самый упрямый русский человек XIV века кн. Олег Иванович рязанский, когда по просьбе великого князя московского Дмитрия Ивановича, как рассказывает летописец, «старец чудный» отговорил «суровейшего» рязанца от войны с Москвой, умилив его тихими и кроткими речами и благоуветливыми глаголами.

Так воспиталось дружное братство, производившее, по современным свидетельствам, глубокое назидательное впечатление на мирян. Мир приходил к монастырю с пытливым взглядом, каким он привык смотреть на монашество, и если его не встречали здесь сло-

вами прииди и виждь, то потому, что такой зазыв был противен Сергиевой дисциплине. Мир смотрел на чин жизни в монастыре преподобного Сергия, и то, что он видел, быт и обстановка пустынного братства поучали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие. В монастыре все было бедно и скудно, или, как выразился разочарованно один мужичок, пришедший в обитель преподобного Сергия повидать прославленного величественного игумена, «все худостно, все нищетно, все сиротинско»; в самой ограде монастыря первобытный лес шумел над кельями и осенью обсыпал их кро-вли палыми листьями и иглами; вокруг церкви торчали свежие пни и валялись неубранные стволы срубленных деревьев; в деревянной церковке за недостатком свеч пахло лучиной; в обиходе братии столько же недостатков, сколько заплат на сермяжной ряске игумена; чего ни хватись, всего нет, по выражению жизнеописателя; случалось, вся братия по целым дням сидела чуть не без куска хлеба. Но все дружны между собой и приветливы к пришельцам, во всем следы порядка и размышления, каждый делает свое дело, каждый работает с молитвой и все молятся после работы; во всех чуялся скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Мир видел все это и уходил ободренный и освеженный, подобно тому, как мутная волна, прибывая к прибрежной скале, отлагает от себя примесь, захваченную в неопрятном месте, и бежит далее светлой и прозрачной струёй. Надобно припомнить людей XIV века, их быт и обстановку, запас их умственных и нравственных средств, чтобы понять впечатление этого зрелища на набожных наблюдателей. Нам, страдающим избытком нравственных возбуждений и недостатком нравственной восприимчивости, трудно уже воспроизвести слагавшееся из этих наблюдений настроение нравственной сосредоточенности и общественного братства, какое разносили по своим углам из этой пустыни побывавшие в ней люди XIV в. Таких людей была капля в море православного русского населения. Но ведь и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически. На это указал сам Христос, сказав: *«Царство Божие подобно закваске»*. Украдкой западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV в. От вековых бедствий этот человек так оскудел нравственно, что не мог не замечать в своей жизни недостатка этих первых основ христианского общежития, но еще не настолько очерствел от этой скудости, чтобы не чувствовать потребности в них.

Снимок с древней иконы Преподобного Сергия писаной одним из учеников его и находящейся в церкви архиерейского дома в Новгороде

Пробуждение этой потребности и было началом нравственного, а потом и политического возрождения русского народа. Пятьдесят лет делал свое тихое дело преподобный Сергей в Радонежской пустыне; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и ободрение и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими. Никто тогда не считал гостей пустынника и тех, кого они делали причастниками приносимой ими благодатной росы, — никто не думал считать этого, как

человек, пробуждающийся с ощущением здоровья, не думает о своем пульсе. Но к концу жизни Сергия едва ли вырывался из какой-либо православной груди на Руси скорбный вздох, который бы не облегчался молитвенным призывом имени св. старца. Этими каплями нравственного влияния и выращены были два факта, которые легли среди других основ нашего государственного и общественного здания и которые оба связаны с именем преподобного Сергия. Один из этих факторов – великое событие, совершившееся при жизни Сергия, а другой – целый сложный и продолжительный исторический процесс, только начавшийся при его жизни.

Событие состояло в том, что народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной похоронив их под своими многотысячными костями. Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деда? Глаз исторического знания уже не в состоянии разглядеть хода этой подготовки великих борцов 1380 года; знаем только, что преподобный Сергей благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения, сказав: «Иди на безбожников смело, без колебания, и победишь», – и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего на глазах преподобного Сергия и вместе с князем Димитрием Донским бывшего на Куликовом поле.

Победа на Куликовом поле. Миниатюра конца XVI в.

Чувство нравственной бодрости, духовной крепости, которое преподобный Сергей вдохнул в русское общество, еще живее и полнее воспринималось русским монашеством. В жизни русских монастырей со времени Сергея начался замечательный перелом: заметно оживилось стремление к иночеству. В бедственный первый век ига это стремление было очень слабо: в сто лет 1240–1340 гг. возникло всего каких-нибудь десятка три новых монастырей. Зато в следующее столетие 1340–1440 гг., когда Русь начала отдыхать от внешних бедствий и приходить в себя, из куликовского поколения и его ближайших потомков вышли основатели до 150 новых монастырей. Таким образом, древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния своего мирского общества: стремление покидать мир усиливалось не оттого, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных. Впрочем, исторические факты здесь говорят не более того, что подсказывает сама идея православного иночества. Эта связь русского монастыря с миром обнаружилась и в другом

признаке перелома, в перемене самого направления монастырской жизни со времен преп. Сергия. До половины XIV в. почти все монастыри на Руси возникали в городах или под их стенами; с этого времени решительный численный перевес получают монастыри, возникавшие вдали от городов, в лесной глухой пустыне, ждавшей топора и сохи. Так к основной цели монашества, в борьбе с недостатками духовной природы человека, присоединилась новая борьба с неудобствами внешней природы; лучше сказать, эта вторая цель стала новым средством для достижения первой.

Преподобный Сергей со своей обителью и своими учениками был образцом и начинателем в этом оживлении монастырской жизни, «начальником и учителем всем монастырем, иже в Руси», как называет его летописец. Колонии Сергиевской обители, монастыри, основанные учениками преподобного или учениками его учеников, считались десятками, составляли почти четвертую часть всего числа новых монастырей во втором веке татарского ига, и почти все эти колонии были пустынные монастыри подобно своей митрополии. Но, убегая от соблазнов мира, основатели этих монастырей служили его насущным нуждам. До середины XIV в. масса русского населения, сбита врагами в междуречье Оки и верхней Волги, робко жалась здесь по немногим расчищенным среди леса и болот полосам удобной земли. Татары и Литва запирали выход из этого треугольника на запад, юг и юго-восток. Оставался открытым путь на север и северо-восток за Волгу; но то был глухой непроходимый край, кое-где занятый дикарями финнами; русскому крестьянину с семьей и бедными пожитками страшно было пуститься в эти бездорожные дебри. «Много было тогда некрещеных людей за Волгой», т. е. мало крещеных, говорит старая летопись одного заволжского монастыря о временах до Сергия. Монах-пустынник и пошел туда смелым разведчиком. Огромное большинство новых монастырей с половины XIV до конца XV века возникло среди лесов костромского, ярославского и вологодского Заволжья: этот волжско-двинский водораздел стал северной Фиваидой православного Востока. Старинные памятники истории русской Церкви рассказывают, сколько силы духа проявлено было русским монашеством в этом мирном завоевании финского языческого Заволжья для христианской церкви и русской народности. Многочисленные лесные монастыри становились здесь опорными пунктами крестьянской колонизации: монастырь служил для переселенца-хлебопашца и хозяйственным руководителем, и ссудной кассой, и приходской церковью, и, наконец, приютом под старость. Вокруг монастырей оседало бродячее население, как корнями деревьев сцепляется зыбучая песчаная почва. Ради спасения души монах бежал из мира в заволжский лес, а мирянин цеплялся за него и с его помощью заводил в этом лесу новый русский мир. Так создавалась верхневолжская Великороссия дружными усилиями монаха и крестьянина, воспитанных духом, какой вдохнул в русское общество преподобный Сергей.

Напутствуемые благословением старца, шли борцы, одни на юг за Оку на татар, другие на север за Волгу на борьбу с лесом и болотом.

Время давно сваяло эти дела с народной памяти, как оно же глубоко заметало вековой пылью кости куликовских бойцов. Но память святого пустынножителя доселе парит в народном сознании, как гроб с его нетлеющими останками неврежимо стоит на поверхности земли. Чем дорога народу эта память, что она говорит ему, его уму и сердцу? Современным, засохшим в абстракциях и схемах языком трудно изобразить живые, глубоко сокрытые движения верующей народной души. В эту душу глубоко запало какое-то сильное и светлое впечатление, произведенное когда-то одним человеком и произведенное неуловимыми, бесшумными нравственными средствами, про которые не знаешь, что и рассказать, как не находишь слов для передачи иного светлого и ободряющего, хотя молчаливого взгляда. Виновник впечатления давно ушел, исчезла и обстановка его деятельности, оставив скудные остатки в монастырской ризнице да источник, изведенный его молитвою, а впечатление все живет, переливаясь свежей струей из поколения в поколение, и ни народные бедствия, ни нрав-

ственные переломы в обществе доселе не могли сгладить его. Первое смутное ощущение нравственного мужества, первый проблеск духовного пробуждения – вот в чем состояло это впечатление. Примером своей жизни, высотой своего духа преподобный Сергей поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна. Так думали тогда все на Руси и это мнение разделял православный Восток, подобно тому цареградскому епископу, который, по рассказу Сергиева жизнеописателя, приехав в Москву и слыша всюду толки о великом русском подвижнике, с удивлением восклицал: *«Како может в сих странах таков светильник явитися?»* Преподобный Сергей своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, *сидевших во тьме и сени смертной*, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. Русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня – такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник – вера. Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присутствие нравственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейственной искры, способной зажечь и вызвать к действию эти силы всегда, когда они понадобятся, когда окажутся недостаточными наличные обиходные средства народной жизни. Впечатление людей XIV века становилось верованием поколений, за ними следовавших. Отцы передавали воспринятое ими одушевление детям, а они возводили его к тому же источнику, из которого впервые почерпнули его современники. Так духовное влияние преподобного Сергия пережило его земное бытие и перелилось в его имя, которое из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным нравственным двигателем и вошло в состав духовного богатства народа. Это имя сохраняло силу непосредственного личного впечатления, какое производил преподобный на современников; эта сила длилась и тогда, когда стало тускнеть историческое воспоминание, заменяясь церковной памятью, которая превращала это впечатление в привычное, поднимающее дух настроение. Так теплота ощущается долго после того как погаснет ее источник. Этим настроением народ жил целые века; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядок. При имени преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило – самые драгоценные вклады преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо памятью деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятью срастается нравственное чувство народа; они – его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них – оно завянет как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота лавры преподобного Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей – только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его.

Обретение мощей Сергея Радонежского

Сергий Радонежский (в миру Варфоломей) – монах Русской церкви, основатель Троицкого монастыря под Москвой (ныне Троице-Сергиева лавра), преобразователь монашества в Северной Руси.

Сергий Радонежский почитается Русской Православной Церковью в лике святых как преподобный и считается величайшим подвижником земли Русской.

Церковь отмечает память Сергея в день кончины 25 сентября (8 октября), а также 5 (18) июля, в день обретения мощей и 7 (20) июля.

Достигнув глубокой старости, Сергей, за полгода прозрев свою кончину, призвал к себе братию и благословил на игуменство опытного в духовной жизни и послушании ученика, преподобного Никона. Накануне кончины Преподобный Сергей в последний раз призвал братию и обратился со словами завещания.

25 сентября 1392 года Сергей скончался, а через тридцать лет, 18 июля 1422 года были обретены нетленными его мощи, о чем свидетельствовал Пахомий Логофет. Обстоятельства обретения святых мощей Преподобного Сергея Радонежского были необычны, знаменательны и преисполнены глубокого смысла, как и само его житие. В 1408 году на Москву двинулись полчища татарского хана Едигея. Ими была опустошена обитель Преподобного Сергея. Но братия, захватив с собой иконы, книги и все, что связано с памятью Преподобного, успела скрыться в лесу, т. к. накануне набега игумен, преподобный Никон, был им предупрежден в сонном видении. После ухода татар иноки вернулись в разоренный монастырь и на месте деревянного Троицкого храма было решено построить белокаменный собор. И тогда Преподобный Сергей явился одному из иноков и сказал: «Зачем оставлять меня столько времени во гробе, землей покровенного, в воде, утесняющей тело мое». Когда начали рыть рвы для фундамента, они обрели мощи Преподобного, которые были нетленны, хотя гроб почти плавал в воде. После освящения белокаменного собора в 1426 году мощи Преподобного Сергея были торжественно перенесены в него. Над ним была поставлена ныне всемирно известная икона «Святая Троица» кисти Андрея Рублева, которую он написал «в память и похвалу отцу своему Преподобному Сергию».

В. Васнецов. Сергей Радонежский

В 1919 году, во время кампании по вскрытию мощей, мощи Сергия Радонежского подвергались вскрытию в присутствии специальной комиссии с участием представителей Церкви. Останки Сергия были найдены в виде костей, волос и фрагментов грубого монашеского одеяния, в котором он был похоронен. В 1920–1946 годах мощи находились в музее, помещавшемся в здании лавры. 20 апреля 1946 года мощи Сергия были возвращены Церкви.

Павел Васильевич Флоренский, известный ученый и внук отца Павла Флоренского, рассказал семейное предание о том, как в Лазареву субботу 1919 года отцу Павлу Флорен-

скому стало известно о готовящемся властями вскрытии мощей Преподобного Сергия, которое должно было состояться перед Пасхой. Дальнейшая сохранность мощей оказалась под большой угрозой.

Сергий Радонежский с житием

По словам П. В. Флоренского, вскоре в Троице-Сергиевой лавре состоялось тайное совещание, в котором приняли участие отец Павел Флоренский, наместник лавры отец Кронид, Ю. А. Олсуфьев, член Комиссии по охране памятников истории и старины Троице-Сер-

гиевой лавры; и, вероятно, члены Комиссии граф В. А. Комаровский, а также С. П. Мансуров и М. В. Шик, которые впоследствии стали священниками.

Участники совещания тайно проникли в Троицкий собор, где, прочитав молитву у раки с мощами Преподобного, отделили с помощью копия главу святого, которую заменили головой погребенного в лавре князя Трубецкого. Главу Преподобного Сергея Радонежского временно поместили в ризнице. Вскоре граф Олсуфьев переместил Главу в дубовый ковчег и перенес к себе домой (Сергиев Посад, улица Валовая). В 1928 году Олсуфьев, опасаясь ареста, закопал ковчег у себя в саду.

В 1933 году после ареста отца Павла Флоренского граф Ю. А. Олсуфьев бежал в Нижний Новгород, где посвятил в эту историю Павла Александровича Голубцова (будущего владыку Сергея – епископа Новгородского и Старорусского). П. А. Голубцову удалось переместить ковчег с главой преподобного Сергея из сада графа Олсуфьева в окрестности Николо-Угрешского монастыря под Москвой, где ковчег находился до окончания Великой Отечественной войны. Вернувшись с фронта, П. А. Голубцов передал ковчег Екатерине Павловне Васильчиковой (приемной дочери графа Олсуфьева), которая и стала последней хранительницей святыни.

В 1946 году, когда была вновь открыта Троице-Сергиева лавра, а мощи Преподобного Сергея были возвращены монастырю, Е. П. Васильчикова тайно возвратила главу Сергея патриарху Алексию I, который благословил вернуть ее на место, в раку.

По семейному преданию Флоренских отец Павел сделал записи на греческом языке о своем участии во всей этой истории. Однако никаких письменных свидетельств в его архивах найдено не было.

Почитание Сергея Радонежского возникло раньше, чем появились формальные правила канонизации святых (до Макарьевских соборов Русская Церковь не знала обязательной соборной канонизации). Поэтому нет документальных известий о том, когда и как началось его почитание как православного святого и кем оно было установлено. Возможно, что Сергей «сделался общерусским святым сам собою, по причине своей великой славы».

Ксения Петербургская

День памяти: 24 января

Предисловие

Раба Божия блаженная Ксения

Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов.

Послание апостола Павла

Нищету Христову возлюбивши, безсмертныя трапезы ныне наслаждаешися, безумием мнимым безумие мира обличивши, смирением крестным силу Божию восприяла еси.

Из тропаря блаженной Ксении Петербургской

Святая блаженная Ксения родилась в первой половине XVIII столетия от благочестивых и благородных родителей; отца ее звали Григорием, а имя матери неизвестно. По достижении совершеннолетия Ксения Григорьевна сочеталась браком с придворным певчим, полковником Андреем Феодоровичем Петровым. Они мирно жили в доме на Петербургской стороне, купленном Андреем Феодоровичем на приданое своей жены. Ксении было 26 лет, когда ее муж внезапно скончался без должного христианского приготовления и не успел принести покаяние.

Благочестивая Ксения хорошо понимала, какой страшный путь в том, ином мире, предстоит ее мужу, застигнутому внезапной смертью. Ксения с молитвой обратилась к Богу, и ответом было благословение свыше на подвиг юродства Христа ради. Ведь самочинно, без благодатной помощи нести этот подвиг невозможно.

На похоронах мужа Ксения Григорьевна решительно ступала за гробом в кафтане, штанах и картузе своего мужа. «Андрей Феодорович вовсе не умер, – говорила она. – Ксеньюшка моя скончалась, аз же грешный весь тут».

Как на лишившуюся рассудка стали смотреть на нее родные и знакомые и особенно после того, как Ксения раздала решительно все свое имущество бедным, а дом подарила своей хорошей знакомой, Параскеве Антоновой. Родные Ксении подали даже и прошение начальству умершего Андрея Феодоровича, прося не позволять Ксении в безумстве раздавать свое имущество. Начальство умершего Петрова вызвало Ксению к себе, но после разговора с ней вполне убедилось, что Ксения совершенно здорова, а потому имеет право распорядиться своим имуществом, как ей угодно.

Женскую свою сущность перечеркнула она мужским именем Андрей, с этим именем стала она на путь христианских подвигов, полагая их священным выкупом за душу любимого, и одна за двоих проторила горную тропу к общему венцу в Царстве Небесном. «Все хотят быть со Христом прославленными и превознесенными. Но мало кто хочет нести со Христом крест, поругание, унижение, посмеяние и терпеть скорбь», – писал современник Ксении святитель Тихон Задонский.

За великие ее подвиги и терпение Господь еще при жизни прославил свою избранницу. Раба Божия Ксения сподобилась дара прозрения сердец и будущего. Она предрекла кончину императрицы Елизаветы Петровны и Иоанна Антоновича.

На семьдесят первом году земной жизни она почилла сном праведницы. Тело ее было погребено на Смоленском кладбище. И много знамений милости Божией начало совершаться у ее гроба. По совершении панихиды над ее могилкой страждущие получали исцеления, в семьях водворялся нарушенный мир, нуждающиеся получали им необходимое.

Раба Божия Ксения юродивая. С издания 1904 г.

Со временем над ее могилой была построена деревянная часовенка, в 1901 г. по проекту А. А. Всеславина была начата постройка новой часовни в русском стиле. В изголовье мраморной гробницы блаженной Ксении был поставлен иконостас из мрамора и помещен мозаичный образ распятого Христа, пред которым горела неугасимая лампада. На стенах — множество икон в кивотах, среди них — две серебряные, которые подарил в часовню по обету князь Масальский, вернувшись с Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. За алтарем часовни, в стене, мраморная доска со словами: «Здесь покоится тело рабы Божией Ксении Григорьевны, жены придворного певчего в хоре, полковника Андрея Феодоровича Петрова».

В советское время власти пытались предать забвению имя блаженной Ксении. В августе 1940 года постановлением горисполкома часовня была закрыта. Во время Великой Отечественной войны в ней находился склад тары из-под горюче-смазочных материалов. Мраморные плитки с гробницы блаженной разобрали. Утварь из цветного металла сдали в переплавку, почти все иконы были сожжены.

Уступая настойчивым просьбам верующих, в 1946 году было получено разрешение на открытие часовни, которая вскоре была отреставрирована. С девяти утра до девяти вечера там служили панихиды при большом стечении народа.

В 1960 году часовню вновь закрыли. В ее стенах по указанию городских властей пытались устроить скульптурную мастерскую, но работать в ней было невозможно: утром, придя в мастерскую, рабочие не раз находили вместо скульптур черепки. Тогда решили наладить изготовление статуй типа «Женщина с винтовкой», «Девушка с веслом». Опять незадача. Сколько раз, бывало, крепко-накрепко запрут мастера часовню, утром приходят, а вместо скульптур одни черепки. Но никакими усилиями безбожников невозможно было заглушить в народе память о блаженной и веру в ее молитвенное предстательство пред престолом Божиим. К ее могиле, находящейся в часовне, стекались паломники со всей многострадальной России и из других стран.

В 1984 году часовню передали общине храма во имя Смоленской иконы Божией Матери. В 1986 году чудом сохранившуюся от уничтожения часовню блаженной Ксении с любовью реставрировали и освятили. А в июне 1988 года на Поместном соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию Крещения Руси, блаженная Ксения была причислена к лику святых. Поскольку день кончины святой неизвестен, Русская Православная Церковь при канонизации установила празднование блаженной в день ее ангела – преподобной Ксении (24 января/6 февраля).

На иконах Ксения изображается в юбке с платком на плечах и платком на голове, опирающейся левой рукой на клюку. На заднем плане изображаются Смоленская церковь и часовня Ксении блаженной на Смоленском кладбище.

Житие рабы Божией Ксении

2

Как небо Господь украсил лучезарными звездами, которые освещают в ночное время землю, так церковь наша православная украшена богоизбранными мужами и женами, угодившими Богу своею святою жизнью.

Ярче звезд лучезарных угодники и угодницы Божии сияют на небе, освещая нам путь в загробную жизнь. Своей благочестивой жизнью на земле они поучают нас, как угождать Богу, а своими молитвами на небе пред престолом Божиим помогают нам пройти этот тяжелый путь. Воздвигая в благопотребное время избранных мужей и жен, Господь являет чрез них многообразные знамения и чудеса для вразумления заблудших.

В числе многих подвижников в нашем отечестве нередко появлялись так называемые Христа ради юродивые. Таковой была, например, раба Божия Ксения, о которой мы и поведем нашу речь.

Из какого звания происходила Ксения – неизвестно. Можно полагать, что отец ее, Григорий, был не из простого звания, так как Ксения Григорьевна по достижении совершеннолетия вышла замуж за полковника Андрея Феодоровича Петрова, состоявшего в придворном хоре певчим. Недолго суждено было молодой чете наслаждаться супружеским счастьем; скоро Андрей Феодорович умер, оставив Ксению Григорьевну вдовой, когда ей было всего лишь 26 лет от роду. Удар был так силен, что молодая вдова едва не лишилась рассудка. Но, возложив на Господа печаль свою, Ксения Григорьевна вся отдалась молитве. В молитве искала отрады и утешения.

Раздав все свое имущество бедным, она стала юродствовать. При этом уверяла всех, что она не Ксения Григорьевна, а Андрей Феодорович, и что Андрей Феодорович не умер, а только обратился в нее, Ксению, но в существе остался Андрей Феодорович, а Ксении Григорьевны нет на свете – она умерла. Поэтому на свое прежнее имя она уже не откликалась и даже очень сердилась, когда называли ее Ксенией, говоря: «Да не троньте покойницу, что она вам сделала, прости, Господи!..» А когда ей говорили: «Андрей Феодорович!», она охотно отвечала: «Ась!» Любимым местом ее сделалась Петербургская сторона, а любимыми домами, куда она чаще всего заходила, – это дома Евдокии Дионисьевны Гайдуковой, умершей в 1827 году, 91 года от роду (на Смоленском кладбище, неподалеку от часовни, в которой покоится тело Ксении Григорьевны, находится могила Е. Д. Гайдуковой с надписью, сохранившейся до сего времени) и ее родной сестры Пелагии Дионисьевны, урожденной Беляевой, бывшей замужем за художником Николаем Гаврииловичем Черепановым, который состоял в чине надворного советника.

Вот что было написано о Ксении Григорьевне в 1847 году в одной официальной петербургской газете: «Лет сорок или, быть может, несколько более назад, скончалась здесь в Петербурге вдова придворного певчего Андрея Феодоровича, Ксения Григорьевна, известная в свое время под именем Андрея Феодоровича. Имея множество знакомых, большей частью из купеческого сословия, она часто приходила к ним за милостынею и ничего более не брала, как «царя на коне»: так называла она старинные копейки, на которых, как известно, было изображение всадника на лошади. «Дайте мне “царя на коне”», – говорила она всегда умиловительным голосом, брала копейку и уходила. Одни называли ее «сумасшедшей», другие «прокаженной» или юродивой, третьи «предсказательницей», потому что она предсказывала счастье или несчастье тому дому, в который приходила, хотя очень редко и

² Печатается по изданию: Священник Димитрий Булгаковский. «Раба Божия Ксения. Погребена на Смоленском кладбище в С.-Петербурге», С.-Петербург, 1895 г.

неохотно произносила свои пророческие слова. По ночам она уходила в поле молиться Богу и молилась по несколько часов, кланяясь в землю на все четыре стороны. Ночные отсутствия ее сначала возбуждали сомнения в недоверчивых людях, и даже полиция стала следить за нею, но скоро удостоверилась, что она точно ходила в поле молиться Богу. Предсказания ее не всегда заключали в себе какой-нибудь апокрифический, сокровенный смысл, а иногда они служили как бы только удостоверением в том, что эта странная женщина точно наделена даром прорицания. Так, например, приходя куда-нибудь, она вдруг требовала, чтоб дали ей пирога с рыбой, и когда ей нарочно отвечали, что такого пирога в тот день не пекли, то она с уверенностью говорила: «Нет, пекли, а не хотите мне дать». Тогда подавали ей такой пирог, потому что он точно был испечен. А иногда она предсказывала что-нибудь худое, но не прямо, а косвенно, намеками, как бы не желая смущать того, с кем говорила. Так, например, посетя один раз дом купчихи Крапивиной и выходя из него, она взглянула на окна дома, сказала: «Зелена крапива, а скоро завянет». Крапивина вскоре после того умерла».

Блаженная Ксения и купчиха Крапивина

В той же газете за тот же год («Ведомости С.-Петербургской городской полиции», 1847 г., № 272) мы нашли еще воспоминание о Ксении Григорьевне. «После смерти мужа, – рассказывается в газете, – Ксения Григорьевна надела его белье, камзол, кафтан и вообще все платье покойника и, бросивши дом, расхаживала по грязным улицам тогда совершенно убогой Петербургской стороны, уверяя всех и каждого, что она Андрей Феодорович. Долго носила она это платье, пока не истлело и не развалилось на ее теле. Будучи известна всему околотку как юродивая, но честная женщина, она сначала возбуждала к себе жалость, а потом особое уважение. «Кто не принадлежит миру, тот принадлежит Богу», – говорили ее современники и кормили и одевали своего бедного Андрея Феодоровича. Она не брала

теплой одежды и прикрывала грудь остатком камзола своего мужа, носила только самое необходимое женское платье. Зимой в жестокие морозы она расхаживала по улицам и Рыночной площади в каком-то оборванном балахоне и изношенных башмаках, надетых на босые ноги, распухшие и покрасневшие от мороза.

Она не имела своего угла и, будучи доброю, кротою и чрезвычайно набожною, в тех домах, где ее знали, всегда находила себе приют и кусок хлеба; ее принимали ласково и даже с глубоким уважением бедные жители крошечных домиков, какими в то время была усеяна Петербургская сторона. Матери семейств радовались, если Андрей Феодорович покачает в люльке или поцелует ребенка, в том убеждении, что поцелуй несчастной принесет им счастье.

Когда Андрей Феодорович являлась на площади Сытного рынка, все торгоши пряниками, булками, пирогами мгновенно открывали свои лотки и корзинки, умоляя Андрея Феодоровича взять у них что-нибудь без денег, хоть один пирожок, хоть отломить кусочек пряника. И счастливцев, у которого полакомится Андрей Феодорович, не успевал припасать товару, так успешно после того шла торговля. Народ стремился к его лотку и с восторгом поедая пироги, обратившие на себя внимание «добровольной страдальницы», как называли ее некоторые».

Я сказал, что Ксения была кротка и ласкова и только однажды, в 45 лет своего странствия, жители Петербургской стороны увидели ее в полном разгаре гнева: с палкою в руке, с развевающимися седыми волосами, с восклицанием: «Окаянные!» Быстрее вихря неслась она по улице вслед за толпой раздраживших ее мальчишек. Вся Петербургская сторона содрогнулась от такого преступления ребят своих!.. Начались розыски, дюжина преступников, обвиненных в преследовании Андрея Феодоровича словами и грязью, подвергалась перед лицом ее очистительным розгам. И с той поры, гласит предание, дети боялись Андрея Феодоровича.

Где она ночи проводила – никто не знал. Раз только ночью удалось заметить Ксению Григорьевну. Когда на Смоленском кладбище строили вместо пришедшей в ветхость деревянной церкви каменную (в 1890 году, октября 1-го дня, праздновали столетний юбилей этой церкви, со времени построения ее), то рабочие, приходя утром на работу, замечали, что кто-то на стены церкви приносит ночью кирпичи. Стали наблюдать и увидели юродивую Ксению, или Андрея Феодоровича, которая всю ночь, пока не занялась утренняя заря, носила кирпичи на верх строившейся церкви.

Впоследствии она одевалась обыкновенно: и летом и зимой в неизменные зеленую кофточку и красную юбку, или зеленую юбку и красную кофточку. Все, что давали ей, она раздавала бедным. Замечали, что если она сама что-либо у кого попросит, то плохо с тем бывало, как говорится, из рук шло с тех пор; если же кому сама что давала – медную ли монету или кусочек хлеба, тому шла прибыль во всем. Извозчики, завидя ее, наперебой старались провезти ее, в том убеждении, что если кому удастся услужить ей, тому повезет счастье. Ходила она иногда и в баню. Все мытье, однако, состояло в том, что, бывало, не снимая с себя рубашки, взлезет на полоч, намочит себе голову и в мокрой же рубашке одевалась и выходила, несмотря на время – в холодную ли то было осень, или зимой.

Как раньше мы сказали, Ксения весьма любила двух сестер – Евдокию Дионисьевну Гайдукову и Пелагию Дионисьевну Черепанову. Однажды, зайдя к первой из них, юродивая попросила пообедать. Охотно покормила ее Евдокия Дионисьевна. Ксения, благодаря за хлеб-соль и улыбаясь, сказала: «А уточки-то пожалела дать; да ты, ведь, мужа своего боишься». Сильно сконфузилась Евдокия Дионисьевна, так как действительно в печи у нее находилась жареная утка.

Многих поражала Ксения своим предсказанием. Вот что рассказала мне про нее одна старица, ныне имеющая от роду 84 года, М. И. Беляева, женщина, отличающаяся высоким

благочестием, которая слышала от своей тетки, умершей, как мы уже сказали, в 1827 году 91 года от роду. «У тетушки моей, – передавала мне М. И. Беляева, – иногда ночевала Ксеньюшка. Однажды, встретив на улице Евдокию Дионисьевну, Ксения остановила ее и, подавая медный пятак, сказала: “Возьми, возьми пятак, тут царь на коне, пожар потухнет”. И что же? Только что вошла на свою улицу Евдокия Дионисьевна, как увидела, что дом ее загорелся, но не успела она еще добежать до дома, пламя было потушено».

Раз Ксения навестила одну свою знакомую, жившую на Петербургской стороне. Та пила с дочерью своей кофе. Дочь уже была невеста. Ксения, обратившись к девушке, сказала: – Ты вот кофе распиваешь, а твой муж на Охте жену хоронит.

Мать с дочерью, конечно, не могли понять этих слов. Ксения ушла. «Что бы это такое значило, дитя мое? Пойдем на Охту, посмотрим, не случилось ли там чего особенного», – говорит мать дочери. Приходят на Охту и, к величайшему своему изумлению, видят, что действительно провожают на кладбище какую-то покойницу. Они присоединились к толпе, сопровождавшей гроб. Спустя короткое время вдовец действительно сделался мужем этой девушки.

Однажды Ксения пришла в дом купца Разживина и, подойдя к зеркалу, сказала: «Вот зеркало-то хорошо, а поглядеться не во что». Только что она проговорила это, как зеркало падает со стены и разбивается вдребезги. Все домашние ужаснулись, видя, как сбылись слова юродивой.

Блаженная Ксения Петербургская. Рисунок неизвестного художника

Она предсказала кончину императрицы Елизаветы Петровны. Накануне ее смерти, именно 24 декабря 1761 года, Ксения, переходя с улицы на улицу, кричала: «Пеките блины, пеките блины, вся Россия будет печь блины». На другой день, 25 декабря, императрица скоропостижно скончалась.

За три недели до смерти Иоанна Антоновича Ульриха, сидевшего в Шлиссельбургской крепости и казненного при императрице Екатерине II, Ксения каждый день плакала. Встречавшие ее спрашивали: «Что ты плачешь, Андрей Феодорович? Не обидел ли кто тебя?» –

«Там речки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь, кровь!» – отвечала Ксения.

Весьма много ходит по Петербургу рассказов о тех чудесах, какие совершились на могиле Ксении. Мы расскажем лишь то, что слышали из уст 84-летней старицы, о которой уже имели случай упоминать. Она слышала про юродивую от своей матери, а равно от родной тетки, знавших ее лично.

Некая полковница привезла однажды в Петербург двух сыновей для определения в кадетский корпус. Как она ни старалась, детей ее не приняли. Вот она, потеряв всякую надежду, в день отъезда своего домой, идет по мосту и горько плачет. Вдруг видит, что подходит к ней какая-то женщина, в простой юбке и кофточке, и спрашивает: «О чем ты так плачешь? Вернись и отслужи панихиду на могиле Ксении, и все будет хорошо тебе». – «Кто же эта Ксения? Я ведь не знаю, где ее могила?» – со слезами спросила полковница. «Язык до Киева доведет», – в ответ сказала незнакомая женщина. Полковница узнала, где могила Ксении. Отслужила панихиду и, когда возвратилась на свою квартиру, то ее уже ожидал сторож с известием, чтобы она явилась в корпус. Каково же было ее изумление и радость, когда ей объявили, что дети ее приняты.

Одна вдова, из почетного звания, благоговея перед памятью Ксении, соорудила на ее могиле часовню на собственные средства и весьма часто посещала ее, время от времени совершая панихиды за упокой ее души. У этой вдовы была дочь невеста. Посватался какой-то полковник, и было дано согласие на брак. Уже был назначен день свадьбы. Многие говорили, что это по молитвам Ксении Бог дал такого выгодного жениха генеральской дочери за то, что мать поставила на могиле ее часовню. Действительно, не напрасно было усердие матери и дочери к Ксении. Она им помогла. Жених-полковник был казнен, и брак не состоялся. Он был каторжник. Дело обнаружилось таким образом. Накануне бракосочетания полковник отправился в казначейство, чтобы получить по документу деньги. А генеральша с дочерью в этот же день отправились на могилу Ксении. «Я сама видела, – рассказывала мне М. И. Беляева, – как невеста, припав к могиле Ксении, горько-горько плакала, зная, чуяло ее сердце недоброе, просто жаль было смотреть». Когда полковник вошел в казначейство, то часовой быстро подошел к казначею и что-то шепнул ему. По окончании занятий здесь, часовой попросил казначея запереть казначейство и, подойдя к полковнику, спросил: «А ты как сюда попал?» Тот побледнел. «Ваше благородие, – продолжал часовой, обращаясь к казначею, – арестуйте его, это беглый каторжник; я был в конвое, когда его сослали в Сибирь».

Полковник тотчас же сознался во всем. Он рассказал, что действительно два месяца тому назад бежал из каторги, но это еще не все. «Когда я шел пешком, в одном месте в лесу нагнал меня полковник и, верно сжалившись надо мной, так как я едва передвигал ноги, позволил мне присесть. Улучив удобную минуту, я зарезал его и кучера. Снял с полковника одежду, отобрал его документы, взял деньги и, сбросив трупы с экипажа, сам укачал. Одел я форму его, явился в Петербург и выдал себя, как видите, за полковника. А познакомившись с генеральской дочерью, сделал ей предложение, получил согласие, и на завтра назначен брак мой с ней. Но видно Бог услышал молитву сироты невесты и не судил мне, каторжнику, быть ее мужем». На другой же день, когда узнали генеральша и дочь ее об аресте полковника, отправились опять на Смоленское кладбище и пламенно молились на могиле Ксении, веря, что по ее молитвам Бог избавил от несчастного брака.

В «Русской Старине» описывается, что к одной помещице Псковской губернии приехала гостить ее близкая родственница, жившая в Петербурге и слышавшая про Ксению. Вечером гостя долго про нее рассказывала, и хозяйка, ложась спать, помолилась о ней. Во сне увидела, что Ксения ходит вокруг ее дома и поливает его водой. На другой день, утром, в двадцати саженьях от дома загорелся сарай, в котором находилось около 4000 пудов сена. Дому угрожала большая опасность, но он остался цел.

В котором году раба Божия Ксения окончила свое земное странствование, достоверно неизвестно. Более других знающая о ней, М. И. Беляева утверждает, что Ксения умерла около 90 лет тому назад, а это она рассказывала мне в 1890 году, значит, Ксения Григорьевна скончалась приблизительно в 1800 году.

Часовня, в которой покоится тело юродивой, вся уставлена, по усердию посещающих и благодарных верующих, разными иконами. На могиле ее ежедневно совершаются панихиды. Здесь лежит надгробная плита, на которой имеется следующая надпись:

**«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
На сем месте положено тело рабы Божией Ксении Григорьевны,
жены придворного певчаго, в ранге полковника Андрея Феодоровича.
Осталась после мужа 26 лет, странствовала 45 лет. А всего жития
71 год, звалась именем Андрей Феодорович.
Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения души своей.
Аминь».**

Сто лет скоро минет с тех пор, как скончалась раба Божия Ксения, погребенная на Смоленском кладбище, и, казалось бы, давно она позабыта всеми, подобно тому, как все на свете с течением времени забывается. Между тем, Ксения Григорьевна доселе живет в памяти многих петербургских жителей, доселе переходят из уст в уста воспоминания о ее замечательной жизни. Время от времени напоминает о ней и печатное слово.

Могила ее с давних лет привлекает набожных людей, особенно в последнее время народ тысячами идет сюда, чтобы помолиться об усопшей.

И не одни православные преклоняют колена на месте вечного упокоения ее, но и иноверцы приходят сюда, прося священника помолиться об упокоении рабы Божией Ксении. И не одни жители столицы благоговейно чтут память ее, но и приезжие из разных мест России нередко приходят на могилу ее. Сотни свеч и множество лампад с раннего утра до позднего вечера теплятся на могиле Ксении, и ежедневно совершается поминовение о ней по просьбе посетителей. Были примеры, что на могиле ее, при громадном стечении народа, служили панихиды архиереи.

От разных лиц и из разных мест идут сюда приношения. Жертвуют деньгами, жертвуют деревянным маслом для неугасаемых лампад на могиле ее, возлагают покровы на ее надгробную плиту, вешают лампы, украшают часовню иконами.

Часовня рабы Божией Ксении. Рисунок конца XIX в.

Из Москвы, Ярославля, Киева, Твери и других отдаленных мест присылают разные пожертвования для благолепия часовни с просьбами отслужить панихиду на могиле Ксении.

Что же служит основанием к сохранению в народе во всех его слоях, в течении почти ста лет, благоговейной памяти о Ксении и к поддержанию того молитвенного настроения, какое с неудержимой силой проявляется на могиле ее?

Память о рабе Божией Ксении, неизгладимая временем, и благоговейное чувство, переходящее в молитву о ней, зиждется, конечно, не на тех основаниях, в силу которых часто распространяется слава людей в Мира. Нет, здесь лежит более глубокое основание, освящаемое верой. Ксения снискала себе народную любовь набожной жизнью, какой она отличалась в свое время. Рассказы о ее юродстве и особенно подвижнической деятельности живут до сих

пор и будут, вероятно, долго еще жить в народе. Многие глубоко верят, что могила ее имеет какие-то сверхъестественные свойства. Рассказывают, например, что горсть земли, взятая с могилы Ксении, приносит счастье, панихида, здесь отслуженная, избавляет от несчастья и т. п. Мы не повторяем всех рассказов, какие переходят из уст в уста о чудесной помощи, получаемой на могиле Ксении, так как не имели возможности проверить их. Но мы считаем долгом справедливости передать то, что стало известно нам от тех самых лиц, о которых будет рассказ, воздерживаясь при этом сообщаемые случаи возводить на степень чудесного. Было ли в этих случаях простое совпадение обстоятельств, или действительно по молитве и вере страждущих проявилась милость Божия, судить об этом предоставляем каждому по своему разумению и чувству.

Вот что нам передали лица, приходившие на могилу Ксении помолиться об упокоении ее.

«Мне было двадцать лет, когда умер мой отец, – так начала свой рассказ дочь надворного советника, девица Б. А. Св-ая. – Нужды и житейские невзгоды вскоре после смерти его постучались в нашу дверь. Я жила с моей матерью. Еще печальнее стало мое положение, когда она умерла. Бывало, хоть ласковое слово услышишь от нее, а со смертью ее лишилась и этой единственной отрады. Все стало для меня чуждо, как была и я чужда для всех. Но свет не без добрых людей. Нашелся добрый, честный и бескорыстный человек, который посоветовал мне подать прошение о прибавке пенсии, выслуженной моим отцом. Время шло, нужды мои не уменьшались. Часто я ходила справляться насчет поданного прошения, но каждый раз получала один ответ: «Еще ничего неизвестно». Наконец, потеряв всякую надежду, я перестала ходить справляться. На могиле матери искала себе утешения, но могила была безмолвна. Однажды внезапно осенила меня мысль помолиться в часовне Ксении. Со слезами припав к ее могиле, я сетовала на свою обездоленную судьбу, дав при этом обещание отслужить панихиду по ней, если только Господь увенчает успехом мои ожидания. Это было в прошлом, 1891 году, накануне праздника Введения во храм Пресвятыя Богородицы. И что же? Когда я возвратилась домой, не прошло, кажется, и часа, как курьер привез мне объявление, что просьба моя удовлетворена – к пенсии сделана прибавка».

Осенью прошлого, 1891 года, у жены петербургского купца Х-ва, по-видимому, без всякой причины, показалась опухоль на ногах. В эту пору А. Н. была беременна вторым ребенком. Спустя недели две, при отеке ног, у нее появились припадки нервного свойства и столь острые, что больная временами впадала в какое-то умоисступление. При потере сознания 18 ноября, сверх всякого ожидания у А. Н. Х-вой наступили преждевременные роды (за два месяца до срока), и того же дня она разрешилась от бремени рождением сына. Врачи полагали, что с родами пройдут и нервные припадки. На самом же деле к припадкам присоединилась новая болезнь – эклампсия. Судороги всего тела – шеи, рук, ног были ужасные. Страшный крик, какой-то дикий, раздиравший душу, доходил до последних пределов. Лучшие врачи столицы не находили средств к спасению больной, потому что наука еще бессильна в борьбе с этой болезнью. Сны наяву – галлюцинация зрения и слуха, кажется, переходили свои границы. Х-ва походила на умопомешанную. Новорожденного ребенка не признавала своим. Надежды на выздоровление не было никакой. Эклампсия развивалась. Больная таяла на глазах любимого мужа, который, кажется, отдал бы жизнь свою, чтобы спасти любимую жену-красавицу. Но напрасно. Консилиум вынес слово о смерти.

При больной неотлучно находилась родная ее тетка С. П. Ж-ева, безгранично любящая ее. Кто-то из родных напомнил ей о могиле Ксении. Стрелой полетела набожная и сердобольная женщина на Смоленское кладбище. Был поздний вечер. Часовня на заветной могиле была уже закрыта, но по просьбе приехавшей ее немедленно открыли. Входит Ж-ева взволнованная; безутешное горе сильно отражалось на ее утомленном бессонными ночами лице, ноги подкашивались; но в глазах ее отражался какой-то необыкновенный блеск, в них про-

свечивался луч надежды, боровшейся с наступающим отчаянием; по ним можно было прочитать, что душа ее была переполнена томящей тоской и пламенной верой, которая как бы говорила: «Я заплачу, я вымолю, она не умрет». Началась панихида по Ксении. Верующая женщина, преклонив колена перед могилой, словно замерла, она не молилась, не видно было ни поклонов, ни крестного знамения, нет, лишь сердце ее горело молитвенным огнем. Только отрывистые слова вырывались из уст ее: имена Ксения и А-а сменялись одно другим. Но вот слеза за слезой орошают могилу, поклон за поклоном идут до земли. Долго рыдала в ночной тишине тетка, молясь за свою любимицу-племянницу.

Возвратившись домой, она приложила к больной горсть земли, взятой с могилы Ксении. Больная пришла в себя. С каждым часом припадки ее делались реже и слабее, а на другой день совершенно прекратились. Молодая женщина быстро стала поправляться, а через две недели встала с постели вполне здоровой.

Когда один из врачей, бывших на консилиуме, узнал, что Х-ва поправилась, не поверил этому, и зашел к ней, чтобы воочию убедиться, так как он вместе с коллегами полагал, что она уже умерла.

Генеральша А. В. Гр-о, богобоязненная старица, проживающая на Петербургской стороне, сообщила следующее.

«В жизни моей много было скорбей, – говорит почтенная старица, – но какое бы горе со мной ни случилось, я каждый раз спешу на Смоленское кладбище и здесь, в часовне на могиле Ксении, отвожу душу. Облегчает Господь и недуги грешного моего тела. Так, с давних лет я страдаю головной болью, которая иногда бывает до того мучительна, что не находишь места от нее. Неоднократно обращалась я за советами к врачам, но никто из них не помог мне. Кажется, тысячи домашних средств мною испробованы, но все было напрасно.

Однажды, будучи в часовне Ксении, я почувствовала страшную боль в голове. Как бы по чьему внушению и словно движимая посторонней силой, я помазала себе голову деревянным маслом из лампадки, теплившейся на могиле ее. Боль мгновенно утихла. Теперь я всегда, когда появляется головная боль, мажу голову маслом, конечно, с молитвой об упокоении рабы Божией Ксении, и боль тотчас же утихает.

Эта дивная помощь вселила в моей душе такое чувство благоговения к блаженной Ксении, что, посещая Смоленское кладбище, я за грех считаю пройти мимо ее могилы и не зайти помолиться за ее душу».

Юродивый Андрей Феодорович, или раба Божия Ксения

3

Приступая к характеристике рабы Божией Ксении, считаю не лишним сказать несколько слов о кладбище, на котором она похоронена.

Смоленское православное кладбище находится на Васильевском острове: оно называлось до построения Петербурга Лосиным островом.

Название это, по преданию, произошло по следующему случаю. В начале построения Петербурга на Лосином острове поселилась артель рабочих, пришедшая из Смоленской губернии на работы. Непривычный образ жизни, тяжелый труд, климат, а вследствие этого последнего – различные заболевания скоро всех свели в могилу, их свезли на берег Черной речки и там похоронили. Вот с того-то, будто бы, времени поле на южной стороне этой речки и прозвали Смоленским.

До 1709 года в Петербурге не было настоящего кладбища и умерших хоронили, где придется. Только жители Васильевского острова погребались исключительно на южном берегу Черной речки. Впрочем, хоронили и на других местах громадного острова, но эти кладбища, вследствие наносов с моря, сравнились с песком и после них не оставалось даже следов. Например, на плане Петербурга 1738 года кладбище значится между Большим и Средним проспектами за 23-й линией острова; теперь об этом кладбище нет и помину.

В царствование Анны Иоанновны существовала особая комиссия для построения Петербурга. Ввиду неудобства хоронить людей на заносных местах, Св. Синод решил исследовать в указанных им местах грунт земли и высоту грунтовой воды. Архитекторы принялись за дело, и когда представили в комиссию для построения Петербурга свое мнение, последняя обратилась к Синоду, который 23 октября 1738 года постановил: «В С.-Петербурге погребению быть надлежит на Васильевском острове у Черной речки, между 18-й и 23-й линиями, к каковому месту дорогу расчистить от вновь выросшего кустарника и проделывать канальцы».

Так как и это место оказалось чрезвычайно низким, то Св. Синод предписал «для возвышения кладбищенских мест прорывать канавы и пруды и вынутую землю насыпать в низкие места».

Когда все это устроилось и кладбище было огорожено, то Св. Синод повелел содержать его «в добром порядке из церковных доходов». Но так как при кладбищах не полагалось церквей и покойников отпевали при домашних и приходских, то комиссия предложила Св. Синоду «прислать людей и приписать кладбище в духовное ведомство», что и было исполнено в 1739 году.

Таким образом, Смоленское кладбище официально существует с помянутого года, но до 1755 года при нем не было ни одной церкви, и лишь благодаря заботам императрицы Елизаветы построена деревянная, в честь Смоленской иконы Божией Матери. Церковь была построена на казенный кошт губернии, а вследствие этого губерния и подчинила себе кладбищенскую церковь с ее доходами. Но в 1770 году кладбище и церковь были переданы в ведение епархиального ведомства. После этого, ровно через десять лет церковь и кладбище перешли в ведомство епархиального архиерея. В 1772 году церковь была перестроена и к ней прибавлен придел во имя архистратига Михаила.

³ Печатается по изданию: *Ф. Белорус. «Юродивый Андрей Феодорович или раба Божия Ксения, погребенная на Смоленском кладбище в Петербурге», С.-Петербург, 1903 г.*

Ввиду того, что церковь сильно обветшала, а для починки ее не было средств, то Консистория, указом от 11 августа 1785 года, разрешила сборы пожертвований на построение нового храма.

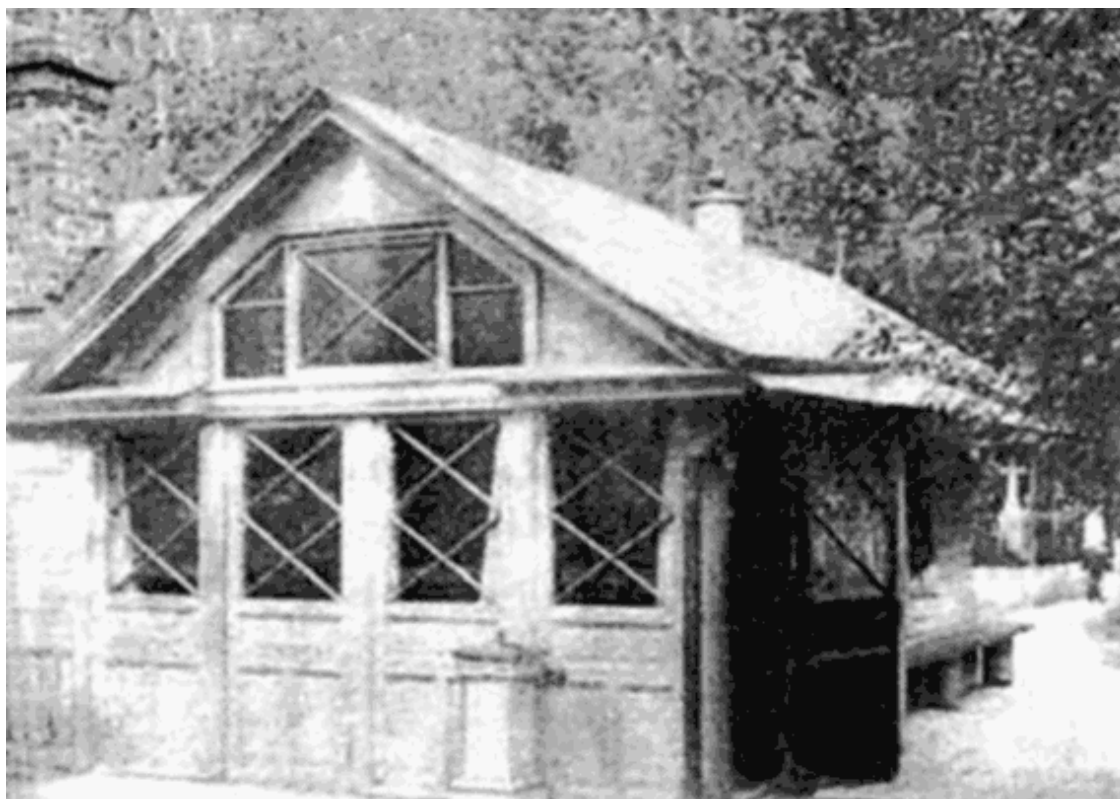
Через четыре года церковь уже была построена, и постройка ее обошлась в 18 010 рублей 22 копейки. Теперь на кладбище было две церкви: одна каменная, во имя Смоленской иконы Божией Матери, и другая, придельная, деревянная, в честь святого архистратига Михаила.

Вслед за этим, когда кладбищенские доходы увеличились, построены были четыре каменных дома, приобретено много земли для расширения кладбища и улучшено содержание богаделенок, которые находились в богадельне, построенной почти вместе с деревянной церковью.

Все шло хорошо до 1824 года; но в этот достопамятный год, а именно 7 ноября, не только Смоленское кладбище, но и весь Петербург постигло большое несчастье. Случилось наводнение, и вода поднялась над кладбищем почти на 10 футов. Все кладбищенские заборы, мосты и мостики были снесены, а кресты с могил унесены на Выборгскую сторону, земляные насыпи смыты, каменные и металлические кресты и плиты сдвинуты и занесены землей. Большая часть памятников свалена напором воды и поломана упавшими деревьями, деревянная церковь архистратига Михаила была до того размыта, что в ней нельзя было служить: в богадельне утонуло три старушки, остальные спаслись на чердаке. Словом, наводнение произвело страшные беды и нанесло много убытка. А так как во время этого наводнения в Петербурге погибло много людей, то потребовалось много места для похорон; между тем и прежде уже чувствовался недостаток, и кладбищенское начальство не знало, что предпринять, но 11 ноября кладбище это посетил император Александр I, который повелел немедленно расширить его прибавкой пустопорожной земли.

Таким образом, пришлось восстанавливать все, что разрушила стихия, и много пришлось поработать, в особенности над подмокшим имуществом и документами; последние, однако, трудно было исправить, потому что их совсем смыло; тем не менее, приблизительные сведения о погребенных на этом кладбище собраны отцом Стефаном Опатовичем, из которых видно, что за восемьдесят лет, то есть, с 1799 по 1879 годы, на этом кладбище погребено 350 000 человек, хотя, как можно предположить, их было гораздо больше.

Среди всех этих лиц есть много замечательных, о которых память и поныне сохранилась в народе. Вот вам пример: бывая на этом кладбище, я всегда видел у одной маленькой часовни много молящегося народу. Предполагая сначала, что эта часовня предназначена специально для панихид по усопшим, я не обращал особенного внимания, но как-то раз пришлось услышать от одной престарелой женщины весьма странный, чтобы не сказать резче, анекдот или предание о петербургской жительнице Ксении Григорьевне Петровой, юродствовавшей чуть ли не весь свой век и похороненной на Смоленском кладбище. Заинтересовавшись ее рассказом, — из которого я узнал, что именно по ней служатся эти панихиды и что с этой целью и устроена часовенка, — я специально отправился туда проверить услышанное. Обратив внимание на надпись, приведенную в заголовке этого очерка, я начал расспрашивать о ней лиц, молившихся над ее могилой, думая, что они ее родственники или знакомые. Но отнюдь не бывало: это были люди, которые много слыхали о ней, но столько же знали, сколько и я. Некоторые из них, однако, говорили многое такое, чему поверить трудно, и я решил обратиться к более сведущим людям, которые указали на сведения, помещенные в «Русской Старине» и в «Историко-статистическом описании Петербургской епархии», и в «Ведомостях Петербургской городской полиции». С этими сведениями я и хочу познакомить читателей, интересующихся личностью Ксении.

Деревянная часовня блаженной Ксении. Конец XIX в.

Вот как пишут о ней: «Около ста лет тому назад жила в Петербурге некая Ксения или, точнее, Аксиния Григорьевна, но никто не знал, что это была за Аксиния и из какого звания происходила. Одно лишь известно, что она сама себя называла не Аксиньей, а Андреем Феодоровичем. Имя это, как оказывается, принадлежало ее мужу Петрову, в ранге полковника, служившего в придворном хоре певчих. Молодая девушка Ксения, влюбившись в такого же молодого воина-певца, вышла за него замуж; но недолго пришлось ей наслаждаться супружеским счастьем: через несколько лет она осталась вдовой на двадцать шестом году своей жизни. Ксения Григорьевна сильно любила своего мужа, и когда он умер, она от сильного потрясения почти лишилась рассудка.

Когда Андрея Феодоровича повезли на кладбище, она надела платье мужа, состоявшее из камзола, кафтана, штанов и картуза, и в этом костюме провожала его до места последнего упокоения. После похорон она не снимала этой одежды, пока она не истлела на ней.

Это последнее обстоятельство всем показалось странным, в особенности некоей старушке Прасковье Ивановне [Параскеве Иоанновне] Антоновой, жившей в доме Андрея Феодоровича Петрова, которая и начала наблюдать за ней. Об этой Параскеве Антоновой имеются очень интересные рассказы, нигде не напечатанные и сохранившиеся среди ее потомков. Она похоронена тоже на Смоленском кладбище. Видя, что Ксения, как только похоронила мужа, совершенно преобразилась и начала называть себя не Аксиньей, а Андреем Феодоровичем, старуха начала урезонивать ее и разубеждать, но Ксения стояла на своем и говорила, что Андрей Феодорович не умер, но воплотился в нее, Ксению, которая уже давно померла. Вероятно, ввиду такого убеждения она никогда не откликалась, когда ее называли собственным именем, и даже сердилась за это.

– Ну какое вам дело до покойницы Ксении, – говорила она, – которая мирно покоится на кладбище; ведь она вам ничего худого не сделала.

А если кто называл ее, хоть в шутку, Андреем Феодоровичем, то она сейчас отзывалась и говорила:

– Ась? Что вам угодно?

Все эти странности «объюродившей Ксении» чрезвычайно беспокоили Прасковью Ивановну, которая, полагая, что она сильно скучает по мужу, только тешит себя разными причудами. Ввиду этого она старалась чем-нибудь развлечь ее, но, казалось, Ксения вовсе не нуждалась в этом.

Однажды, думая об ее печальном положении, она спросила Ксению:

– Как же ты будешь жить теперь, матушка?

– Да что, ведь я похоронил свою Ксеньюшку, и мне теперь больше ничего не нужно. Дом я подарю тебе, Прасковья, только ты бедных даром жить пускай, вещи сегодня же раздам все, а деньги в церковь снесу, пусть молятся об упокоении души рабы Божией Ксении.

– И, полно, моя милая, – отвечала старушка, стараясь «образумить» молодую женщину, – не дело говоришь ты.

– Как не дело! Что ты, Прасковья? Помогать бедным не дело?! Да разве ты не отдала всю свою жизнь для бедных.

– Помогать и ты будешь, только все отдавать не след. Как же ты сама-то жить будешь?

– Господь питает птиц небесных, а я не хуже птицы. Пусть воля Его будет.

Уверяют, будто добрая старушка обратилась даже к начальству покойного Петрова, желая спасти имущество вдовы, но Ксения была вполне нормальна, здорова и никто не вправе был мешать ей распорядиться своим имуществом по собственному усмотрению.

Действительно, Ксения привела в исполнение свое решение, передала дом Антоновой, раздарила и раздала имущество, осталась в одном платье мужа, взяла его кафтан, в который могла кутаться с головой, и вышла из дому, без копейки в кармане и без всяких средств в будущем, не имея решительно никаких планов, ни видов, ни надежды.

– Я вся тут, – говорила она, появляясь где-нибудь, и это было совершенно верно.

Родственники мужа были недовольны поступком молодой вдовы, но все жалели ее и предлагали у себя приют или помощь.

– Мне ничего не нужно, – лаконично отвечала Ксения на все приглашения и предложения.

Ксения большей частью жила на Петербургской стороне, и немного было домов, которые она посещала. Больше всех, конечно, были у нее в милости Параскева Антонова и Евдокия Гайдукова, умершая в 1827 году и похороненная на Смоленском кладбище неподалеку от Ксении. Кроме них расположением пользовалась сестра Гайдуковой, Пелагия Черепанова, бывшая замужем за надворным советником.

Ксения в течение сорока лет своего жительства в юродивом состоянии в Петербурге не имела постоянного пристанища.

Главным же ее местопребыванием была Петербургская сторона, и преимущественно приход св. апостола Матфея. Ее именем долго называлась даже одна улица. Она пользовалась большим уважением среди тамошних жителей, в особенности у извозчиков, которые, завидя ее издали на улице, обгоняли друг друга и наперерыв предлагали ей свои услуги, будучи вполне убеждены, что кому удастся хоть сколько-нибудь провезти ее, то весь день повезет счастье и он поедет домой с большим заработком.

Говорят, что 24 декабря 1761 года Ксения Григорьевна ходила по улицам Петербургской стороны и говорила тамошним жителям:

– Пеките блины, пеките блины. Скоро вся Россия будет печь блины.

Слышавшие ее говорили, что этими словами она предсказывала смерть императрицы Елизаветы Петровны, которая умерла на другой день после ее предсказания.

Год смерти Ксении неизвестен, но, как надо предполагать, она умерла или в конце прошлого столетия или в начале настоящего [XIX столетия]; конечно приблизительно.

В двадцатых годах на ее могилу начал толпами стекаться народ, который по горсточке разобрал всю насыпь на могиле, ввиду чего сделали другую, но и ту разнесли. Пришлось положить плиту, которую, однако же, тоже разбили и по кусочкам снесли по домам. Но, разбирая землю и ломая плиты, посетители оставляли на могиле денежные пожертвования, которыми пользовались нищие.

Вследствие этого могилу обнесли оградой, а к ограде прикрепили кружку для сбора пожертвований, а потом, на собранную таким образом сумму, поставили памятник в виде часовни из серого отесанного известкового камня с железной крышей, двумя оконцами по бокам и железной дверью посередине, над которой существует надпись: *Раба Божия Ксения*.

Здесь же находится и кружка для сбора пожертвований, половина собираемой суммы поступает и теперь в пользу попечительства о бедных духовного звания, а другая идет в церковь на неугасимую лампаду на гробе рабы Божией Ксении.

«Кто меня знал да помянет мою душу для спасения своей души» – такую надпись положил кто-то на могиле Ксении, но кто именно – неизвестно.

Вот все сведения, какие я мог собрать.

А вот что писали о ней в «Ведомостях Санкт-Петербургской городской полиции» за 1847 год:

«Лет сорок, а может быть и более назад скончалась в Петербурге вдова придворного певчего Андрея Феодоровича, Ксения Григорьевна, известная в свое время под именем Андрея Феодоровича. Имея множество знакомых, большей частью из купеческого сословия, она часто приходила к ним за милостыней и ничего более не брала, как «царя на коне», так называла она старинные копейки, на которых было изображение всадника на лошади.

– Дайте мне «царя на коне», – говорила она всегда умильным голосом, брала монету и уходила. Одни называли [ее] «сумасшедшей», другие «прокаженной», потому что она предсказывала счастье или несчастье тому дому, в который приходила, хотя очень редко и неохотно произносила свои пророческие слова. По ночам она уходила в поле молиться Богу и молилась по несколько часов, кланяясь в землю во все четыре стороны. Ночные отсутствия ее сначала возбуждали сомнения в недоверчивых людях, и даже полиция стала следить за ней, но скоро удостоверилась, что она ходила в поле молиться Богу.

Предсказания ее не всегда заключали в себе какой-нибудь апокрифический, сокровенный смысл, а иногда служили как бы только удостоверением в том, что эта странная женщина точно наделена даром прорицания. Так, например, приходя куда-нибудь, она вдруг требовала, чтобы дали ей пирога с рыбой, и, когда ей нарочно отвечали, что такого пирога в этот день не пекли, то она с уверенностью говорила:

– Нет, пекли, а вы не хотите дать.

Тогда подавали ей такой пирог, потому что он точно был испечен. А иногда она предсказывала что-нибудь худое, но не прямо, а косвенно, намеками, как бы не желая смущать того, с кем говорила. Так, например, посетив один раз дом купчихи Крапивиной и выходя из него, она взглянула на окна дома и сказала:

– Зелена крапива, а скоро завянет.

Крапивина вскоре после того умерла.

После смерти мужа, рассказывается в той же газете, Ксения Григорьевна надела его белье, камзол, кафтан и вообще все платье покойника и, бросив дом, расхаживала по грязным улицам тогда еще убогой Петербургской стороны в костюме мужа. Будучи известна всему околотку как юродивая, но честная женщина, она сначала возбуждала к себе жалость, а потом особое уважение.

– Кто не принадлежал Миру, тот принадлежит Богу, – говорили ее современники, кормили, поили и одевали ее. Но она не брала теплой одежды и прикрывала грудь остатком камзола своего мужа, носила только самое необходимое женское платье. Зимой, в жестокие

морозы, она расхаживала по улицам и рыночной площади в каком-то изорванном балахоне и изношенных башмаках, надетых на босые ноги, распухшие, покрасневшие от мороза.

Так как она не имела своего угла, то находила себе приют в тех домах, где ее знали, и везде ее принимали ласково и с глубоким уважением. Матери семейств радовались, если Андрей Феодорович покачает в люльке или поцелует ребенка, будучи убежденными, что этот поцелуй принесет им счастье.

Когда Андрей Феодорович являлся на площади Сытного рынка, все торгаши пряниками, булками, пирогами и проч. мгновенно открывали свои лотки и корзинки, умоляя Андрея Феодоровича взять у них что-нибудь без денег, хотя один пирожок, или отломить кусочек пряника. И счастливцев, у которого полакомится Андрей Феодорович, не успевал припасать товару, так успешно после того шла торговля. Народ стремился к его лотку и с восторгом покупал пироги, обратившие на себя внимание «добровольной страдальницы», как называли ее некоторые.

Хотя Ксения была кротка и добра, но однажды, на сорок пятом году своего странствия, жители Петербургской стороны увидели ее разгневанной, с палкой в руке, с развевающимися седыми волосами, восклицавшей: «Окаянные!» Быстрее вихря неслась она по улице вслед за толпой раздразивших ее мальчишек.

Вся Петербургская сторона содрогнулась от такого преступления ребят своих!

Начались розыски, и обвиненные в преследовании Андрея Феодоровича словами и грязью были наказаны. И с той поры, гласит предание, дети боялись Андрея Феодоровича.

Где она ночи проводила, никто не знал. Только однажды ночью удалось проследить Ксению Григорьевну. Когда на Смоленском кладбище строили вместо пришедшей в ветхость деревянной церкви каменную, то рабочие, приходя утром на работу, замечали, что кто-то на стены церкви приносил кирпичи. Рабочие начали следить, кто помогает им, и вот однажды увидели Ксению, таскавшую кирпичи на плечах всю ночь, пока не занялась заря.

Блаженная Ксения,носящая кирпичи на постройку церкви в честь иконы Смоленской Божией Матери

Что касается рассказов о Ксении, то их не перечесть. Вот, например, что говорят:

– Мы сами испытали от Ксении великое благодеяние и многим обязаны ей.

– В чем же заключается это ее благодеяние? – спросил я у одной дамы, с которой случилось говорить о Ксении.

– Это наша семейная тайна, – отвечала она.

Я не смел настаивать и поэтому замолчал, в то время как дама перекрестилась и с глубоким вздохом произнесла:

– Упокой, Господи, рабу Твою Ксению».

Много подобных рассказов приводит и отец Стефан Опатович⁴:

«Однажды к одной помещице, фамилия которой мне неизвестна, приехала гостить ее близкая родственница, жившая в Петербурге и много слышавшая про Ксению. Вечером гостя долго про нее рассказывала, что слышала от других.

Хозяйка, ложась спать, помолилась за усопшую рабу Ксению и заснула. Но вдруг она видит во сне, что Ксения ходит вокруг ее дома и поливает его водою. Встав поутру, она рассказала своей родственнице, которая приписала этот сон впечатлению ее рассказа.

В тот же день утром, вскоре после их разговора, в двадцати саженьях от дома загорелся сарай, в котором находилось около четырех тысяч пудов сена. Дому, конечно, угрожала большая опасность, однако же он остался цел и невредим».

Далее я приведу еще несколько рассказов, а пока должен заметить, что Ксении, если кто-либо давал что-нибудь, то она тотчас же отдавала бедным. Многие замечали, что если она сама попросит что-нибудь, то с тем было плохо; если же кому сама давала – тому шла прибыль во всем. Иногда ходила она и в баню, но мытье ее состояло в том, что она не снимала рубашки, влезала на полок, мочила голову, в мокрой же рубашке одевалась и выходила на улицу, несмотря ни на какую погоду, была ли то осень или зима.

Действительно, Ксения отличалась железным здоровьем и никогда не хворала. Надо заметить, что, не имея квартиры, Ксения зимой и летом очень часто ночевала под открытым небом, спала в снегу, тем не менее дожила до глубокой старости.

Как я выше уже заметил, Ксения любила двух сестер, Гайдукову и Черепанову. Однажды, зайдя к первой из них, она спросила пообедать.

Та охотно покормила ее, но Ксения, благодаря за хлеб за соль, улыбаясь сказала:

– А уточки-то пожалела мне дать; впрочем, ты ведь мужа своего боишься.

Гайдукова сильно сконфузилась, так как в печи действительно находилась жареная утка. Мужа ее не любила Ксения за то, что тот имел привычку браниться скверными словами.

Многих Ксения поражала своим предсказанием. Вот что рассказала про нее священнику Булгаковскому одна старица, ныне имеющая от роду 83 года.

– У тетушки моей иногда ночевала Ксеньюшка. Однажды, встретив на улице Евдокию Гайдукову, Ксения остановила ее и, подавая медный пятак, сказала:

– Возьми, возьми пятак, тут царь на коне, пожар потухнет.

И что же? Только что Гайдукова вошла в свою улицу, как увидела, что дом ее загорелся, но не успела она еще добежать до дому, как пламя было потушено.

Кроме этого о. Булгаковский передает следующие рассказы: Ксения навестила одну свою знакомую, жившую на Петербургской стороне. Та пила с дочерью своей кофе. Дочь уже была невеста. Ксения, обратившись к девушке, сказала:

– Ты вот кофе распиваешь, а твой муж на Охте жену хоронит.

Мать с дочерью, конечно, не могли понять этих слов. Ксения уже ушла.

– Что бы это значило, дитя мое! Пойдем на Охту, посмотрим, не случилось ли там что-нибудь особенное, – сказала мать дочери.

Приходят на Охту и, к величайшему своему изумлению, видят, что действительно провозжают на кладбище какую-то покойницу. Они присоединились к толпе, сопровождавшей гроб. Спустя короткое время вдовец действительно сделался мужем этой девушки.

Однажды Ксения зашла в дом купца Разживина и, подойдя к зеркалу, сказала:

⁴ В словарях о нем сказано следующее: Опатович Стефан Иоаннович (1832–1892 гг.), протоиерей, священник Смоленской церкви в Санкт-Петербурге, писатель; окончил Петербургскую духовную академию; напечатал: «Смоленское кладбище в Санкт-Петербурге в XVIII и XIX веках» (СПб., 1873), «Святыни Киева» (1873), «Первые века христианства и распространение его на Руси» (СПб., 1883), «История Санкт-Петербургской епархии с учреждения единоличной епископской кафедры» (истор. – статистич. сведен. о СПб. епархии), несколько выпусков; и другие; читал лекции по религиозно-нравственным вопросам, для народа (с 1872 г.); один из первых собрал сведения о блаженной Ксении Петербургской.

– Хорошее зеркало, а поглядеться не во что. – Только что она сказала эти слова, как зеркало упало со стены и вдребезги разбилось.

Как-то Ксения зашла к Параскеве Антоновой и говорит ей:

– Ты вот чулки тут штопаешь, а тебе Бог сына послал. Иди скорее на Смоленское.

Антонова бросила все и побежала на Васильевский остров; не успела она добежать до Большого проспекта, как видит толпу народа... Оказалось, что извозчик сшиб с ног женщину, которая тут же родила младенца мальчика и умерла на руках у кого-то из толпы. Антонова приняла ребенка на свое попечение и, как ни старалась, не могла найти отца... Впоследствии «подкидыш» сделался очень видным чиновником, а Антонова жила и умерла в его доме как родная мать...

Таким же путем, как сказано выше, она предсказала кончину императрицы Елизаветы Петровны.

Кроме приведенных рассказов по Петербургу передают из уст в уста много других, а именно:

Некая полковница привезла однажды в Петербург двух сыновей для определения в кадетский корпус. Как она ни старалась, детей ее не приняли. Вот она, потеряв всякую надежду, в день отъезда своего обратно домой, идет по мосту и плачет от сильного горя. Вдруг видит, что подходит к ней какая-то женщина, в простой юбке и кофточке, и спрашивает:

– О чем ты так плачешь? Вернись и отслужи панихиду на могиле Ксении, и все будет хорошо тебе.

– Кто же эта Ксения? Я ведь не знаю, где ее могила! – со слезами спросила полковница.

– Язык до Киева доведет, – сказала ей в ответ незнакомая женщина.

Полковница порасспросила о ней. Нашлись такие, кто знали, про какую она Ксению спрашивает, и рассказали ей, где ее могила.

Когда полковница отслужила панихиду и возвратилась на свою квартиру, то ее уже ожидал посланец с известием, чтобы она явилась в корпус. Каково же было ее изумление и радость, когда она пришла в корпус и ей объявили, что дети ее приняты.

Тожественный этому рассказ передавал мне один военный в отставке, не помню, какого ранга. Как известно, на могиле Ксении постановлена часовня. Желая узнать, кем именно постановлена она, я случайно обратился к нему с вопросом, и вот что он ответил мне:

– Часовенка эта, насколько мне известно, построена одним из старост, кажется, Марковым или Макаровым, на средства, пожертвованные народом. А что касается Ксении, то я могу вам рассказать следующий случай из своей жизни... Лет пятнадцать тому назад, когда я был помоложе, – теперь мне около шестидесяти, – я вознамерился определить своего среднего сына в одно из учебных заведений на казенный кошт и для этой цели, с разрешения начальства, приехал из Западного края в Петербург. Подав прошение в несколько учреждений, я, к величайшему моему огорчению, отовсюду получил отказ. Определить на свои средства я решительно не мог, потому что за двух уже платил, одного нужно было определить, да один оставался впереди. Зло меня взяло и горе обуяло, что меня постигла такая неудача, и, в отчаянии, я уже хотел уехать домой. Расплатившись в номере, где остановился, я, сетуя на неудачу, рассказал о том хозяйке меблированных комнат, которая как-то вечером рассказала мне о Ксении. Женщина она была простая, и поэтому попросту и отвечала:

– Эх, ваше благородие, да вы бы поехали отслужить панихидку на могилочке рабы Божией Ксении... Авось она и замолвит за вас словечко у Всевышнего.

Внутренний вид часовни и гробницы блаженной Ксении в начале XX в.

Я ничего не ответил ей и, решившись остаться еще на одни сутки в Петербурге, на следующее утро отправился с сыном на Смоленское кладбище и пригласил священника отслужить панихиду. Затем, помолившись и подав нищим, потихоньку поплелся домой. Но каково было мое удивление, когда, вернувшись домой около обеда, я застал в своем номере на столе казенный пакет. Схватив его дрожащими руками, я уж не помню, как вскрыл и прочел бумагу, что мой сын принят в одно из учебных заведений, начальство которого сначала решительно отказало в моей просьбе.

Чему приписать это обстоятельство: случайности ли или какому совпадению, не берусь решить, но на следующий день я в благодарность за это отслужил вторую панихиду, и с тех пор служу каждый год.

– Ну, а достоверно-то разве не известно, кто построил эту часовню? – спросил старик.

– По моему, если говорят о старосте, то, стало быть, он, – возразил старик.

Между тем, по словам о. Булгаковского, часовня эта построена какой-то вдовой почетного звания, которая, благоговей пред памятью Ксении, соорудила ее на собственные средства и весьма часто посещала ее, время от времени совершая панихиды за упокой ее души. У этой вдовы была дочь невеста. Посватался какой-то полковник к ее дочери и было дано согласие на брак. Уже был назначен день свадьбы. Многие говорили, что это по молитвам Ксении Бог дал такого выгодного жениха генеральской дочери за то, что мать ее поставила на могиле ее часовню. Действительно, не напрасно было усердие матери и дочери к Ксении. Она им помогла. Жених-полковник был казнен, и брак не состоялся. Он был каторжник. Дело обнаружилось таким образом.

Накануне бракосочетания полковник отправился в казначейство, чтобы получить по какому-то документу деньги. А генеральша с дочерью в этот же день отправились на любимую могилу Ксении.

«Я сама видела, – рассказывала о. Булгаковскому старица, – как невеста, припав к могиле Ксеньюшки, горько-горько плакала: знать, чуяло ее сердце недоброе, просто жаль было смотреть».

Когда полковник вошел в казначейство, то часовой быстро подошел к казначею и что-то шепнул ему. По окончании занятий, часовой попросил казначея запереть казначейство и, подойдя к полковнику, спросил:

– А ты как сюда попал?

Тот побледнел. «Ваше благородие, – продолжал часовой, обращаясь к казначею, – арестуйте его, это беглый каторжник; я был в конвое, когда его сослали в Сибирь несколько лет тому назад».

Полковник тотчас же признался во всем. Он рассказал, что, действительно, два месяца тому назад бежал с каторги, но это еще не все. «Когда я шел пешком в одном месте в лесу, то нагнал меня полковник и, верно, сжалившись надо мной, так как я едва передвигал ноги, позволил мне присесть. Улучив удобную минуту, я зарезал его и кучера, снял с полковника одежду, отобрал его документы, взял деньги и, сбросив трупы с экипажа, сам ускакал.

Одев его форму, я явился в Петербург и выдавал себя, как видите, за полковника. Познакомившись с генеральскою дочерью, я сделал ей предложение, получил согласие и на завтра назначен брак мой с нею. Но видно Бог услышал молитву сироты невесты и не судил мне, каторжнику, быть ее мужем».

На другой же день, когда генеральша и дочь ее узнали о том, они опять отправились на Смоленское кладбище и пламенно молились на могиле Ксении, веря, что по ее молитвам Бог избавил от несчастного брака.

Доктор Булах приехал в Петербург, чтобы получить где-либо место, но везде ему отказывали, три недели прожил он здесь и просто изнемогал от неудачи. По совету знакомых он отслужил литию на могиле Ксении и на другой же день после того получил назначение во Ржев.

И. И. Ис-ов долгое время не мог получить должности. По совету родных он помолился на могиле Ксении, и в тот же день ему предложили четыре места на выбор.

Вот все, что можно было узнать и собрать о Ксении по тем или другим источникам, из которых видно, что о Ксении знают многие петербуржцы, на могиле ее служатся панихиды, что к ней приезжают с отдаленных окраин России и ее могилу почитает народ. В ее маленькой часовне находится в изголовье прекрасная икона распятия Спасителя на кресте,

а вверху кругом стен – иконы в кивотах, пожертвованные разными лицами по тому или другому случаю. Между ними есть серебряные, золоченые, но большей частью металлические; некоторые с венчальными свечами.

Налево от входа два серебряных образа в кивоте, пожертвованы князем Масальским перед отъездом на войну с турками в 1877–1878 гг. Говорят, что он вернулся цел и невредим, но вскоре заболел и умер.

Кроме того, на двух концах часовни много маленьких икон, оставленных после погребения разных лиц.

Посередине часовни – могила, покрытая красным покровом; над ней теплится неугасимая лампада. Перед могилой большой серебряный подсвечник с углублениями для маленьких свечей, которые ставят посетители каждый день в большом количестве.

На могиле кружка для сбора пожертвований, убранный цветами, а в углу направо, в углублении, – ящик с восковыми свечами. При часовне находится сторож, который продает свечи, смотрит за чистотой и порядком в часовне и, по желанию посетителей, дает знать очередному священнику отслужить панихиду.

Нам пришлось присутствовать на одной из многих панихид, и наше внимание было обращено на старушку лет пятидесяти пяти, даже семи, и молодого человека с девочкой лет двенадцати: она пригласила священника отслужить панихиду и во время служения сильно плакала, стоя на коленях у могилы; молодой человек стоял позади тоже не без слез; девочка поникла головой и с грустью смотрела то на молодого мужчину – вероятно, брата, то на старушку, по-видимому, бабушку.

После панихиды, когда священник ушел, она набожно перекрестилась на образа и громко произнесла:

– Господи! упокой рабу Ксению и услышь мою молитву.

Смотря на нее и нам сделалось грустно. Видно какое-нибудь семейное горе заставило ее обратиться к Ксении и просить ее заступничества.

Мы осмелились обратиться к молодому человеку с вопросом; тот смутился, но все-таки ответил:

– Семейное горе, даже несчастье, о котором людям посторонним неудобно сообщить...

– Ну, Вася, – отозвалась старуха к молодому человеку, – пойдем, и Господь нам поможет...

И они ушли, оставив нас в немом предположении, что, видно, с ними случилось что-нибудь необыкновенное.

Чудеса Божии по молитвам Блаженной Ксении

Исцеление от болезни и предсказание о рождении девочки Ксении

5

Однажды был сильно болен человек очень высокого звания и происхождения. [Речь идет об исцелении цесаревича Александра Александровича, будущего императора Александра III]. Жизнь его находилась в серьезной опасности. За ним ходила, неотлучно находясь при нем, его супруга.

Как-то раз в коридоре ее остановил человек, несший обязанности истопника в их покоях, и попросил у нее позволения дать совет в помощь больному. Получив на это разрешение, он рассказал, что и сам он был когда-то сильно болен и получил исцеление, когда ему принесли песку с могилки рабы Божией Ксении. И тут же он передал часть этого песку с просьбой положить его под подушку больного, которого, за его великую доброту и доступность, любили все, кто знал его.

Супруга больного исполнила просьбу доброжелательного слуги.

Ночью, сидя у постели больного мужа, она забылась, и ей было видение.

Пред нею стоит старая женщина, странного вида и в необыкновенном платье, и говорит ей: «Твой муж выздоровеет. Тот ребенок, которого ты теперь носишь в себе, будет девочка. Назовите ее в мое имя Ксенией. И она будет хранить вашу семью от всяких бед».

Когда супруга больного пришла в себя, женщины уже не было.

Но все, что сказала явившаяся в видении с утешением и вестью добра блаженная Ксения страдавшей жене, исполнилось с буквальной точностью.

Больной выздоровел, и следующий ребенок их была девочка, которую они называли Ксенией.

Поминая явленную ей помощь от блаженной Ксении, благодарная и благочестивая жена ежегодно приезжала на могилу блаженной и совершала по ней панихиду. От исполнения этого сердечного долга ее не могли остановить ни множество, ни сложность ее дел и обязанностей.

Замечательно, что через несколько месяцев после того, как дочь их, нареченная Ксенией, была выдана замуж, на семью их обрушилось страшное горе. Отец семьи, исцеленный некогда по предсказанию блаженной, заболел и скончался в полном расцвете лет и, казалось, богатырских сил.

Чудесное исцеление трехлетней девочки по молитвенной помощи от рабы Божией блаженной Ксении

6

Три-четыре года тому назад мне случилось быть в гостях в одном аристократическом семействе С.-Петербурга, выехавшего года полтора тому назад, вследствие беспорядков в России, куда-то за границу. Радушная старушка хозяйка (теперь уже умершая; погребена в

⁵ Священник Евгений (Рахманин). «Раба Божия блаженная Ксения, почивающая на Смоленском православном кладбище в С.-Петербурге», 1913 г.

⁶ Изложено со слов М. Г. Григорьевой. Рассказано в 1906 году. Напечатано священником Евгением [Рахманиным].

Александро-Невской лавре) в числе прочих своих родных и гостей представила мне и свою 11-12-летнюю внучку, обучавшуюся в институте.

– Вот, посмотрите, – говорила мне радушная хозяйка, глядя по голове девочку, – какая она у нас милая, здоровая, красавица да умница... А музыкантша-то какая славная! А верите ли, мы ведь и не думали видеть ее такой цветущей и здоровой... И все это случилось благодаря помощи, знаете ли кого? Вот уж никогда не угадаете!.. Вы думаете, может быть, доктора помогли? Или что она родилась здоровой? – Нет, вовсе нет... Правда, Олечка родилась здоровенькой... и кормилица у нее была хорошая... Но на третьем году, Бог весть отчего, должно быть от простуды, у Олечки случилась такая серьезная болезнь, что мы не смели и думать, что она останется живой, а в том, что она будет глуха, мы были вполне уверены и рады были даже помириться с этим. Да и все доктора так говорили... Не желаете ли, я вам расскажу историю болезни моей дорогой внучки... нет, впрочем, угадайте сначала, кто помог ей и вернуть здоровье и глухой не остаться?

Блаженная Ксения Петербургская. С литографии 1912 г.

– Наверное, – говорю я ей, – вашей внучке помогли какие-нибудь домашние средства? Ведь часто случается, что доктора бьются изо всех сил, употребляют всевозможные средства медицины, но ничто не помогает... и вдруг самое простое народное средство ставит больного на ноги.

– А знаете, М. Г., ведь вы почти что угадали, хотя, разумеется, вы думаете совершенно о других средствах... моя внучка исцелилась, действительно, средством народным, но вовсе не из тех, о которых вы говорите... Она исцелилась таким средством, которое я посоветую никому и никогда не забывать, а как можно чаще им пользоваться... Вот послушайте, что я вам расскажу. Олечка, иди, душечка, займи гостей... я хочу поговорить с М. Г.

Мой сын женился всего лишь 12 лет тому назад. У него всего двое детей – две девочки: Олечка и Саша. Оле 11 лет и Саше 7 лет. В то время как заболела Олечка, Саша еще не родилась. Оля была единственным ребенком, составлявшим счастье всех нас. Как мы ее берегли, как лелеяли, я вам говорить об этом не стану... Вы сами имеете детей и знаете, как они дороги для родителей... А она у нас была одна... мы все в ней души не чаяли... И вдруг, что же? Сначала Олечка стала жаловаться, что у нее болит головка. Померили мы у нее температуру... 37° с небольшим. Сейчас же напоили ее чаем с малиновым вареньем, дали несколько капель акониту, уложили в постель и думали, что к утру все кончится благополучно. Но ночью Олечка спала плохо, головная боль продолжалась и на следующий день. Позвали доктора. Доктор постучал больную, пощупал пульс, посмотрел язык, померил температуру и нашел, что опасного ничего нет, что у больной в легкой форме инфлюэнца. Прописал лекарство и уехал. Пользуем мы его лекарством больную день, два. Больной нисколько не легче... Температура поднялась до 39°, и Олечка стала жаловаться, что у нее правое ушко колет. Снова позвали мы доктора. Он нашел осложнение инфлюэнцы и стал опасаться нарыва в правом ухе... Снова прописал лекарства и обещал побывать завтра. Ночь больная спать уже не могла: температура поднялась до 40°, боль в ухе стала невыносимой. Мы снова ночью же позвали доктора, но он сказал, что до утра ничего нельзя сделать, что дело приняло серьезный оборот и что лучше бы было позвать специалиста по ушным болезням... Можете себе представить, в каком волнении были все мы, а особенно мать и отец! Сейчас же разослали карточки к ушным докторам с просьбой непременно пожаловать к больной в 8 часов утра. Спасибо, доктора не отказали в нашей просьбе. Утром явилось их четверо. Наш доктор рассказал им историю Олечкиной болезни, и все они начали со всех сторон и по всем правилам медицинского искусства осматривать и выслушивать больную, которая все время или жалобно стонала или так громко и больно кричала, что разрывала всем нам сердце. Когда же доктора стали рассматривать больное ухо, я даже не помню, что со мной сделалось... Крики и стоны бедной девочки до того были ужасны, страдания ее были до того тяжелы, что я до сих пор не могу себе представить, как мы все с ума не сошли от ее невыразимых мучений. Но всему бывает конец. Кончилось и осматривание докторов. Началось длинное совещание. С ужасом ждали мы приговора. И действительно, что может быть ужаснее того, что мы услышали? Доктора нашли, что у Олечки нарыв сзади барабанной перепонки, что нужно дать этому нарыву время окончательно созреть, а это продолжается дня три-четыре, затем просверлить барабанную перепонку и выпустить гной нарыва. Если эта операция сойдет благополучно, девочка останется жива, лишь будет глуха на правое ухо... Если же не сделать сверления уха, то от нарыва непременно произойдет заражение крови, и девочка должна будет умереть. Не правда ли, ужасный ведь приговор? Я и теперь не могу спокойно об этом вспомнить. Можете же себе представить, что мы передумали и перечувствовали в то время, а особенно отец и мать Олечки? И целых три дня продолжалась эта пытка. Никто из нас не раздевался, никто не думал прилечь... Все мы молча, на цыпочках, ходили или сидели около комнаты мечущейся страдальцы и сами не меньше ее, кажется, страдали от ее мучений; все мы затыкали уши от ее стонов и никак не могли отойти от ее двери. Сколько горячих молитв было вознесено на небо, сколько горьких слез было пролито нами в это время, – одному Богу известно. Но, должно быть, чья-нибудь молитва была услышана Господом...

Навещавшие по несколько раз в день больную доктора, успокаивая всех нас, два дня говорили, что болезнь идет вполне нормально, а на третий день утром сообщили, что завтра можно будет сделать операцию. Между тем страдания больной, а вместе с ней и наши, в этот день достигли, кажется, еще небывалой степени. Что у нас тогда было, я теперь и вообразить себе не могу. Больная страшно и жалобно стонет, отец рвет на себе волосы, мать чуть с ума не сходит, извелась совершенно, я также сделалась ни на что не годной... а между тем все мы сидим рядом с комнатой больной, изредка туда заглядывая, и отойти не можем.

Завтра, думаем, операция... Олечка или умрет, или останется на всю жизнь глухой. Господи, неужели нет средств избавить всех нас от столь невыносимых страданий!.. Да где же милосердие и любовь Господа?.. Мы готовы уже были впасть в совершенное отчаяние. Но тут-то милосердный Господь и явил всем великую Свою милость. Сидим мы все трое – я, сын, невестка в комнате рядом с больной, боимся слово сказать, все прислушиваемся к стонам умирающей и, изверившись в помощь земную, все еще не теряем надежды на помощь Небесную, со слезами просим и молим об этом Подателя всяческих... Вдруг входит няня Агафия Никитична и говорит:

– Батюшка барин, позвольте мне съездить на Смоленское кладбище к блаженной Ксении, я слышала, что ее молитва многим помогает в горе.

– Голубушка няня, – отвечал сын, – делай, что хочешь, только помоги нам... Видишь, мы ничего не понимаем... Поезжай, куда хочешь, только помоги ты нам, Христа ради!

Вышла няня, а мы все сидим... Сколько времени просидели мы так, я уже и не знаю... Только замечаем, что стоны больной становятся как будто тише и тише, а наконец и совсем прекратились.

«Скончалась, бедняжка», – мелькнуло в нашем сознании... и все мы трое, как один человек, ворвались в комнату Олечки... Смотрим: у кровати больной стоят няня и сиделка, больная лежит на правом бочку и тихо, спокойно спит.

– Слава Богу, – тихонько шепчет нам няня, – я съездила на Смоленское кладбище к блаженной Ксении, помолилась там, привезла с ее могилки песочку да маслица из лампадки... Теперь Олечке станет легче.

Как очумелые стояли мы у кровати Олечки, слушали слова няни, ничего не понимали, но чувствовали, что с больной, действительно, произошла разительная перемена и что опасность миновала...

С истерическим воплем бросился отец Олечки на грудь своей жены, и не знаю уж, долго ли сдерживаемое горе или неожиданная радость вырвалась в его рыданиях, только едва-едва нам удалось его успокоить, оттащить от кровати больной и уложить в постель.

Как и мы с невесткой вышли из комнаты больной, как и где, не спавши трое суток, мы уснули, я тоже не помню. Только утром, лежа у себя на диване, вдруг слышу, громко зовет меня няня: «Барыня, а барыня, встаньте пожалуйста... доктора приехали, а барина с молодой барыней никак не добудишься».

– Ну, что, – вскочила я, – как Олечка?

– Слава Богу, – говорит няня, – почивают и всю ночь на правом бочку почивали.

Я тотчас же, нечесаная и немытая, пошла, разбудила сына и невестку, сказала им, что приехали доктора и что Олечка спокойно спит.

Как бы испуганные тем, что осмелились на целую ночь оставить при смерти больного ребенка, вскочили они с постели, кое-как оделись и побежали к Олечке.

А я вышла в гостиную к докторам, извинилась пред ними и рассказала, что Олечка, слава Богу, со вчерашнего дня спокойно спит.

– Ну, ничего, подождем; пусть, бедняжка, подкрепится перед операцией-то: ведь это дело не легкое, тем более для маленького измучившегося ребенка, – говорили мне доктора.

Вышли отец и мать и также подтвердили, что девочка спит.

Такое положение ребенка, по-видимому, хоть немного должно бы было нас утешить, порадовать. Но присутствие докторов и мысль об операции снова напомнили нам об опасности положения, и снова нелегко стало у нас на сердце.

Но что же мы могли поделать? Нужно же было избавить больную от страданий, нужно было решиться на операцию... Сидим мы час, другой. Доктора, вначале спокойно разговаривавшие между собой, начали мало-помалу выражать нетерпение и, наконец, попросили разбудить девочку. Сначала пошла туда мать. Вместе с сиделкой и няней начинает она будить

ребенка. – «Олечка, Олечка, проснись, милая!», – но она, бедная, спит, да и все тут. Идет туда отец, я, доктора. Все мы по очереди будим ее, зажимаем носик, она немножко повернется, а все-таки спит и никак не может проснуться.

Наконец, мать берет Олечку на руки и вынимает из постели...

Смотрим: вся подушечка, правое ухо, щечка, шея, рубашечка, простыня – все покрыто гноем: нарыв прорвался; а здоровая девочка и на руках матери продолжает спокойно спать.

Подивились доктора такому счастливому исходу болезни, научили нас, как нужно промывать ушко и уехали. А мы все, положив спящую девочку на новую постельку, приступили к няне с просьбой рассказать, что она сделала и каким образом девочка стала здоровой.

– Ничего я, барыня, не сделала, я только съездила на Смоленское кладбище к матушке Ксении, отслужила там панихиду, взяла маслица из лампадки да скорее, скорее домой. Приехала, вошла к Олечке, а пузырек-то с маслом спрятала в карман, да и жду, скоро ли выйдет из комнаты сиделка, потому боюсь, что она рассердится, если увидит, что я хочу пустить маслица в больное ушко.

– Няня, посиди тут, я на минутку выйду, – вдруг говорит сиделка...

Уж как-то я обрадовалась, когда она сказала это.

– Хорошо, хорошо, – говорю, – уж вы будьте спокойны...

И лишь только затворилась дверь за сиделкой, я тотчас же подошла к Олечке, немножко сдвинула с ушка повязку (девочка всегда лежала на левом боку), и прямо из пузырька полила ей маслица в ушко. Не знаю уж, и попало ли туда хоть что-нибудь, больно уж велика была опухоль-то... Ну, да думаю, как Богу угодно да матушке Ксении... Снова надвинула барышне повязку на ушко; смотрю, она постонала немножко, повернулась на правый бочок да и глазки закрыла, засыпать, значит, стала.

Часовня святой блаженной Ксении Петербургской на Смоленском кладбище

Вошла сиделка да и говорит:

– Что это, никак она кончается?

– Нет, – говорю, – она заснула.

Подошли мы с сиделкой к кровати, а барышня сладко, сладко так спит и ротик открыла... а тут и вы все пришли в комнату. Больше я ничего не делала.

– Да кто тебя научил съездить ко Ксении? Откуда ты узнала про нее? – спросили мы.

– Я, батюшка барин и вы барыни, давно про нее знаю, много раз бывала на ее могилке, видела, что там берут землицы и маслица для исцеления, значит, от разных болезней, да

мне-то не приходилось этого делать; я, благодарить Бога, всегда была здорова. Вот и теперь, сидя у постели барышни, я чего-чего не передумала, вспомнила и про матушку Ксению... Много раз уже хотела я сказать вам, чтобы вы отпустили меня на ее могилку, да все боялась, думала, что вы смеяться или бранить меня будете. А потом, когда уже барышня чуть не кончалась, я не утерпела: думаю, пусть смеются, пусть бранят меня, а я все-таки пойду, попрошусь на могилку ко Ксении, может быть, и пустят, а не пустят, думаю, так я потихоньку как-нибудь съезжу. А вы, слава Богу, сразу же меня и отпустили. Взяла это я извозчика, тороплю его, еду, а сама все думаю: «Господи, неужели Ты не поможешь такой крошке-страдалице? Ну, за что она страдает?» – а слезы-то, слезы-то так и текут у меня из глаз... Приехала это я к воротам кладбища, велела извозчику обождать меня, деньги ему вперед отдала, а сама бегом в часовню ко Ксении. Отворила дверь, смотрю, народ стоит и молится, свечи, лампадки горят кругом могилы, а в стороне стоит в облачении священник. Я прямо к нему и говорю: «Батюшка, отслужи ты мне, Христа ради, панихидку по рабе Божией блаженной Ксении, да помолись за болящего младенца Ольгу, больно уж она, бедная, страдает».

«Хорошо, хорошо, – говорит священник, – панихидку я отслужу, помяну в молитвах и болящего младенца Ольгу, а ты сама-то хорошенько молись да усерднее проси помощи у рабы Божией Ксении. По мере твоей веры и молитвы ты и помощь получишь такую же».

Купила я скорее две свечечки, одну поставила на подсвечник, другую взяла в руки и бросилась со слезами к самой могилке Ксении. Батюшка начал панихиду, а я все время плачу да твержу: «Господи, спаси, Ксения, помоги», больше ничего и сказать не придумала: ведь я глупая, неученая, не умею молиться-то. Кончилась панихида, заплатила я за труды священнику, взяла, с его благословения, землицы с могилки Ксении, да маслица из лампадки и сейчас же домой.

Масло то, я вам уже говорила, я вылила в больное ушко, а землицу завернула в тряпочку да положила барышне под подушечку, она и теперь там лежит.

– Да от кого ты узнала про Ксению-то? Кто тебе про нее рассказывал? – спросила я.

– От кого я узнала про Ксению, матушка барыня, – сказала няня, – я и сама не знаю, все ее знают: заболит ли кто, или кого какое горе постигнет, все идут к ней на могилку, помолются там, отслужат панихидку, глядишь, и станет легче. Вот и наш брат – кухарки, горничные, няньки и другие, если случится, что кто-нибудь долго не имеет места, идет ко Ксении, помолится там, глядишь, и место получит.

Подивились мы простой, бесхитростной вере нашей няни, но факт был налицо: Олечка выздоровела; вера, действительно, по слову Господа, может и горы переставлять.

На другой же день после исцеления Олечки и сын и невестка ездили на могилку Ксении и отслужили там панихиду. И с тех пор все мы нередко ездим туда служить панихиды по рабе Божией Ксении и благодарим ее за ее чудесную помощь в нашем страшном горе.

– Так вот, – закончила свой рассказ словоохотливая, радушная хозяйка, – то народное средство, которое никогда не нужно забывать и которое я всегда и всем рекомендую. Это именно то единственное средство, которое возрастило, укрепило и сделало русский православный народ, на удивление всему миру, могучим исполином, богатырем. Не будь этого средства, не будь этой глубокой, сердечной и вместе простой веры у русского народа в Господа Бога и Его святых угодников, Бог весть, что из него вышло бы!

Но вы знаете, М. Г., что времена переменчивы, или как там говорят по-латински, *tempora mutantur*, что ли, ну да все равно, дело в том, что я много раз рассказывала о болезни Олечки и ее чудесном исцелении своим знакомым, но удивительное дело, многие из них никак не хотят видеть тут что-нибудь чудесное. Времена что ли настали другие, или уж наука пошла у нас не по настоящему пути, что никто нигде и ни в чем не хочет признавать чудесного, не знаю, но только все и всё у нас хотят объяснить путем естественным. Так и в болезни Олечки: многие говорят, что это случай, что главную роль тут играло масло, которое раз-

мягчило нарыв, нарыв и прорвался. Ну, да и пусть говорят, что им угодно, их ведь не переубедишь. Дай только Бог побольше таких случаев. Вот как к ним самим придет беда, тогда мы посмотрим, далеко ли они уйдут со своими естественными средствами? Я же никогда не перестану думать и верить, что Олечка и не глуха и здорова, благодаря только помощи рабы Божией блаженной Ксении, которую поэтому и буду всегда глубоко почитать как угодницу Божию и молитвенницу за всех тех, кто ее любит и кто прибегает к ней за помощью.

Исцеление болезни ног подполковника Владимира Ивановича Никольского

В течение многих лет, еще со времени сидения на высотах Шипки при защите от турок горы Святого Николая, а затем и при многих других обстоятельствах подполковник В. И. Никольский простужался, но, не любя лечиться, да и не имея для этого достаточно времени, он запустил болезнь до того, что доктора послали его на Сакские грязи в Крым. Ездил он в Саки три раза, но каждый раз по возвращении снова простужался, и болезнь возвращалась обратно. После третьей поездки болезнь, наконец, так усилилась, что он уже с трудом передвигал ноги.

Врачи и профессора, к которым он обращался, осмотрев его, пожимали плечами и все говорили почти одно и то же: «Что же, помазать можно, но я не Бог!».

Видя всю безнадежность своего положения, Владимир Иванович совершенно упал духом. Этому способствовало еще и сознание, что он слишком мало обеспечил свою семью, что ей придется после его смерти быть чуть не нищей, так как заслуженная им пенсия не могла удовлетворить и самых насущных потребностей жизни. Но вспомнив, что многие получают помощь и исцеление по молитвам на могиле рабы Божией Ксении, Владимир Иванович решил непременно побывать на этой могиле. Дойти до Смоленского пешком он уже решительно не мог, но и ехать на извозчике также не хотел; ему желалось взять на себя хоть какой-нибудь труд, чтобы молитва его была более угодна. И вот что он придумал: дойти пешком (он жил на Ямской улице) до Смоленской конки, на конке доехать до конца 17-й линии Васильевского острова и от 17-й линии опять пешком дойти до часовни Ксении.

С раннего утра отправился он в путь. На черепашью ходьбу до конки он затратил чуть не полдня, минут 40–50 ехал на конке и от конки до часовни Ксении шел чуть не два часа. В часовню рабы Божией Ксении он добрался уже вечером, когда священник заканчивал последнюю панихиду и собирался идти домой. Владимир Иванович попросил священника отслужить еще одну панихиду по блаженной, кое-как стал на колени и с умилением помолился.

Когда кончилась панихида, он поспешил приложиться к могилке блаженной, так как часовню стали уже запирают, и пошел из часовни вместе со священником, дорогой расспрашивая его о рабе Божией Ксении.

Распростившись со священником почти у самой остановки конки на углу 17-й линии и Камской улицы, Владимир Иванович тут только опомнился и весьма был поражен тем, что он совершенно свободно прошел расстояние от часовни до конки, на что минут 30–40 тому назад потратил целых два часа! Еще раз решил он испытать свои ноги, а потому пошел пешком до следующего разъезда конки на Малом проспекте, хотя вагон готов уже был тронуться, так как подходил уже сменный вагон. И расстояние от конца 17-й линии до разъезда на Малом проспекте он прошел так быстро, что вагон конки не мог его догнать, и он несколько времени ждал его.

Какая охватила в то время радость Владимира Ивановича, он описать не в состоянии. И с тех пор он владеет ногами, как и все здоровые. Кроме ревматизма, у Владимира Ивановича было расширение вен и застой венозной крови.

Исцеление от зубной болезни

Крестьянка Татиана Прокопиева Иванова два года страдала страшной зубной болью. (В это время Иванова проживала в Петербурге по Галерной улице, дом № 33.) Обращалась она за помощью в различные лечебницы Петербурга, но облегчения не получила. Между тем болезнь усиливалась все более и более. Последние три месяца больная не могла уже ни есть, ни спать.

Наконец, в январе месяце (17-го), измученной и обессиленной больной пришла в голову мысль съездить на Смоленское кладбище и попросить себе помощи от рабы Божией Ксении. И тотчас же, несмотря на страшную зубную боль, больная села на извозчика и поехала на Смоленское. Прийдя в часовню, она попросила отслужить панихиду по блаженной Ксении, помолилась, поплакала, взяла маслица из лампадки, тут же в часовне помазала маслицем себе щеку над больными зубами, и зубная боль тотчас же прекратилась. Много времени прошло уже с тех пор, но зубная боль у Ивановой ни разу не возобновлялась. В памятный день 17 января Иванова считает своей обязанностью приезжать на Смоленское и служить по рабе Божией Ксении панихиду.

Разыскание скрывшегося мужа по молитвенной помощи от рабы Божией Ксении

В конце минувшего столетия [XIX] в городе Вильно проживало семейство Михайловых, состоявшее из мужа, коллежского советника, военного чиновника в отставке, жены Марии Васильевны и единственной их дочери Евгении, обучавшейся в гимназии. Муж получал 970 рублей в год пенсии. И на эти скромные средства, при взаимной любви друг к другу, семья жила вполне счастливо.

Но судьба [промысл Божий] сулила всем членам этой семьи иную долю.

Однажды дочка простудилась, получила воспаление легких и умерла. Страшно убивались от этого горя родители: жена целые дни проводила на могилке дочери, а муж стал пить водку. В пьяном виде он обладал несносным, придиричивым характером. В семье, вместо прежней тихой жизни, настал настоящий ад: каждый день шум, крик, ругань, драка. Житья не стало бедной Марии Васильевне. Наконец, муж как будто бы одумался: перестал пьянствовать, ходил целый день мрачный, о чем-то задумывался и с утра до поздней ночи пропадал из дома, почти не разговаривая с женой.

Прошло месяцев 7–8 со смерти дочери. Вдруг муж объявил Марии Васильевне, что дольше оставаться в Вильно он не намерен, что он получил частное место в Ташкенте и что, если она хочет ехать вместе с ним, то может тотчас же распродать свое имущество и укладываться: через неделю он едет. Если же не желает ехать с ним, то может оставаться в Вильно: он будет высылать ей 50–60 рублей в месяц на содержание.

Долго раздумывала Мария Васильевна над предложением мужа. Но, с одной стороны, горячая привязанность к умершей дочке и привычка к жизни в Вильно, а с другой – боязнь жизни с пьяным мужем, от которого она так много горя видела в последнее время, и притом в чужой дальней стороне, – склонили ее остаться в Вильно.

Муж совершенно хладнокровно расстался с женой и уехал в Ташкент. Первые месяцы он аккуратно высылал жене содержание, хотя писем и не писал. Затем содержание стало высылаться все реже и реже и, наконец, прекратилось совершенно.

Блаженная Ксения Петербургская

Марии Васильевне пришлось распродать свою обстановку, вещи... сначала она поселилась в комнатке... и, наконец, средства ее истощились окончательно: нечем было платить и за комнату, нечего было есть. Оставалось питаться Христовым именем. К ее счастью, на помощь ей пришло Виленское общество защиты женщин, случайно узнавшее о ее печальном положении, определило ее в богадельню и принялось за розыски мужа... но толку из этого не вышло никакого. Тогда Марии Васильевне посоветовали самой съездить в Петербург и здесь навести справки о ее муже. Приехала Мария Васильевна в Петербург и, прежде всего,

не имея средств, стала искать себе уголок, где бы можно было приютиться. Долго ходила она по различного рода богадельням, приютам и, наконец, попала в общежитие работниц. Радехонька была Мария Васильевна и этому приюту. Но радость ее была преждевременна. Сожительницы ее были молодые, веселые девушки, а ей было уже 58 лет. Начались издевательства, насмешки, всякого рода попреки и упреки. Между тем и хлопоты Марии Васильевны по разысканию мужа были вполне безрезультатны: в военных канцеляриях ей сообщали только, что из Ташкента он перешел туда-то и туда же перевел и пенсию, а где он живет, адрес его, дабы можно было привлечь его к суду, сообщить не могли. (Впоследствии оказалось, что Михайлов со времени отъезда из Вильно семь раз менял службу и место жительства). В полное уже отчаяние приходила бедная Мария Васильевна. Целыми днями сидела она в садике при Греческой на Песках церкви и оплакивала свое, по-видимому, безысходное горе.

Однажды, когда Мария Васильевна, по обычаю, сидела в садике, к ней под села какая-то старушка, разговорилась с ней, расспросила про ее горе и, прощаясь, сказала:

– Охота вам, матушка, таскаться по разным канцеляриям, ступайте-ка лучше на Смоленское кладбище к блаженной Ксении, помолитесь там хорошенько, и Ксения разыщет вам мужа.

– А кто же эта блаженная Ксения? – спросила Мария Васильевна.

– А вот когда она разыщет вам мужа, тогда вы и узнаете, кто она, – отвечала старушка. – Прощайте, мне больше некогда с вами разговаривать, других дел много. А ко Ксении сходите непременно. Каяться не будете!

С этими словами старушка простилась с Марией Васильевной и ушла. Мария Васильевна подумала, подумала да и поплелась пешочком на Смоленское. Нашла там и часовню рабы Божией Ксении. Простояла в часовне несколько панихид, помолилась, поплакала, хотела было и от себя отслужить панихиду, да денег не было. И опять поплелась пешком в общежитие работниц.

На другой день сходить в канцелярию она уже не могла, очень болели ноги от вчерашней усталости. А на третий день пошла в канцелярию и, представьте ее удивление, когда там тотчас же ей сообщили, что муж ее в настоящее время проживает в Кишиневе на такой-то улице и в таком-то доме. Тотчас же подала Мария Васильевна в С.-Петербургский окружной суд прошение о выдаче ей законной части из пенсии мужа. Началось дело, и определением суда ей присуждено было выдавать из пенсии мужа 30 рублей в месяц.

Со времени присуждения пенсии Мария Васильевна проживала в богадельне Марии Андреевны Сабуровой – угол Манежного и Церковного переулков в Петербурге, нередко навещала часовню рабы Божией Ксении. А затем отправилась в Вильно, чтобы жить, скончаться и быть погребенной рядом со своей дорогой дочкой.

Многократная молитвенная помощь от рабы Божией Ксении одним и тем же лицам

Г-жа Юлия [Иулия] У. много слышала рассказов о проявлении молитвенной помощи от рабы Божией Ксении, но не обращала на них особенного внимания. Лет же пять тому назад ей попала в руки книжка о рабе Божией Ксении. Она внимательно прочитала ее, и рассказы о молитвенной помощи от рабы Божией Ксении произвели на нее столь сильное впечатление, что она решила во всех обстоятельствах своей жизни обращаться и молиться о помощи к рабе Божией Ксении. И вера ее не осталась тщетной. Вот те случаи, в которых Юлия У. видит несомненную помощь рабы Божией Ксении.

а) Муж Юлии Димитрий несколько лет подряд пьянствовал. Вследствие этого в семье У. нередко происходили ссоры, шум, крики и вообще неприятности. Долго уговаривала жена

своего мужа бросить пьянство и усердно молилась рабе Божией Ксении. Наконец, муж опасно заболел и часто впадал в беспамятство. Но не падала духом верующая жена. Она еще усерднее стала молиться рабе Божией Ксении и, когда муж приходил в сознание, просила и его молиться рабе Божией Ксении. И просьба верующей женщины была услышана. Придя однажды в сознание, муж сказал ей: «Молись хорошенько, я даю тебе слово, что, когда выздоровею, никогда уже капли водки не возьму себе в рот». Так и случилось. Муж выздоровел; и с тех пор (прошло около пяти лет) ничего не только не пьет, но и других уговаривает от пьянства.

б) Тому же мужу Юлии У. – Димитрию У. – явилась нужда подыскать себе службу. Долго он хлопотал об этом, но все старания его были напрасны. Наконец, он решился ехать в соседний город и там поискать себе счастья. Перед отъездом жена уговорила его сходить в церковь и отслужить панихиду по рабе Божией блаженной Ксении. Уехал муж. И не прошло четырех дней, как жена получила от него телеграмму с известием, что он поступил на искомое место.

в) Спустя месяцев десять по поступлении на службу Димитрий У. заболел лихорадкой, которая мучила его целый год. Никакое лекарство не помогало. Озабоченная болезнью мужа жена его решила съездить в Петербург к блаженной Ксении. Здесь она отслужила по ней панихиду, взяла с могилки песочку, купила иконку и поясочек. Приехав домой, она песочек зашила в подушку мужа, иконку повесила на его кровать, а поясочком его подпоясала. И что же? В первую же ночь муж уснул спокойно, лихорадка его не беспокоила, а утром он встал совершенно здоровым. С тех пор прошло уже немало времени, но приступы лихорадки ни разу не возобновлялись.

Храмы, посвященные Ксении Петербургской

Часовня на Смоленском кладбище

Адрес: Санкт-Петербург, Камская ул., 24

Телефон: (812) 321-1483

Станция метро: Василеостровская, Приморская

Как добраться: доехать до станции метро «Василеостровская», выйти на 8-ю линию (первая улица налево от выхода из метро) и идти вдоль линии в сторону увеличения нумерации домов до пересечения с Камской улицей. Повернуть на Камскую улицу и идти в сторону увеличения нумерации домов до входа на Смоленское кладбище. Рядом с входом на кладбище находится Смоленская церковь, а неподалеку от нее – часовня святой Ксении блаженной Петербургской.

Над могилой блаженной Ксении в 1830 году на добровольные пожертвования была выстроена деревянная часовня с дубовым иконостасом, в 1894 году расширенная стеклянной галереей. Осенью 1901 года по проекту А. А. Всеславина началась постройка в русском стиле нового здания, завершившаяся освящением 12 октября 1902 года.

В изголовье мраморной гробницы Ксении стоял иконостас из мрамора и висел мозаичный образ распятого Спасителя, перед которым горела неугасимая лампада. На стенах находилось множество икон в киотах, среди них две серебряные, которые подарил по обету вернувшийся с Русско-турецкой войны 1877–1878 кн. Масальский.

Церковь на Смоленском кладбище рядом с часовней блаженной Ксении Петербургской

В конце XIX века почитание Ксении распространилось по всей России. 24 января тысячи богомольцев приходили в часовню почтить память блаженной, в 1978 причисленной к лику святых Русской Православной Церковью за рубежом, а десять лет спустя – Московской Патриархией.

В 1940 году часовню закрыли. Семь лет храм бездействовал, но люди все равно приходили сюда, зная, что святая поможет. В 1960 году власти Петербурга решили полностью стереть даже воспоминания о блаженной. Могилу Ксении замуровали, а в часовне открылась сапожная мастерская. Однако дело у обувщиков не заладилось. В народе говорили, что

святая не дала им вбить ни одного гвоздика. Власти города прикрыли эту артель и организовали новую. Теперь в стенах храма работали скульпторы. Ваятели «девушек с веслом» и «женщин с винтовкой». Но все скульптуры, рожденные в стенах мастерской днем, к утру оказывались разбитыми. А в щелях высокого забора постоянно белели записки, оставленные молящимися для блаженной Ксении.

В 1983 году часовня возвращена верующим и после годичной реставрации освящена 10 августа 1987 году митрополитом Алексием. В 2001–2003 годах при новой реставрации восстановлена в первоначальном виде золоченая главка.

На стене часовни мраморная плита, надпись на которой гласит:

*Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
В сей часовне погребена раба Божия Блаженная Ксения Григорьева,
жена певчего Андрея Федоровича.
Оставшись после мужа 26 лет, странствовала 45 лет.
Звалась во вдовстве именем мужа: Андрей Федорович.
Всего жития ее было на земле 71 год.
В 1794–1796 годах принимала участие в построении Смоленской
церкви, тайно по ночам таская на своих плечах кирпичи для строящейся
церкви.
«Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения свой души».
Аминь.*

Так как в советское время часовня была закрыта, находилась в запустении, невозможно было припасть к могиле матушки Ксении, поплакать и помолиться, с тех пор сохранился обычай оставлять в стенах часовни записочки с просьбами.

Как говорит настоятель храма Смоленской иконы Божией Матери на Смоленском кладбище о. Виктор Московский: «Казалось бы, сейчас нет такой необходимости: Ксения Петербургская причислена к лику святых, совершаются молебны, часовня всегда открыта – молитесь, припадите к гробнице, выразите святой свои просьбы и воздыхания, выплачьте горечь, накопившуюся в вашем сердце, расскажите ей все, как живой, – святая слышит вас. Ан нет... обычай с записочками сохраняется. Кто-то даже умудряется по водосточной трубе влезть под крышу и спрятать прошение там. Но я не могу назвать это язычеством. Скорее, это такое благочестивое отношение к святой угоднице Божией. И не нужно с этим бороться, люди не поймут. Мы лишь кротко и благожелательно пытаемся вразумлять паству. Записочки их мы собираем и сжигаем. К чему оставлять – часовню они не украшают, а содержание их и Господь, и Ксения блаженная знают – они прочитали его в сердцах у просящих...»

Если вы не можете приехать на могилу Ксении Петербургской – как послать письмо настоятелю храма с просьбой

Если вы находитесь в другом городе, болеете или не можете отлучиться из дома ввиду неотложных дел, ухода за немощными близкими, настоятелю храма Смоленской иконы Божией Матери на Смоленском кладбище о. Виктору Московскому можно послать письмо с просьбой отслужить молебен матушке Ксении, прислать святого маслица с ее гробницы.

На каждое письмо отвечают, а внутрь вкладываются лепестки роз, смоченные в елее, освященном на гробнице Ксеньюшки. Этот лепесток можно опустить в сосуд с растительным маслом и уже этим маслицем мазать больные места и принимать внутрь с молитвой и верой. А там – по вере вашей да будет вам.

Проходит время, и исцелившиеся отправляют письма уже с благодарениями за чудесную помощь.

*Адрес церкви Смоленской иконы Божией Матери: 199048, СПб, ул. Камская, 24.
Тел.: (812) 321-14-83.*

Часовня блаженной Ксении при советской власти в запустении и разрухе

Уважаемый батюшка!

У меня к Вам большая просьба. Не могли бы Вы отслужить молебен блаженной Ксении? Дело в том, что несколько дней назад моя мама была сильно больна. Я очень боялась за нее и не могла заставить себя идти спать, хотя уже была ночь. Незадолго до этого мне подарили «Житие и акафист Ксении Петербургской». В нем приводилось много примеров исце-

ления людей по молитвам блаженной Ксении. И я подумала, что если она услышала молитвы столько людей, то почему бы ей и мне не помочь? Зажгла лампадку возле маминой кровати и стала молиться. Я долго молилась, а когда мама со стонами просыпалась, я спрашивала, не лучше ли ей. Но она отвечала, что не лучше. Во всякое другое время я бы отчаялась, что молитва моя не помогла. А тут в моей душе сложилось убеждение, что блаженная Ксения обязательно мне поможет. И для этого я буду молиться до тех пор, пока маме не станет лучше. Я опять молилась, и вот мама проснулась и сказала, что ей лучше и что голова уже почти не болит. Она выглядела вполне здоровой и была бодрая и веселая. Я чуть не плакала от радости, ведь мои молитвы были услышаны. И я обещала Ксении, что закажу ей молебен. Я не могу не выполнить своего обещания, ведь в жизни еще столько будет моментов, когда мне понадобится ее помощь. Прошу Вас, помогите мне в этом. Я не знаю, сколько это стоит, но Вы напишите мне, и я пришлю денег, сколько нужно. Прошу Вас, не откажите мне.

Фокина Елена Александровна, 12.10.93 г.

Здравствуйте, многоуважаемые о. настоятель и другие священники и служители Смоленской церкви! И все, которые служили о моем здоровье в часовне Ксении блаженной. Письмо я ваше получила в пятницу примерно 15 августа 1995 г. Сын пришел с работы и достал из почтового ящика ваше дорогое для меня письмо, которое я очень ждала. Я как посмотрела – из Санкт-Петербурга, – обрадовалась безмерно. Мне хотелось в это время расцеловать вашу руку за то, что вы для меня постарались совершить такое божественное серьезное дело. Доброго Вам здоровья и низкий поклон. Теперь опишу. Стала я растирать болящие места, а у меня паралич левой стороны, руку и ногу лепестками розы. У меня начал проходить паралич, с ужасными болями, оно и так проходило, но очень медленно. В конверте я получила письмо и лепесток розы, и они облиты были маслом из неугасимой лампы Ксении блаженной. Сейчас я становлюсь на ноги и, держась за спинку кресла, делаю несколько шагов. Доброго Вам здоровья, говорю Вам несколько раз в день и всем вашим служителям, о. Виктор! Я была прикована к постели семь месяцев. Правда, надо полить маслом лепестки, но у меня нет его. А ведь лепестки розы очень быстро ломаются, когда я ими начинаю поглаживать болящие места, и они у меня почти все поломались, я и мелкие частицы лепестков храню и пользуюсь ими пока. Заказывала некоторым, чтобы из церкви принесли мне масла священного, чтобы кусочки от розы полить, чтобы помазывать ими болящие места. Я обещала, как только стану на ноги, отслужить молебен Спасителю нашему и еще молебен Ксении блаженной, которые мне помогли наступить на ногу, хотя и неуверенно пока. Прошу Вас, о. настоятель, отслужите за меня молебен Спасителю и Ксении блаженной. За мной ухаживают по очереди три сына: Юрий, Владимир, Леонид. Они тоже не очень здоровы, прошу Вас и меня, Анну, помянуть о здравии в часовне Ксении блаженной. Очень прошу Вас, сделайте это. Поминаю Вас о здравии несколько раз в день. Помнить буду всю жизнь Вас и других служителей вашей церкви.

Комарова Анна Стефановна, 71 год

Добрый день вам, дорогие мои братья и сестры!

Пишет вам иеромонах Арсений из Борисоглебского монастыря г. Дмитрова Московской области. Не писать не могу, ибо переполняет душу радость о молитвенном заступничестве блаженной матушки Ксении. Еще будучи мирянином, когда по телевидению прошла небольшая передача о матушке Ксении, я немедленно собрался в дорогу. То, о чем я просил у гробницы блаженной, было исполнено тотчас же, но теперь не об этом. В июле – августе 1994 года я служил в Ногинске Московской области в храме Пресвятой Богородицы в честь иконы, именуемой «Тихвинская». Однажды на исповедь пришла женщина, лет пятидесяти, крещеная, православная, но первый раз в жизни. У нее случилась в семье беда, какая – это тайна исповеди. Когда я накинул на ее главу епитрахиль, подумал, что же ей ответить, как вдруг дуновением ветра осенило меня – обратиться к блаженной Ксении. После литургии я

дал этой женщине краткое житие блаженной с акафистом и благословил читать ее семь дней акафист. Через неделю с радостным настроением, с чувством великой благодарности подошла сия исповедница и поведала: «Когда я в первый вечер того дня причастия Христовых Таинств прочитала акафист блаженной Ксении Петербургской и, помолившись, легла в кровать, еще и одеяло не натянула на себя полностью, как вдруг надо мной возникло видение: в деревянном полукруглом кресле сидит женщина в ярко-белом одеянии (платок, завязанный под подбородком, прямое платье). Она сказала: «Не бойся, дай мне руку». Я подала ей руку. Она слабо пожала ее и вновь проговорила: «Я помогу тебе, делай, что тебе сказали». С этими словами все исчезло. На душе стало так легко и светло – трудно высказать. Вы простите, батюшка, что я не прибежала на следующий день, ведь я говорила вам, что у меня безостановочное производство».

Нет слов и к моей радости о заступничестве Ксении блаженной за людей пред Господом нашим Иисусом Христом. От себя только остается добавить: Ксения, мати наша, моли Бога о нас.

Храм в селе Арское

Храм блаженной Ксении Петербургской построен в селе Арское Ульяновской области по проекту отца Алексея всего за один год. В апреле 2002 года настоятель отец Алексей Кормишин (в миру архитектор) приступил к разработке проекта нового храма рядом со старым храмом Богоявления.

В июле того же года силами прихода начато его строительство, которое велось во Славу Божию, без целевого стабильного финансирования.

Храм освящен иерейским чином 17 апреля 2003 года по благославлению владыки Симбирского и Мелекесского Прокла.

Мозаика над входом в часовню блаженной Ксении

Другие церкви, посвященные Ксении Петербургской

- Храм в Рудничном районе города Кемерово.
- Часовня Ксении Петербургской в селе Сизьма Вологодской области.
- Приход во имя святой блаженной Ксении Петербургской (Берлинская епархия РПЦ) в Нюрнберге.

- Приход во имя святой блаженной Ксении Петербургской поселка Поназырево Костромской области.
- Храм святой блаженной Ксении Петербургской Московского патриархата в г. Фару, Португалия. Существует с 2006 года.
- Храм-часовня святой блаженной Ксении Петербургской на территории МУЗ «Городской клинической больницы № 1» города Тольятти.
- Часовня святой блаженной Ксении Петербургской на территории МУЗ «Городской клинической больницы № 1 имени С. З. Фишера», город Волжский Волгоградской области.
- Храм Ксении Петербургской в городе Иркутске.

Серафим Саровский

День памяти: 2 января, 19 июля

Жизненный подвиг Старца Серафима

7

В непродолжительном времени взоры всей верующей России будут привлечены к укрывшейся среди темного громадного соснового бора Саровской пустыни. Великое произойдет там торжество – прославление дивного старца Серафима, которого давно уже святым и чудотворцем нарекла народная молва.

И на этот раз сбылась мудрая пословица народная: «Глас народа – глас Божий». Великое усердие православных людей к памяти старца обратило на себя особое внимание венценосного вождя русского народа, который, как сказано в появившемся о том правительственном сообщении, «разделяет веру народную в святость старца Серафима и его предстательство пред Богом за притекающих к нему с молитвой».

Настал благословенный и всерадостный для чтущих память старца день – 19 июля 1902 года, и государю императору в эту сто сорок вторую годовщину рождения отца Серафима «благоугодно было воспомнить и молитвенные подвиги почившего, и всенародное к памяти его усердие и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Святейшем Синоде дело о прославлении благоговеяного старца».

Прославление отца Серафима будет одним из радостнейших событий, которые когда-либо переживала Православная Русская Церковь, потому что, как то видно из жизни старца на земле и из явлений и дел его после блаженной его кончины, велика сила молитв его перед Господом, велико дерзновение его пред Престолом Божиим. Ум человека, много читавшего и вдумывавшегося в жития святых Церкви, немеет перед сказанием о жизни и подвигах о. Серафима; при воспоминании о нем благоговеиный трепет, трудно передаваемый восторг переполняют душу. Те, кто пристально читал и размышлял над жизнью отца Серафима, любят его, чтут его с каким-то особенным пылом. Это чувство как бы теснит сердце, вырываясь в громких хвалах великому, дивному старцу.

Он был как небожитель, залетевший на нашу грешную землю; светлый, яркий, греющий луч света, посланный в мрак житейский Отцом и Источником света. Он воистину, «взыскав Бога и Творца всяческих, возлетел превыше видимых твари». Редко в ком сила духовности доходила до такой отрешенности от всего мирского и до столь ясного обнаружения. Редко в ком плоть и все земное до того утончилось, упразднилось. Редко в ком победа духа, самая совершенная, самая торжествующая, пошла так далеко. Он точно не жил на земле, а лишь соприкасался с ней. Над его земным образом точно слышно биение белоснежных крыльев, готовых всякую минуту унести его ввысь для величайших молитвенных откровений, для святейших созерцаний духовных, для ведения обителей райских.

Редко кто показал такую ревность о Боге, ревность, сжигающую все существо человека, внушающую ему тяжелейшие подвиги. Редко на ком полнее, изумительнее оправдалось Божие избрание, редко кто сумел стать столь верным и угодным сыном и другом Божиим. То был единый, ни разу не ослабевший, ни разу не сдавшийся в напряжении своем порыв к Богу, и чем дальше, тем напряженнее. Одни лишения, одни страдания пожелал узнать он на земле и, чем ближе подходил к заветной грани, тем больше искал страдания, так что в последние годы его жизни без ужаса нельзя было взирать на его быт. О, как посрамил он лютого, исконного врага нашего спасения! Если многих погубил этот человеконенавистник, то у отца Серафима он не мог вырвать из-под ног ни одной пяди почвы, и в этой страшной,

⁷ Печатается по изданию *Е. Поселянин. «Преподобный Серафим, Саровский чудотворец», Сиб., 1908.*

роковой борьбе старец покрыл его вечным позором. А какое едва ли когда виданное откровение любви к людям явил старец! Он весь как бы трепетал этой любовью, этой безграничной силой сочувствия и сострадания. Она сияла в его глазах, звучала в тех ласковых нежных словах и обращениях его к людям. Так умирительно-тепло звал он всех: «Радость моя!».

Как необыкновенна была жизнь старца Серафима, читая о которой следует отрешиться от многих наших обычных земных понятий и стараться представить себе человека, до такой степени переродившегося под влиянием благодати, что многие из земных ограничений для него не существуют, так же необыкновенно и происхождение той Саровской пустыни, которая была свидетельницей подвигов отца Серафима.

Местность, где расположен нынешний Саров, была издавна населена народом финского племени – мордвой. Доселе сохранились там курганы – мордовские могилы и встречаются остатки их сооружений в виде ям и углублений в почве. Племя это до нашествия татар платило дань рязанским и владимирским князьям. Очень вероятно, что на той горе, где возвышается теперь Саров, был русский сторожевой пост. Эта вероятность доказывается нахождением крестов в земле на верху горы, когда основывалась Саровская пустынь.

В 1298 году татары под предводительством ширинского князя Бехмета покорили это место. И вероятно, тогда же построен был на месте теперешнего монастыря, на горе между речками Сатисом и Саровкой, татарский город Сараклыч. Он назывался царственнейшим городом, занимал значительное пространство и был сильно укреплен. Четыре части его, окруженные отовсюду реками или глубокими рвами и высоким валом, обороняли друг друга. Часто бывали здесь битвы с окрестным населением, и первые монахи находили здесь в земле стрелы, сабли, копыя и много человеческих костей.

Девяносто лет сидели здесь татары. Наконец, теснимые местным населением, которое после Куликовской победы Дмитрия Донского уже не считало татар непобедимыми, они должны были удалиться за речку Мокшу, где постепенно рассеялись по разным селениям.

Стольный город Сараклыч стал приходить в запустение. Он зарос лесом, заселился дикими зверями. Мало-помалу оживленное некогда место города превратилось в дремучий бор и исчезла память о тех, кто тут жил. На то, что здесь когда-то стоял город, указывало только имя, данное этому месту жителями: Старое Городище.

В сказании о Сарове так говорится о превращении бывшего тут города в пустыню: «Лес великий, и древа, дубы и сосны, и прочие поросли, и в том лесу живуще многие зверие – медведи, рыси, лоси, лисицы, куницы; а по речкам Сатису и Сарову – бобры и выдры. И место то не знаемо бысть от человек, кроме бортников – мордвы». Триста лет ни одна душа не жила в этом месте.

В 1664 году пришел сюда пензенский инок Феодосий и, поставив келью на валу бывшего города, стал тут подвизаться. Иногда он ходил проповедовать слово Божие жителям ближайшего села Кременка и передавал им о необыкновенных явлениях, которых он был свидетелем. Не раз по ночам он видел небо как бы раскрывшимся; оттуда являлся свет, озарявший всю гору. Иногда сходил сверху огненный луч, иногда слышался громкий благовест многих колоколов. Все это утверждало Феодосия в мысли, что этому месту суждена великая будущность. Феодосию не пришлось кончить жизнь в Старом Городище.

Живший здесь после него инок Герасим был тоже свидетелем разных знамений. Стоя на молитве в праздник Благовещения, он услышал такой сильный звон, что гора, казалось, колебалась от него, и с тех пор этот звон слышался ему часто. «Мню, яко место сие свято», – говорил старец. Привлеченные молвой об этом необыкновенном звоне, полагая по суеверию, что это явление означает присутствие на том месте клада, несколько крестьян села Кременка стали рыть почву. Клада они не отыскали, но нашли шесть четвероконечных деревянных крестов и один медный.

По уходе старца Герасима лет десять или более место это опять было необитаемо, а окрестные крестьяне одни были свидетелями знамений, не прекращавшихся на Старом Городище. То при ясной погоде слышался там гром, то доносился колокольный трезвон. Суеверные жители продолжали тщетно искать в горе клады. А место было все пустынным, пока не пришел человек, избранный Богом, чтоб заселить его, – первоначальник Сарова иеромонах Иоанн. Сын причетника села Красное Арзамасского уезда, он с детства привязался к храму, помогая отцу и подпевая ему на клиросе. Чтение духовных книг, житий святых и некоторые благодатные видения понудили его принять иночество. Услыхав о горе между речками Сатисом и Саровкой в дремучих Темниковских лесах как о месте, удобном для отшельничества, подвижник отправился туда и обошел все Старое Городище. Красота этого места: непроходимая глушь, суровая дикость, совершенное безлюдье, величественная тишина этой таинственной горы – все произвело глубочайшее впечатление на молодого восторженного инокa.

Он водрузил здесь крест и через некоторое время пришел, чтобы окончательно поселиться тут. Тяжела жизнь пустытника и полна искушений от врага спасения. Чтоб укрепить душу постоянной памятью о смерти, подвижник стал рыть в горе пещеру как символ гроба. Впоследствии, когда образовалась пустынь, эти пещеры были расширены и устроена в них церковь во имя первых русских иноков преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских. Время от времени присоединялись к отшельнику товарищи, но скоро уходили от него, и он оставался терпеть один. Было бы долго останавливаться на описании многочисленных бед, гонений, перенесенных первоначальником Саровским. Скажем только, что в 1706 году совершилось событие, положившее начало возникновению Саровской пустыни, именно построение первого храма.

Серафим Саровский на пути в свою пустыньку

28 апреля его заложили на горе, к 16 мая уже воздвигнуты были стены, заложена кровля. 17-го решили воздвигнуть на храме крест. В ночь на 17-е на горе раздался громкий колокольный звон. Между тем ни одного колокола не было. Перед полуднем 17 мая кровельный мастер доканчивал отделку главы, а остальные рабочие работали внутри храма. Вдруг в полдень всех осветил необыкновенный свет, раздался трезвон многих колоколов и продолжался около часу.

К торжеству освящения собрались тысячи народа. Опять на столь долго остававшемся безмолвном месте бойкого города Сараклыча кипела жизнь. Но не для битвы и не в воинских доспехах сходилась сюда народ, а для молитвы, неся с собой церковную утварь, ризы, иконы в жертву новому храму. Накануне была отслужена всенощная, и среди ясного летнего вечера

впервые в этих местах раздался уже не чудесный звон невидимых колоколов, а тихий благовест церковного колокола. Услышав о построении церкви, многие иноки стали проситься к о. Иоанну принять их в общежитие. Для того чтоб обеспечить порядок в жизни иноков, о. Иоанн написал доселе строго соблюдаемый в пустыни Устав общежительный, который свидетельствует и о великом духовном опыте старца, и о практической его мудрости.

7 июля 1706 года первоначальник Саровский созвал на совет всю братию, и по единодушному согласию братия положила следующее решение-приговор, тогда же записанный: «В сей Сатисо-Градо-Саровской пустыни у святей церкви Пресвятыя Богородицы Живоноснаго Ея источника быть общежительному пребыванию монахов... И положим, по свидетельству и преданию святых апостол и святых отец, чин – устав общего жития. И отныне нам zde всем живущим монахом и сущим по нас настоятелем и братиям держать и хранить безотложно, дондеже благоволением Божиим обитель сия будет стоять».

Правила Саровского общежития – самые строгие, в духе древнехристианских общежительных монастырей. Так, например, исключена всякая собственность, запрещено есть вне трапезы. О. Иоанну удалось обеспечить пустынь земельными угодьями. Он воздвиг в обители еще две церкви, перенес все кельи на гору, устроил ограду и гостиницу для приезжих. Он надеялся вместо деревянных поставить каменные церкви и начал заготавливать кирпичи. Но лишь преемникам его пришлось совершить дело созидания великолепных Саровских соборов. Число братии в 1733 году было 36 человек. Быт в пустыни был суровый. Все нужное для жизни приобреталось трудами братии. Сами возделывали землю, сеяли хлеб, на жерновах мололи муку. Занимались токарным и столярным делом, шили одежду, плели лапти, служившие обычной обувью. Зимой носили нагольные тулупы, летом балахоны из крашенины или из сурового холста. Единственным лакомством братии в праздничные дни служил настой из малины и мяты, который пили с медом.

Первоначальник Саровский о. Иоанн, по старости сложивший с себя обязанности начальника-строителя, кончил жизнь в изгнании.

То были печальные годы царствования императрицы Анны Иоанновны. Постоянно по малейшему поводу возникали обвинения в политической измене, и раз заподозренный пропадал для жизни: он томился в застенках так называемой Тайной канцелярии или подвергался казни.

В 1733 году, по ложному доносу, саровские иноки были заподозрены в государственной измене. В Саров прискакали чиновники Тайной канцелярии с солдатами для ареста о. Иоанна. Сковав цепями, его посадили под караул. Затем, допросив иночествующих, собрались везти его в Петербург. Строитель Дорофей и вся обитель еле упростили дать им проститься с о. Иоанном и двумя арестованными одновременно с ним иноками. Их вывели перед ворота обители в кандалах, поставили в десяти сажнях от ограды в ряд. С боков и сзади стали с оружием солдаты. Братии же велели выйти к ним, не подходя близко и не говоря им ни слова. То была величественная минута. Лишь бряцание кандалов и плач братии нарушали тишину. Перекрестясь, первоначальник Саровский положил три поклона перед святыми воротами созданной им обители. Затем, обернувшись к оставляемой им братии, трижды поклонился ей в ноги, на что и братия отвечала земным поклоном. Затем он молча осенил ее крестным знаменем. Около четырех лет протомился о. Иоанн в узах в Петербурге. Перед кончиной, напутствуемый Святыми Дарами, он просил духовника доставить в Саровскую пустынь письмо с его предсмертным заветом братии: твердо хранить устав, держать мир и любовь между собой и безропотно нести послушания. Иеросхимонах Иоанн, скончавшийся 4 июня 1737 года, похоронен при церкви Преображения Господня, что в Колтовской в С.-Петербурге.

Из преемников о. Иоанна более всех замечателен строитель Ефрем. Он также пострадал по несправедливому доносу об измене и провел шестнадцать лет в ссылке в Оренбург-

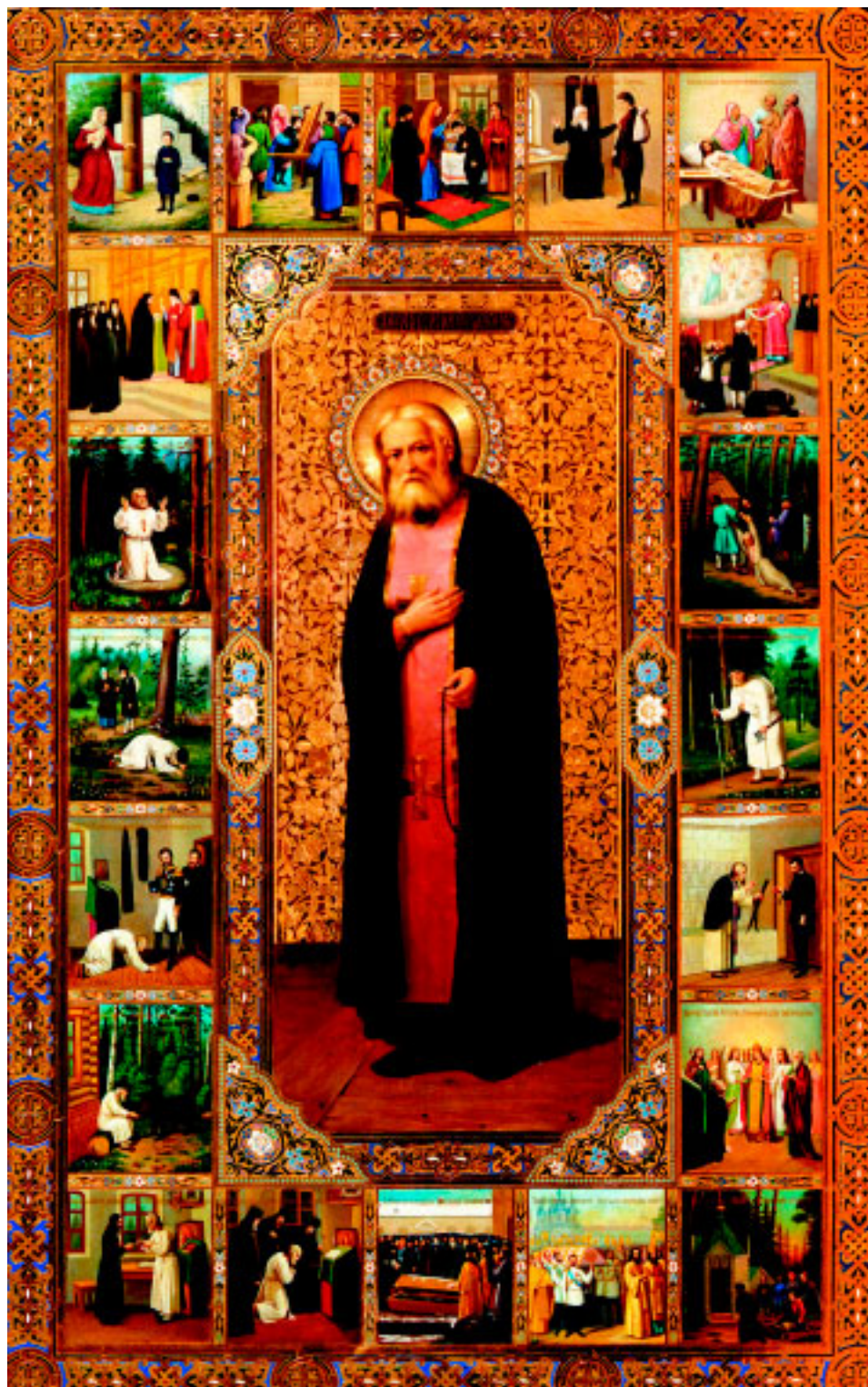
ской крепости пономарем при церкви. Он отличался необыкновенным милосердием. Особенно проявил он свое человеколюбие во время великого голода 1775 года, когда многим приходилось питаться древесной корой, смешивая с мукой гнилое дерево и дубовые желуди. Тогда старец, печалясь о бедствующих, приказал кормить всех приходящих в обитель, каких бывало до тысячи в день. Братия, было, стала роптать, боясь, что для нее самой не хватит хлеба. Тогда старец, собрав старшую братию и описав им нужду народную, сказал; «Не знаю, как вы, а я расположился, доколе Богу будет угодно за наши грехи продолжать глад, лучше страдать со всем народом, нежели оставить его гибнуть от голода. Какая нам польза пережить подобных нам людей? Из них, может быть, некоторые до сего бедственного времени и сами нас питали своими даяниями».

Утешительная радость и мир сияли всегда на благообразном лице старца, пользовавшегося повсюду славой святости. Святитель Тихон Задонский был с ним в переписке. К портрету о. Ефрема сделана в обители следующая надпись:

*Не Сириин ты, но русский ты Ефрем
Саровской пустыни броня еси и шлем.*

Он оставил также по себе благодарную память прекрасными постройками. Кроме трапезной и корпуса келий он воздвиг великолепный храм в честь Успения Богоматери – обширный, величественный, с высоким, точно в небо уходящим иконостасом, богато украшенный.

Жизнь в Сарове сложилась истинно монашеская. Не имея еще святынь, кроме чудотворной иконы Богоматери, называемой «Живоносный Источник», Саров стал тем не менее целью богомолий; народ шел полюбоваться красою храмов его, насладиться стройным истовым богослужением, наставиться у мудрых и праведных его старцев. В одной старинной рукописи, в главе о приписных к Суздальской епархии городах (Саров принадлежал прежде к этой епархии), сохранились следующие интересные сведения о Сарове: «В Темниковском уезде имеется пустынь в великих непроходимых местах, именуемая Саровская, отдаленная весьма от селений мирских со всех сторон, имеющая начальствующаго строителя. Обитель она в недавних весьма годах составися при реке, Сарове именуемой, на месте, где в прежния лета имелся некоторый Косимовскаго царства город, называемый Сатис, и посем много лет бывший в упустении. Пребывающии в той обители монахи и бельцы житие имеют воздержное и крепкое, пищу и одежду общую и более упражняются в трудах, между ими сам строитель первенство во всяком имеет деле (т. е. первый в трудах). Чин монастырский взят из Флорищевой пустыни, сущия в Гороховском уезде. В той (Саровской) пустыне вотчин никаких, кроме лесу и пашенной земли, не имеется, но довольствуются от подаяния христовлюбцев, которых христовлюбцы премного тую снабдевают не токмо святой церкви потребными, но и братии на пищу и одежду весьма нескучно. В помянутой пустыни церкви святых устроены каменные – пять, внутренним и внешним украшением премного украшены». Из подвижников XIX века, принадлежащих Саровской пустыни, особенно памятен знаменитый игумен и возобновитель Валаама Назарий, «полагавший начало» в Сарове и проводивший там же последние годы жизни, молчальник схимонах Марк, долгое время ютившийся в дремучем лесу Саровском в шалашах или пещерах.

Святой Серафим Саровский в житии в 20 клеймах. Ок. 1903 г.

Теперь Саровская пустынь принадлежит к числу обеспеченнейших русских обителей, обладая обширными лесными угодьями. Двухвековое усердие к ней многих богатых лиц снабдило ее прекрасной церковной утварью. Ее тяжелые литые паникадила, множество горящих свечей, дивная краса ее храмов, великолепие церковных сосудов (есть громадные потиры, которые трудно держать в руке, Евангелие, которое могут нести лишь двое иеродиаконов), роскошные облачения в дни великих праздников – все это богослужebное, долгими десятилетиями скопленное богатство радует православное сердце. Но, находясь вдали от

железнодорожных путей, обитель сохранила и высокий строй жизни иноков, и настроение пустыни. Монахи имеют смиренный вид, благоговейно стоят в церквах, усердно исполняют послушания, кротки, прилежны. Главное, что доселе влекло сюда богомольцев и что теперь привлечет сюда внимание России и стремление к этому месту всех верующих сердец, – это могила старца Серафима. Как солнце, он сияет на небе Сарова. Весь Саров как бы полон им. Назвать Саров значит назвать и старца Серафима. Передадим же с благоговением и любовью главные черты его жизни.

Великий избранник Божий старец Серафим родился в древнем городе Курске, который раньше уже дал России отца русского иночества преподобного Феодосия Киево-Печерского. Он происходил из семьи богатого и именитого курского купца Исидора Мошнина, имевшего кирпичные заводы и бравшего подряды на постройку каменных зданий, церквей и домов. Он был известен как чрезвычайно честный человек, усердный к храмам. Главной его постройкой в Курске был воздвигнутый по плану знаменитого архитектора Растрелли храм во имя Преподобного Сергия Радонежского. В 1833 году эта церковь была наименована кафедральным собором. После десятилетних работ, в 1762 году, нижняя церковь с престолом во имя Преподобного Сергия была довершена, и в тот же год Мошнин скончался, передав все дела свои умной, распорядительной жене своей Агафии.

Мошнина была еще более благочестивой, чем ее муж. Особенной чертой ее, которая впоследствии так резко отличала и ее великого сына, было милосердие. Она любила раздавать милостыню; особенно же по сердцу ей было заниматься судьбой бедных девочек-сирот. Она готовила им приданое и выдавала их замуж. Лет пятнадцать еще по смерти мужа Агафья вела строение Сергиевской церкви и довела дело до конца. Все было исполнено так добросовестно, что позолота, например, в 1863 году сохраняла всю свою свежесть. Старшего сына Мошнинных звали Алексей, потомство его существует доселе. Отец Серафим, второй сын Мошнинных, родился 19 июля 1759 года. Его называли Прохором в честь Апостола Прохора, память которого совершается 28 июля. По смерти отца Прохор остался трехлетним. Всем воспитанием своим он обязан матери. К сожалению, очень мало сведений сохранилось о его детской поре. Он рос тихо, в обстановке исконного русского благочестия, и можно сказать, все заветнейшее, лучшее содержание русского народа, всю высокую его духовность, всю заботу и думу его о спасении, о вечности мало-помалу впитал в свою душу до того, что уже в ней не стало места иной заботе, иной думе.

Особое промышление Божие о Прохоре выразилось в двух событиях его жизни. Однажды, когда ему было 7 лет, мать его, отправляясь на стройку церкви, взяла его с собой. Она поднялась на самый верх колокольни, где не были еще утверждены перила. Мальчик, по живости забыв, где он находится, неосторожно подошел к краю и упал вниз. Мать, предполагая, что он убился и что там, внизу, может быть только его изуродованный труп, поспешно сбегала по ступеням. Ребенок стоял на земле целый и невредимый.

Прохор отличался крепким телосложением, острым умом, впечатлительностью, прекрасной памятью и вместе кротостью и благонаравием. Когда его стали учить церковной грамоте, он принялся за дело с большой охотой и стал быстро успевать в учении, как вдруг сильно занемог. Домашние отчаялись в его выздоровлении. И снова суждено было проявиться над ним благодати Божией. Прохор увидел во сне Пресвятую Богородицу, Которая обещала посетить и исцелить его. Он рассказал это сновидение матери. Вскоре крестным ходом несли по Курску чудотворную Коренную икону Богоматери по той самой улице, где стоял дом Мошнинных. Ударил сильный ливень. Вероятно, для сокращения пути крестный ход свернул через двор Мошнинных. Мать Прохора воспользовалась этим и поднесла к иконе больного сына. Затем икону пронесли над мальчиком. С этого времени он стал поправляться и скоро совсем выздоровел.

Оправившись, Прохор продолжал учение: прошел Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг. У старшего Мошнина, Алексея, была в Курске торговля разным деревенским товаром: ремнями, дегтем, бечевками, дугами, шлеями, лаптями, железом, и Прохора старались приучить к этой торговле. Но сердце его к этому делу не лежало. Торговля мешала ему бывать, как бы он хотел, на всех церковных службах. До этого он ходил ежедневно к обедне и вечерне. Теперь же, пропуская по необходимости эти службы, поднимался пораньше, чтоб отстоять заутреню.

Большое влияние на Прохора в эту пору его жизни имел один чтимый в Курске юродивый, имя которого, к сожалению, не сохранилось. Часто беседа с Прохором, он окончательно укрепил его в духовной жизни.

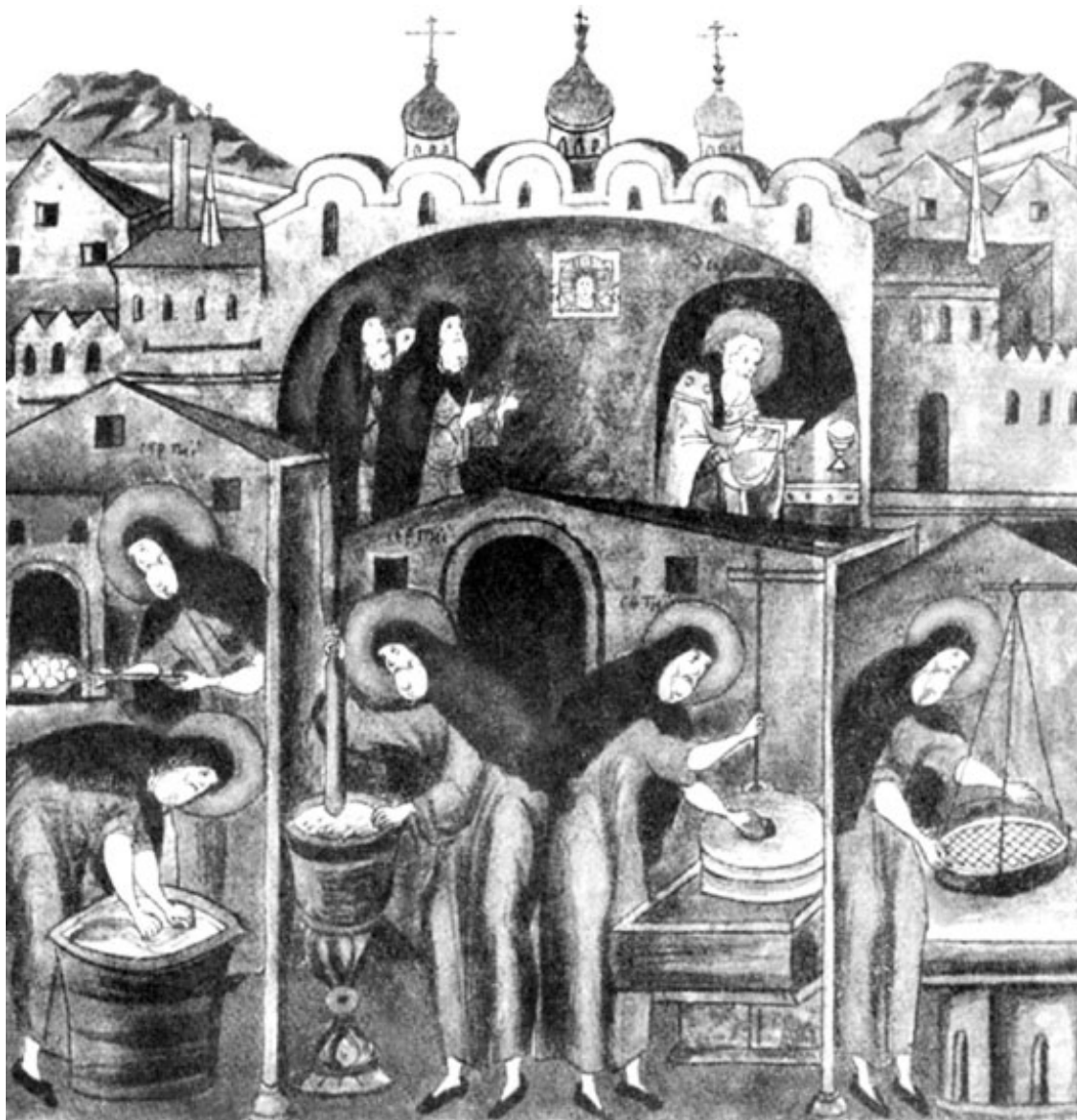
Умная и благочестивая мать Прохора сердцем чуяла, что не жилец ее мальчик в миру, что иная ждет его доля. Вообще в отношении Мошниной к своему сыну мы видим полную противоположность тому, как относилась к преподобному Феодосию (Киево-Печерскому) его тоже по-своему любившая его мать. Та всячески старалась удержать сына в миру и крайне недоброжелательно относилась к его детским попыткам подвижничать. Она жестоко наказала сына, когда увидела на теле его вериги; избила его и заковала его, когда он тайком ушел из дому со странниками, а она догнала его и привела домой. Даже из монастыря Киево-Печерского, когда она после долгих поисков нашла там сына, она старалась вернуть его в мир угрозами, упреками и мольбами. Умная и благочестивая Агафия Мошнина поступила не так. Как мудрая христианка, она поняла, что пожертвовать сыном, без ропота уступив его Богу, будет угодной Ему жертвой и что Бог всякому, ищущему Его, силен дать такое счастье, перед которым ничто вся слава, счастье и благополучие мира. И вера ее оправдалась.

Боясь огорчить мать, Прохор, когда в нем стало складываться решение оставить мир, старался осторожно вызнать мысли матери, пустит ли она его в монастырь. Он с радостью заметил, что она нисколько не будет препятствовать ему, и тогда он стал прямо заговаривать об этом предмете. Вместе с тем он поверял свои мысли некоторым товарищам, и пять человек из курской купеческой молодежи порешили одновременно с ним начать иноческую жизнь. В этом нельзя не видеть значительного влияния Прохора на сверстников. Известно, что, хотя в годы и отрочества, и ранней юности он любил уединение, все же не избегал общества товарищей, но, как сильная, цельная натура, подчинял их своему настроению. Он любил читать сверстникам вслух духовные книги и вести с ними духовную беседу.

Сохранилось воспоминание о том, как простился Прохор с матерью. Сперва по русскому обычаю все посидели. Потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги. Она дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным большим крестом. Этот крест он всю жизнь свою хранил как величайшую святыню, никогда не снимал его с себя, нося его поверх одежды открыто на груди, с ним и скончался. Заранее было взято Прохором для пострижения в монастырь увольнение от курского градского общества. Оставалось только решить, куда идти. Саровская пустынь славилась истинной иноческой жизнью и тем более должна была привлекать Прохора, что начальствовал в ней строитель Пахомий родом из курских купцов и знакомый родителям Мошниным. Но ему хотелось проверить свое решение советами людей опытных и духовных. Кроме того, он жаждал поклониться киевским святыням, где все говорит сердцу человека, избирающего иноческий путь. И с пятью своими единомышленниками он отправился пешком в Киев.

В то время славился жизнью и даром прозорливости старец Досифей – затворник, спасавшийся в Китаевской обители. Прохор пришел к нему, открыл ему всю свою душу и, став перед ним на колени, целуя ему ноги, умолял его указать ему место, где он должен поселиться. Прозорливый старец прямо указал ему на Саров такими словами: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие будет тебе во спасение с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанное призывание Имени

Божия так: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!» В этом да будет все твоё внимание и обучение. Ходя и сидя, при деле и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём. С ним найдёшь покой, приобретёшь чистоту духовную и телесную, и вселится в Тебя Дух Святой, Источник всяких благ, и управит жизнь твою во святине, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни. Он последователь наших Антония и Феодосия». С радостным сердцем принял Прохор старцев совет. Он отговел в Киеве, потом вернулся в Курск, где прожил несколько месяцев. Хотя он временами и ходил в лавку, но уже не занимался торговлей, а вел духовную беседу; с ним приходили поговорить о монастырях, о том, как спастись, или послушать, как он читал духовные книги.

Хозяйственные работы в монастыре

20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Богородицы, 19-летний Прохор пришел в Саров. Всенощное бдение, благоговение братии с первого же раза произвели на него сильное впечатление. Строитель Пахомий, истинный инок, ласково его принял и поручил его казначею, старцу Иосифу. Кроме того, что этому старцу Прохор должен был прислуживать, он исполнял и другие послушания: в хлебе, в просфорне, в столярной, пономарил. С величайшей ревностью принялся он за дело нравственного перевоспитания

себя, постоянного наблюдения за собой и стремления к совершенству, в каком состоит все призвание и назначение монаха. Постоянной деятельностью он старался предохранить себя от скуки, которую считал одним из опаснейших для инока искушений. «Болезнь сия врачуется, – говорил он впоследствии по собственному опыту, – молитвой, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением Слова Божия и терпением, потому что и рождается она от малодушия, и праздности, и празднословия».

В определенные часы приходил он в церковь, стараясь быть там раньше всех, неподвижно выстаивал все богослужение, постоянно имея взор, опущенный к полу, чтоб избежать рассеянности, стоял всегда на определенном месте и до самого конца. В келье своей он упражнялся в чтении и в телесном труде. Евангелие и Послания апостолов он всегда читал стоя. Из духовных книг читал Шестоднев святого Василия Великого, беседы святого Макария Великого, Лествицу преподобного Иоанна, Добротолюбие и другие. В часы отдыха Прохор занимался работой: искусно вырезал из кипарисного дерева крестики для раздачи их богомольцам. Он был вообще искусен в столярничестве, так что в одном расписании иноков один из всех назван Прохором-столяром. Участвовал он также в общих трудах-послушаниях братии, состоявших в сплаве леса, в заготовке дров. В Саровском лесу спасалось в отшельничестве несколько иноков, из которых о. Назарий и о. Марк были самые известные. Их пример столько же, сколько и стремление души Прохора, побудил его в свободные часы укрываться в лесу для уединенной молитвы. Он говорил впоследствии так: «Если не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, остающееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание. И за это малое Господь Бог не оставит ниспослать на тебя богатую Свою милость».

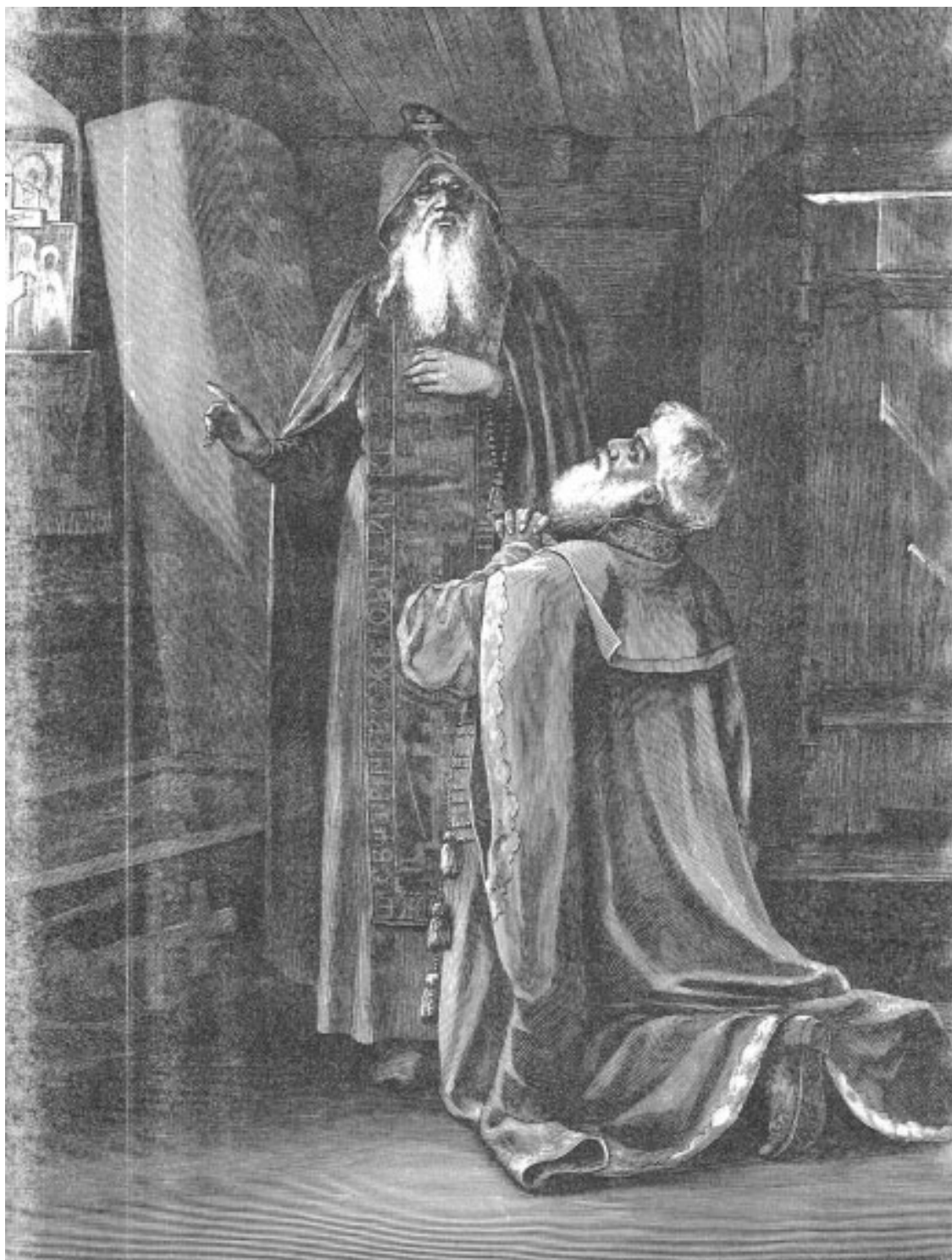
Здесь, среди природы, к восприятию красот которой он был так чуток, свободно и восторженно лились его хвала и молитва к Богу. Кроме этой уединенной молитвы Прохор принял еще подвиг: усиленный пост. В среду и пятницу он ничего не вкушал, а в другие дни недели принимал пищу лишь по разу в день. В 1780 году Прохор опасно заболел. Недуг, по-видимому водянка, продолжался три года, из них не менее полутора лет больной провёл в постели. Каким уважением уже тогда он пользовался, как ценили его, видно из того, что за ним, послушником, во все время его болезни ходили строитель Пахомий и другие старшие иноки. Больному становилось все хуже, и о. Пахомий стал настойчиво предлагать обратиться к врачу или, по крайней мере, пустить кровь. Прохор отвечал: «Я предал себя, святой отче, истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери. Если же любовь ваша рассудит, снабдите меня духовным врачевством». Старец Иосиф отслужил об исцелении болящего особо всенощную и литургию, братия молилась за него. Прохор стал поправляться. Много-много лет спустя старец рассказывал одной инокине дивеевской, что тогда, в болезни, после причащения Святых Тайн явилась ему в неслышанном свете Пресвятая Богородица с апостолами Иоанном Богословом и Петром. Указывая на Прохора, Владычица сказала: «Этот нашего рода!» Потом Владычица возложила на голову Прохора правую руку и жезлом, который Она держала в левой руке, коснулась больного. У него образовалось в бедре углубление, в которое собралась вся вода со всего тела. Та келья, в которой жил тогда Прохор и в которой совершилось это чудесное исцеление, была вскоре снесена, и на месте ее воздвигнута больница с двухэтажной церковью в честь преподобных Зосимы и Савватия и Преображения Господня. За сбором на украшение этой церкви был послан Прохор. Между прочим, побывал он тогда и в Курске. Матери его уже не было в живых, но его брат оказал ему большую помощь. По возвращении домой Прохор своими руками построил престол из кипарисового дерева для нижней церкви соловецких чудотворцев. О. Серафим всегда с особым чувством относился к этому храму как к месту благодат-

ного посещения. Он любил в нем приобщаться. Этот же храм он посетил и приобщился в нем и накануне блаженной кончины своей, 1 января 1833 года.

Восемь лет прожил о. Серафим послушником. Наружность его в это время была такова: он был очень силен, росту в нем было 2 аршина 8 вершков, крепкого сложения. Несмотря на строгое воздержание и пост, у него было полное белое лицо. Выразительные и пронизательные глаза его были светло-голубого цвета, нос прямой и острый, густые брови и густые светло-русые волосы на голове, лицо в окладистой бороде и усах. Он говорил увлекательно и имел счастливую память. 13 августа 1786 года. Прохор пострижен в иночество, причем без ведома его и выбора ему дано имя Серафим, что значит пламенный. Через год он рукоположен во иеродиакона. С тех пор в течение без малого шести лет он почти непрерывно служил. Он усугубил теперь свои подвиги. Ночи на воскресенья и большие праздники проводил все в молитве. Господь укреплял его. Он не чувствовал утомления, не нуждался почти в отдыхе, часто забывал о пище и питье; ложась спать, жалел, что человек не может, как Ангел, непрестанно, без перерыва, служить Богу.

Строитель о. Пахомий очень ценил иеродиакона Серафима и, уезжая из обители по делам или для служения где-нибудь, брал его обыкновенно с собой. Это дало случай о. Серафиму присутствовать при кончине одной великой жены и принять от нее дело, которое впоследствии так изумительно разрослось через него: именно Дивеевскую общину.

Вдова полковника Агафия Симеоновна Мельгунова, богатая помещица нескольких губерний, посвятила жизнь свою странствованиям по святым местам, а также делам благотворения. Есть сказание, что во время пребывания ее в Киевском Фроловском монастыре ей явилась Пресвятая Дева с повелением идти к северу России и остановиться на том месте, какое ей Владычица укажет, и что там возникнет славная обитель. Когда Мельгунова, идя в Саров, дошла до села Дивеева и, присев отдохнуть на бревна у сельской церкви, забылась от усталости, ей вновь явилась Царица Небесная с повелением остаться на этом месте. Агафия Симеоновна поселилась у сельского священника, где, ища подвигов и уничижения, исполняла всю черную работу. Кроме того, она широко, но в тайне благодарила крестьянам. Деньги, полученные ею от продажи ее имений, она употребила на возведение нескольких и украшение многих храмов. Между прочим построила прекрасную каменную церковь в Дивееве. Около нее собрались жить несколько благочестивых женщин, что и составило первоначальное, так сказать, зерно Дивеевского монастыря. Незадолго до кончины своей она приняла иночество с именем Александры. Она пользовалась великим уважением всей округи и кроме дивной жизни и благочестия изумляла всех своей глубокой мудростью. О. Серафим благоговел к ее памяти. Он присутствовал при соборовании ее за несколько дней до ее кончины и при погребении ее. Умирая, она передала о. Пахомию остатки своего некогда крупного состояния, прося его позаботиться об участии остающихся после нее сиротами дивеевских насельниц. О. Пахомий отвечал, что он исполнит ее волю, но едва ли доживет до исполнения обетования Царицы Небесной о том, что здесь будет монастырь. Он сказал, что после его смерти заботу о Дивееве примет на себя о. Серафим. 13 июня 1789 года первоначальница дивеевская опочила смертным сном. О. Серафим свято исполнил данное за него о. Пахомием обещание. Он принял близко к сердцу судьбу Дивеева. Он называл инокинь дивеевских не иначе, как Дивеевские сироты. В Дивееве по блаженной кончине старца как будто почил его дух. Что-то чрезвычайно благодатное как будто разлито в воздухе этого невыразимо отрадного места. Проходя служение диаконское, о. Серафим удостаивался великих духовных откровений. Временами он видел ангелов, сослужащих братии и воспевающих; они имели образ молниеносных юношей, облаченных в белые златотканые одежды. А то, как пели они, нельзя выразить словами. Вспоминая об этом, о. Серафим говорил: «Бысть сердце мое, яко воск тая от неизреченной радости». Особо же великого откровения удостоился о. Серафим в один Великий четверг, совершая литургию со строителем о. Пахомием.

К. Лебедев. В келье схимника

Как известно, малый выход из алтаря и следующее за тем вступление священнослужителей в алтарь выражает вступление их в самое небо, и священник тогда молится: «Сотвори со входом нашим входу святых ангелов быта, сослужащих нам и сославословящих Твою благодать». Когда после малого входа и паремий иеродиакон Серафим возгласил: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны» – и, обратясь к народу и дав знак орарем, закончил: «И во веки веков», как он весь изменился, не мог сойти с места и вымолвить ни слова. Служащие поняли, что ему было видение. Его ввели под руки в алтарь, где он простоял три часа, то весь разгораясь лицом, то бледнея, все не в состоянии вымолвить ни одного слова.

Когда он пришел в себя, то рассказал своим старцам и наставникам, о. Пахомию и казначею, что он видел: «Только что провозгласил я, убогий: «Господи, спаси благочестивых и услыши ны!» – и, наведя ора́рём на народ, окончил: «И во веки веков», вдруг меня озарил луч как бы солнечного света, и увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа во образе Сына Человеческого, во славе, сияющего неизреченным светом, окруженного небесными силами, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе. Приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих. Посем, вступив во святой местный образ Свой, что по правую руку Царских врат, преобразился, окружаемый ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса Христа, удостоился особенного от Него благословения. Сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу».

По-прежнему о. Серафим искал пустыни для уединенной молитвы и вечером уходил в лесную свою келью и, проведя там ночь в молитве, к утру возвращался в Саров.

Тридцати четырех лет 2 сентября 1793 года о. Серафим в Тамбове был рукоположен в иеромонаха. Теперь душа его томилась желанием совершенного уединения, полного пустынночества. Такая жизнь является одной из высших ступеней на пути восхождения человека к Богу. Это ничем не отвлекаемое, полное погружение человека в думу о Боге и постоянная молитвенная беседа с Богом, ничем не ослабляемый единый порыв души в благость Божества. Не потому, что ненавидят или презирают людей, удаляются подвижники в уединение и не потому, что не желают служить людям. А потому, что сперва хотят приблизиться к Богу, а тогда уже, став в Нем сильными, служить людям.

«Отче, – как-то спросил у о. Серафима один инок, много размышлявший об уединении, – некоторые говорят, что удаление от общежития в пустыню есть фарисейство, что называется пренебрежение братии или бросается на нее осуждение. Как ты думаешь?»

«Не наше дело, – отвечал старец, – судить других. А удаляемся мы из общества братства не из ненависти к нему, а более для того, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому невместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно Заповедям Божиим, как это случается неизбежно при множестве братии. Мы избегаем не людей, которые одного с нами естества и носят одно и то же Имя Христово, но пороков, ими творимых, как и великому Арсению сказано было: «Бегай людей, и спасешься». Но, испытав все трудности жития пустынноческого, старец впоследствии предостерегал спрашивавших у него совета, что в монастыре иноки борются с противными силами, как с голубями, а в пустыне, как со львами и леопардами. Перед смертью своею строитель Пахомий, принявший 16 лет назад молодого, жаждавшего подвига Прохора Мошнина в число Саровских послушников, благословил теперь иеромонаха Серафима на жизнь в пустыни. О. Серафим заботливо ходил за умирающим наставником и благодетелем своим и горько оплакивал его. После его кончины он удалился, 20 ноября 1794 года, в лесную келью. Видимым предлогом для удаления послужила сильная болезнь ног – следствие постоянного стояния на ногах. Келья, куда удалился о. Серафим, была расположена в дремучем сосновом лесу на берегу реки Саровки, на холме, в 5–6 верстах от Сарова. В ней были изба с печью, сени и крылечко. Вокруг был небольшой огород, обведенный забором. Одна и та же убогая одежда была на о. Серафиме зимой и летом: белый полотняный балахон, кожаные рукавицы, кожаные чулки (бахили), лапти, старая камилавка. На груди был крест – материнское благословение. На спине он носил сумку, а в ней Евангелие.

Внешние труды его состояли в заготовлении дров и топке кельи; впрочем, часто он, чтоб томить себя, терпел в келье мороз. Летом он обрабатывал огород, который удобрял мхом, собираемым в болоте. Во время этой работы он иногда обнажался до пояса, и мно-

жество насекомых безжалостно жалили его. Тело опухало, покрывалось запекшейся кровью, а он терпел. Во время работы часто молитвенный восторг сходил на душу подвижника. Он любил петь в это время церковные песни, которых при прекрасной памяти своей знал множество наизусть. Особенно он любил «Всемирную славу», антифон «Пустынным непрестанное Божественное желание бывает». Случалось, что во время работы вдруг лопата или заступ выпадали из его рук, лицо его принимало дивное выражение, он стоял неподвижно, углубясь в созерцание тайн духовных. В том же лесу жили отшельники отцы Назарий, Марк и Досифей. Приходя иногда к о. Серафиму, они заставляли его в таком положении, он их не замечал, и, иногда прождав перед ним около часу, они так и уходили незамеченными им.

Молитвенное правило его было чрезвычайно обширно. Часто вместо вечерних молитв он клал по тысяче поклонов. Питался он в пустыни тем хлебом, который в воскресенье приносил с собой из Сарова и который, конечно, на третий день был сух и черств. И тем он делился с птицами и лесными животными, которые очень любили его и ходили к нему. Став на высокую ступень духовности, старец получил и тот дар, который был у первого человека и утрачен через грехопадение: звери повиновались ему. Не раз видали его кормящим громадного медведя, который по его слову отходил в чащу леса, а потом возвращался опять. Кроме хлеба пищей ему служили овощи, выросшие в его огороде. Потом он ограничил себя одними овощами. Наконец он дошел до неимоверного воздержания. Он перестал брать вовсе хлеб из монастыря, и братия недоумевала, чем он питается. Незадолго до смерти старец рассказал, что около трех лет он питался лишь отваром из травы снитки, которую летом собирал и сушил на зиму. Проводя будни в своей пустыни, о. Серафим накануне воскресных и праздничных дней приходил в Саровскую пустынь и там приобщался. После обедни он говорил с теми из братии, кто в нем нуждался. А затем возвращался в свою пустынь. Иноки, жившие в лесу, слышали от него мудрые наставления. Вот одно из них о непрестанной молитве: «Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве, говоря умом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»; в часы же послеобеденные можно говорить эту молитву так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй мя грешного», или же прибегать собственно к Пресвятой Богородице, молясь: «Пресвятая Богородица, спаси нас», или говорить поздравление ангельское: «Богородице, Дево, радуйся!». Таковым упражнением, при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам святого Исаака Сирина, «без непрестанной молитвы мы приблизиться к Богу не можем».

Если подвижник встречался с кем в лесу, то он смиренно кланялся и поспешно отходил в сторону. Но на не слыхавших даже слов его один вдохновенный вид его в его убогой одежде производил великое впечатление: трогал души, поучал, побуждал к добру.

В. Щербаков. Монахи

Отец Серафим не избежал тех великих искушений, какими обычно враг спасения воюет на иноков, проходящих пустынножизнь, и какими он силится смутить их в эту великую пору их духовного роста. Однажды во время молитвы о. Серафим услышал вой зверей за стенами кельи, потом точно скопище народа стало ломать дверь, выбили у двери косяк и бросили в келью громадный обрубок дерева, который потом с трудом могли вынести восемь человек. Иногда во время молитвы ему представлялось, что келья его разваливается начетверо и что к нему с ревом отовсюду рвутся страшные звери. Иногда он видел открытый гроб, из которого вставал мертвец. Этим привидениям о. Серафим не поддавался,

но прогонял их силой крестного знамения. Тогда враг стал нападать на него с еще большей яростью. Он поднимал подвижника на воздух и с такой силой ударял его об пол, что кости могли бы быть сломаны, если б не охранявшая о. Серафима благодать. Можно думать, что о. Серафим видел самих злых духов, потому что на простосердечный о том вопрос одного мирянина старец с улыбкой ответил: «Они гнусны. Как на свет Ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они гнусны».

Все искушения о. Серафим победил молитвой, Именем Христовым и знамением крестным и некоторое время наслаждался миром.

Между тем о. Серафим получил предложение быть настоятелем Алатырского монастыря с возведением в сан архимандрита. Он отказался, отказался по смирению и от другого такого же предложения. Известно, что смирение есть венец добродетелей, как бы цемент, скрепляющий все добродетели. Ничто так не ручается за верный путь спасения, ничто так не страшит и не посрамляет врага, как смирение. Смирением победил и Христос злобу его, так как то, чем искушал и искусил враг первого человека: «Будете, яко боги», – то самое путем смирения совершил Христос: сойдя на землю и став Человеком, Он обожествил человека и влил в него пролитую за него Божественную Кровь Свою.

Не терпя великого смирения о. Серафима, враг еще лютее ополчился на него; он воздвиг в душе его так называемую мысленную брань. Для победы в этой страшной, роковой, ожесточенной борьбе старец решился предпринять новый подвиг, на который в древности решались весьма немногие подвижники и который казался невыносимо тяжек в последующие времена. То было столпничество. На полпути от кельи к монастырю лежала громадная гранитная скала. На эту скалу о. Серафим стал всходить при наступлении всякой ночи. Он молился или на коленях, или стоя на ногах, воздев руки вверх и взывая словами молитвы мытаря: «Боже, милостив буди мне грешному!» В келье своей он поставил другой небольшой камень и в том же положении молился на нем весь день, сходя с него только для краткого отдыха и принятия пищи. В этом великом подвиге провел он тысячу дней и тысячу ночей. Враг был окончательно побежден. Но от этого почти трехлетнего непрерывного стояния опять открылась у старца болезнь в ногах, которая была в первое время пустынножизни его. Болезнь эта не проходила более до самой кончины о. Серафима. Дивный подвижник сумел скрыть свое тысячадневное и тысяченощное моление. Впоследствии от тамбовского архиерея был тайный запрос об о. Серафиме игумену Нифонту. Сохранился отзыв Нифонта, в котором он пишет: «О подвигах и жизни отца Серафима мы знаем. О тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне никому не было известно». Лишь незадолго до кончины своей, по примеру многих других праведников открывая некоторые обстоятельства своей жизни, великий старец поведал об этом молении некоторым из саровской братии. Один из слушателей заметил тогда, что подвиг этот выше сил человеческих.

«Святой Симеон Столпник, – отвечал старец, – сорок семь лет стоял на столпе. А мои труды похожи ли на его подвиг?...» Собеседник заметил, что, вероятно, старец ощущал в это время помощь благодати.

«Да, – отвечал он, – иначе сил человеческих не хватило бы. – Потом, помолчав, он прибавил: – Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами».

Посрамленный личной, так сказать, борьбе с отшельником, враг начал действовать на него через людей. 12 сентября 1804 года пришли к о. Серафиму, рубившему в лесу дрова, трое крестьян и дерзко потребовали денег, говоря, что мирские люди носят ему деньги. О. Серафим ответил, что ни от кого ничего не берет. Не поверив ему, крестьяне напали на него. Один, кинувшись на него сзади, хотел его повалить, но сам упал. О. Серафим был ловок и очень силен. С топором в руке он легко мог рассчитывать отбиться от злодеев. Но вспомнились ему слова Евангелия: «Примши нож, ножом погибнут», и он решился не защищаться.

Бросив топор на землю и сложив руки крестом на груди, он спокойно сказал своим обидчикам: «Делайте, что вам надобно». Один из них, схватив топор, обухом ударил его по голове, так что изо рта и ушей подвижника хлынула кровь и он в беспамятстве упал. Тогда они потащили его в келью, продолжая бить его топором, дубиной, топтали его ногами, думали даже бросить его в реку. Но видя, что он вроде мертвого, связав ему руки и ноги, бросили его в сени, а сами кинулись в келью, где обшарили все углы, сломали даже печь, все надеясь отыскать деньги. Но нашли лишь икону да несколько картофелин. На них напал страх, и они убежали. Когда о. Серафим пришел в себя, он выпутался с трудом из веревок, поблагодарил Бога за неповинное страдание, помолился об обидчиках и на другой день во время самой литургии припелся в пустынь в самом ужасном виде. Волосы на бороде и голове его были в запекшейся крови, в пыли, спутаны. Руки и лицо были избиты, выбито несколько зубов, на ушах и лице запекшаяся кровь, окровавленная одежда местами пристала к ранам на теле. Он рассказал о случившемся настоятелю и братии и остался в Сарове. Первые восемь дней страдания его были чрезвычайны. Он не мог ни пить, ни есть, ни забыться ни на минуту сном от нестерпимой боли. В обители ждали его смерти. На седьмой день болезни, не видя улучшения, настоятель послал за врачами в Арзамас. Врачи нашли больного в таком положении: голова проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, по телу смертельные раны, и лишь удивлялись, как он еще жив. Пока эти три врача, при которых было три фельдшера, совещались над постелью больного по латыни, что предпринять, о. Серафим забылся и имел во сне видение.

К постели его подошла окруженная славой в царской порфире Пресвятая Богородица с апостолами Петром и Иоанном Богословом. Она рекла в сторону врачей: «Что вы трудитесь?» А затем, указывая апостолам на подвижника, произнесла: «Сей от рода нашего». После этого видения он отказался от какой бы то ни было врачебной помощи, говоря, что всю надежду возлагает на Господа и Богоматерь. В течение нескольких часов после видения страдалец ощущал чрезвычайную духовную радость. Потом почувствовал облегчение. В тот же вечер в первый раз после поранения спросил пищи и поел хлеба с квашеной капустой. С того дня он мало-помалу стал поправляться, но следы этого происшествия остались на нем навсегда. Еще раньше он как-то во время рубки леса был придавлен упавшим деревом и, раньше прямой и стройный, стал теперь согбенный. Теперь же он еще больше сгорбился и не мог ходить иначе, как опираясь на палку или топорик.

Пробыв пять месяцев в Сарове, о. Серафим вернулся опять в любимую свою пустынную келью. Таким образом, опять враг спасения потерпел новое поражение. Обидчики подвижника были найдены и оказались крепостными крестьянами, помещика Татищева из села Кременок. О. Серафим просил настоятеля не преследовать их и писал о том же помещику. Все настаивали на наказании. Тогда о. Серафим объявил, что в таком случае он оставит Саров и совсем уйдет в другое место.

Господь сам наказал этих людей: у них сгорели все избы. Тогда, раскаявшись, они пришли к о. Серафиму и просили у него прощения.

В 1807 году скончался второй со времени поступления о. Серафима настоятель Саровский – праведный игумен Исаия, который весьма чтит о. Серафима и которому о. Серафим платил искренней любовью. Когда о. Исаия был здоров, он сам ходил в пустынь к о. Серафиму. Когда он сложил с себя должность, о. Серафим был избран братиею в настоятели, но отказался, и был избран в настоятели казначей Нифонт. Больной старец Исаия не мог лишиться себя утешения в беседе с о. Серафимом, и братия возила бывшего своего настоятеля в тележке в пустынь к о. Серафиму.

Кончина о. Исаии тяжело отразилась на о. Серафиме. Три любимые им старца, из которых двое, Иосиф и Пахомий, руководили первыми его иноческими шагами, лежали в могилах. Он сам прожил уже почти полвека. И новое поколение иноков не могло дать его при-

вязчивой душе то, что давало ему общение с этими тремя глубоко духовными, а для него незаменимыми, коренными людьми. Как ни ограничивал он людских отношений, уход этих людей болезненно на нем отразился. Никогда не проходил он мимо кладбища монастырского без того, чтобы не помолиться на их могилах. Начальнице Ардатовской общины он как-то сказал: «Когда идешь ко мне, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтоб Он упокоил души рабов Своих Исаии, Пахомия, Иосифа, и потом припади ко гробу, говоря про себя: «Простите, отцы святые, и помолитесь обо мне!»

С. Коровин. Схимник

Стремясь все далее, все более очищая душу, а быть может, чтоб подвигом смирить печаль души, о. Серафим приступил к новому деланию – молчальничеству. Он более не выходил, если кто посещал его. Встречаясь с кем в лесу, падал лицом к земле и не вставал, пока не уходили от него, перестал даже ходить в монастырь по праздникам. Раз в неделю, по праздникам, старцу приносил послушник из Сарова пищу. Зимой приходилось идти к нему по глубокому снегу. Дойдя до кельи, послушник стучал, говоря вслух молитву Иисусову и старец, ответив «Аминь», отворял дверь сеней, где был приготовлен лоточек, а о. Серафим клал туда же кусочек хлеба или капусты, означая тем, что нужно принести в следующий раз. Затем послушник уходил, не слышав и голоса старца.

Таково было внешнее выражение молчальничества. Значение же и сущность его состояли в отречении от всяких житейских попечений для совершеннейшего служения Богу.

О. Серафим пояснял: «Паче всего должно украшать себя молчанием, ибо святой Амвросий Медиоланский говорил, что молчанием многих видел спасающихся, многоглаголанием же ни единого. И паки некто из старцев говорит: молчание есть таинство будущего века, словеса же – орудия сущего мира сего. Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в келье своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу. А Господь готов сделать тебя из человека Ангелом: «На кого бо, – говорит Он (Ис 66:2), – воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущаго словес Моих». Плодом молчания кроме других духовных приобретений бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве. Наконец, приобретшего сие ожидает мирное состояние». Когда старца спросили, зачем он, наложив на себя молчание, лишает братию той духовной пользы, какую он мог бы принести ей своими беседами, он отвечал: «Святой Григорий Богослов рек: прекрасно богословствовать для Бога. Но лучше сего, если человек себя очищает для Бога».

От молчальничества он перешел еще к новому подвигу – затворничеству. Этому способствовало отчасти следующее обстоятельство. Не было известно, кто и как приобщает о. Серафима с тех пор, как он, приняв на себя молчание, перестал ходить в монастырь. Собор старших иеромонахов решил предложить ему: или ходить в воскресные и праздничные дни для приобщения в монастырь, или, если болезнь ног не позволяет этого, переселиться в Саров. Монаху, носившему о. Серафиму пищу, было велено передать это ему и спросить у него об его решении. В первый раз о. Серафим ничего не ответил, во второй же раз молча пошел за монахом в Саров и там остался. Это было в мае 1810 года.

О. Серафим поселился в прежней келье своей, ни к кому не ходил и к себе никого не принимал. У него не было даже самых необходимых вещей. Икона с горящей лампадой и обрубок пня вместо стула – вот все, что было в келье. И огня он теперь не стал для себя потреблять. На плечах он носил теперь под сорочкой тяжелый железный пятивершковый крест. Собственно же вериг, вероятно, не носил. «Кто нас оскорбит словом или делом и если мы переносим обиды по-евангельски, – учил он, – вот и вериги наши, вот и власяница». Пищей его были теперь толокно и белая рубленая капуста. Воду и пищу относил ему сосед его по келье, монах Павел. Затворник, покрывшись полотенцем, чтоб никто не видал лица его, выходил из дверей и на коленях, как Божий дар, принимал посуду с пищей.

По-прежнему сложно и велико было молитвенное его правило. Между прочим, он в течение недели прочитывал весь Новый Завет и, читая, толковал себе Писание вслух. Многие приходили к его двери и с радостью слушали его. Иногда же он, сидя над книгой, как бы замирал, погруженный в созерцание, не читая далее. Также иногда на молитве он переставал читать слова, замолкал и, не двигаясь, стоял перед иконой. Всякое воскресенье и в большие праздники старец приобщался Святых Тайн, которые после ранней обедни ему приносили в келью из любимой и знаменательной для него больничной церкви. В сенях у него стоял дубовый гроб, сделанный, вероятно, им самим, как искусным столяром. Он просил после

смерти положить его непременно в этот гроб и часто около него молился, готовясь к смерти. Он выходил иногда из кельи по ночам, чтобы подышать свежим воздухом, и, читая тихо молитву Иисусову, в это время переносил дрова.

После пятилетнего строгого затвора старец внешне несколько ослабил его. Каждый мог войти к нему, так как он отпер дверь кельи. На вопросы старец, хотя и не стесняясь посетителей, не давал ответа. Даже когда посетил Саров Тамбовский епископ Иона (впоследствии экзарх Грузии) и пришел к его келье, старец не отпер ему двери и ничего не отвечал. Прошло еще пять лет затвора, и о. Серафим стал отвечать на вопросы братии и даже беседовать с нею. Он внушал братии неопустительно совершать богослужение, благоговейно стоять в церкви, постоянно заниматься умной молитвой, – каждому усердно исполнять послушание, не есть ничего вне трапезы, за трапезой сидеть с благоговением и страхом Божиим, без важной причины не выходить за ворота, бояться своеволия, как причины великого зла.

В 1825 году последовало явление о. Серафиму Богоматери. Пречистая повелела ему выйти из затвора и принимать всех, кто будет идти к нему. В это время о. Серафим был уже 66-летний старец. За почти полувековую монашескую жизнь сколько великого опыта духовного скопил он, какую великую воспитал в себе любовь к Богу, как изучил он малейшие движения души, как познал все оттенки той борьбы, которую враг ведет с человеком... И теперь он должен был в остававшиеся ему семь лет жизни излить на русский народ все сокровища своего опыта, всю силу своих молитв, всю великость своей любви... Он начал новый подвиг старчества, духовного руководства людьми. С окончания ранней обедни до восьми часов вечера келья была открыта для мирян, а для Саровской братии во всякое время. Эта маленькая келья освещалась лишь лампадой и свечами, зажженными перед иконами. Печь в ней никогда не топилась. Двумя маленькими окнами она смотрела в широкую, привольную луговую даль. Мешки с песком и камня лежали на полу, служа, вероятно, ему постелью. Обрубок дерева заменял стул.

Обычно старец принимал посетителей таким порядком. Одетый в белый балахон и мантию, он надевал еще епитрахиль и поручи в те дни, когда приобщался. С особенной любовью встречал он тех, в ком видел желание исправиться, искреннее раскаяние в грехах. Побеседовав с такими людьми, он накрывал их голову своей епитрахилью и произносил над ними, положив свою правую руку на их голову: «Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением». Затем произносил обычную разрешительную молитву, причем посетитель испытывал необыкновенно отрадное чувство. Вслед за тем старец начертывал на лбу посетителя крест елеем от иконы и давал, если то было утром, богоявленской воды и антидора. Наконец, целуя всякого в уста, произносил всегда, какой бы то ни был день года: «Христос Воскресе!» – и давал приложиться к образу Богоматери или кресту – материнскому благословению, висевшему у него на груди. Особенно советовал старец непрестанно молиться и для этого повторять всегда молитву Иисусову «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»: «Ходя и сидя, на деле, и в церкви стоя до начала богослужения, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием Имени Божия найдешь ты покой, достигнешь чистоты духовной и телесной, и вселится в тебя Святый Дух».

Явление Божией Матери старицу Серафиму

Многие из посетителей старца винулись в том, что мало молятся, не вычитывая даже положенные утренние и вечерние молитвы. Делали они это и по недосугу, и по безграмотности. О. Серафим установил для таких людей такое легко исполнимое правило: «Поднявшись от сна, всякий христианин, став перед святыми иконами, пусть прочитает молитву Господню «Отче наш» трижды в честь Пресвятой Троицы. Потом песнь Богородице «Богородице Дево, радуйся» также трижды. В завершение же Символ веры «Верую во Единого Бога» раз. Совершив это правило, всякий православный пусть занимается своим делом, на какое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть тихо

читает «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного (или грешную)»; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только «Господи, помилуй!» – и так до обеда. Перед самым же обедом пусть опять совершает утреннее правило. После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает так же тихо «Пресвятая Богородице, спаси мя грешного», и это пусть продолжает до самого сна. Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он «Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного (или грешную)». Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает утреннее правило, то есть трижды «Отче наш», трижды «Богородице...» и один раз «Символ веры». О. Серафим объяснял, что, держась этого малого правила, можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо эти три молитвы – основание христианства. Первая, как молитва, данная самим Господом, есть образец всех молитв. Вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Богоматери, Символ же веры содержит в себе вкратце все спасительные догматы христианской веры.

Кому невозможно выполнять и этого малого правила, старец советовал читать его во время занятий, на ходьбе, даже в постели и при этом приводил слова из Послания к римлянам: «Всякий, кто призовет Имя Господне, спасется».

Кому же есть время, старец советовал читать из Евангелия, каноны, акафисты, псалмы.

Бывали у о. Серафима знатные люди. С ними старец беседовал об обязанностях их звания. Особенно же он умолял их хранить верность Православной Церкви, соблюдать ее уставы, защищать ее от нападений.

Как простосердечно относился старец к нуждам простого народа, можно видеть из двух следующих примеров. Однажды прибежал в Саровскую пустынь крестьянин с признаками сильнейшего волнения и спрашивал у каждого попадавшегося ему навстречу инока: «Батюшка, ты что ли о. Серафим?» Когда ему указали старца, он упал ему в ноги и закричал: «Батюшка, у меня лошадь украли. Не знаю, как теперь буду семью кормить. Я без нее стал нищий. А ты, говорят, угадываешь». Ласково сказал ему старец, приложив его голову к своей голове: «Огради себя молчанием, иди в село (старец назвал село). Как станешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома, там ты увидишь калиточку. Войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча». Крестьянин тотчас побежал по указанному направлению, и был слух, что он нашел свою лошадь.

В другой раз один монах привел к старцу молодого крестьянина с уздой в руках, плакавшего о потере своих лошадей, и оставил старца с крестьянином вдвоем. Через некоторое время, встретив этого крестьянина, монах его спросил:

– Ну что, отыскал ты своих лошадей? – Как же, отыскал. Отец Серафим сказал мне, чтоб я шел на торг и что я там увижу их. Я и вышел, и как раз увидел, и взял к себе своих лошадок.

В о. Серафиме в великой мере действовал дар исцеления. В первый раз он проявился над человеком, ставшим впоследствии преданнейшим, вернейшим до самозабвения, до полного отречения почитателем его.

Михаил Васильевич Мантуров, помещик села Нуча Ардатовского уезда Нижегородской губернии, долго служивший в военной службе, тяжело заболел и, выйдя в отставку, должен был поселиться в своем имении. Болезнь его была в высшей степени странная и необъяснимая. Лучшие доктора не могли ни понять, ни лечить ее. Нуча лежала в сорока верстах от Сарова, и в нее доходили слухи о святости о. Серафима. Когда болезнь приняла такие размеры, что у Мантурова стали выпадать кусочки костей из ног, он в виде последней надежды решил ехать к о. Серафиму. С большими усилиями люди его, привезя его в Саров, ввели его в сени кельи старца. Старец вышел к нему и ласково сказал:

– Что пожаловал? Посмотреть на убогого Серафима?

Мантуров упал ему в ноги и стал со слезами просить его об исцелении. Проникновенно и любовно старец трижды спрашивал больного, верует ли он в Бога, и трижды получил горячее уверение в совершенной, пламенной вере. Тогда на это старец ответил:

– Радость моя, если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога. А потому веруй, что и тебя исцелит Господь. А я, убогий, помолюсь.

На ступенях храма

Посадив Мантурова в сених у гроба, о. Серафим удалился для молитвы к себе в келью и чрез некоторое время вернулся, неся освященное масло. Он приказал больному обнажить

ноги и, приготовившись вытереть их маслом, произнес: «По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую!» Помазав больные ноги и надев на них чулки из посконного холста, старец вынес из кельи большое количество сухарей, всыпал их в фалды сюртука Мантурова и так велел ему идти в монастырь. С некоторым сомнением стал исполнять Мантуров приказание о. Серафима. Но внезапно почувствовал в ногах силу и крепко, смело мог стоять. Он не помнил себя от изумления и радости и бросился в ноги старцу, но о. Серафим поднял его, строго говоря: «Разве Серафимово дело мертвит и живет? Что ты, батюшка! Это дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает. Господу Всемогущему да Пречистой Его Матери даждь славу!»

Прошло некоторое время. Мантуров чувствовал себя столь хорошо, что стал даже забывать о недавней так мучившей его болезни. Ему захотелось побывать у о. Серафима, принять его благословение, и он отправился в Саров. Дорогой он размышлял о словах о. Серафима, сказанных старцем после его исцеления, что надо ему возблагодарить и прославить Господа. Старец встретил его словами:

– Радость моя, а ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь!

– Я не знаю, батюшка, чем и как прикажете, – отвечал Мантуров, удивляясь прозорливости старца.

Радостно взглянув на исцеленного, старец сказал:

– Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!

Странное, трудно передаваемое впечатление произвело на Мантурова это слово, возбуждая напряженную работу его мысли. Он был еще молод, женат: чем же он будет жить, если все отдаст? Зная его мысли, старец сказал:

– Не пекись, о чем думаешь. Господь не оставит тебя ни в сей жизни, ни в будущей. Богат не будешь. Хлеб же насущный у тебя будет.

Всего второй раз видел Мантуров старца. Но старец, как бы вновь от ужасных страданий воззавший его к жизни, уже всецело владел благодарным, привязчивым, пылким сердцем Михаила Васильевича. Слово старца было для него уже святыней, и он ответил:

– Согласен, батюшка. Что же благословите мне сделать?

На этот раз мудрый о. Серафим не дал Мантурову определенного указания и отпустил его с благословением. Мантуров, исполняя совет старца, отпустил своих крепостных на волю, продал имение и, сохраняя пока капитал, купил в селе Дивееве на указанном старцем месте 15 десятин земли. Старец завещал ему хранить ее, никому не отдавать и назначить после смерти в Дивеево. Поселившись с женой своей, лютеранкой, на этом участке, Мантуров стал терпеть недостатки. Его жена, в общем хорошая женщина, была вспыльчивого характера, нетерпелива и упрекала его за этот поступок. Но, безгранично доверяя старцу, покорив ему свою волю, Мантуров никогда не роптал и радостно нес тот великий подвиг, к которому Христос призывал обратившегося к Нему за словом жизни юношу и который тот евангельский юноша был не в силах понести. Главное дело, которым о. Серафим занимал Мантурова, были дивеевские дела. Мантуров стал вернейшим, преданнейшим учеником старца, можно сказать, доверенным его другом. Старец иначе не называл его, как Мишенька.

Быт о. Серафима во многом изменился, когда в 1825 году он, по явлению ему Пресвятой Богородицы, вышел из затвора. Здоровье старца было нехорошо. Подвиги и изнурение всей жизни, стояние на камнях, затвор – все отозвалось и на его крепкой, выносливой природе. У него болели ноги и сильно болела голова. Были необходимы свежий воздух и движение. Еще с весны 1825 года он стал по ночам выходить из кельи. В ночь на 25 ноября явилась ему Богоматерь с разрешением оставить затвор, и с 25 же ноября, взяв благослове-

ние у настоятеля, старец стал ходить ежедневно на то место, которое в отличие от прежнего его жилища в лесу (дальняя пустынька) стало называться ближней пустынькой.

Старец о. Серафим в ближней пустыньке у своего колодца

В двух верстах от Сарова издавна находился родник, неизвестно кем вырытый и по стоявшей около него на столбике иконе Иоанна Богослова называвшийся Богословским. На горке в четверти версты от источника спасался в своей келье отшельник иеромонах Дорофей, скончавшийся в сентябре 1825 года. Место это о. Серафим посещал, еще когда жил в дальней пустыньке, работал здесь иногда и любил его. По выходе же из затвора он ежедневно стал посещать это место. Тут явился новый источник, по преданию забивший от удара жезла Богоматери, явившейся здесь старцу. Вода этого источника, называемого Серафимов, обла-

дает свойством не портиться даже годы, и множество больных, с верой омываясь ей, получали дивные исцеления от тяжких недугов.

Летом 1825 года был возобновлен Богословский родник. Старец, собирая камешки в речке Саровке, выкидывал их на берег и унизывал ими бассейн родника. Около были устроены гряды, на которых старец сажал лук и картофель. Так как в келью о. Дорофея за четверть версты ходить утружденному годами и болезнями старцу было уже тяжело, ему устроили сруб на холме близ родника. Небольшой этот сруб, длиной и вышиной в сажень и шириной два аршина, имел крышу скатом в одну сторону. Ни окон, ни дверей не было. Под стенку надо было подлезать. Здесь старец укрывался от дневного зноя. Через два года ему устроили здесь новую келью с дверью, но без окон. И тогда он в этом месте стал проводить все дни с утра, лишь к вечеру возвращаясь в Саров. Рано утром, в четыре, иногда и в два часа пополудни, старец отправлялся в ближнюю пустыньку. Он шел в своем белом холщовом балахоне, в старой камилавке, с топором в руке. На спине у него котомка, набитая камнями и песком. Поверх песка лежало Евангелие. У него спрашивали, зачем он удручает себя этой тяжестью. «Томлю томящего мя!» – отвечал старец. Стечение народа, желавшего кто лишь взглянуть на него, кто принять благословение, кто спросить у него совета, все увеличивалось: кто ждал его в Сарове, кто надеялся увидеть его на дороге, кто спешил застать его в пустыньке и быть свидетелем трудов его. Особенно велико было стечение народа вокруг старца в праздничные дни, когда он возвращался после принятия Святых Тайн из храма. Он шел, как подходил к чаше в мантии, епитрахили, поручах. Шел медленно среди теснившегося вокруг него народа, и всякому хотелось взглянуть на него, протиснуться поближе к нему. Но он ни с кем тут не говорил, никого не благословлял, ничего не видел. Светлое лицо его выражало глубокую сосредоточенность. Он весь был полон радости и сознания соединения со Христом. И никто не смел прикоснуться к нему. Войдя же в келью, старец принимал посетителей и говорил с ними. Великой духовной силой полна была речь о. Серафима. Смиренная, пылающая верой и любовью, она как бы снимала повязку с глаз, открывала новые горизонты, звала человека к совершению высокого его земного призвания – служения Богу как источнику добра, правды и счастья. Эти беседы уясняли ярко все заблуждения жизни, освещали путь, возбуждали жажду новой, лучшей жизни, покоряли старцу волю и сердце слушателей, вливали в них тишину и покой. Все, что старец ни говорил, все он основывал на словах Писания, на примере святых. Он всегда говорил то, что в данных обстоятельствах было самое важное, нужное для человека.

Речь его еще потому имела такую силу, что сам он первый исполнял все, чему учил других. По прекрасному, меткому сравнению о. Серафима: «Учить других – это как с высокой колокольни бросать камни вниз, а самому исполнять – это как с мешком камней на спине подниматься на высокую колокольню». Свои благодатные дары старец таил, не открывая их без крайней нужды. Вообще он был сторонником сосредоточенной жизни и находил, что и мирским людям надо быть сдержанными и не открываться легко другим людям.

Вот что он пишет по этому поводу: «Не должно без нужды другому открывать сердца своего. Из тысячи найти можно только одного, который бы сохранил твою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она будет сохранена другим? Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно когда в них не примечается и желания к слушанию. Всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований: в противном случае потеряешь и не найдешь. Ибо, по изречению святого Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже от хранения паче помощи, яже от дел. Когда же надобность потребует или дело дойдет, то откровенно во славу Божию действовать должно». Старец был великий ревнитель православия. Он особенно благоговел к памяти тех святых, которые выяснили и установили сущность правой веры: Климента, Папы Римского, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Афанасия Алексан-

дрийского. Кирилла Иерусалимского, Епифания Кипрского, Амвросия Медиоланского. Он любил вспоминать их твердое стояние за веру. Убеждая хранить догматы веры, старец приводил в пример блаженного Марка Ефесского, который с непоколебимым мужеством защищал православие на Флорентийском соборе. О. Серафим любил вести беседы о том, в чем состоит чистота православия, как охранять ее, и радовался, что наша Церковь содержит в себе Христову истину в полной целости. Высоко чтил подвижник и наших русских святых, говорил о жизни их, брал от них примеры для подражания. Вообще жития святых были для него живыми письменами, по которым он поучал народ. Особенно поразительны были в нем смирение и любовь. Всякого праведника и изболевшего грехами, трепещущего перед святостью его грешника, богача вельможу и бедняка – он одинаково встречал земным поклоном, часто целовал посетителям руки. Как ни много бывало у него посетителей, никто не отходил от него неудовлетворенным: он часто одной фразой, одним словом охватывал жизнь человека, наставлял его на нужный путь. Святой образ его действовал так сильно, что иногда перед ним плакали гордые, самонадеянные люди, пришедшие к нему лишь из любопытства. С людьми же, искавшими его для пользы духовной, искренне стремившимися к спасению, старец был особенно ласков.

Яснее всего вырисовывается образ о. Серафима из сохранившихся воспоминаний его посетителей, людей разнообразного звания и положения. Вот что ответил он однажды четырем старообрядцам из села Павлово Горбатовского уезда, которые приходили поговорить с ним о двуперстном сложении. Едва переступили они порог кельи и не высказали еще, для чего пришли, как старец подошел к ним, взял одного из них за правую руку и, сложив пальцы его по чину Православной Церкви, сказал:

– Вот христианское сложение креста. Так молитесь и прочим скажите. Прошу и молю вас: ходите в церковь греко-российскую. Она во всей славе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее – учителя Церкви, архипастыри – суть преемники апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел. Она привязана вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за ней, заливаема волнами и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю.

Кавалерийский офицер И. Я. Каратаев, в 1830 году посланный из полка за ремонтом, проезжал мимо Сарова. Слыша по дороге рассказы о старце, он хотел заехать к нему, но не решился, боясь, что старец обличит его перед другими в его грехах, особенно же в его отношении к иконам. Ему казалось, что произведение рук человека, часто грешного, не может вместить в себе благодати и быть предметом почитания. Вскоре по случаю того, что его вызвали ввиду польской кампании, ему снова с командой нижних чинов пришлось проезжать мимо Сарова, и теперь по совету отца он решил быть у старца. Когда он стал подходить к келье старца, страх его сменился тихой радостью, и он заочно возлюбил о. Серафима. Вот что произошло дальше:

«Около кельи стояло уже множество народа, пришедшего к нему за благословением. О. Серафим, благословляя прочих, взглянул и на меня и дал мне знак рукой, чтоб я прошел к нему. Я исполнил его приказание, со страхом и любовью поклонился ему в ноги, прося его благословения на дорогу и на предстоящую войну и чтоб он помолился о сохранении моей жизни. О. Серафим благословил меня медным своим крестом, который висел у него на груди, и, поцеловав, начал меня исповедовать, сам сказывая грехи мои, как будто бы они при нем были совершены. По окончании этой утешительной исповеди он сказал мне: «Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и помнить, что хотя мы и грешные, но находимся все под благодатью нашего Искупителя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей». Вслед за тем он начал говорить и о моем заблуждении относительно почитания святых икон: «Как

худо и вредно для нас желание исследовать таинства Божии, недоступные слабому уму человеческому, например, как действует благодать Божия через святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобой, и не только тело их, но и душу, так что и грешники по вере в находящуюся в них благодать Христову спасались и достигали Царства Небесного».

Слушая о. Серафима, поистине я забыл о земном своем существовании. Солдаты, возвращавшиеся со мной в полк, удостоились также принять его благословение, и он, делая им при этом случае наставления, предсказал, что ни один из них не погибнет в борьбе, что и сбылось действительно: ни один из них не был даже ранен. Уходя от о. Серафима, я положил подле него на свечи три целковых. Но враг вложил мне такую мысль: «Зачем святому отцу такие деньги?» Эта мысль смутила меня, и я поспешил с раскаянием к о. Серафиму. Я вошел с молитвой к старцу, а он, предупреждая слова мои, сказал мне следующее: «Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки, но эта рука дала какому-то пустыннику на святой храм, и молитвами Святой Церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устройство Дивеевской общины за твое здоровье». Потом о. Серафим опять исповедал меня, поцеловал, благословил и дал мне съесть несколько сухариков и выпить святой воды, которую вливая мне в рот, сказал: «Да изженется благодатию Божиею дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна». Старец дал мне и на дорогу сухарей и святой воды и сверх того просфору, которую сам положил в мою фуражку. Наконец, получая от него последнее благословение, я просил его не оставить меня своими молитвами. На это он сказал: «Положи упование на Бога и проси Его помощи. Да умей прощать ближним своим, и тебе дастся все, о чем ни просишь». В продолжение польской кампании я бывал во многих сражениях, и Господь везде меня спасал за молитвы праведника Своего».

Пришел к старцу один генерал и благодарил его за молитвы. При этом он рассказал ему: «Вашими молитвами я спасся во время турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятелей, я оставался сам с одним только полком и видел, что мне ни укрепиться, ни двинуться ни взад, ни вперед. Не было никакой надежды на спасение. Я только твердил непрестанно: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима», ел сухарики, данные мне вами в благословение, пил воду, и Бог охранил меня от врагов невредимым». Старец на это отвечал: «Великое средство ко спасению – вера, особенно же непрестанная сердечная молитва».

Высоко ставя Пятую заповедь, старец не позволял детям говорить против родителей, даже имевших несомненные недостатки. Один человек пришел к старцу с матерью, которая была предана пороку пьянства. Сын только хотел заговорить об этом, как о. Серафим зажал ему рукой рот и не дал произнести ему слова. Потом он, обращаясь к матери, сказал: «Отверзи уста свои» – и, когда она открыла рот, трижды дунул на нее. Отпуская ее, о. Серафим сказал: «Вот вам мое завещание. Не имейте в доме своем не только вина, но даже и посуды винной, так как (предсказал он матери) ты отселе не потерпишь более вина».

М. Маймон. Император Александр I у Серафима Саровского

Если кто, спрашивая совета старца, впоследствии не исполнял этот совет, ему приходилось горько в том раскаиваться. Один рязанский помещик, служивший офицером, просил у старца благословения на вступление в брак. Старец указал ему невесту, назначенную ему Богом. Она жила неподалеку от него, и старец назвал ее по имени. Но тот объявил старцу, что женится на другой. «Тебе сия не принадлежит в радость, а в печаль и в слезы!» – ответил ему старец. Он женился по своему выбору, но не прошло и года, как овдовел. Вдовцом он был опять у старца, потом женился на особе, указанной в первый раз старцем, и жил с ней счастливо.

Старец соединял разошедшихся супругов. Супруги Тепловы разъехались вследствие семейных неприятностей. Муж жил в Пензе, а жена в Таганроге. Муж приехал в Саров. Только что старец взглянул на него, как стал говорить:

«Зачем ты не живешь с женой? Ступай к ней, ступай!» Слова старца образумили его: он съездил за женой, был с ней в Киеве на богомолье, потом он поселился в деревне и жили они мирно и счастливо. Известная своим благочестием госпожа Колычева писала знаменитому затворнику Георгию после кончины о. Серафима: «Я видела письма их после известия о смерти старца. Они исполнены горести, что умер отец их и благодетель».

Одна мать потеряла из виду сына и в страшной горести отправилась к о. Серафиму. Старец сказал ей, чтоб она подождала в Сарове своего сына три дня. На четвертый день истомившаяся женщина опять пошла к старцу, чтоб проститься с ним. А у него в это время находился ее сын, и, взяв его за руку, о. Серафим подвел его к матери.

Одному иноку выпало на долю счастье слышать рассказ о. Серафима о восхищении его в райские обители. Старец говорил так: «Вот я тебе скажу об убогом Серафиме. Я услаждался словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: «В дому Отца Моего обители мнози суть». На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился, и возжелал видеть оные небесные обители, и молил Господа Иисуса Христа, чтоб показал мне эти обители. Господь не лишил меня Своей милости. Вот я был восхищен в эти небесные обители. Только не

знаю, с телом ли или кроме тела. Бог вещь, это непостижимо. А о той радости и сладости, которые я там вкушал, сказать тебе невозможно». О. Серафим замолчал. Он поник головой, водя рукой около сердца. Лицо его до того просветлело, что нельзя было смотреть на него. Потом снова заговорил: «Если б ты знал, какая радость ожидает душу праведного на небе, ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения, клевету; если бы келья наша была полна червей и черви эти ели бы плоть нашу всю временную жизнь нашу, то надобно бы было на это согласиться, чтоб только не лишиться той небесной радости. Если сам святой Апостол Павел не мог изъяснить той небесной славы, то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения?»

Помещица г-жа Еропкина передает свое впечатление от одного разговора со старцем: «Я удостоилась услышать от него утешительный рассказ о Царствии Небесном. Ни слов его, ни впечатления, сделанного им на меня в ту пору, я не в силах теперь передать в точности. Вид его лица был совершенно необыкновенный. Сквозь кожу у него проникал благодатный свет. В глазах у него выражались спокойствие и какой-то неземной восторг. Надо полагать, что он, по созерцательному состоянию духа, находился вне видимой природы, в святых небесных обителях, и передавал мне, каким блаженством наслаждаются праведники. Всего я не могла удержать в памяти, но знаю, что говорил он мне о трех святителях; Василии Великом, Григории Богослове, Иоанне Златоусте, в какой славе они там находятся. Подробно и живо описал красоту и торжество святой Февронии и многих других мучениц. Подобных живых рассказов я ни от кого не слыхала. Но он точно не весь высказался мне тогда и прибавил в заключение: «Ах радость моя, такое там блаженство, что и описать нельзя!» Вот еще что вспоминает в первое полугодие по кончине старца Серафима г-жа Колычева в письмах к известному затворнику Задонскому Георгию: «Мне, и в присутствии моем другим рассказывала генеральша Мавра Львовна Сипягина. Она была больна, чувствовала ужасную тоску и от болезни не могла в постные дни кушать пищи, положенной уставом Церкви. Когда она пришла к о. Серафиму просить помощи, старец приказал ей напиться воды из его источника. Мавра Львовна напилась. Вдруг без всякого принуждения из ее гортани вышло множество желчи, и после сего она стала здорова. Многим даже в ранах о. Серафим приказывал окатиться водой из его источника. Все получали от этого исцеление и в различных болезнях. Жизнь батюшки Серафима и чудные дела Божии в нем меня радуют. А как вспомню о его переселении от здешних – глаза полны слез. В бытность у него я так была удивлена им, что нашлось мало о чем поговорить с ним о себе. Только лились неудержимо мои слезы».

Переходя к описанию последних лет жизни великого старца, следует заметить, что в эти годы он одевался несколько иначе, чем прежде. Он носил теперь подрясник из толстого черного сукна. Летом наверх накидывал белый холщовый балахон, а зимой он надевал теперь шубу и рукавицы. От дождя и жары он носил кожаную полумантию с вырезами для продевания. Обувь его составляли: для церкви – кожаные коты; зимой ходил в бахилах, летом – в лаптях. Отдыхал он в сенях или в келье. Спал, сидя на полу, спиной прислонясь к стене и протянув ноги. Иногда клал голову на кирпич или поленья. В самое же последнее время его жизни без ужаса нельзя было смотреть на его сон. Он становился на колени и, поддерживая руками голову, спал, опираясь локтями на пол, лицом к земле.

Небо стало для него действительно близкой, родной стихией. Когда за два года до кончины его офицер Каратаев спросил его, не надо ли передать чего его брату и курским родственникам, старец указал на лик Спасителя и Божией Матери и произнес с улыбкой: «Вот мои родные!» В эту пору своей жизни о. Серафим особенно усердно молился за всех христиан, усопших и живых. В келье о. Серафима горело много лампад и особенно много пучков восковых свеч большого и малого размера. Они были поставлены на круглых подносах, и от их горения в тесной келье была постоянная жара. О. Серафим сам объяснил значение этих свеч почитателю своему Мотовилову: «Я имею, как вам известно, многих особ, усердству-

ющих ко мне и благотворящих моим сиротам (Дивееву). Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот когда я читаю правило свое, то и поминаю сначала их единожды. А так как по множеству имен я не смогу повторять их на каждом месте правила, где следует – тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила, – то я и ставлю эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных за несколько человек одну большую свечку, за иных же постоянно теплою лампады; и, где следует на правиле помянуть их, говорю: «Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свечи и кандила». А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка или так простое мое усердие, ни на чем не основанное, то я приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал Глас Господа, глаголавшего к нему: «Моисее, Моисее, рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандилы во дни и в ночи. Сия бо угодна есть предо Мною, и жертва благоприятна Ми есть».

Так вот почему Святая Церковь приняла в обычай возжигать во святых храмах и в домах верных христиан кандила или лампады пред иконами».

Трогательна была забота его об умерших. Он сам рассказывал следующее: «Умерли две монахини, бывшие обе игуменьями. Господь открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах они были истязаемы, потом осуждены. Трое суток молился я, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь по своей благодати молитвами Богородицы помиловал их; они прошли все воздушные мытарства и получили от Бога прощение».

Да, старец Серафим глубоко проник во все, невидимое нашему взору. Та преграда, что существует между земным и небесным, для него, кажется, не существовала. Еще в земном теле казался он бесплотным. Так, сохранился рассказ о том, как видели его на молитве поднявшимся на воздух. Княгиня Е. С. Ш. привезла к старцу больного своего племянника Я., приехавшего к ней из Петербурга. Его на кровати внесли в монастырскую ограду. Старец, как бы ожидая его, стоял у дверей своей кельи и просил, чтоб больного внесли к нему. Когда они остались вдвоем, о. Серафим сказал: «Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться. Только смотри: лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся». Долго больной лежал, не оборачиваясь, послушный слову старца. Но наконец любопытство принудило его обернуться, посмотреть, что делает старец. Он увидел о. Серафима стоящим на воздухе в молитвенном положении. От неожиданности он вскрикнул. Старец, кончив молитву, подошел к нему и сказал: «Вот ты теперь будешь всем толковать, что Серафим святой, молится на воздухе. Господь тебя помилует. А ты смотри, огради себя молчанием и не открывай того никому до дня преставления моего. Иначе болезнь к тебе опять вернется».

Он вышел от старца сам, хотя и опираясь на костыль. Когда его стали расспрашивать, что делал с ним старец, он упорно молчал. Совершенно оправившись, он вернулся в Петербург, где обыкновенно жил, потом снова отправился к тетке в деревню и узнал здесь о кончине великого старца. Тогда он открыл то, чему был свидетелем.

По всей России среди людей, сколько-нибудь ценивших благочестие, глубоко чтили о. Серафима. Все современные ему русские подвижники благочестия отзывались о нем как о великом духовном муже. Некоторые епископы писали к нему, спрашивали у него советов. Особенно почитал его Воронежский архиепископ Антоний, которого старец Серафим называл великим архиереем Божиим. Духом о. Серафим знал многих подвижников. Известно, например, его полное изумительной прозорливости отношение к Георгию, затворнику Задонскому, к затворнику Ачинскому (в Сибири) Даниилу Делие. Один посетитель затворника Георгия, увидев у него на стене незнакомый ему портрет, спросил, чей это портрет. Тогда Георгий рассказал ему замечательное проявление над ним прозорливости старца Серафима, который тогда уже скончался и которого изображал портрет.

Затворника долгое время смущал помысл, не перейти ли ему из Задонского монастыря в другой монастырь. Два года он боролся с этим помыслом, никому его не открывая. Однажды келейник его докладывает ему, что пришел странник с поручением от старца Саровского Серафима, которое он желает передать лично. Когда странник был допущен к затворнику, он сказал: «Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить сие место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться». Сказав эти слова, престарелый странник поклонился и вышел. Некоторое время в глубочайшем изумлении от того, что о. Серафим издалека послал ему ответ на тайный помысл, неподвижно стоял затворник. Опомнясь, послал келейника вдогонку за ним, чтоб подробно расспросить его. Но ни в монастыре, ни за монастырем странника не могли уже найти.

За двадцать один месяц до кончины великому старцу Серафиму было дивное посещение Пречистой Девы Богородицы. Как многие, или, лучше сказать, большинство русских преподобных, старец Серафим отличался безграничным, умилительным благоговением к Богоматери. Пресвятая Владычица, начиная с того раза, что в детстве его обещала ему исцеление, неоднократно являлась своему избраннику. Особо же знаменательного посещения Владычицы мира, и уже наяву, старец сподобился в день Благовещения Пресвятой Богородицы, 25 марта 1831 года. Свидетельницей этого посещения была Дивеевская старица Евдокия. О. Серафим накануне знал о благодатном посещении.

Ранним утром в день Благовещения о. Серафим, накрыв инокиню своей мантией, стал читать каноны и акафисты. Затем сказал ей: «Не убойся, не утрашись... Благодать Божия к нам является».

Сделался шум вроде ветра, дверь кельи сама отворилась, засиял яркий свет, полилось благоухание, раздалось пение. Трепет наполнил инокиню. О. Серафим упал на колени и, воздевая руки к небу, произнес: «О Препоблагословенная Пречистая Дева, Владычица Богородица!»

Явление Божией Матери старцу Серафиму в день Благовещения

Впереди шли два ангела с ветвями в руках, усаженными только что расцветшими цветами. Они стали впереди. За ними шли святой Иоанн Предтеча и святой Иоанн Богослов в белой блистающей одежде. За ними шли Богоматерь и двенадцать дев. На Царице Небесной была мантия, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, несказанной красоты, застегнутая камнем, выложенным крестами. Поручи на Ее руках и епитрахиль, наложенная сверх платья и мантии, были тоже выложены крестами. Она казалась выше всех дев. На голове Ее сияла в крестах корона – и глаз не выносил света, озарявшего лик Пречистой. Девы шли за Ней попарно в венцах и были разного вида, но все великой красоты. Келья

сделалась просторнее, и ее верх исполнился огней как бы от горящих свечей. Было яснее полудня, светлее солнца.

Долго инокиня была в трепетном забытии. Когда же пришла в себя, о. Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах перед Владычицей, и Она говорила с ним как с родным человеком... Девы сказали инокине свои имена и страдания за Христа. То были великомученицы Варвара и Екатерина, Марина и царица Ирина, Пелагия, Дорофея и Иулиания, первомученица Фекла, преподобные Евпраксия и Макрина, мученицы Анисия и Иустина.

Из беседы Пречистой Владычицы с о. Серафимом инокиня слышала: «Не оставь дев моих (Дивеевских)». Старец отвечал: «О, Владычице, я собираю их. Но сам собою не могу их управить». Царица Небесная сказала: «Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу. Кто обидит их, тот будет поражен от Меня.

Кто послужит им ради Господа, тот помяновен будет пред Богом». Благословляя старца, Владычица произнесла: «Скоро, любимиче Мой, будешь с нами».

Видение исчезло в одно мгновение. Старец говорил, что оно продолжалось четыре часа.

В последний год жизни великий старец крайне ослабел. Он не мог всякий день ходить в ближнюю пустыньку и в монастыре не мог принимать многих. Народ скорбел о том, и многим, чтоб видеть старца, приходилось подолгу жить в гостинице монастырской, чтоб насладиться благоуханием его последних бесед. Все так же сияли в старце дивные дары его: прозорливость, дар исцелений.

Замечательна одна из последних бесед старца, которую он имел с помещиком Богдановым за неделю до своего конца. В день Рождества Богданов очень рано пришел в пустую еще церковь и увидел, что о. Серафим сидел на полу правого клироса. Он после обедни попросил назначить ему время для беседы. На эту просьбу старец ответил: «Времени не надо назначать; святой Апостол Иаков, брат Божий, поучает: аще Господь восхощет и живы будем, сотворим сие и сие».

В тот же день, приготовив вопросы, уяснить которые он желал мнением старца, он пришел к нему в келью, и о. Серафим согласился беседовать с ним. Все время беседы он стоял, опершись на дубовый гроб, и держал в руках горящую восковую свечу.

На вопрос, продолжать ли службу или жить в деревне, старец ответил: «Ты еще молод – служи. Добро делай. Путь Господень все равно. Враг везде с тобой будет. Кто приобщается, везде спасен будет. А кто не приобщается – не мню». На вопрос, учить ли детей языкам и прочим наукам, старец ответил: «Что же худого знать что-нибудь?» В то же время в Богданове мелькнула мысль, что самому надо быть ученым, чтоб отвечать на это. А прозорливый старец тотчас молвил: «Где мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумней».

На вопрос, должно ли лечиться в болезнях, старец сказал: «Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя. Иди средним путем. Выше сил не берись. Упадешь, и враг посмеется тебе. Вот что делай: укоряют – не укоряй, гонят – терпи, хулят – хвали. Осуждай сам себя, так Бог не осудит. Покоряй волю свою воле Господней. Никогда не льсти. Познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это. Люби ближнего твоего – ближний твой плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь. А если по-Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти».

На вопрос, надо ли для поддержания своего звания вовлекаться в издержки, превышающие достатки человека, старец сказал: «Кто как может. Лучше, чем Бог послал. Хлеба и воды довольно для человека».

На вопрос, должно ли угождение людям доводить до несогласия с волей Божией, старец ответил: «За эту любовь многие погибли. Аще кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех, а больше всего Бога».

На вопрос о том, как управлять подчиненными, о. Серафим ответил; «Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напои, накорми, будь справедлив. Аще Бог прощает, и ты прощай». Затем старец говорил: «Что обლობызала и приняла Святая Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней. Будь воздержан, ходи в церковь, разве немощи когда. Молись за всех: много этим добра сделаешь. Давай свечи, вино и елей в церковь. Милостыня много тебе блага сделает».

На вопрос о девстве и браке, старец сказал: «И девство славно, и брак благословен Богом. Только враг смущает все».

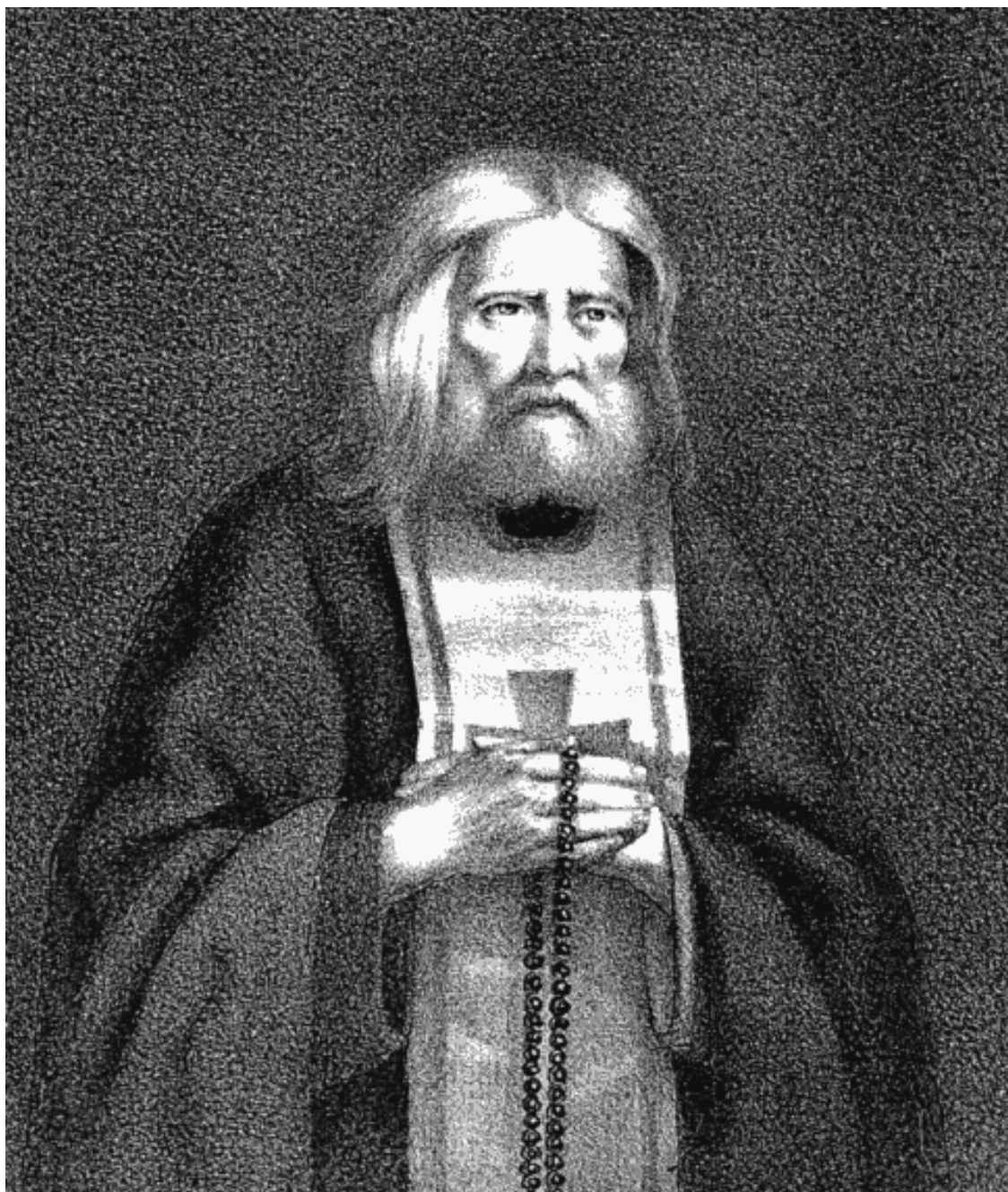
Богданов спросил, можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна и врачи требуют, чтоб ели скоромное. На это старец ответил: «Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по сто лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек... А что Церковь положила на семи Вселенских соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением?»

«Чем истребить гордость и приобрести смирение?» – спросил Богданов. «Молчанием, – отвечал старец. – Молчанием большие грехи побеждают».

Прощаясь с Богдановым, старец благодарил его «за посещение его убожества» и хотел поцеловать ему руку, кланяясь все ему до земли; наделил его сухариками, прося раздать их его подчиненным. Старец говорил на этот раз чрезвычайно поспешно. Не успевал Богданов прочесть записанный на бумажке вопрос, как уже следовал ответ.

То, что сказано старцем в этой беседе, представляет собою правила жизни для мирянина, идущего средним путем – без особых подвигов, но не забывающего о Боге.

Свидевшись с истинным подвижником, старцем Тимоном, которого не видал двадцать лет, о. Серафим говорил ему: «Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии. Все где-нибудь да прозябнет, и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро». Благословляя при прощании исцеленную им за пять месяцев до кончины монахиню, которая спрашивала его, может ли она надеяться еще увидеть его, старец, указывая рукой на небо, сказал: «Там увидимся. Там лучше, лучше, лучше!» Отец Серафим стал готовиться к концу. Он все реже и реже выходил в пустыньку, все менее принимал у себя. Его нередко видали в сенях. Он сидел у приготовленного им для себя гроба и размышлял о смерти и загробной участи. Часто он горько плакал. Теперь, прощаясь со многими, старец утвердительно говорил: «Мы не увидимся более с вами». Когда некоторые говорили о своем желании приехать в Саров Великим постом, старец отвечал: «Тогда двери мои затворятся. Вы меня не увидите». Старец все был бодр, но, видимо, жизненная сила догорала. «Жизнь моя сокращается, – говорил он некоторым, – духом я как бы сейчас родился. А телом по всему мертв».

Старец о. Серафим в последние годы его жизни

В августе, за четыре месяца до конца о. Серафима, вновь назначенный в Тамбов преосвященный Арсений, впоследствии митрополит Киевский, был в Сарове и посетил о. Серафима. Старец поднес архиерею в подарок четки, пук восковых свечей, обернутых в холстину, бутылку деревянного масла и шерстяные чулки. Затем отдельно он принес ему бутылку красного церковного вина. Все это означало, что старец просит по смерти своей помянуть себя... Свечи, масло и вино, сбереженные преосвященным, были употреблены на ту литургию, которую он совершил об упокоении старца, когда получили известие о кончине его. А прочие предметы преосвященный оставил у себя. О. Серафим приказал послать некоторым лицам письма, приглашая их поспешить с приездом. Также поручил передать разным другим лицам, которые не могли приехать, нужные для них наставления. «Сами-то они меня не увидят», — объяснял старец.

Перед Новым годом старец отмерил себе могилу у алтаря Успенского собора на месте, на котором когда-то, выйдя из затвора, положил камень. Как-то в эту пору один инок, изумля-

ясь жизни о. Серафима, спросил его: «Почему мы, батюшка, не имеем такой строгой жизни, какую вели древние подвижники благочестия?»

«Потому, – отвечал о. Серафим, – что не имеем к тому решимости. Если б решимость имели, то и жили бы так, как отцы, в древности просиявшие. Потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа Бога ныне та же, какая была и прежде. Ибо, по Слову Божию, Иисус Христос «вчера и днесь, той же и во веки». Эти слова можно считать как бы печатью жизни о. Серафима.

Да, он, в одном человеческом существе вместивший столько подвигов, на пространстве одной жизни соединивший в себе крепость, ревность, пыл как бы многих великих людей; да, он по правде доказал своей жизнью, что все та же благодать, вдохновлявшая первых великих преподобных, воспитавшая величайших мужей Церкви, и теперь, нисколько не оскудев, пребывает в Церкви, лишь бы искали люди черпать из этого источника, только бы имели решимость к Богу одному стремиться, Бога одного желать. Тем и велико значение о. Серафима, что в его лице заветная крепость прежних времен воскресла. Столь же высоко парил дух его, как у отцов первых христианских церквей. И потому столь же поразительна, выходя из всяких обычных рамок, была и жизнь его.

Вот трогательный завет, переданный старцем одной дивеевской инокине и, конечно, относящийся и ко всем, чтущим его: «Когда меня не станет, ходите, матушка, ко мне на гробик. Ходите, как вам время есть. И чем чаще, тем лучше. Все, что ни есть у вас на душе, все, о чем ни поскорбите, что ни случилось бы с вами, со всем придите ко мне на гробик. Да припав к земле, как к живому, и расскажите. И услышу вас, и скорбь ваша пройдет. Как с живым, со мной говорите. И всегда для вас жив буду». Сестер Дивеевских старец поручал заступлению Царицы Небесной.

Блаженная кончина старца о. Серафима

Наступил первый день 1833 года, пришедшийся на воскресенье. О. Серафим приобщился за ранней обедней в дорогом ему храме Соловецких чудотворцев. И, чего не делал раньше, обошел все иконы, прикладываясь к каждой и ставя свечи. После службы он простился со всеми молившимися монахами, благословил, поцеловал и говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь нам венцы готовятся!» Три раза в этот день старец выходил на место, назначенное для погребения его, и долго смотрел в землю. Вечером было слышно, как он в келье своей поет пасхальные песни.

В конце ранней литургии 2 января о. Серафим был найден в своей келье почившим в молитвенном коленопреклоненном положении. Старца схоронили на выбранном им месте у

стены Успенского собора, в приготовленном им задолго до смерти дубовом гробе. На грудь по его завещанию положили ему финифтяное изображение Преподобного Сергия. Впоследствии над гробом его был поставлен тяжелый памятник. В недавнее время вокруг могилы устроена часовня со стеклянными стенами. Там размещены большие картины, изображающие старца кормящим медведя, старца у ближней пустыньки, блаженную кончину старца и благодатное посещение его Пресвятой Богородицей.

Келья его в последние годы обведена храмом, в котором она служит алтарем. Обе пустыньки – избы из ближней и дальней пустыnek – перенесены в Дивеев. В одной из них устроен алтарь, где хранятся разные предметы, принадлежавшие о. Серафиму. В другой на память о старце раздают кусочки ржаного хлеба, как делал это он сам. Камень, на котором старец Серафим молился тысячу ночей, был разобран по кусочкам богомольцами на благословение. От него остался лишь небольшой кусок. Во многих русских благочестивых семьях можно встретить обломки этого камня с изображением на них молящегося коленопреклоненно на камне с воздетыми руками о. Серафима. Что-то трогательное до слез, привязывающее сердце какой-то невыразимой властью есть в существе дивного старца. Счастлив, кто будет призывать его! Справедлив отзыв о нем «великого архиерея Божия» архиепископа Антония Воронежского: «Он как пудовая свеча, всегда горит пред Господом – как прошедшую свою жизнь на земле, так и настоящим дерзновением пред Святою Троицею».

Немногие праведники прославлялись столь скоро после кончины своей, как о. Серафим. Все эти 70 лет, отделяющие нас от дня его преставления, полны проявлениями его жизни, его любви и сострадания. Вот некоторые из чудес старца.

Из письма П.Т. Архипова из Москвы от 7 октября 1869 года: «Приношу мою искреннюю благодарность за присылку жене моей Марии Николаевне образа на финифти с изображением Богоматери и о. Серафима, молящегося пред Нею. Образ этот вручен был во время тяжкой болезни утром пришедшею монахиней. Жена моя за некоторое время пред этим видела во сне или даже наяву, ибо она была в беспамятстве, что о. Серафим хлопотал и заботился около нее, обливая ее теплою водою. Когда же она опомнилась, то вся была в поту. Тут ей дали присланный вами образ, и с сей минуты она начала выздоравливать, тогда как злая горячка вместе с пузырчатой рожей совершенно свели ее, было, в могилу. Я и каждый из членов моего семейства свидетельствуем, что молитва Преподобного о. Серафима велика пред Богом. Много, много было с нами чудных случаев, уверивших нас в его пред Богом заступлении».

Письмо Марии Григорьевны Сабуровой: «Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Я удостоилась во время сильной тифозной горячки видеть угодника Божия о. Серафима в видении: будто бы я пришла в Саровскую пустынь и старец о. Серафим послал меня в Дивеевскую обитель. И когда в видении представилась пустынь, в ней недоконченный храм, а на воздухе над храмом я увидела икону Божией Матери, святой о. Серафим сказал мне от Имени Царицы Небесной, что я буду жива, болезнь моя не к смерти. Старец еще сказал: «И ныне у вас траура не будет, а в будущем, 1869 году будет траур». Это видение тут же, не пришедши еще в сознание, я рассказала всем присутствующим, а опаматовавшись, опять повторила видение. Все, что я видела, исполнилось. И траур в нашем семействе случился неожиданный через десять месяцев. Брат моего мужа, молодой человек, камергер Николай Дмитриевич Сабуров, умер за границей. В виденном подписываюсь: М. Г. Сабурова. Свидетельницами при этом видении были: А. М. Языкова, Т. С. Узнанская, В. Г. Языкова».

Марфа Толстова, крестьянка Пензенского уезда, села Заянчкого, 50 лет от роду, была совершенно слепая четырнадцать лет и видела во сне старичка, повелевшего ей побывать в Сарове, где она получит исцеление. «Взгляни на меня!» – говорит ей старец во сне, и она ясно различала его. «Поди, – приказал он, – на Серафимов источник, умойся и, взяв из него

воды, подымись на гору до камня; нагнувшись, помочи глаза и исцелишься от слепоты». 29 июня 1873 года исполнилось все сказанное: она в Сарове прозрела.

В октябре 1874 года было получено в Дивееве письмо нижегородской помещицы Каратаевой: она просила прислать масла из лампадки от образа о. Серафима. Это масло, привезенное из Дивеева, давала ей ее двоюродная сестра княгиня Чегодаева, и оно излечило Каратаеву от сильнейшего ревматизма. Княгиня А. С. Кугушева писала дивеевской игуменье Марии: «Вы не можете себе представить, какое страдание я выносила. Ухо мое и челюсть моя до того разболелись, что я ночи не спала и не могла уложить голову, чтоб успокоиться. Одно благодетельное средство – это полотенчишко батюшки Серафима. Едва уложу его на больное место, как успокоится боль и я засну».

Письмо к дивеевской игуменье матери Марии В. С. Волкова: «Дивен Бог во святых Своих. 17-го числа сего месяца в моей семье совершилось, по молитвам батюшки о. Серафима, чудное по мгновению своему исцеление трехлетней внучки моей Ольги, которая, будучи весела и играя, вдруг впала в изнеможение, глаза ее помутились, она смотрела дико, как умалишенная, руки ее были сведены, и на делаемые ей вопросы, так как язык у ней отнялся, она не могла отвечать. Мать ее прибежала ко мне в слезах, растерянная и как сумасшедшая, прося меня дать ей чего-нибудь святого. Я немедленно велел принести водицы из источника о. Серафима и полученные мною от вас в память его раздаваемые сухарики дал моей больной, которая, сделав глотка три водицы, тотчас пришла в себя и стала говорить. А когда съела три размоченных в той же воде сухарика, то глаза ее и руки приняли свой постоянный вид и она начала смеяться и играть и по сие время здорова».

Протоиерей Арзамасского собора Светозарский писал в Дивеево 26 апреля 1873 года: «Со второй недели минувшего поста постигло меня посещение Божие тяжкою простудою, от которой возникла нестерпимая боль внутри. На четвертой неделе она усилилась до такой степени, что я ожидал себе конца. С 16 марта на 17-е в часу первом по полуночи сам предстал угодник Божий видимо пред моею кроватью и на коленочках питал меня какою-то сладкою пищей вроде пирожков. Приказал мне сейчас же читать акафист Божией Матери, который я знал изустно. Я читал твердо, а о. Серафим продолжал свое дело меня кормить и вдруг исчез, после чего в один момент болезнь моя уничтожилась».

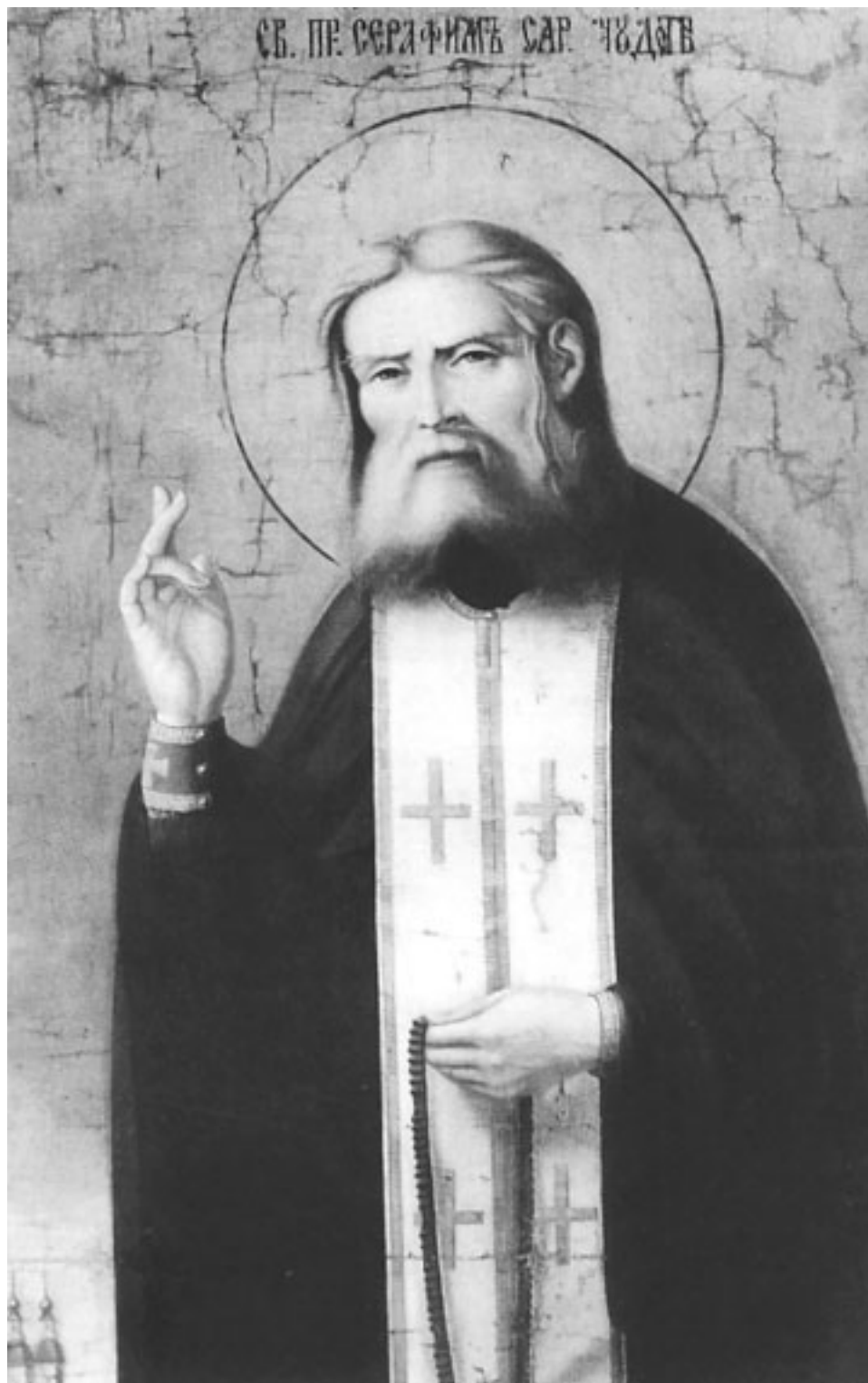
И как обаятельно-милостив, ласков, заботлив великий старец в таких явлениях своих. И какие теперь потоки потекут от его благодеяний, знамений, исцелений!

Дивный старец Серафим, помогай нам!

Мощи Серафима Саровского

После праведной кончины слава о святой жизни о. Серафима не только не ослабела, но стала все более распространяться. Этому способствовали и новые чудеса его, о которых приходили вести отовсюду. Он являлся во сне и исцелял болящих, чудодействовала вода из его источника или даже слитая с кусочков от камней его; в Сарове и Дивееве исходили бесы от несчастных одержимых; кому помогал песочек от его могилы или кусочки хлеба, раздаваемые в Дивееве, в память сухариков о. Серафима; творили чудеса частицы мантии его и т. д.

И всех чудес поистине невозможно ни собрать, ни записать. Известно от собеседников саровского игумена о. Иерофея, что обитель и не очень стремилась предавать письменным рассказы тысяч людей о помощи Преподобного, так их было много. Да и более смиренным считали иноки молчать о них, чтобы не показаться людям славолюбивыми для корысти в пользу обители... Особенно полна преданиями о батюшке и его чудесах прилегавшая к Сарову земля на 100–200 верст в окружении. Не было почти дома, где путешественникам не пришлось бы услышать рассказы о батюшке.

Преподобный Серафим Саровский

Так голос церковного предания канонизировал о. Серафима, как несомненно святого. И оставалось только признать это официальным и торжественным решением церковной власти. 11 января 1903 года в день рождения о. Серафима комиссия под председательством Митрополита Московского Владимира (Богоявленского), включавшая и архимандрита Серафима (Чичагова), произвела освидетельствование останков Серафима Машнина (Саровского). К этому времени в Саров со всех концов Святой Руси сошлись не меньше ста тысяч человек, для размещения которых был создан вокруг монастыря целый временный горо-

док из дощатых бараков. Результаты освидетельствования излагались в секретном всеподданнейшем докладе, которые, однако, вскоре стали широко известны читающей публике. Поскольку существовали ожидания «нетленности» мощей, каковой обнаружено не было, митрополиту Петербургскому Антонию (Вадковскому) пришлось выступить с заявлением в «Новом Времени» и в «Прибавлениях к Церковным Ведомостям», где он констатировал факт сохранности «остова» Саровского старца и выразил мнение, что наличие нетленных мощей не обязательно для прославления.

Своим Деянием от 29 января 1903 года Святейший Синод извещал: «Святейший Синод, в полном убеждении в истинности и достоверности чудес, по молитвам старца Серафима совершающихся, воздав хвалу дивному во святых Своих Господу Богу, присно благодеещему твердой в праотеческом Православии Российской державе, и ныне, во дни благословенного царствования Благодетивейшего государя императора Николая Александровича, как древле, благоволившему явить прославлением сего благочестия подвижника новое и великое знамение Своих благодеений к православному народу русскому, подносил Его Императорскому Величеству всеподданнейший доклад, в котором изложил следующее свое решение:

1) благоговейного старца Серафима, почивающего в Саровской пустыни, признать в лике святых, благодатию Божиею прославленных, а всечестные останки его – святыми мощами и положить оные в особо уготованную усердием Его Императорского Величества гробницу для поклонения и чествования от притекающих к нему с молитвою,

2) службу преподобному отцу Серафиму составить особую, а до времени составления таковой, после дня прославления памяти его, отправлять ему службу общую преподобным, память же его праздновать как в день преставления его, 2 января, так и в день открытия святых его мощей, и

3) объявить о сем во всенародное известие от Святейшего Синода».

Перенос мощей Серафима Саровского членами императорской фамилии

Само прославление происходило так. 3 июля митрополит Санкт-Петербургский Антоний с епископами Нижегородским Назарием и Тамбовским Иннокентием перенесли гроб с мощами о. Серафима из его могилы в больничную церковь Св. Зосимы и Савватия и переложили их в новый кипарисный гроб, дар государя и государыни. Этот гроб в свою очередь был вложен в дубовую колоду и поставлен на середине храма до дня прославления. 19 июля была совершена панихида в Успенском соборе и во всех других храмах обители за почивших государей, святителей Тамбовских, игуменов монастыря, живших во время подвижничества о. Серафима и до последних лет, и за родителей преподобного Исидора и Агафию, а также и за самого приснопамятного иеромонаха Серафима. А народ все прибывал. Шли крестные ходы с разных концов Руси... Общества хоругвеносцев из Нижнего Новгорода, Суздаля, Тулы, Рязани, Москвы, Ярославля и пр. и пр. несли свои жертвы – хоругви в Саров святому Серафиму... 18 июля в 5 часов утра совершена была ранняя литургия во всех храмах обители. Император и обе императрицы присутствовали в Антониевском приделе Успенского собора. А после поздней литургии благовест пригласил всех совершить последнюю поминальную панихиду по рабе Божиим о. Серафиме. Присутствовал и Император. А после нее митрополит Антоний освятил чудную раку и сень над будущим местом почивания угодника Божия, устроенную иждивением государя и государыни. И в это время совершилось еще несколько чудес. Вера Чернышева из Астраханской губернии, два года находившаяся в параличе со сведенными ногами, встала с одра и пошла за крестным ходом, другая исцелилась от припадков. Служба продолжалась, а народ все продолжал прикладываться. Кончилась она уже к полуночи, а храм был открыт, и тысячи людей шли и шли и шли к новопрославленному святому с верой и просьбами...

Рака со святыми мощами преподобного Серафима Саровского

В ноябре 1920 года прошедший в Темникове IX уездный съезд Советов принял решение о вскрытии раки с останками преподобного Серафима Саровского. Оратором, требовавшим вскрытия мощей, был известный мордовский поэт, переводчик «Интернационала» на мокшанский язык З. Ф. Дорофеев.

17 декабря 1920 года было произведено вскрытие мощей с составлением акта.

В 1922 году мощи были изъяты и перевезены в Москву, в Музей религиозного искусства в Донском монастыре. А в храме в честь преподобного Серафима, освященном в 1914 году в Донском монастыре, в 1927 году был построен один из первых в СССР крематориев.

Осенью 1990 года в запасниках Музея истории религии (в Казанском соборе) Ленинграда были найдены неизвестные останки, не проходящие по описи. В декабре 1990 года останки были освидетельствованы комиссией в составе епископа Тамбовского Евгения (Ждана) и епископа Арсения (Епифанова); комиссия, руководствуясь актом освидетельствования останков о. Серафима в 1902 году и актом вскрытия мощей, установила, что останки были мощами преподобного Серафима Саровского.

11 января 1991 года состоялась передача мощей; 6–7 февраля 1991 года мощи при участии патриарха Алексия II были доставлены в Москву из Троицкого собора Александро-Невской лавры и крестным ходом перенесены в Богоявленский кафедральный собор.

28 июля 1991 года крестный ход с мощами отправился из Москвы, и 1 августа 1991 года при большом стечении народа преподобного встречали в Дивеевском монастыре.

Матрона Московская

Дни памяти: Апрель 19, Август 20 (Моск.), Сентябрь 22 (Тул.)

Житие Блаженной старицы Матроны

Величаем тя, святая праведная старице Матроно, и чтим святую память твою, ты бо молиши о нас Христа Бога нашего!

Блаженная Матрона (Матрона Дмитриевна Никонова) родилась в 1881 году в селе Себино Епифанского уезда (ныне Кимовского района) Тульской губернии, расположенного в нескольких десятках километров от памятного Куликова поля. Ее родители, Никоновы Наталия и Дмитрий, патриархальные, благочестивые, жили впроголодь тяжким крестьянским трудом. Матрона была четвертым, младшим неожиданным ребенком, кроме нее в семье было двое братьев, Иван и Михаил, и сестра Мария.

Семья Никоновых была очень бедна, и еще до рождения мать решила избавиться от последнего ребенка, отдать в приют князя Голицына в соседнее село Бучалки, где «отказные» дети воспитывались за казенный счет или на средства благотворителей. Однако намерению Наталии помешал вещий сон: еще не родившаяся дочь явилась ей в образе дивной птицы с человеческим лицом и закрытыми глазами и села ей на правую руку. И богобоязненная женщина отказалась от мысли отдать ребенка в чужие руки. Дочь родилась не просто слепой, но вообще без глаз, однако мать всем сердцем любила свое «дитя несчастное»: Всеведущий Бог, избрав Матрону для особого служения, с самого начала возложил на нее тяжкий крест, который она с покорностью несла всю жизнь.

Крещение Матроны Московской. Клеймо иконы

Девочка при крещении была названа Матроной в честь преподобной Матроны Константинопольской, греческой подвижницы V века, память которой празднуется 9 (22) ноября, в день рождения будущей подвижницы.

Свидетельство богоизбранности девочки явилось при крещении: когда священник опустил дитя в купель, над младенцем появилось легкое благоухающее облако. Священник, отец Василий, почитавшийся прихожанами праведником, был удивлен увиденным: «Я много крестил, но такое вижу в первый раз, и младенец этот будет свят». Отец Василий сказал Наталии: «Если девочка что-то попросит, вы обязательно обратитесь прямо ко мне».

Он предвидел, что Матрона займет его место пастыря и даже предскажет его кончину. Так и случилось. Однажды ночью Матронушка вдруг проснулась и сказала матери, что отец

Василий почил с миром. Перепуганные родители побежали в дом священника. Когда они пришли, то оказалось, что он действительно только что скончался.

Матрона имела и телесный знак богоизбранности: на груди у нее была выпуклость в форме креста, словно девочка носила нерукотворный нательный крестик. Позже, когда Матронушка подросла, мать стала ругать ее: «Зачем ты крестик с себя снимаешь?» «Мамочка, у меня свой крестик на груди», – ответила девочка. «Милая дочка, – опомнилась Наталия, – прости меня!..»

Дети дразнили и издевались над слепой девочкой: ее сажали в яму, стегали крапивой, зная, что слепая не видит, кто ее обижает. На ощупь Матронушка выбиралась из ямы и брела домой, никогда не жалуясь на обидчиков. Господь даровал Матроне духовное зрение. Ночью, когда все спали, слепая девочка пробиралась в красный угол, снимала со стены иконы и в одиночестве, в полной тишине, играла с ними.

Церковь Успения Божией Матери – храм Епифанского уезда – находилась поблизости от дома Никоновых. Благочестивые родители Матронушки любили бывать на богослужениях. Девочка ходила на службы сначала с матерью, потом одна, при любой возможности. У нее было свое любимое место – слева, за входной дверью, у стены. Она часто подпевала певчим, знала церковные песнопения. Как видно, еще в детстве Матрона стяжала дар непрестанной молитвы.

В возрасте семи-восьми лет у Матронушки открылся дар духовного рассуждения, прозорливости, чудотворения и исцеления. Она чувствовала приближение опасности, предвидела бедствия. Молилась, и с помощью молитвы люди получали от нее исцеление от болезней и утешение в скорбях. К Никоновым потянулись ходоки и просители, везли больных и немощных из соседних сел и деревень, из других уездов и городов. В день приходило пять-шесть подвод, а иногда и больше. Девочка помогала, лечила молитвой. И в благодарность семье Никоновых оставляли продукты и подарки; так Матронушка стала кормилицей своей семьи. Матрона предсказывала и значительные события. Однажды она попросила у матери куриное перо, ободрала его и спросила: «Мама, видишь это перышко?» – «Да что ж его смотреть, ведь ты его ободрала». – «Вот так же обдерут и нашего царя-батюшку».

В отрочестве ей представилась возможность путешествовать. Благочестивая девица Лидия Янькова, дочь местного помещика, ездила вместе с Матроной в паломничества: в Киево-Печерскую лавру, Троице-Сергиеву лавру и другие святые места России. В Санкт-Петербурге Матронушка встретила со святым праведным Иоанном Кронштадтским. По окончании службы в Андреевском соборе Кронштадта он во всеуслышание попросил народ расступиться перед Матроной, произнеся: «Вот идет моя смена – восьмой столп России». Как видно, отец Иоанн увидел особое служение Матронушки во времена тяжких бедствий и гонений.

На семнадцатом году жизни Матрона лишилась возможности ходить: у нее внезапно отнялись ноги, до конца дней своих она была «сидячей». И сидение ее продолжалось еще пятьдесят лет. Матрона смиренно несла этот тяжкий крест, данный ей от Бога, никогда не роптала из-за своего недуга.

Рано пробудился у Матроны и дар предвидения опасности, бедствий и несчастий. Как могла, упреждала она беды. Родственница брата блаженной Матроны, Ксения Ивановна Сифарова, рассказывала, как однажды та сказала матери: «Завтра будет пожар, но ты не сгоришь». Наутро действительно начался пожар, почти вся деревня сгорела, но отчий дом Матроны остался цел.

Еще в раннем возрасте Матрона предвидела революцию, говорила о том, как «будут грабить, разорять храмы и всех подряд гнать». Как будут делить землю, хватать с жадностью наделы, лишь бы захватить себе лишнее, а потом все бросят землю и побегут кто куда. Помещику из села Себино Матрона советовала перед революцией продать все имущество и уехать

за границу. Если бы он послушался совета, то избежал преждевременной смерти, не увидел разграбления своего имения. Евгения Ивановна Калачкова, односельчанка Матроны, рассказывала, что перед самой революцией одна барыня купила дом в Себино, пришла к Матроне и говорит: «Я хочу строить колокольню». «Что ты задумала делать, то не сбудется», – отвечает Матрона. Барыня не поверила: «Как же не сбудется, когда все у меня есть – и деньги, и материалы?» Однако с постройкой колокольни так ничего и не вышло.

Для церкви Успения Божией Матери по настоянию Матроны (которая уже приобрела известность в округе и просьба которой воспринималась как благословение) была написана икона Божией Матери «Взыскание погибших». Однажды Матрона попросила мать передать священнику, что у него в библиотеке, на такой-то полке лежит книга с изображением иконы «Взыскание погибших». Батюшка очень удивился. Нашли книгу с изображением иконы, а Матронушка и говорит: «Мама, мне все снится икона “Взыскание погибших”. Божия Матерь к нам в церковь просится». Чем же платить иконописцу? Она благословила женщин собирать деньги на написание иконы по всем деревням. Среди прочих, один крестьянин дал рубль нехотя, а его брат, посмеявшись, одну копейку. Когда принесли деньги Матронушке, она перебрала их, нашла рубль и копейку и сказала матери: «Мама, отдай им, они мне все деньги портят».

Когда необходимая сумма была собрана, заказали икону художнику из Епифани, чье имя до наших дней не дошло. Матрона спросила у художника, сможет ли он написать такую икону. Он ответил, что для него это дело привычное. Матрона велела ему покаяться в грехах, исповедаться и причаститься Святых Христовых Тайн. Потом она спросила: «Ты точно знаешь, что напишешь эту икону?» Художник подтвердил и принялся за работу. Прошло несколько дней, он пришел к Матроне и сказал, что ничего у него не выходит. А она отвечает ему: «Иди, раскайся в своих грехах», так как духовным зрением видела, что остался еще грех, который он не исповедал. Художник изумился, снова пошел к священнику, покаялся, причастился и попросил у Матроны прощения. Она сказала ему: «Иди, теперь ты напишешь икону Царицы Небесной».

Готовую икону понесли крестным ходом с хоругвями от Богородицка до самой церкви в Себино. Матрона ходила встречать икону за четыре километра, ее вели под руки. Вдруг она сказала: «Не ходите дальше, теперь уже скоро, они уже идут, они близко». Слепая от рождения говорила как зрячая: «Через полчаса придут, принесут икону». Действительно, через полчаса показался крестный ход. Отслужили молебен, и крестный ход направился в Себино. Матрону вели под руки рядом с иконой. Этот образ Божией Матери «Взыскание погибших» стал главной местной святыней и прославился многими чудотворениями. Когда бывала засуха, икону выносили на луг и служили молебен. Люди не успевали дойти до своих домов, как начинался дождь.

«Взыскание погибших»

Блаженную Матрону окружали иконы, где бы она ни жила. В комнате, где она провела особенно долгое время, было три красных угла, а в них – иконы сверху донизу, с горящими лампадами. Одна женщина, работавшая в храме Ризоположения в Москве, часто ходила к Матроне и вспоминала, как та ей говорила: «Я в вашей церкви все иконы знаю, какая где стоит».

Несмотря на врожденную незрячесть, об окружающем мире Матрона имела полноценное представление. Она как-то сказала близким: «Мне Бог онажды открыл глаза и показал мир и творение Свое. И солнышко видела, и звезды на небе, и все, что на земле, красоту земную: горы, реки, травку зеленую, цветы, птичек...»

Существовало еще более удивительное свидетельство прозорливости блаженной. З. В. Жданова вспоминала: «Матушка была совершенно неграмотная, а все знала. В 1946 году я должна была защищать дипломный проект «Министерство военно-морского флота» (я тогда училась в Архитектурном институте в Москве). Мой руководитель, непонятно за что, все

время меня преследовал. За пять месяцев он ни разу не проконсультировал меня, решив «завалить» мой диплом. За две недели до защиты он объявил мне: «Завтра придет комиссия и утвердит несостоятельность вашей работы!» Я пришла домой вся в слезах: отец в тюрьме, помочь некому, мама на моем иждивении, одна надежда была – защититься и работать. Матушка выслушала меня и говорит: «Ничего, ничего, защитишься! Вот вечером будем пить чай, поговорим!» Я еле-еле дождалась вечера, и вот матушка говорит: «Поедем мы с тобой в Италию, во Флоренцию, в Рим, посмотрим творения великих мастеров...» И начала перечислять улицы, здания! Остановилась: «Вот палаццо Питти, вот другой дворец с арками, сделай так же, как и там – три нижних этажа здания крупной кладкой и две арки въезда». Я была потрясена ее ведением. Утром прибежала в институт, наложила кальку на проект и коричневой тушью сделала все исправления. В десять часов прибыла комиссия. Посмотрели мой проект и говорят: «А что, ведь проект получился, отлично выглядит – защищайтесь!»

Множество людей приходило к Матроне со своими болезнями, просьбами, скорбями и чаяниями. А. Ф. Выборнова рассказывает подробности одного из таких исцелений. «Мать моя родом из села Устье, и там у нее был брат. Однажды встает он – ни руки, ни ноги не двигаются, сделались как плети. А он в целительные способности Матроны не верил. За мамой в село Себино поехала дочь брата: «Крестная, поедем скорее, с отцом плохо, сделался как глупый: руки опустил, глаза не смотрят, язык еле шевелится». Тогда моя мать запрягла лошадь, и они с отцом поехали в Устье. Приехали к брату, а он на маму посмотрел и еле выговорил: «Сестра». Собрала она брата и привезла к нам в деревню. Оставила его дома, а сама пошла к Матрюше спросить, можно ли его привезти. Приходит, а Матрюша ей говорит: «Ну что, говорил твой брат, что я ничего не могу, а сам сделался, как плетень». А она его еще не видела! Потом сказала: «Веди его ко мне, помогу». Почитала над ним, дала ему воды, и на него напал сон. Он уснул как убитый и утром встал совсем здоровым. «Благодари сестру, ее вера тебя исцелила», – только и сказала Матрона брату».

Помощь, оказываемая Матроной, не имела ничего общего с заговорами, ворожбой, так называемым народным целительством, магией и колдовскими действиями, при совершении которых «целитель» входит в связь с темной силой, но имела христианскую природу. Именно поэтому праведную Матрону ненавидели колдуны. Матрона молилась за людей, испрашивая у Господа чудесную помощь занемогшим. История Православной Церкви знает много примеров, когда праведники молитвой врачевали нуждающихся в помощи.

Оба брата Матроны, Михаил и Иван, вступили в партию. Присутствие в их доме сестры, к которой толпами шел народ и которая учила жить в вере православной, становилось невозможным. Братья опасались репрессий. Жалея их, а также стариков-родителей (мать Матроны скончалась в 1945 году), в 1929 году Матрона переехала в Москву, где проживала до конца своих дней, совершая духовно-молитвенное служение, спасая и врачую.

Жить Матроне было нелегко. Она скиталась по знакомым, на месяц, два, иногда дольше занимая подвал, квартиру или дачный домик. Матрона жила без прописки, не желая подвергать опасности приютивших ее людей, чудом избегая ареста. Вместе с ней жили и ухаживали за ней послушницы – хожалки. З. В. Жданова рассказывала, какие лишения порой приходилось претерпевать Матронушке: «Я приехала в Сокольники, где матушка часто жила в маленьком фанерном домике, отданном ей на время. Была глубокая осень. Я вошла в домик, а в домике – густой, сырой и промозглый пар, топится железная печка-буржуйка. Я подошла к матушке, а она лежит на кровати лицом к стене, повернуться ко мне не может, волосы примерзли к стене, еле отодрала. Я в ужасе сказала: «Матушка, да как же это? Ведь вы же знаете, что мы живем вдвоем с мамой, брат на фронте, отец в тюрьме и что с ним – неизвестно, а у нас – две комнаты в теплом доме, сорок восемь квадратных метров, отдельный вход; почему же вы не попросились к нам?» Матушка тяжело вздохнула и сказала: «Бог не велел, чтобы вы потом не пожалели».

Порой ей приходилось искать приют у людей, относившихся к ней враждебно. Какое-то время Матрона жила у алкоголички Пелагеи, которая отнимала у Матронушки все подношения, не давала есть и пить и всячески издевалась. Свою мучительницу Матрона воспринимала как ниспосланное ей испытание, жалела Пелагею и любила всем сердцем. Рассказывают, что некоторые места Матрона покидала спешно, предугадывая готовящиеся неприятности, всегда накануне прихода к ней милиции. Много раз Матрону хотели арестовать. Были арестованы и посажены в тюрьму (или сосланы) многие из ее близких. Ксения Ивановна Сифарова рассказывала, что племянник Матроны Иван жил в Загорске. И вдруг она мысленно вызывает его к себе. Пришел он к своему начальнику и говорит: «Хочу у вас отпроситься, прямо не могу, надо мне к моей тете ехать». Он приехал, а Матрона ему говорит: «Давай, давай, перевези меня скорей в Загорск, к теще своей». Только они уехали, как на квартиру нагрянула милиция. Так и случалось: хотят блаженную арестовать, а она за несколько часов съезжает. Однажды пришли забирать Матрону, а она говорит милиционеру: «Иди скорей, у тебя несчастье в доме! А слепая от тебя никуда не денется, я сижу на постели, никуда не хожу». Милиционер послушался, поехал домой, а у него дома пожар, примус взорвался, жена сильно обгорела. Но он успел довезти ее до больницы. Врач позже сказал, что, если бы он домой не пришел, жену спасти бы не удалось. Второй раз арестовывать Матрону милиционер не поехал...

Изредка Матрона приезжала в свою деревню из Москвы – то понадобится ее участие в неотложном деле, то она соскучится по матери, по отчему дому. Жители родного села Себино рассказывают о чудесной помощи матушки. Вот такой случай произошел вскоре после Великой Отечественной войны с Анной Выборновой, дочерью старосты деревенской церкви. «Приехал мой брат из Москвы к матери. И вот повели мы с ним корову продавать в Москву, на Белорусский вокзал, а оттуда – в Жаворонки. Мы прошли километров тридцать, когда обнаружили, что брат обронил где-то документы: и свои, и мои, и коровьи – все растерял. Он говорит: “Я сейчас застрелюсь! Куда мне деваться?” Я назвала его дураком. “А как же мы теперь пойдем?” – “Будем Матрону просить, и она поможет”. Вот это Матронушка! Давала нам путь и дом, где ночевать... Вот, за десять дней мы дошли, корову привели, все благополучно. Брат дивится: после войны патрули везде были, везде останавливали, но нас нигде не остановили. Я брату говорю: “Ты видишь, какие чудеса!” Он говорит: “Вижу, Нюра!” Потом я говорю: “Вот вернемся в десятом или одиннадцатом часу, поедешь к Матрюше?” – “Поеду”. Пришли мы с братом к Матроне, еще дверь не открылась, а слышим ее голос: “Пускай, пускай их, это свои. Я, слепая, всю дорогу с ней корову за хвост вела”. А брату говорит: “Как это сестра моложе тебя, а дураком назвала?” Брат потом говорил: “У меня волосы дыбом встали, ведь она с нами не шла, а все знает!”»

В. Кунин. Ползком к Матроне

Распорядок жизни был у нее таков: днем приходили к ней люди, ночью Матрона молилась. Она никогда не укладывалась в кровать, а дремала, лежа на боку, подложив кулачок. В день к Матронушке приходило до сорока человек. Она никому не отказывала в помощи. Иные видели в матушке народную целительницу, но после общения понимали, что перед ними Божий человек, и обращались к Церкви. Помощь Матроны людям была бескорыстной.

Молитвы матушка всегда читала громко: «Отче наш», «Да воскреснет Бог», девяностый псалом, «Господи Вседержителю, Боже сил и всякия плоти» (из утренних молитв). Она подчеркивала, что помогает не сама, а Бог по ее молитвам. Просителям велела она не пропускать воскресной службы, исповедоваться и причащаться Святых Христовых Тайн. Живущих в гражданском браке благословляла венчаться в Церкви. И обязательно носить нательный крест.

Прасковья Сергеевна Аносова, часто посещавшая в психиатрической лечебнице своего брата, вспоминает: «Однажды, когда мы ехали к нему, с нами ехал мужчина с женой – дочь из больницы выписывать. Обрато мы опять ехали вместе. Вдруг эта девушка (ей было 18 лет) начала лаять. Я и говорю ее маме: “Жаль мне вас, мы мимо Царицыно едем, давай завезем дочку к Матронушке...” Отец этой девушки, генерал, сначала и слышать ничего не хотел, говорил, что все это выдумки. Но жена его настояла, и мы поехали к Матронушке... И вот стали девушку подводить к Матронушке, а она сделалась как кол, руки как палки, потом стала на Матронушку плевать, вырывалась. Матрона говорит: “Оставьте ее, теперь она уже ничего не сделает”. Девушку отпустили. Она упала, стала биться и кружиться по полу, ее стало рвать кровью. А потом эта девушка уснула и проспала трое суток. За ней ухаживали. Когда она очнулась и увидела мать, то спросила: “Мама, где мы находимся?” Та ей отвечает: “Мы, дочка, находимся у прозорливого человека...” И все ей рассказала, что с ней было. И с этого времени девушка совершенно исцелилась».

Когда началась война, матушка просила всех приходящих к ней приносить ивовые ветки. Она их ломала на палочки одинаковой длины, очищала от коры и молилась. Пальцы ее были в ранках. Матрона духовно присутствовала в различных местах и часто говорила, что бывает невидимо на фронтах, помогает нашим воинам. Она передала всем, что в Тулу и Москву немцы не войдут. И ее пророчество оправдалось.

3. В. Жданова рассказывала, что в 1946 году к Матроне привели женщину, у которой сошел с ума единственный сын, муж погиб на фронте. Женщина занимала высокое положение, ездила с больным сыном в Европу, но известные врачи не смогли ему помочь. «Я пришла к вам от отчаяния, – сказала она, – мне идти некуда». Матрона спросила: «Если Господь вылечит твоего сына, согласишься ли ты в Бога?» Женщина сказала: «Я не знаю, как это – верить». Тогда Матрона попросила воды и в присутствии несчастной матери стала громко читать над водой молитву. Подавая ей затем эту воду, блаженная сказала: «Поезжай сейчас в больницу, договорись с санитарями, чтобы сына твоего крепко держали, когда будут выводить. Он будет биться, а ты постарайся плеснуть этой водой ему в глаза и обязательно попади в рот». Через некоторое время эта женщина вновь приехала к Матроне и на коленях благодарила матушку, говоря, что теперь сын здоров. В тот день она приехала в больницу и все сделала, как матушка велела. Там был зал, куда с одной стороны барьера вывели ее сына, а она подошла с другой стороны. Пузырек с водой был у нее в кармане. Сын бился и кричал: «Мама, выброси то, что у тебя лежит в кармане, не мучай меня!» Она удивилась: откуда он узнал? И быстро плеснула водой ему в глаза, попала в рот, вдруг сын успокоился, глаза стали ясными, и он сказал: «Как хорошо!» Вскоре сына той женщины выписали.

Помогала Матрона и тем, у кого не ладилась семейная жизнь. Однажды к ней пришла женщина и рассказала, что ее замуж выдали не по любви, с мужем она плохо живет. Матрона ей наставляет: «А кто виноват? Виновата ты. Потому что у нас Господь глава, а Господь в мужском образе, и мужчине мы, женщины, должны подчиняться, ты должна венец сохранить до конца жизни своей. Виновата ты, что плохо с ним живешь...» Женщина эта послушала совета, и ее семейная жизнь наладилась.

«Матушка Матрона всю жизнь боролась за каждую приходящую к ней душу, – вспоминает Зинаида Жданова, – и одерживала победу. Она никогда не сетовала, не жаловалась на трудности своего подвига. Не могу себе простить, что ни разу не пожалела матушку, хотя и видела, как ей было трудно, как она болела за каждого из нас. Свет тех дней согревает до сих пор. В доме перед образами теплились лампы, любовь матушки и ее тишина окутывали душу. В доме были святость, радость, покой, благодатное тепло. Шла война, а мы жили как на небе».

Какой была Матрона? Сидела она, скрестив небольшие, словно кукольные короткие ручки и ножки на кровати или сундуке. Пушистые волосы обрамляли лицо, сомкнутые веки и доброе, исполненное света лицо. Ласковый голос.

Матрона утешала и успокаивала, лечила болящих, гладила их по голове, осеняла крестным знаменем, порой строго обличала и наставляла. Она была терпима к человеческим немощам, сострадательна, тепла, участлива, никогда не жаловалась на свои болезни и тяготы. Матушка не проповедовала, не учительствовала, давала конкретный совет, молилась и благословляла. Остались некоторые ее наставления общего характера.

Матушка учила не осуждать ближних. Она говорила: «Зачем осуждать других людей? Думай о себе. Каждая овечка будет подвешена за свой хвостик.

Что тебе до других хвостиков?» Матрона учила предавать себя в волю Божию. Жить с молитвой. Часто налагать на себя и окружающие предметы крестное знамение, ограждаясь тем самым от злой силы. Советовала чаще причащаться Святых Христовых Тайн. «Защитайтесь крестом, молитвою, святой водой, причащением частым... Перед иконами пусть горят лампы».

Учила любить и прощать старых и немощных. «Если вам что-нибудь будут неприятное или обидное говорить старые, больные или кто из ума выжил, то не слушайте, а просто им помогите. Помогать больным нужно со всем усердием и прощать им надо, что бы они ни сказали и ни сделали».

Матушка Матрона

Не позволяла придавать значения снам: «Не обращай на них внимания, сны бывают от лукавого – расстроить человека, опутать мыслями».

Предостерегала не бегать по духовникам в поисках «старцев» или «прозорливцев». Так можно потерять духовную силу и правильное направление жизни. «Мир лежит во зле и прелести, и прелесть – прельщение душ – будет явная, остерегайся». «Если идете к старцу или священнику за советом, молитесь, чтобы Господь умудрил его дать правильный совет». Желаящим христианского совершенства советовала не выделяться внешне среди людей. Она учила терпению скорбей. В наставлениях Матроны не было ничего, что шло бы вразрез со святоотеческим учением.

Своих духовных детей она наставляла: «Ходи в храм и ни на кого не смотри, молись с закрытыми глазами или смотри на какой-либо образ, икону. Не интересуйся священниками и их жизнью и не бегай, не ищи прозорливых или старцев».

Матушка говорила, что краситься, то есть употреблять декоративную косметику, – грех: портится и искажается образ естества человеческого, дополняется то, чего не дал Господь, создается поддельная красота, что ведет к развращению.

Матронушка говорила: «Враг подступает – надо обязательно молиться. Внезапная смерть бывает, если жить без молитвы. Враг у нас на левом плече сидит, а на правом – ангел, и у каждого своя книга: в одну записываются наши грехи, в другую – добрые дела. Чаше креститесь! Крест – такой же замок, как на двери». Она наставляла не забывать крестить еду. «Силою Честного и Животворящего Креста спасайтесь и защищайтесь!». О колдунах матушка говорила: «Для того, кто вошел добровольно в союз с силой зла, занялся чародейством, выхода нет. Нельзя обращаться к бабкам, они одно вылечат, а душе повредят».

Матушка часто говорила близким, что сражается со злой силой, колдунами, невидимо воюет с ними. Однажды пришел к ней благообразный старик, пал перед ней на колени весь в слезах и говорит: «У меня умирает единственный сын». А матушка наклонилась к нему и тихо спросила: «А ты как ему сделал? На смерть или нет?» Он ответил: «На смерть». А матушка говорит: «Иди, иди от меня, незачем тебе ко мне приходить». После его ухода она сказала: «Колдуны Бога знают! Если бы вы так молились, как они, когда вымаливают у Бога прощение за свое зло!»

Массовое отпадение людей от Церкви, воинствующее богоборчество, нарастание отчуждения и злобы между людьми, отвержение миллионами традиционной веры и греховная жизнь без покаяния привели многих к тяжким духовным последствиям. Матрона это хорошо понимала и чувствовала. В дни демонстрации матушка просила не выходить на улицу, закрывать окна, форточки, двери – полчища демонов занимают все пространство, весь воздух и охватывают всех людей. Зинаида Жданова однажды спросила матушку: «Как же Господь допустил столько храмов закрыть и разрушить?» А матушка отвечала: «На это воля Божия, сокращено количество храмов потому, что верующих будет мало и служить будет некому». «Почему же никто не борется?» Она: «Народ под гипнозом, сам не свой, страшная сила вступила в действие... Эта сила существует в воздухе, проникает везде. Раньше болота и дремучие леса были местом обитания этой силы, потому что люди ходили в храмы, носили крест и дома были защищены образами, лампадами и освящением. Бесы пролетали мимо таких домов, а теперь бесами заселяются и люди по их неверию и отвержению от Бога».

Подвиг Матроны заключался в великом терпении, идущем от чистоты сердца и горячей любви к Богу. Именно о таком терпении пророчествовали Святые Отцы Церкви. Как настоящая подвижница, блаженная не словами, а всей своей жизнью учила истинному духовному зрению и способности преодолевать тяготы на пути к спасению.

Зинаида Жданова пишет: «Кто такая была Матронушка? Матушка была воплощенный ангел-воитель, будто меч огненный был в ее руках для борьбы со злой силой. Она лечила молитвой, водой... Она была маленькая, как ребенок, все время полулежала на боку, на кулачке. Так и спала, по-настоящему никогда не ложилась. Когда принимала людей, садилась, скрестив ножки, две ручки вытянуты прямо над головой пришедшего в воздухе, наложит пальчики на голову стоящего перед ней на коленях человека, перекрестит, скажет главное, что надобно его душе, помолится. Она жила, не имея своего угла, имущества, запасов. Кто пригласит, у того она и жила. Жила на приношения, которыми сама не могла распоряжаться. Была в послушании у злой Пелагеи, которая всем распоряжалась и раздавала все, что приносили матушке, своим родственникам. Без ее ведома матушка не могла ни пить, ни есть... Матушка, казалось, знала все события наперед. Каждый день прожитой ею жизни – поток скорбей и печалей приходящих людей. Помощь больным, утешение и исцеление их. Исцелений по ее молитвам было много. Возьмет двумя руками голову плачущего, пожалеет, согреет святостью своей, и человек уходит окрыленный. А она, обессиленная, только вздыхает и молится ночи напролет. У нее на лбу была ямка от пальчиков, от частого крестного знамения. Крестилась она медленно, усердно, пальчики искали ямку...»

Во время войны она отвечала приходившим просителям, жив или нет близкий им человек. Кому-то советовала ждать, кому-то – отпевать и поминать. Ее односельчанка по фамилии Хитрова три раза получала извещения о смерти мужа. «Жив, придет на Казанскую! Постучит в окошко», – говорила Матрона. Кончилась война, пришел 1947 г., и в день празднования Казанской иконы Божией Матери Тимофей Хитров вернулся домой.

О матушке знали многие московские священники, монахи Троице-Сергиевой лавры. Часто ездили к ней земляки из ее родных мест, из окрестных деревень ей писали записочки, а она отвечала. Приезжали к ней и за двести, и за триста километров, а она знала имя приехавшего человека. Матушка наставляла, что лечиться нужно обязательно. «Тело – домик, Богом данный, его нужно ремонтировать. Бог создал мир, травы лечебные, и пренебрегать этим нельзя».

Своим близким матушка сочувствовала: «Как мне вас жаль, доживете до последних времен. Жизнь будет хуже и хуже. Тяжкая. Придет время, когда перед вами положат крест и хлеб, и скажут – выбирайте!» – «Мы выберем крест, – отвечали они, – а как же тогда можно жить будет?» «А мы помолимся, возьмем земельки, скатаем шарики, помолимся Богу, съедим и сыты будем!»

В другой раз она говорила, что не надо ничего бояться, как бы ни было страшно: «Возят дитя в саночках, и нет никакой заботы! Господь сам все управит!»

Матронушка часто повторяла: «Если народ теряет веру в Бога, то его постигают бедствия, а если не кается, то гибнет и исчезает с лица земли. Сколько народов исчезло, а Россия существовала и будет существовать. Молитесь, просите, кайтесь! Господь вас не оставит и сохранит землю нашу!»

Последний земной приют Матронушка нашла на подмосковной станции Сходня (улица Курганная, дом 23), у дальней родственницы. К ней по-прежнему потоком шли посетители и несли свои печали и просьбы, шли получить благословение на брак. Рассказывает Зинаида Александровна Карпина, уроженка села Себино: «Я уехала в Москву в шестнадцать лет, в общежитие к сестре, которая была старше меня на четырнадцать лет. Через два с половиной года меня стали сватать за человека, которого я ни разу не видела. Моя мама мне писала: “Дочка, даже если знаешь человека два дня, но если Матронушка благословит, выходи. Москва – темный лес, это не дома, где всех знаешь за несколько деревень”. И вот я приехала на Сходню. Нашла домик, где Матрона жила, а когда ехала, то думала (не нарочно, лезло мне в голову): “Ничего она не понимает”».

Сходня. Последний приют матушки Матроны

В дверях меня встретила – потом я узнала – ее прислужница. Я не сказала, откуда я. Она мне говорит, что Матрона сегодня больше принимать не будет. Я сразу решила, что вот, я ехала, думала о ней плохо, вот она меня и не принимает. Одна комната была совсем закрыта, а другая на один палец приоткрыта. И только я повернулась уйти, как слышу ее голос из комнаты: “Татьяна Ивановна, пропусти, это дочка Дунина из Себина приехала”, – Татьяна Ивановна меня пропустила. Матушка мне не дала ничего говорить и сразу сказала: “Это не твой жених, он всякими делами занимается; ты скоро выйдешь замуж, и выйдешь вперед своей сестры”. Еще сказала, что я к ней скоро приеду; и правда, через два месяца я к ней приехала, и она мне сказала: “Это – твой муж, и ты будешь жить хорошо, только венчайся, до венчания ничего не позволяй”. И она мне читала молитвы над головой и три раза сказала: “Будь честной христианкой, и будешь жить хорошо”. Я так и сделала. Венчалась в Богоявленском храме. Сестра ездила ко мне в гости и тоже вышла замуж в тот же дом...”

Лишь перед самой кончиной матушка ограничила прием. Время кончины ей было открыто Господом за три дня, и она сделала все необходимые распоряжения. Она попросила, чтобы ее отпели в церкви Ризоположения. (В это время служил там любимый прихожанами священник Николай Голубцов. Он знал и почитал блаженную Матрону.) И не велела приносить на похороны венки и пластмассовые цветы.

До последних дней жизни она исповедовалась и причащалась, как и обыкновенные грешные люди, боялась смерти и не скрывала своего страха. Рассказывают, что иерей Дмитрий, явившийся для исповеди и причастия, был смущен волнением Матронушки, та все волновалась, правильно ли сложила ручки. «Неужели и вы боитесь смерти?» – удивился он. И она, по своему смирению ответила: «Боюсь».

2 мая 1952 года она почилла. 3 мая в Троице-Сергиевой лавре была подана записка о упокоении новопреставленной блаженной Матроны. Среди множества других она привлекла внимание служащего иеромонаха. «Кто подал записку? – взволнованно спросил он. – Что, Матрона умерла?» Люди, приехавшие накануне из Москвы, подтвердили: матушка скончалась, и нынче вечером гроб с телом будет поставлен в московской церкви Ризоположения на Донской улице. Так монахи узнали о кончине Матроны и смогли приехать на ее погребение. После отпевания, которое совершил отец Николай Голубцов, присутствующие подходили и прикладывались к ее рукам.

4 мая, в Неделю жен-мироносиц, при большом стечении народа состоялось погребение блаженной Матроны. Еще при жизни она выказала желание покоем на Даниловском кладбище, чтобы «слышать службу» (храм на Даниловском кладбище, один из немногих в то время, был действующим).

Блаженная предсказывала: «После моей смерти на могилку мою мало будет ходить людей, только близкие, а когда и они умрут, запустеет моя могилка, разве изредка кто придет... Но через много лет люди узнают про меня и пойдут толпами за помощью в своих горестях и с просьбами помолиться за них ко Господу Богу, и я всем буду помогать и всех услышу».

Еще перед смертью она сказала: «Все, все приходите ко мне и рассказывайте, как живой, о своих скорбях, я буду вас видеть, и слышать, и помогать вам». А еще матушка говорила, что все, кто доверит себя и жизнь свою ее ходатайству ко Господу, спасутся. «Всех, кто обращается ко мне за помощью, я буду встречать при их смерти, каждого».

Троице-Сергиева лавра

Через тридцать лет после кончины матушки ее могилка на Даниловском кладбище сделалась святым местом, туда приезжали люди со всех концов России и из-за рубежа. Почитание блаженной Матроны стало всенародным. 8 марта 1998 г., в неделю Торжества Православия, по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, были обреты нетленные мощи Матроны, угодницы Божией. Потом гроб с ее останками перенесли в Покровский женский монастырь. 2 мая 1999 года, через год после перенесения мощей, двор Свято-Покровского монастыря снова заполнился народом. За праздничным богослужением, которое совершал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, Матроне

в последний раз была пропета «вечная память». Затем Патриарх огласил с амвона определение о канонизации в лике местночтимых святых праведной Матроны Московской.

Церковь Положения Ризы Господней на Донской улице

Сегодня рака с мощами блаженной старицы Матроны находится в левом приделе церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Блаженная Матрона была православным человеком, сострадание к людям, молитва, крестное знамение, верность святым уставам было средоточием ее духовной жизни, исполненной народного благочестия. Поэтому и помощь, которую люди получают, молитвенно обращаясь к праведнице, приносит духовные плоды: люди утверждают в православной вере, воцерковляются, приобщаются к повседневной молитвенной жизни.

Матрону знают десятки тысяч православных людей. Она по-прежнему помогает людям, это чувствуют все, кто с верой и любовью просит ее о заступничестве и ходатайстве перед Господом.

Преставление святой блаженной Матроны

Обретение мощей и канонизация

8 марта 1998 года, в Неделю торжества Православия, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Даниловском кладбище были обретены честные останки блаженной Матроны. Комиссию по вскрытию захоронения возглавил архиепископ Истринский Арсений. В перенесении останков участвовали наместник Новоспасского монастыря епископ Орехово-Зуевский Алексей, наместник Свято-Данилова монастыря архимандрит Алексей (Поликарпов) с братией, настоятель храма во имя святителя Мартина Исповедника протоиерей Александр Абрамов. В храме в честь Сошествия Святого Духа, что на Даниловском кладбище, наместником Свято-Данилова монастыря архимандритом Алексием в сослужении собора клириков была совершена заупокойная лития. Гроб с честными останками старицы Матроны был доставлен в Данилов монастырь и помещен в надвратном храме во имя преподобного Симеона Столпника.

13 мая 1998 года комиссия закончила свою работу. Было отмечено, что при освидетельствовании останков старицы Матроны обнаружена выпуклость в форме креста на груди, о чем упоминается в ее жизнеописании.

В Покровском храме Свято-Данилова монастыря на аналое была положена частица гроба блаженной Матроны. Здесь в дни Великого поста служились панихиды о упокоении рабы Божией Матроны. 30 апреля по благословению святейшего Патриарха Алексия II при торжественном пении тропаря Пасхи «Христос воскрес» было совершено перенесение честных останков блаженной старицы Матроны в храм Святых Отцов семи Вселенских соборов. Вечером братия монастыря отслужила заупокойное всенощное бдение.

1 мая 1998 года, в пятницу 2-й седмицы по Пасхе, накануне 46-й годовщины преставления блаженной Матроны, Божественную литургию и панихиду в том же храме совершил архиепископ Истринский Арсений. (Блаженная старица Матрона: Житие и чудеса. М.: Издание Свято-Покровского ставропигиального женского монастыря, 1999).

В тот же день гроб с честными останками подвижницы был перенесен в Свято-Покровский женский монастырь на Таганской улице. С этого момента началось паломничество в обитель тысяч верующих людей, чтущих святую память праведной старицы Матроны. Сюда приходят сотни писем с просьбой помолиться блаженной, некоторые из них адресованы ей самой. По словам игумении Покровского монастыря матушки Феофании (Мискиной), авторы многих писем получают скорую и действенную помощь святой старицы. Сестрами была заведена особая книга, куда тщательно заносились случаи чудесного заступления, оказанного верующим по молитвам блаженной Матроны. Его свидетельницами не раз становились насельницы Покровского монастыря, твердо верящие, что именно блаженная Матронушка помогает им в восстановлении обители.

Не один месяц продолжалась работа Комиссии по канонизации святых Московской епархии, которая по благословению Его Святейшества рассматривала вопрос о прославлении праведной Матроны. Рассмотрев подвижническую жизнь и подвиг благочестия Матроны Димитриевны Никоновой, народное почитание и чудеса, комиссия не нашла препятствий к ее прославлению в лике местночтимых святых. Прославление было торжественно совершено 2 мая 1999 года, в годовщину ее кончины.

Праздничную литургию совершает Святейший Патриарх с собором архипастырей и духовенства в верхней церкви Покровского собора. Перед ее началом духовенство вносит в храм укрытую красным пасхальным покровом раку с честными останками великой старицы, ставит их с правой стороны у солеи. За этим богослужением последний раз соборно возносится молитва об упокоении души приснопоминаемой рабы Божией Матроны, последний раз возглашается ей «Вечная память». Затем Его Святейшество с амвона оглашает Деяние

о канонизации в лике местночтимых святых праведной блаженной Матроны Московской. В благоговейной и строгой тишине звучат слова первоиерарха. И вот под сводами храма зазвенели голоса юных певчих, впервые исполнявших тропарь святой старице Матроне. Вслед за Его Святейшеством все присутствующие в храме подхватывают «Величаем ты, святая праведная блаженная Матроно, и чтим святую память твою...»

Свято-Покровский монастырь в Москве

Вход в верхнюю церковь Покровского собора, небольшую по размерам, в тот день был ограничен: большинство людей осталось за ее стенами, слушая трансляцию патри-

аршего богослужения по радио. Когда в храме на мгновение воцарялась тишина, через раскрытые окна с улицы летело многоголосое: «Величаем ты, святая блаженная старице Матроно...» После литургии первосвященник с сослужащим ему духовенством спустился в нижнюю соборную церковь. Здесь, у раки с мощами блаженной старицы, он совершил первый молебен новопрославленной святой. Вслед за тем Святейший Патриарх Алексий II освятил закладку восстанавливаемой монастырской колокольни, которая была разрушена в годы богоборчества.

Его Святейшество поздравил свою паству с прославлением блаженной старицы Матроны Московской, «которая была и будет молитвенницей за наш многострадальный народ, за нашу Святую Церковь, за Отечество наше».

Нескончаемой чередой идут верующие в Покровскую обитель поклониться блаженной Матроне Московской, помня ее слова: «Все, все приходите ко мне и рассказывайте как живой о своих скорбях, я буду вас видеть и слышать и помогать вам». Непрестанно возносится у святых мощей дивной старицы молитва: «Святая праведная старице Матроно, моли Бога о нас!»

2 мая 2009 года было отпраздновано 10-летие канонизации блаженной Матроны Московской. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил богослужение в Покровском монастыре. Множество верующих пришли в этот день в обитель.

После чтения Евангелия Его Святейшество обратился к богомольцам со словом проповеди. «Сегодня мы празднуем 10-летие со времени канонизации праведной блаженной Матроны Московской – святой, которая была окружена почитанием еще при жизни и тропа к могиле которой никогда не зарастала, – сказал Святейший Патриарх Кирилл. – Мы совершаем почитание святой, которая задолго до официальной канонизации Церковью почиталась верующим народом. И ныне множество людей, которые приходят каждый день в Свято-Покровскую обитель, множество людей, которые сегодня молятся здесь, вознося прошения блаженной Матроне, являются свидетелями глубокого почитания этой святой нашей Церкви – почитания, которое совершается в глубине человеческих сердец. Мы находим в Священном Писании такие удивительные слова самого Господа: Сила Моя в немощи совершается (2 Кор 12:9). Эти слова многим непонятны. Почему Божия сила совершается в человеческой немощи? Пример святой праведной блаженной Матроны дает нам понимание этого. Святая Матрона являла собой олицетворение немощи: она была тяжело больна, не видела света Божия, она была материально бедным человеком, у нее не было хорошего дома, не было семьи, не было благополучия, не было никаких возможностей влиять на окружающий ее мир. Она могла быть только объектом милосердия и снисхождения со стороны других людей, потому что в таких обстоятельствах об ином и помышлять даже невозможно. Но святая праведная блаженная Матрона была не объектом человеческого снисхождения, но обладала силой, помогавшей людям, куда более благополучным и сильным, чем она. А всякая ли немощь являет силу Божию, всякая ли человеческая слабость является вместилищем Божественной силы? Достаточно пристально посмотреть вокруг нас – ведь мы видим многих слабых, нищих, бедных людей, бомжей и людей спившихся, которые также являют человеческую слабость. Но почему же абсолютное большинство из них не являет Божией силы? Значит, сама по себе слабость не является условием проявления Божественной силы. Значит, требуется еще нечто, чтобы в слабости человеческой воссияла сила Божественная», – отметил Святейший Владыка. При этом он напомнил, что история Церкви знает людей сильных, богатых, обладавших земной властью. Например, святой благоверный князь Александр Невский был и главой государства, и полководцем, и человеком небедным, и даже физически он отличался великой силой, но ведь и в его жизни тоже явилась сила Божия. Как же следует понимать слова Господа: Сила Моя в немощи совершается?

«Пример святой праведной блаженной Матроны помогает нам ответить на этот важный для дела нашего спасения вопрос: сила Божия больше всякой человеческой силы, – подчеркнул Святейший Патриарх Кирилл. – Если человек слаб, болен, если он беден, лишен власти, то у него нет той силы человеческой, опираясь на которую, он мог бы прокладывать себе путь в жизни, восходить от силы к силе, обретать больше материальных благ и больше власти. И перед таким человеком стоит дилемма: либо он, оставаясь наедине со своей слабостью, закрывает сердце перед Богом, ожесточается, ропщет на Господа, злится на людей и ненавидит мир, как бы наслаждаясь своей слабостью назло другим, шокируя своим поведением, становясь человеком асоциальным, опасным и вредным для ближних, либо, сознавая, что у него нет сил подняться, иметь то, чем хотелось бы обладать, со смирением принимает это свое положение и полностью открывает себя навстречу Богу, как бы говоря: “Господи, у меня нет никаких сил, я ничего не могу, но я верю в Тебя, я люблю Тебя, помоги мне”. И тогда силой такого немощного человека становится сила Божия.

Слабому, немощному легче осознать ограниченность своих человеческих возможностей, – отметил Святейший Владыка, – потому что сильный и богатый в первую очередь полагается на свои силу и богатство: они вот рядом – протяни только руку. А где Божия сила? Чтобы ее узреть, нужны время, внутренний духовный подвиг, внутреннее делание. И зачем все это, считает такой человек, когда и сила, и власть под рукой, когда можно многое купить, многое сделать, можно многого достичь? Но неслучайно говорит Господь: «... *Трудно богатым войти в Царство Небесное*» (Мф 19:23) – не потому, что само по себе богатство является злом, а потому, что богатство и власть застилают глаза человеку и мешают ему видеть Бога, мешают ему опираться на силу Божию.

С другой стороны, и богатый человек способен привлекать Божию силу. Святые угодники, в том числе благоверный князь Александр Невский, и множество других умели отличать силу Божию от силы человеческой, видеть ограниченность человеческой силы и власти. «Они понимали, что человеческая сила есть прах и пепел пред Богом и, несмотря на окружающий их почет, атрибуты власти, материальный достаток, открывали навстречу Богу свое сердце, сознавая, что сила Божия в немощи совершается. Они являли человеческую немощь пред Богом отсутствием гордости, самонадеянности, тщеславия – всего того, что сопровождает чаще всего жизнь и внешний успех того, кто имеет человеческую силу. Жизнь этой святой помогает увидеть, что самое главное – это наша способность через горячую и искреннюю веру открыть сердце Господу, пустить Его в свое сердце, потеснив собственное “я”, свое упование на человеческую силу, явить Богу в смирении свою немощь, в радостной покорности отдав Ему свою волю и подчинив этой воле свои человеческие деяния.

Святая праведная блаженная Матрона привлекает сегодня к себе и бедных, и богатых именно тем, быть может, что в жизни своей явила истинную веру и способность жить с Богом, в Боге и во имя Божие, – сказал Предстоятель Русской Православной Церкви. – Пусть же пример ее всех нас вдохновляет на праведную жизнь, помогает бороться с опасными стереотипами современной псевдокультуры, которая навязывает иной образ жизни, которая предлагает нам опираться исключительно на человеческую силу и употреблять все свое время на то, чтобы эту силу наращивать. Пусть святой пример праведной блаженной Матроны помогает нам отделить истину ото лжи, путь спасения – от пути гибели, подлинную силу – от ложной силы человеческой, которая по сути является той слабостью, которая никогда не привлекает силы Божией».

По завершении богослужения к Святейшему Патриарху обратилась настоятельница Покровского монастыря игумения Феофания (Мискина).

«Благословите, Святейший Владыко, приветствовать Вас в Вашей святой обители. Пасха Христова – праздник древнейший, праздник величайший и самый торжественный из всех праздников христианских! “Чудо преестественное”, “велие чудо” Воскресение Господа

Иисуса Христа из мертвых. Митрополит Московский Филарет восклицает о Пасхе Христовой: “Кто празднует чистым сердцем, тот празднует с Ангелами; кто празднует с любовью к Богу и Воскресшему Христу и в духе братолюбия к ближнему, тот празднует в общении с Небесной Церковью”.

Среди великого сонма светильников веры и благочестия сегодня вместе с нами, прославляющими воскресшего Христа Спасителя, – Святая Праведная Матрона Московская, предстоящая в молитве за всех нас перед Престолом Божиим.

Святейший Владыко, наша Пасхальная радость усугубляется тем, что именно сегодня, 2 мая, исполнилось десять лет со дня причисления блаженной старицы Матроны, великой молитвенницы за землю Русскую к лику святых.

Ваше Святейшество, примите наши самые искренние благодарения за Вашу заботу о нас, за то, что Вы, при Вашей огромнейшей загруженности, нашли возможность приехать в Вашу святую обитель, и этим умножили нашу радость и торжество в этот праздничный день. Благодарим Вас за Ваши святые молитвы.

Святейший Владыко, Промысл Божий определяет место и время явления в наш мир каждого человека. У Бога не бывает случайностей. Святой Иоанн Дамаскин говорит так: “Провидение, Промысл Божий, есть Воля Божественная, которым все содержится и все разумно управляется”.

Здесь уместно будет сказать о большой заслуге Святейшего Патриарха Алексия II по канонизации блаженной старицы Матроны. Вечная ему память.

Ваше Святейшество, сегодня мы являемся свидетелями исполнения пророческих слов святой праведной Матроны Московской о том, что после ее смерти люди будут обращаться к ней, как к живой, и получать от нее помощь. Двери монастыря открыты с утра до позднего вечера, Матронушка принимает множество людей со всей России и из дальних стран, она помогает тогда, когда уже никто не может помочь. Когда и руки опускаются, и слезы застилают глаза, и только сердце с душой ведет в обитель к праведнице! Дорогая наша Матронушка, ну как же ты хорошо слышишь и как же ты быстро помогаешь! Слышишь каждого, видишь душу и слышишь стук каждого просящего сердца! Московская Праведница стала и всероссийско почитаемой блаженной старицей Матроной!

Только в труде заключена награда победы. Она есть, хотя и невелика, в том случае, если трудишься для себя. Она больше и радостней, если трудишься для ближнего. Она – огромная, если трудишься для Родины. И она вечна и неизреченна, если потрудились для Бога.

Богом умудренная блаженная старица Матрона, наша великая заступница, много потрудилась и трудится, и молится у Престола Божия.

Господь избрал праведную Матрону для особого служения, с самого начала возложил на нее тяжелый крест, который она с покорностью и терпением несла всю жизнь. Пламенная любовь к Богу и отзывчивое теплое отношение к людям еще и при жизни привлекало к будущей святой огромное количество людей. Святая зовет к себе всех, и верующих, и ищущих Бога, она помогает людям разных религиозных убеждений. В самых тяжелых жизненных ситуациях она протягивает свою исцеляющую руку.

В этой любви к Богу и ближнему мы находим и для себя пример для подражания; в этой любви к Богу и ближнему все наши устремления.

Святейший Владыко: в Вашем Пасхальном послании особенно затрагивает сердце следующее: “Пасхальное торжество жизни объемлет собою весь мир, все Божие творение, животворя его благодатью. Приобщившись к полноте этого щедрого явления, Божественной милости, будем ценить и сохранять этот дар! Да укрепит Всесильный Господь нас в Богопознании, взаимной любви, в делах сострадания и милосердия”.

Ваше Святейшество! Благословите еще раз поблагодарить Вас за Ваш молитвенный труд и совершение праздничного Богослужения в день памяти святой праведной блаженной

Матроны Московской и благословите пожелать Вам помощи от Господа в Вашем Первосвятительском служении, доброго здоровья.

А мы все, насельницы Вашей обители, молимся ежедневно о Вас, ни дня не забываем поддерживать нашими молитвами Ваше Патриаршее служение. Святейший Владыко! Вы всегда с нами! Многая Вам и Благая лета!

Христос Воскресе!

Воистину Воскресе!»

Игуменья Феофания пожелала Святейшему Патриарху Кириллу помощи Божией в Первосвятительском служении и доброго здравия. На память о торжестве настоятельница с сестрами преподнесли Святейшему Владыке икону блаженной старицы Матроны Московской.

Предстоятель Русской Православной Церкви поздравил матушку игумению и всех присутствующих с 10-летием причтения к лику святых блаженной Матроны, поблагодарил за добрые слова и пожелания, за труды по возрождению этой святой обители: «За десять лет совершенно так много. Вокруг вас – преданное Богу сестричество и замечательный круг людей, которые жертвуют от своего имени, от своих средств монастырю; вы ощущаете поддержку городских властей, вы имеете любовь верующего народа, который день и ночь приходит к раке с мощами святой старицы Матроны. Для града Москвы, для Церкви Русской, для страны нашей великое благословение, что в Первопрестольном граде есть место, где люди являют свою горячую веру и преданность Богу, где возносится молитва, дерзновенная и чистая, где в ответ на эту молитву по предстательству блаженной старицы праведной Матроны Московской изливается благодать и подается помощь от Всемогущего Господа. Велико ваше служение здесь – необходимо, чтобы не угасала свеча молитвы, чтобы постоянно горел очаг веры, совершались добрые дела, воспитывались дети и молодежь, чтобы у этой святой гробницы люди чувствовали силу веры, реальность Божественного присутствия... Здесь святое место, и мы надеемся и молимся Господу, что этот очаг духовной жизни никогда более не погаснет, что здесь будут укрепляться силы тех, кто приходит с молитвой к матушке Матроне Московской, что здесь постоянно будет возноситься молитва за Церковь нашу, за Отечество, за град Москву, за властей, за воинство, за народ наш, чтобы жили мы тихой, мирной и радостной в Боге жизнью, чтобы материальному благополучию всегда сопутствовало благополучие духовное, без которого не может быть полноты и подлинной радости жизни».

СВЯТЫНИ

Могила блж. Матроны

Находится на Даниловском кладбище.

Мощи блж. Матроны

Находятся в Покровском женском монастыре в храме Воскресения Словущего.

Икона Божией Матери Взыскание погибших, написанная по благословению св.

Матроны Московской

Находится в Покровском женском монастыре в храме Воскресения Словущего.

Икона блж. Матроны с частицей мощей

Находится в храме Воскресения Христова на бывшем Семеновском кладбище.

Частицы мощей блж. старицы Матроны

Находятся в храме Св. Георгия Неокесарийского в Дербицах.

Погребальная рубашка блж. старицы Матроны Московской

Находится в храме Св. Мартина Исповедника (Вознесения Господня) в Алексеевской Новой слободе.

Частица мощей св. блж. старицы Матроны

Находится в храме Великомученика Георгия Победоносца в Ендове (подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального мужского монастыря).

Перед иконой Матроны молятся

- Об исцелении
- Помощи в делах житейских
- О встрече с суженым
- О сохранении брака
- О материнстве
- Об избавлении от пьянства и наркотической зависимости
- О помощи в решении материальных проблем
- О помощи в учебе, работе
- Об избавлении от страданий

Исцеления и чудеса

В Покровский монастырь в Москве, где сейчас покоятся мощи святой Матроны, не иссякает поток страждущих, блаженной старице несут цветы, стоят в очереди к мощам и иконам в холод, мороз и дождь, по пять-шесть часов, чтобы испросить милости, молясь, веря в чудо и уповая. И это чудо, чудо веры исполняется.

В Покровском монастыре и на Даниловском кладбище ведутся летописи исцелений и перемен, произошедших после молитв к Матроне Московской. Приводим лишь малую часть множества исцелений, засвидетельствованных почитателями святой Матроны.

«Осенью 1994 года у меня образовалась опухоль молочной железы. Признавали рак, причем самой последней степени. Я просила блаженную Матронушку молиться за меня перед Господом. Приезжала на могилку, взяла песочек с ее могилки. С этим песочком я не расставалась. Зашила в мешочек и носила на груди, даже в больнице. Была операция. Рака груди не оказалось».

Т. Ю. Сдвижкова, Москва

«В 1995 году на Вербное воскресенье я была у Матронушки на могилке. Вроде бы ничего не просила, но она сама знала, что мне нужно. Я долгое время не работала. И мы с дочкой не имели средств для жизни. По приезду домой мне тут же предложили место там, где раньше отказали».

Ольга Черкаева, Саранск, Мордовия

«Я хочу рассказать о чудесной помощи и поддержке блаженной старицы Матроны Московской. Моего мужа пырнули ножом в живот на автостоянке примерно в 15.30. Все, кто был рядом, убежали за преступником, он остался один. Подошел к своей машине, закрыл ее. Увидел, что въезжают на стоянку «жигули», попросил водителя заехать за мной домой, т. к. стоянка недалеко от нашего дома. Я очень испугалась! Рядом, через два квартала, находится станция «Скорой помощи», доехали туда. Быстро пересадили мужа в машину «скорой помощи», он еще мог передвигаться сам, живот держал руками. Машина ехала очень быстро и по встречной полосе в том числе.

Я все время молилась блаженной Матроне, Царице Небесной, Господу.

В приемной больницы оформили документы быстро, очереди не было, сделали рентген, промывание желудка и отвезли около 18.00 в операционную. Оказалось ранение брыжейки, тонкого кишечника, сосудов, потерял много крови. Операция прошла успешно.

С Божией помощью и благодаря врачам все лечение прошло благополучно.

Благодарю Бога, Царицу Небесную и блаженную Матрону за ежедневную помощь нам и заступничество. Дважды была у мощей блаженной Матроны в Москве. И если Господь позволит, буду ездить каждый год.

Матронушка, моли Бога о нас».

Многогрешная раба Божия Наталья Никуленко, Саратов

«Мой отец, Ниделько Николай Антонович, 26 августа с инсультом в тяжелом состоянии попал в больницу. Маме врачи сказали, чего следует

ожидать: либо смерть, либо полный паралич, либо частичный паралич. В тот же вечер я зажгла матушкину свечу. Стала просить Николая Угодника и матушку отмолить папины грехи. На следующее утро папу перевели из реанимации. Потом в Склифе ему провели обследование. Выяснилось, что сосуды головного мозга совершенно здоровы».

Ольга Николаевна Садовникова, Москва

«Я жила много лет одна с ребенком, без мужа. Было мне очень тяжело, и я просила Господа послать мне хорошего мужа. 9 ноября 1995 года я пришла в очередной раз на могилку к Матроне, положила голову на могилку. А в душе был крик: «Да будет ли у меня когда-нибудь муж?!» И вдруг услышала ясный женский голос: «Не пройдет и двух месяцев, как все будет». И в канун праздника иконы Божией Матери я встретила своего будущего мужа. Через три дня после знакомства он сделал мне предложение. Матронушка сделала меня счастливой».

Ольга Викторовна Л-ва, Москва

Москва. Царицыно, где святая Матрона исцелила дочь генерала

«Про матушку Матронушку я узнала одиннадцать лет назад. Дочь принесла маленькую книжечку про Матрону. Я ее прочитала и сразу поверила в ее помощь. Перечитывала ее много, много раз и очень радовалась за людей, которым она помогала. Потом мы с дочкой ездили на кладбище два раза и поехали еще в третий раз, но ее уже там не было, ее подняли.

Два раза я с дочкой была в Покровском ставропигиальном женском монастыре, где покоятся ее мощи. Я живу в Казани, а дочка в Люберцах, как я приезжаю к дочке – мы с ней едем поклониться Матронушке. Я молюсь и прошу матушку Матронушку помолиться Господу нашему Богу за меня и моих близких, детей, внуков. И она слышит и помогает.

У меня в правом ухе, как я начинала его чистить, был очень неприятный шум, как будто бы шумела очень жесткая шуршащая бумага или шуршащий пакет. Я помазала Матронушкиным маслом от неугасимой лампы – и сразу же все прошло. И в правом глазу, в самом уголке к носу, выросла у меня какая-то шишечка, как бородавка, и она выросла с чечевичку и все

росла, ее я мазала много раз и читала акафист – и прошло. Над левой бровью шелушилась кожа, я тоже мазала маслицем – и все прошло.

После пошла удалять зуб коренной, самый дальний, нижний, стоматолог меня напугала, мол, крепись, зуб сложный. На прием пошла – помолилась Матронушке и там про себя молилась. Сижу, врач стала удалять, послышался треск, думаю, раскололся зуб и сейчас будет выколачивать по частям, а она и говорит: «Все, бабуля». Я и опомниться не успела. Не болел и потом, после удаления. И еще очень много я получала помощи по Матронушкиной молитве. Мне иногда стыдно к ней так часто обращаться, стыдно самой себя. Прошу у нее прощения за то, что так часто ее беспокою, ведь нас у нее так много. Большое спасибо Господу Богу, что дал нам таких заступников.

Благодарю матушку Матрону, что помогает, не отказывает.

Первую икону Матронушки у нас в Казани я увидела в храме Иоанна Предтечи. Хожу, ставлю свечи, молюсь.

Если что не так, простите меня, с уважением к вам».

Раиса Алексеевна Жалина, Казань

«Мы с мужем шесть лет жили вместе и не имели детей. Брак наш был невенчаный. Когда узнали про матушку Матрону, приехали на ее могилку и попросили, чтобы она своими молитвами устроила нашу жизнь. И сразу же получили от нее помощь. Прежде всего она вразумила нас обвенчаться. А вскоре у нас родился сын».

Елена и Георгий, Москва

«Меня выбрали директором православной гимназии. Местные власти отказывали нам в помещении. Обращались и в Московскую думу, и в Государственную – не помогло. Тогда собрались с детьми, записавшимися в гимназию, и с их родителями на Даниловском кладбище и отслужили панихиду на могиле блаженной Матроны. Через неделю получили распоряжение за подписью префекта о том, что гимназии выделяются три квартиры. На бумаге значилась дата принятия решения – тот самый день, когда мы служили панихиду на могиле блаженной Матроны».

Диакон Валерий Бахтеров

«Радуйся, к покаянию нас призывающая, радуйся, за все благодарить Господа нас научающая» – так мы читаем в акафисте святой блаженной матушке Матронушке. Так произошло и в моей жизни. Я, грешный семнадцатилетний Антоний, не знавший Бога, приехал в Москву обогатиться, заработать побольше денег, а получил взамен по молитвам Московской чудотворицы обогащение в Боге.

Получаю известие от домашних о болезни моей мамы – врачи бессильны. Стал метаться в поисках помощи. Советы разные: одни говорят – к гадалкам, другие – к матушке Матроне. Выбираю последнее – иду к святой Матроне, без крестика, но с верой и по вере верующих людей. Матушка меня сразу приняла, без очереди, мне уже потом объяснили, что, если я так прохожу, значит, она меня принимает. Сразу писал записочки и клал под раку, а душой просил всегда своими словами. Говорил ей, как живой, так: «Матушка, ты же знаешь, что у меня за скорбь, Ты одна мне можешь помочь». После я начал понимать, что исцеление

происходит со мной, я как переродился. Перестал ругаться, пить, бросил дурную компанию. Через время моя мама тоже исцелилась молитвами моей молитвенницы матушки Матронушки. Было еще не одно чудо, когда я чувствовал заступление и молитву матушки. Так, моя подруга хотела поступить учиться в медицинский институт, но, не имея средств учиться платно, просила подсказать, что ей делать. И мы решили, что лучше всего пойти вдвоем и попросить помощи у матушки Матроны. Просили своими словами, она говорила, что нет денег, а хочет учиться. Я говорил, что много врачей не умеют лечить, а она имеет большое желание и станет хорошим специалистом. Просили перед каждым экзаменом и после них, ожидая результата. Екатерина, так зовут мою подругу, подумывала, что не поступит, ведь проходной балл был выше. А когда поступила, то поняла – милости у Бога больше, чем все эти знания. Теперь каждый зачет и экзамен сдает только по благословению матушки. Я живу дома, работаю, хожу в храм и также верю в молитву матушки. Даже здесь, на Украине, она помогает мне и не дает впасть в уныние от моих грехов. Письмо с опозданием в целый год, все не мог собраться, да простит меня великая Божия святая и помолится о всех нас».

Раб Божий Антоний

«Приехала я в Москву в октябре 1994 года. Поступила в Свято-Тихоновский Богословский институт, но очень трудно было устроиться с жильем. За месяц сменила три квартиры, и нигде не могли принять меня надолго. Уже и к батюшке обращалась за помощью, даже после его благословения попытки устроиться на квартиру были неудачны. Наконец, поехала к Матронушке: «Матронушка, помоги!» На другой день пришла на службу в храм Всех Святых. После службы подходит ко мне священник (он знал о моих мытарствах): «Вот у нее будешь жить, у Матроны», – и подводит ко мне старушку. Я еще и не встречала-то человека с таким именем. Вот так помогла Матронушка. «Вот тебе квартира, а чтоб не сомневалась, что помощь от меня, вот тебе и Матрона!»

Шилаускене М., Клайпеда, Литва

«Матронушка помогает в семейной жизни:

- 1) Просили у Матронушки, чтобы беременность прошла нормально – и родился здоровый ребенок;
- 2) Матрона помогла мужу найти работу;
- 3) обвенчались с мужем;
- 4) Матрона вылечила сына, когда он не ел и не пил несколько дней;
- 5) когда сын поранился, помазали маслом – и зажило; Теперь вся семья любит Матронушку.

Я, раба Божия Ксения, хотела бы рассказать о том, как блаженная матушка Матронушка помогает нам.

Первый раз мы приехали с мужем к Матронушке, ожидая нашего первого ребенка. Беременность протекала тяжело, постоянно с угрозой прерывания. После того как я приложилась к мощам святой праведной Матронушки, я ощутила необыкновенную благодать и благоухание неземное и поняла, что Матронушка не оставит меня.

Но мы слепые котятка неверующие, я опять приехала через месяц, на восьмом месяце беременности, с тем же вопросом, и Матронушка обдала

меня холодом за мое неверие и недоверие. И тут я поняла, что она все время рядом, все время помогает мне, с первой минуты, как мы к ней пришли. Прости меня, родная моя, за слепоту душевную. Роды прошли отлично, родился мальчик Всеволод 21 сентября, в Рождество Пресвятой Богородицы. Спасибо тебе, родная наша Матронушка.

Через шесть месяцев после рождения сына у мужа начались перебои с работой, мы начали жить очень тяжело, денег не было. В нашу жизнь стала вмешиваться моя свекровь, они только что переехали жить в Подмоскowie из Кишинева. Отношения с мужем были очень тяжелые, мы были на грани развода, вот тогда мы опять поехали к Матронушке. Муж просил работу, а я просила мира в семье. После нашего ухода от Матронушки муж стал добрым и внимательным, как бы преобразился чудесным образом, а я во второй раз почувствовала это благоухание и благодать Божию, когда прикладывалась к мощам Матронушки. Я поняла, что все будет хорошо, отмолила нас родная наша. Муж через две недели нашел работу недалеко от монастыря, где лежит Матронушка, да высокооплачиваемую и интересную. Мы никак не могли ожидать такого после годового поиска работы. С тех пор матушка Матронушка наш член семьи, мы ее любим и благодарим за все, что она делает для нас.

Если можно, я расскажу еще о чудесах матушки для нашей семьи.

Прошло два года после рождения Севочки, и мы решили обвенчаться. По молитвам Матронушки наш брак после десятилетнего срока стал заключен и на Небесах перед Богом. Спасибо тебе, родная наша, за то, что отмолила нас после стольких испытаний и ругани.

У нас был болен ребенок, долго не могли вылечить его, он не ел и не пил несколько дней и даже не мочился. Муж поехал к Матронушке, и в то время, когда он просил за Севочку, Сева попросил отнести его в ванную и стал пить воду из-под крана и попросил колбаски. Мы были счастливы. Спасибо тебе, матушка!

Го д назад мы поехали отдыхать в Турцию, там наш Сева упал и пробил себе под губой насквозь дырку, кровь хлестала изо рта, не останавливаясь.

Я налила ему в рот Матронушкино масло (всегда его беру с собой) – и кровь сразу же остановилась. Дивен Бог во святых своих.

Очень плохо заживала рана (была жара), ребенок был в шоке. У меня было ощущение, что я оторвана от связи с Богом на чужой земле. Но тут я явно услышала, как Николай Чудотворец сказал: «Читай мне». Я стала читать ему молитву несколько раз в день – и рана стала заживать, оказалось, что рядом был затопленный город, в котором жил Николай Чудотворец.

Но там произошло еще одно чудо. Я читала молитву иконе Божией Матери «Нечаянная радость», и вдруг вспоминаю, что при переселении в другой номер несколько дней назад мы забыли пакет с обувью, в которой прилетели, в старом номере гостиницы. Я сразу же побежала вниз, в старый номер, там убирались пять человек турок (номер был 7 м²). Я стала объяснять, что мы забыли обувь, три пары, на английском языке. Турки стали говорить, что они не понимают, о чем речь, и никаких ботинок они не видели. Я, расстроенная, выхожу из нашего старого номера и вижу: задник ботинка моего мужа торчит из-под грязного белья на тележке для уборки номеров. Я стала поднимать белье, там лежала вся наша обувь. Я поднялась наверх, все рассказала мужу (он спал), муж побежал вниз, чтобы персонал был наказан

за присвоение чужих вещей. Но никого не было в номере. Мы поняли, что Божия Матерь нам вернула обувь, т. к. в Москве было холодно, а обувь была теплой, так бы пришлось от аэропорта ехать в босоножках. Недаром ее звали «Нечаянная радость».

С отдыха мы вернулись и узнали, что у нас будет второй ребеночек, наш маленький Арсюша. Спасибо Господу Богу и нашим святым за такой подарок.

Еще матушка Матронушка помогла нам купить квартиру, о которой мы могли только мечтать. Мы с мужем ездили мыть машину, а рядом располагался большой красивый жилой комплекс «Янтарный». Мы любовались им, но понимали, что нам здесь не жить (а мы как раз искали себе квартиру). Только мы отъехали от красивого комплекса, как я говорю мужу, что знаю, где занять денег на такую квартиру. В этот же день вопрос был решен, нам дали в долг денег – и мы купили в этом комплексе прекрасную трехкомнатную квартиру. О таком чуде мы и не мечтали.

Спасибо тебе, матушка Матронушка. Мы будем стараться вырастить наших детей в любви к Богу и в почитании тебя, родная наша, и всех святых. Матушка всегда с нами, каждую минуту она смотрит на нас и, если мы нуждаемся, всегда помогает нам.

Низкий поклон тебе, родная наша матушка, не оставь и не дай отступиться».

Раба Божия Ксения и вся семья: муж Игорь, сын Арсений, сын Всеволод, Москва

«Как-то на Черкизовском рынке я выронил портмоне, в котором были ключи, в том числе от машины, водительские права, документы и копеечка от могилы блаженной Матроны. Как потом выяснилось, эту копеечку тайно вложила моя сестра, желая, чтобы, по молитвам блаженной Матроны, у нас в семье деньги не переводились. В тот день был ливень. Пропажка обнаружилась дома, что доставило всем членам семьи величайшее огорчение. Не было никакой надежды найти эти вещи, а если бы они и нашлись, то документы после такого ливня должны были прийти в полную негодность. Моя деятельность оказалась парализованной, а семья – обреченной на нужду.

Сестра, как могла, успокаивала меня. На следующее утро поехал я «своим ходом» на Черкизовский рынок. Помню, сестра всунула мне в карман какую-то книжку и сказала: «Помолись Матроне, она поможет». Тогда я ее словам не придавал никакого значения, к тому же и не знал, что значит «молиться», да и опыта такого не было.

В электричке вспомнил про книгу. Это была книжечка о блаженной Матроне. Начал читать и не заметил, как доехал до Москвы – так увлекла меня книга. От прочитанного вселилась непоколебимая уверенность, что блаженная Матрона непременно поможет. Узнав из книги о месте ее захоронения, я стал расспрашивать прохожих, где находится Даниловское кладбище. Еще раз поискал пропажу на Черкизовском рынке. Все мне говорили: зря ищешь, разве мыслимо найти здесь потерянные вещи. Я был близок к отчаянию.

Ноги сами направились в сторону Даниловского кладбища. Время было дообеденное. Как я нашел могилу, сейчас уже не вспомню. Помню

только, как, припав к могиле, от всей души начал просить Матрону помочь мне в горе. Никогда и впоследствии не молился я так горячо, как тогда. Ушел с полной уверенностью в том, что блаженная Матрона поможет мне.

Время близилось уже к вечеру. Подхожу к Черкизовскому рынку. У ворот подходит ко мне незнакомый человек и протягивает мое портмоне со словами: “Не ваши ли это документы?”. Все документы были в целости и сохранности, ничуть не пострадав от ливня. Только вот “копеечки от Матроны” не оказалось».

Раб Божий Михаил

Москва. Храм Св. Николая на Никольямской улице. В доме о. Василия жила блаженная Матрона

Как проехать к могиле святой праведной Матроны

Даниловское кладбище

Адрес: г. Москва, 4-й Рощинский проезд, 30.

Даниловское кладбище в Москве основано в 1771 году во время эпидемии чумы. В 1832 году взамен обветшавшей деревянной церкви на средства Семена Лепешкина построен храм Сошествия Святого Духа (архитектор Ф. И. Шестаков). К юго-западу от него находится церковь Николая Чудотворца на Даниловском кладбище, освященная в 1901 году.

Матушка Матрона погребена была 4 мая на Даниловском кладбище, она хотела лежать у кладбищенского храма, чтобы слышать службу. Матушка Матрона была захоронена на этом месте до 2000 года, когда ее мощи были перенесены в Свято-Покровский монастырь на Таганке.

Могила Матронушки на Даниловском кладбище является местом паломничества. Над могилой возвышается небольшая часовенка. Как рассказывают работники кладбища, они заметили удивительную примету «святости» этой почитаемой могилы: там обычно сидит кругом много птиц, как правило, голубей, и совершенно не боятся людей – клюют корм с ладони, садятся паломникам на руку, на плечо и т. п.

До Даниловского кладбища на могилу Матроны Московской можно доехать несколькими способами:

1. Ст. м. «Тульская», далее пешком (15 мин).
2. Ст. м. «Шаболовская», далее на трамвае № 26 до остановки «Даниловское кладбище».
3. На автомобиле по Духовскому переулку проехать до ворот Даниловского кладбища.

Способ № 1.

Ст. м. «Тульская». Первый вагон из центра, после турникетов налево, выйти наверх и идти в сторону эстакады 3-го транспортного кольца (видны его развязки, пройти под одним, потом под другим съездом (мостом), затем спуститься в подземный переход, в переходе на первой развилке повернуть направо, идти до конца, подняться наверх по левой лестнице. Далее прямо по тротуару вдоль 3-го транспортного кольца до перекрестка. Перейти дорогу. Слева – угол Духовского переулка, увидите небольшое отдельно стоящее здание и указатель «Духовской переулок». Идти метров 300 по этому переулку, вход на кладбище виден издали (желтый забор). Метрах в ста от кладбища пересечь трамвайные пути, здесь ходят трамваи до м. «Тульская» (остановка слева) и до м. «Бабушкинская» (остановка справа). Перед входом на кладбище справа будка охранника. Пройти через ворота, справа здание и образцы надгробных камней, впереди церковь (здание желтого цвета). Пройти здание, направо аллея. Пройти вперед метров десять, будет указатель к Матроне, направо. Повернуть и через пять метров подняться к могиле Матроны Московской. Ошибиться и не увидеть могилу невозможно, она напоминает маленький склеп и возвышается над другими могилами. От входа на кладбище до могилки метров семьдесят. Обычно там дежурит охранник и находится женщина, ухаживающая за могилой. На могиле имеется емкость с песком. Песок с могилы Матроны обладает чудодейственными свойствами и часто используется верующими.

Способ № 2.

От ст. м. «Шаболовская»: на трамвае № 26 до остановки «Даниловское кладбище». Как найти могилку Матроны на Даниловском кладбище, см. выше.

Способ № 3.

Проезд на автомобиле. При движении по 3-му транспортному кольцу: Съезд с эстакады 3-го транспортного кольца на Малую Тульскую улицу. Далее повернуть налево, по Духовскому переулку проехать до ворот Даниловского кладбища. Как найти могилку Матроны на Даниловском кладбище, см. выше.

При движении из центра: Ехать по улице Люсиновская, мимо Даниловского рынка, до эстакады 3-го транспортного кольца. Перед эстакадой повернуть направо, доехать до перекрестка. По Духовскому переулку проехать до ворот Даниловского кладбища. Как найти могилку Матроны на Даниловском кладбище, см. выше.

При движении в центр: По Каширскому или Варшавскому шоссе проехать до пересечения с ул. Серпуховской Вал, развернуться в сторону области. Перед эстакадой 3-го транспортного кольца повернуть направо, доехать до перекрестка. По Духовскому переулку проехать до ворот Даниловского кладбища. Как найти могилку Матроны на Даниловском кладбище, см. выше.

Как проехать к мощам святой праведной Матроны

Адрес: 109147, Таганская ул., 58. Покровский ставропигиальный женский монастырь у Покровской Заставы

Тел./факс: (495) 911-49-20, 911-81-66.

Покровский ставропигиальный женский монастырь у Покровской Заставы в Москве был основан в 1635 году царем Михаилом Феодоровичем. Тогда монастырь назывался «Покрова на убогих домах». Царь пожаловал на строительство обители семнадцать четвертей земли. До этого здесь, за окраиной Москвы, находилось кладбище для погребения бездомных, бродяг и казненных. Покровская деревянная церковь существовала до основания монастыря и была приходской.

В 1808 году на месте обветшавшего храма был построен каменный монастырский собор. Храм во имя Всех Святых с трапезной палатой был построен в 1792–1798 годах на месте обветшавшего храма 1682 года, а в 1854–1855 годах полностью перестроен и переосвящен. В 1799 году была построена трехъярусная колокольня. Стены и ворота 1833–1853 годов. С 1680 по 1731 год был приписан к Заиконоспасскому монастырю. С 1751 по 1776 год в монастыре помещалась Духовная семинария. В 1812 году обитель подверглась разорению. Потребовалось несколько лет, чтобы монастырь оправился от причиненного урона.

К началу XX столетия в монастыре имелось два храма: Воскресенский и Покровский, четыре часовни в разных уголках Москвы, каменная шатровая колокольня с восемью колоколами и боевыми часами. Монастырь был обнесен каменной оградой; по углам ограды пять четырехугольных башен. К монастырю были приписаны две богадельни, также действовала церковно-приходская школа-пансион для мальчиков.

В послереволюционный период в 1926 году была взорвана колокольня, затем закрыли Покровский храм, снесены часовня и могильные памятники; в 1929 году был закрыт Воскресенский храм. На месте кладбища устроен существующий и по сей день парк культуры и отдыха. Около семидесяти лет в зданиях храмов и монастырских корпусах располагались тресты, конторы, банки, спортзал.

В 1994 году Священный Синод Русской Православной Церкви принял решение о обновлении Покровского монастыря в качестве женской монашеской обители. Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II были освящены все девять приделов монастыря. В 2002 году им также была освящена воссозданная колокольня. В 2004 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II был открыт монастырский детский приют для девочек.

Храмы:

Покрова Пресвятой Богородицы, двухэтажный с шестью приделами: в верхнем ярусе центральный – Покрова Пресвятой Богородицы, правый – апп. Петра и Павла, левый – Свт. Николая; в нижнем ярусе центральный – свт. Ионы, митр. Московского, правый – прп. Иллариона Великого и левый – прп. Нила Столобенского.

Воскресения Словущего с приделами: центральный – Воскресения Словущего, правый – св. прав. Матроны Московской, левый – Тихвинской иконы Божией Матери.

Покровский женский монастырь открыт для посещения:

в будни – с 07.00 до 20.00,

в воскресные дни – с 06.00 до 20.00.

Доступ в храм к мощам также до 20:00.

Доступ к иконе Матроны на улице (за иконой через стену мощи Матроны) – до последнего посетителя (главное, успеть зайти на территорию монастыря до 20.00).

Как пройти к мощам, минуя очередь: охраннику у выхода из храма, где хранятся мощи, сказать, что пришли на работу. Зайти в комнату для персонала и предложить свою помощь. Выдают фартук, платок и объясняют, что надо делать: это служение равносильно молитве. Работать два часа в основном «на свечах» или «на цветах». После к мощам проводят без очереди.

Богослужения совершаются ежедневно:

Вечерня. Утренняя – 17.00

Часы. Божественная литургия – 07.30

В воскресенье

ранняя литургия – 06.15

поздняя литургия – 09.00

В 19:00 у мощей Тропарь Матроне (прикладываться к мощам на это время не пускают)

В 20:00 насельниками осуществляется крестный ход.

В День тезоименитства святой праведной блаженной Матроны Московской служба будет совершаться:

21 ноября 16.45 всенощное бдение

22 ноября ранняя Божественная литургия, водосвятный молебен – 00.00 поздняя Божественная литургия – 9.00

С 21 ноября на 22 ноября монастырь и доступ к мощам святой блаженной Матроны Московской открыты всю ночь.

Ближайшие станции метро:

«Марксистская», «Таганская», «Площадь Ильича», «Римская».

Как проехать или пройти от ближайших станций метро:

До Покровского монастыря можно дойти пешком за 8–10 мин:

от ст. м. «Марксистская» – по ул. Таганская на троллейбусах № 16, 26, 63; от ст. м. «Площадь Ильича» или ст. м. «Римская» при желании можно доехать на трамваях № 12, 8, ост. «Абельмановская застава».

На территории монастыря запрещается:

- курить и употреблять какие-либо напитки;
- вести фото– и киносъемку;
- громко разговаривать, смеяться, приводить с собой животных;
- появляться в нетрезвом состоянии;
- сквернословить;
- входить в храм с включенным мобильным телефоном;
- приходить в шортах, майках; женщинам в коротких юбках, брюках, без головного убора.

Храм-часовня в честь святой праведной блаженной Матроны Московской возведен на пересечении Варшавского шоссе и МКАД с внешней стороны дороги в районе 33 км.

Проезд:

Ст. м. «Красногвардейская», автобус № 37.

Ст. м. «Теплый Стан» до остановки «Гостиница “Солнечная”».

Вкладка

Андрей Рублев. Троица

Преподобный Андрей Рублев. Икона XX в.

Неизвестный художник. Вид Киево-Печерской лавры

Покров на раку Сергия Радонежского

Сергий Радонежский с житием

Сергий Радонежский. Первая треть XVIII в.

Митрополиты Петр, Алексий, Иона. Конец XVII – начало XVIII в.

Русская рать и татарское войско сошлись в устье Непрядвы. Летописный свод XVI в.

Благодарный Великий Князь Димитрий Иоаннович шлет дары монастырю и игумену святому Сергию. Летописный свод XVI в.

Сергий Радонежский с житием. Ок. 1680 г.

Битва на Куликовом поле. Фрагмент иконы «Сергий Радонежский с житием». Ок. 1680 г.

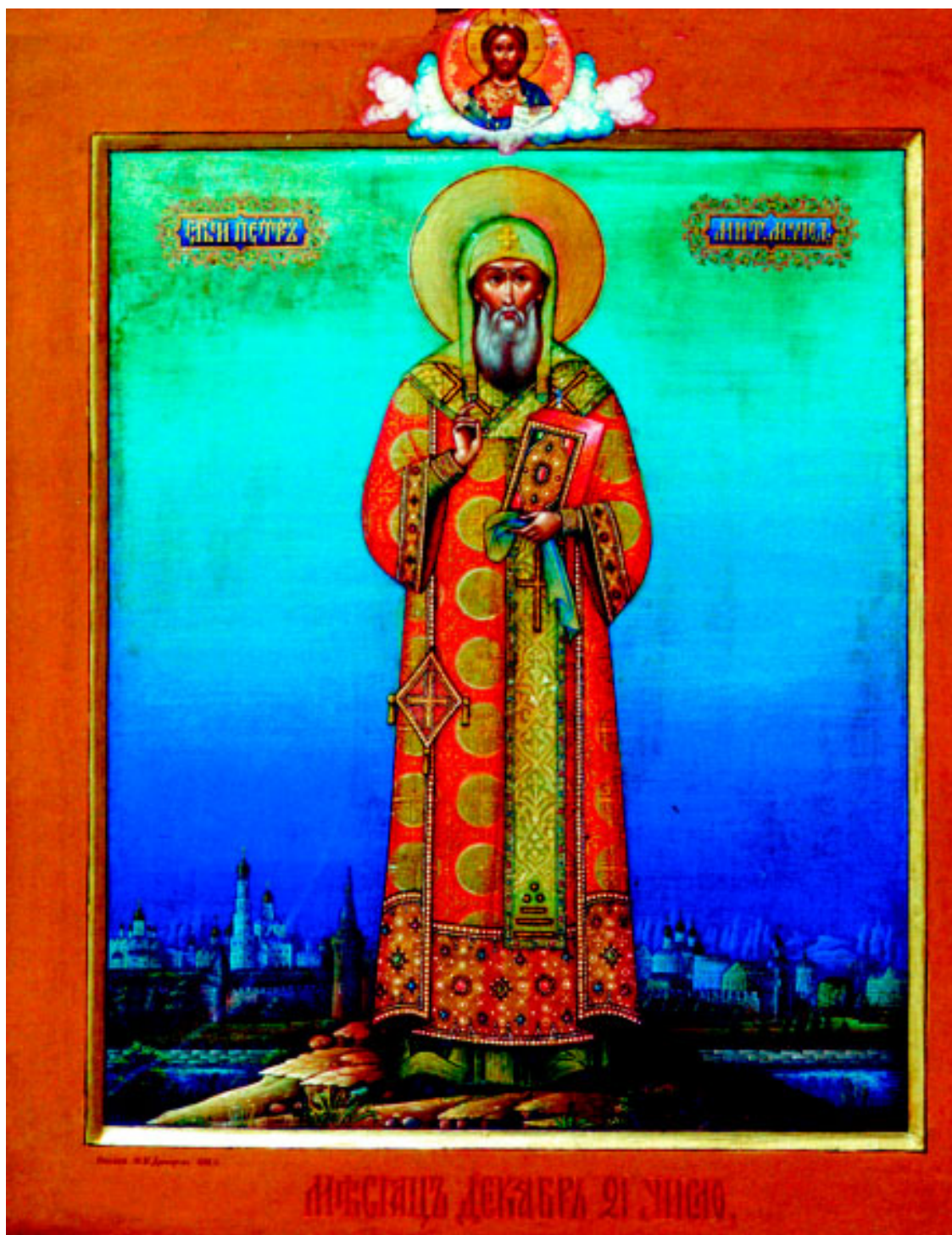
Дионисий. Митрополит Петр с житием. XV в.

Митрополит Петр. Первая четверть XV в.

Истома Савин. Митрополит Петр с житием. Начало XVII в. Икона из Чудова монастыря Московского Кремля

Михаил Дикарев. Святой митрополит Петр. 1901 г.

Св. Сергей Радонежский из деисусного чина XVII в.

Св. Сергей Радонежский из деисусного чина XVIII в.

Сергий Радонежский 1669 г.

М. Нестеров. Видение отроку Варфоломею

М. Нестеров. Юность Преподобного Сергия

М. Нестеров. Преподобный Сергей Радонежский

Святой Сергей Радонежский. Вторая половина XIX в.

Явление Сергия Радонежского Василию Грязнову. Конец XIX – начало XX в.

Явление Богородицы Сергию Радонежскому. Середина XVII в.

Вид Троице-Сергиевой лавры. Литография 1910 г.

Георгий Зиновьев. Митрополит Алексий у Московского Кремля. Ок. 1690-х гг.

Мастерская Дионисия. Митрополит Алексей с житием. XV в.

Святитель Алексей, митрополит Московский. Литография 1867 г.

Митрополит Алексей. 1580 г.

Преподобные Андроник и Савва Московские

Преподобный Кирилл Белозерский. Пелена 1548 г.

Дионисий. Кирилл Белозерский. Начало XVI в.

Святой Кирилл Белозерский. XVII в.

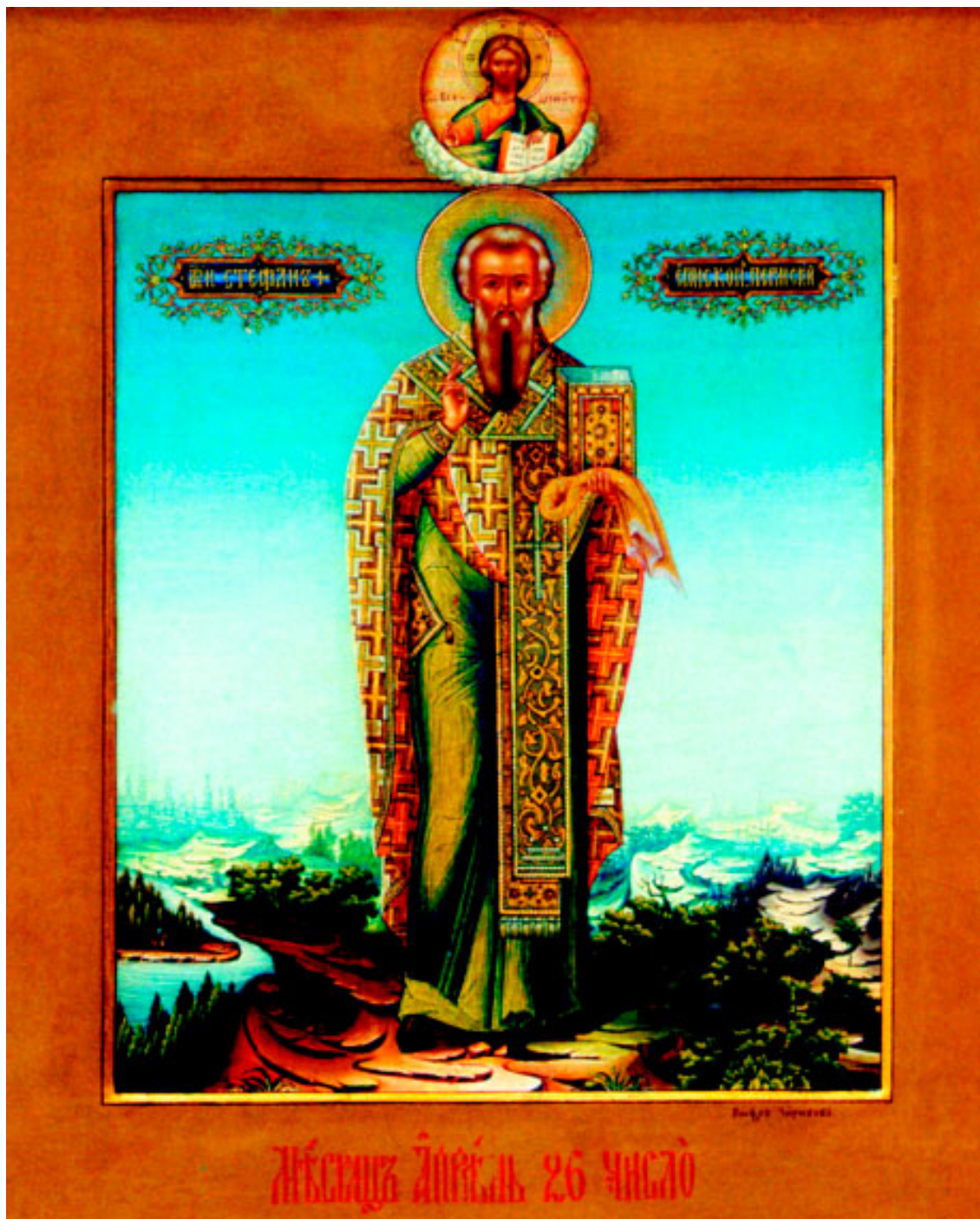
Преподобный Стефан Махрицкий. Литография 1892 г.

Святитель Киприан, митрополит Московский. Фрагмент хоругви

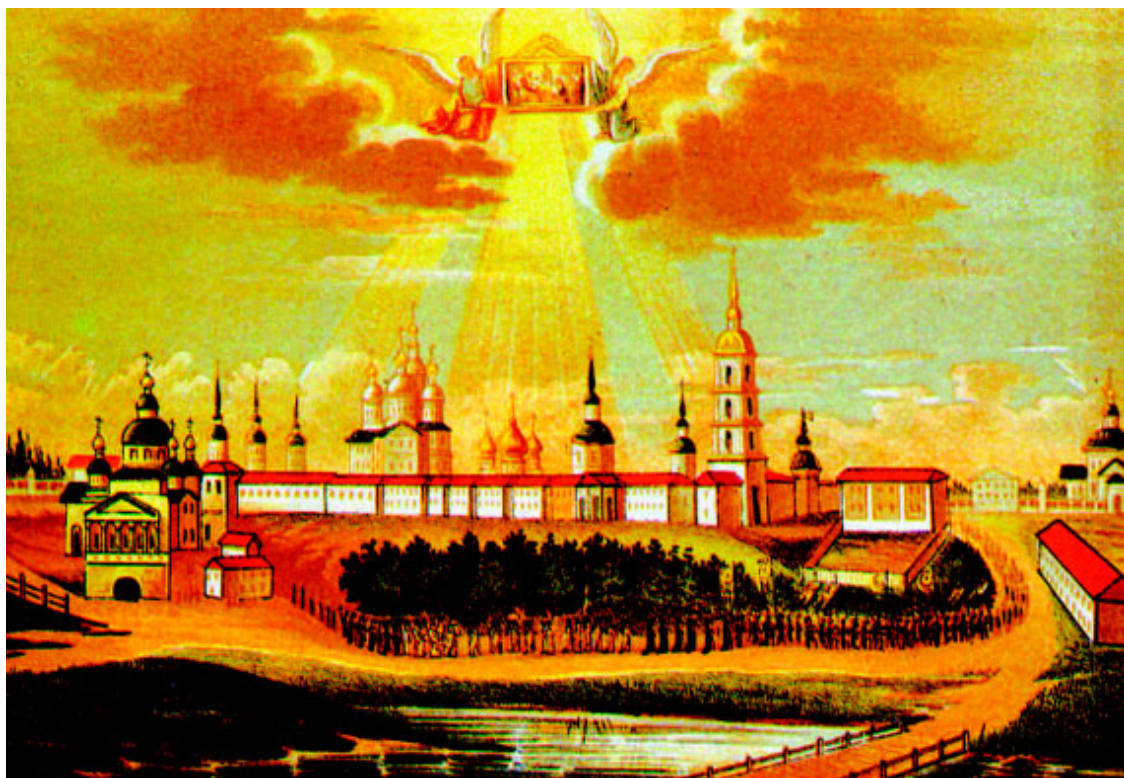
Святой Стефан Пермский с житием. Конец XVI в.

Святой Стефан Пермский. XIX в.

Святитель Стефан Пермский с деисусом и святыми на полях. 1717 г.

Вид Саровской пустыни. Литография

Преподобный Серафим кормит медведя. Литография 1903 г.

М. Маймон. Император Александр I у Серафима Саровского

Блаженная Ксения Петербургская. Народная картина XIX в.

Святая Матрона Московская. Икона XX в.

В. Кунин. Взыскание погибших. Келейная икона матушки Матроны